This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 155 536

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

Рахиль Б. Ландау.

ІЕЗУИТЫ

ихъ исторія, ученіе, организація и практическая дѣятельность въ сферѣ общественной жизни, политики и религіи

СОСТАВИЛЪ

Ж. Губеръ

Профессоръ Мюнхенскаго Университета.

ПЕРЕВОДЪ СЪ 6 ИЗДАНІЯ

В. И. Писаревой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе Ф. Павленкова.

1898.

LOAN STACK

„Центральная“ Типо-Литогр. М. Я. Минкова, Спб., 3 Рождеств., 7.

ВХ 37
Н 27
К 12

ГЛАВА I.

Основаніе и общій характеръ ордена.

Въ мартѣ 1522 года, въ знаменитой церкви Монсерратскаго аббатства, передъ чудотворной иконой Пресвятой Богородицы, появился одинъ испанскій кавалеръ. Отдавъ свою богатую одежду нищему, онъ облекся въ рубище кающагося, и, подобно оруженосцу, ожидающему посвященія въ рыцари, онъ провелъ всю ночь въ бдѣніи и молитвѣ. Со слезами умиленія и съ глубокимъ энтузіазмомъ онъ принесъ Христу и Его Пречистой Матери обѣтъ совершить путешествіе въ Іерусалимъ для обращенія невѣрныхъ. Послѣ продолжительной молитвы, онъ повѣсилъ свой мечъ и кинжалъ надъ алтаремъ и предался размышленіямъ о своемъ дальнемъ путешествіи.

Этотъ кающійся былъ донъ-Иннигo Лопесъ де-Рекальде. Онъ родился въ 1491 году, въ замкѣ Лойола, въ провинціи Гвипускоа и принадлежалъ къ одному изъ самыхъ древнихъ аристократическихъ родовъ Испаніи. Въ ранней юности онъ былъ пажемъ при королевскомъ дворѣ, а достигнувъ рыцарскаго званія, онъ совершалъ военные походы, исполнялъ различныя придворныя обязанности и, подобно всѣмъ людямъ своего положенія, велъ бурную жизнь, полную разгула страстей и разнообразныхъ приключеній. Когда Карлъ V поручилъ ему защиту Пампелуны, главнаго города Наварры, отъ французовъ, онъ сдѣлался главнымъ дѣятелемъ обороны этой крѣпости; но, не смотря на геройскія усилія, ему не удалось спасти городъ отъ непріятеля. Послѣ блестящей побѣды французовъ, Лойола былъ вынужденъ запереться въ цитадели съ остатками своего отряда, а когда непріятель пробилъ брешь, то полководецъ, съ безпримѣрною храбростью, бросился на встрѣчу вторгавшемуся врагу во главѣ своихъ истощенныхъ войскъ; онъ былъ тяжело раненъ осколкомъ ядра въ лѣвую ногу. Послѣ жестокихъ страданій, онъ не былъ вполнѣ исцѣленъ: неправильно сросшуюся ногу пришлось снова

сломать; подъ колѣнной чашкой образовался костяной наростъ, а такъ какъ Лойола не былъ въ состояніи примириться съ такимъ уродствомъ, то онъ приказалъ отпилить себѣ ногу и остался калѣкой на всю жизнь.

Во время продолжительныхъ страданій, Лойола постепенно отрѣшался отъ мірской суеты: золотыя мечтанія и всѣ обольщенія свѣтской жизни померкли въ его глазахъ, потеряли свое прежнее обаяніе, и онъ началъ стремиться къ болѣе возвышенной цѣли, къ болѣе реальной, разумной дѣятельности. Читая еще въ раннемъ дѣтствѣ Священное Писаніе, онъ привыкъ поклоняться героическому мужеству апостола Петра; ему онъ приписалъ теперь свое выздоровленіе и потому сталъ питать къ нему чувства благоговѣнія и благодарности, проникнутой особеннымъ энтузіазмомъ. Постоянная мысль о великихъ подвигахъ апостола пробудила въ душѣ Лойолы новыя силы, и въ немъ совершился глубокій нравственный переворотъ, благодаря одной легендѣ о Святомъ Петрѣ, которая попалась ему подъ руку во время его болѣзни въ числѣ другихъ книгъ. Лойола сталъ мечтать о поприщѣ, похожемъ на поприще апостола, и со всѣмъ энтузіазмомъ своей рыцарской души онъ рѣшился посвятить остатокъ своей жизни подвижничеству.

Такимъ образомъ, черезъ немного лѣтъ послѣ Лютера, объявившаго войну папству и римской церкви, явился человѣкъ, которому было суждено вооружить противъ протестантизма самую могучую духовную армію и одержать надъ нимъ не одну побѣду. Весьма вѣроятно даже, что блестящій испанскій царедворецъ задумалъ основать свой новый орденъ въ тотъ самый годъ, когда монахъ Лютеръ писалъ свои страстныя обличенія противъ монашеской жизни. Въ тотъ моментъ Лойола безъ сомнѣнія не зналъ еще имени Лютера, и даже черезъ девять лѣтъ спустя онъ, повидимому, не слѣдилъ съ особеннымъ интересомъ за религіознымъ движеніемъ въ Европѣ и Германіи. Предаваясь благочестивымъ размышленіямъ, молитвѣ и умерщвленію плоти, Лойола старался отвратить свою душу отъ мірскихъ интересовъ, очистить и укрѣпить ее для великаго дѣла своей миссіи. Появленіе чумы заставило его отложить свое паломничество въ Палестину, и онъ воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы отправиться въ Маврезу. Тамъ онъ жилъ среди больныхъ и нищихъ, совершая подвиги христіанскаго милосердія, и подобно Франциску Ассизскому и Джакополе, облекся въ грязныя лохмотья, сдѣлался посмѣши-

щемъ дѣтей. Наконецъ, онъ удалился въ подгородную пещеру, чтобы, въ полной отчужденности отъ міра, предаться созерцанію и аскетическимъ подвигамъ. Въ душѣ его, искавшей спокойствія, прощенія и примиренія съ Богомъ, происходила жестокая внутренняя борьба; лишенія, которымъ онъ подвергалъ себя, истощили его организмъ; онъ впадалъ въ глубочайшее отчаяніе, видѣлъ себя на краю бездонной пропасти и порой имъ овладѣвалъ ужасъ, когда искуситель являлся ему въ видѣ ангела свѣта. Мрачныя видѣнія смѣнялись свѣтлыми, онъ впадалъ иногда въ экстатическое состояніе и тогда ему грезились отверстыя небеса, Пресвятая Троица, Христосъ и Божія Матерь, окруженные сонмами святыхъ и ангеловъ.

Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ всего пережитаго въ маврезской пещерѣ, Лойола составилъ свое знаменитое руководство къ подвижничеству. Планъ этого руководства возникъ у него въ Маврезѣ, и, подъ вліяніемъ своего мистическаго возбужденія, онъ считалъ это руководство откровеніемъ Святой Богородицы.

Вслѣдствіе внутренней борьбы, умерщвленія плоти и всякихъ лишеній, Лойола опасно заболѣлъ. Оправившись, онъ понялъ, что здоровье необходимо ему для исполненія задуманной имъ миссіи, и отрѣшился отъ слишкомъ строгаго аскетизма. Письмо Лойолы къ Франциску Борджіа (1548), который также предавался чрезмѣрному аскетизму, свидѣтельствуетъ о радикальной перемѣнѣ его воззрѣній на подвижничество. „Вы должны проникнуться мыслію,—писалъ онъ,—что душа и тѣло созданы однимъ и тѣмъ же Богомъ; онъ потребуетъ отъ насъ отчета за обѣ части нашего существа, а потому мы не должны ослаблять изъ любви къ Богу одну изъ частей этого существа. Мы должны лелѣять тѣло настолько, насколько оно является слугой души; покорность тѣла даетъ душѣ возможность служить Богу и прославлять Его. Вмѣсто того, чтобы бичевать себя до крови, возносите сердце ваше ко Вседержителю Вселенной, оплакивайте грѣхи свои и чужіе, созерцайте неисповѣдимыя тайны Господа нашего Іисуса Христа въ настоящей и будущей жизни, любите три Ипостаси Божества; ваши слезы будутъ тѣмъ драгоцѣннѣе, чѣмъ возвышеннѣе будутъ мысли, исторгнувшія ихъ изъ вашихъ очей».

Въ 1523 году Лойола прибылъ наконецъ, послѣ труднаго и опаснаго путешествія, въ Іерусалимъ и, въ качествѣ нищен-

ствующаго паломника, попросилъ гостепріимства у францисканцевъ. Они убѣдили его возвратиться въ отечество и, благодаря ихъ помощи, онъ снова очутился въ Италіи, а потомъ въ Испаніи. Тогда онъ принялся за науку. Будучи уже 33-хъ лѣтнимъ мужчиной, онъ сѣлъ въ Барселонѣ на школьную скамью вмѣстѣ съ юношами и сталъ изучать латинскій языкъ чуть не съ азбуки. Потомъ онъ изучалъ философію въ Алкалѣ и богословіе въ Саламанкѣ, живя доброхотными подаяніями, которыми дѣлился съ другими бѣдняками. Такъ какъ, въ свободное время, онъ давалъ уроки закона Божія дѣтямъ и простонародію, то инквизиція стала относиться къ нему подозрительно. Въ Алкалѣ и Саламанкѣ онъ былъ вызванъ въ инквизиціонное судилище съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей, его подвергли допросу и непродолжительному тюремному заключенію; но невинность его обнаружилась два раза и два раза его освобождали изъ тюрьмы. Это преслѣдованіе, которое онъ претерпѣвалъ во имя Христа, доставило ему глубокую душевную радость. Но тѣмъ не менѣе, Лойола пожелалъ избѣжать дальнѣйшихъ столкновеній съ инквизиціей и рѣшилъ поселиться въ Парижѣ для окончанія своего образованія. Тамъ онъ впалъ въ глубочайшую нищету и былъ снова вынужденъ просить подаянія. Но, несмотря на всѣ испытанія и заботы о собственномъ существованіи, онъ ни на минуту не терялъ изъ вида задуманную цѣль — основаніе ордена для обращенія невѣрныхъ; онъ съ необыкновеннымъ упорствомъ стремился къ исполненію своей задачи и постоянно вербовалъ для ордена даровитыхъ и просвѣщенныхъ молодыхъ людей, способныхъ служить идеѣ. Лойола привлекъ къ своему дѣлу савойца Лефевра, португальца Родригеса и испанцевъ Франциска Ксаверія, Лаинеса, Сальмерона и Бобадиллу, и 13 августа 1534 года они всѣ произнесли въ церкви св. Маріи Монмартрской торжественный обѣтъ совершить духовный крестовый походъ въ Палестину; если же этотъ планъ окажется неисполнимымъ, то они рѣшили всецѣло отдаться въ распоряженіе папы. Къ этому маленькому кружку присоединились еще французъ Жанъ Кодюръ и савоецъ Ле-Же.

Кончивъ курсъ наукъ, Лойола отправился въ Испанію для устройства частныхъ дѣлъ своихъ друзей, а потомъ всѣ съѣхались въ Венеціи въ началѣ 1537 года. Война республики съ турками заставила ихъ отложить путешествіе на Востокъ и въ то-же время сильное развитіе ереси, отвлекав-

шей отъ католической церкви цѣлыя массы вѣрующихъ, открыло имъ обширное поле дѣятельности на мѣстѣ.

Лойола и его друзья рѣшили продлить свое пребываніе въ Венеціи. Они усмотрѣли перстъ Божій въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя препятствовали имъ отправиться въ Палестину, и рѣшили, что само Провидѣніе указываетъ имъ другую задачу и направляетъ въ другую сторону ихъ усердіе и дѣятельность. Между тѣмъ папа одобрилъ планъ Лойолы и его друзей. Онъ самъ и тѣ изъ нихъ, которые еще не имѣли духовнаго сана, были посвящены въ священство и принялись съ необыкновеннымъ усердіемъ ходить за больными, преподавать законъ Божій дѣтямъ и темному люду и просвѣщать грѣшниковъ публичными проповѣдями; поприщемъ своей миссіонерской дѣятельности они избрали различные города венеціанской территоріи. Маленькая группа, сформировавшаяся вокругъ Лойолы, стала оказывать на народъ сильное вліяніе строгостью своихъ нравовъ и необыкновенною силою духа, съ которою каждый изъ ея членовъ выносилъ всякія испытанія и лишенія.

Въ концѣ года возникли новыя препятствія къ паломничеству въ Іерусалимъ, и вслѣдствіе этого Лойола и его друзья отправились въ Римъ, составили тамъ новый уставъ общества, которое назвали «Братствомъ Іисуса», и стали испрашивать у папы Павла III утвержденія новаго ордена. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, папа утвердилъ новый орденъ, однако съ условіемъ, чтобы число членовъ не превосходило 60 человѣкъ (17 сентября 1540 года). Впрочемъ, онъ самъ вскорѣ отмѣнилъ это ограниченіе.

Въ своемъ прошеніи къ папѣ, новое общество прибавило еще одинъ обѣтъ къ тремъ обычнымъ обѣтамъ—цѣломудрія, бѣдности и послушанія. Общество клялось «посвятить свою жизнь неустанному служенію Христу и папамъ, бороться подъ знаменемъ креста, не признавать никакой другой власти, кромѣ власти Господа и римскаго первосвященника, намѣстника Господня на землѣ; оно обязывалось безропотно и слѣпо повиноваться папѣ и его преемникамъ во всемъ, касающемся спасенія душъ и распространенія вѣры, въ какія бы страны имъ ни пришлось идти по повелѣнію Его Святѣйшества».

Въ то самое критическое время, когда реформація быстро распространялась даже въ Италіи, глубоко потрясая авторитетъ папскаго престола, папство получило неожиданную поддержку въ лицѣ новаго ордена, хотя и немногочисленнаго, но состоявшаго изъ высоко даровитыхъ людей, проникнутыхъ

воинствующимъ духомъ, готовыхъ на полнѣйшее самоотреченіе и горячо преданныхъ римской церкви. Іезуитскій орденъ возникъ въ Испаніи, странѣ преслѣдованія мавровъ и отечествѣ инквизаціи, и до настоящаго времени этотъ орденъ носитъ на себѣ отпечатокъ своего испанскаго происхожденія. Іезуиты соединяли въ себѣ страстное усердіе къ служенію римской церкви съ непримиримою ненавистью къ ереси—дѣлу дьявола,—съ которою надо было вести неустанную истребительную войну. По этому поводу естественно возникалъ вопросъ, позволительно-ли пользоваться для этой борьбы всякимъ оружіемъ безъ разбора? Во всякомъ случаѣ считалось дозволеннымъ прибѣгать къ силѣ, потому что со времени крестоваго похода противъ альбигойцевъ и учрежденія инквизиціи, римская церковь санкціонировала въ принципѣ и практиковала въ обширныхъ размѣрахъ преслѣдованіе еретиковъ. Какъ истые сыны римской церкви, Лойола и его друзья стали прибѣгать къ насилію, какъ къ средству обращенія, и совѣсть ихъ была спокойна, потому что они руководствовались примѣромъ католической церкви. Воинствующій характеръ іезуитскаго ордена чрезвычайно рѣзко выразился въ книгѣ, напечатанной по случаю перваго столѣтія и юбилея его существованія. «Невозможно отрицать,—говоритъ авторъ книги,—что мы предприняли ожесточенную борьбу съ ересью, во имя защиты католической религіи. Я самъ и весь нашъ орденъ избрали своимъ девизомъ слѣдующія слова св. Іереміи: «Я не въ состояніи, подобно тебѣ, щадить еретиковъ и воздерживаться отъ исповѣдыванія католической вѣры дѣйствіями, а если мое рвеніе является причиной нашихъ разногласій, то я предпочту умереть, но ни въ какомъ случаѣ не буду молчать». Ересь напрасно надѣется, что орденъ когда нибудь примирится съ нею. До тѣхъ поръ, пока въ насъ останется хоть искра жизни, мы будемъ травить волковъ и защищать католическое стадо. Было бы напрасно надѣяться на миръ. Для насъ Игнатій (Лойола) имѣетъ такое же значеніе, какое имѣлъ Гамилькаръ для Аннибала: по иниціативѣ основателя нашего ордена, мы принесли священный обѣтъ вести вѣчную войну съ еретиками». И дѣйствительно, Лойола остался въ душѣ воиномъ и только перемѣнилъ родъ службы: онъ пересталъ служить царямъ земнымъ и сдѣлался воиномъ Божіимъ, чтобы одерживать духовныя побѣды, обращая невѣрныхъ или истребляя ихъ.

Личность Лойолы производитъ странное впечатлѣніе на людей нашего времени: онъ принадлежитъ къ міру, идеи и

чувства котораго мы понимаемъ лишь съ трудомъ. Мы не можемъ сочувствовать его узкимъ религіознымъ вѣрованіямъ, его дикому фанатизму, его фантастическому мистицизму и болѣзненной мечтательности, указывающимъ на патологическое состояніе души; но тѣмъ не менѣе, изучая его жизнь и созданное имъ дѣло, мы невольно признаемъ его человѣкомъ необыкновеннымъ. Одаренный желѣзной волей, необыкновеннымъ упорствомъ въ преслѣдованіи намѣченной цѣли и невѣроятною выносливостью въ страданіяхъ, Лойола былъ смѣлъ до дерзости въ своихъ предпріятіяхъ. Вѣра его въ собственное призваніе никогда не колебалась, душа его была чужда всякихъ сомнѣній въ томъ дѣлѣ, которому онъ служилъ. Рядомъ съ пламеннымъ воображеніемъ, съ сентиментальной набожностью и сильною наклонностью къ суевѣрію, въ немъ уживался проницательный умъ и необыкновенная способность угадывать истинный характеръ людей. Необыкновенно кроткій и гибкій по натурѣ, онъ подчинялъ окружающихъ своему обаянію, завладѣвалъ ими всецѣло и увлекалъ даже своихъ враговъ. Восторженный поэтъ и холодный мыслитель, онъ въ то же время былъ геніальнымъ организаторомъ. Мечтатель, одаренный необыкновенными стратегическими талантами, онъ съумѣлъ создать и подчинить себѣ ту армію, которая была нужна ему для великой войны, и для достиженія своихъ цѣлей онъ умѣлъ осторожно и осмотрительно пользоваться самыми разнообразными средствами. Для полной характеристики Лойолы слѣдуетъ упомянуть о его сердечной добротѣ, о необыкновенномъ милосердіи и преданности страждущему человѣчеству. Въ этихъ чертахъ его характера заключается тайна его творческой силы.

Исторія сохранила намъ цѣлый рядъ правилъ Игнатія Лойолы, отмѣченныхъ самымъ глубокимъ этическимъ чувствомъ. Между прочимъ онъ говоритъ: «Отреченіе отъ собственной воли есть большій нравственный подвигъ, чѣмъ воскрешеніе мертвыхъ.—Нѣтъ бури болѣе предательской, чѣмъ полное затишье; нѣтъ враговъ болѣе опасныхъ, чѣмъ отсутствіе всякихъ враговъ.—Обличать чужіе недостатки значитъ открывать свою собственную слабость.—Тотъ, кто всецѣло отдался безконечной любви, сдѣлался способнымъ вѣчно вѣрить любви и совершенствоваться ею».

Краткіе афоризмы Лойолы открываютъ намъ различныя стороны его характера. Слѣпая преданность римской церкви проявляется въ томъ, что онъ требуетъ отъ своихъ послѣдователей «возлюбить ее такъ, чтобы считать чернымъ бѣлое

по ея приказанію, хотя бы мы были убѣждены въ противномъ». Безусловную покорность и отреченіе отъ собственной воли онъ считалъ выше всѣхъ подвиговъ и внушалъ своимъ послѣдователямъ слѣдующее: «Если бы Богъ далъ тебѣ въ повелители животное, лишенное разума, ты долженъ былъ бы, не колеблясь подчиниться ему, потому что такъ угодно Богу». Безусловная готовность служить Богу проявляется въ слѣдующихъ словахъ: «Работникамъ на нивѣ Божіей дозволяется стоять лишь одной ногой на почвѣ въ вертоградѣ Господнемъ; каждый изъ нихъ долженъ быть всегда на-готовѣ идти туда, куда его пошлетъ Господь». Непоколебимость его вѣры выражается въ слѣдующихъ словахъ: «Вѣра въ Бога должна быть настолько сильна, чтобы каждый изъ васъ рѣшился переплыть море на доскѣ, за отсутствіемъ корабля». Впрочемъ, по временамъ Лойола противорѣчитъ самому себѣ въ вопросѣ о вѣрѣ въ Бога: онъ особенно настоятельно рекомендуетъ своимъ послѣдователямъ крайнюю осторожность въ дѣлѣ обращенія и духовнаго руководства. На этотъ счетъ онъ говоритъ слѣдующее: «Человѣкъ менѣе чистый въ нравственномъ отношеніи принесетъ больше пользы при величайшей осторожности, чѣмъ человѣкъ безукоризненной святости, не обладающій надлежащею ловкостью».—«Добрый пастырь душъ долженъ смотрѣть сквозь пальцы на многое и притворяться непонимающимъ во многихъ отношеніяхъ; онъ долженъ прежде всего подчинить себѣ волю обращаемыхъ, и тогда онъ поведетъ ихъ куда захочетъ».—«Съ людьми, всецѣло поглощенными мірской суетой, не слѣдуетъ говорить съ самаго начала о спасеніи ихъ душъ: это значило бы закидывать удочку безъ приманки».

Когда интересы ордена бывали затронуты, Лойола не всегда руководствовался собственными правилами объ осторожности, а когда надо было достигнуть какой-нибудь цѣли, которую онъ считалъ святою, онъ нерѣдко прибѣгалъ ко лжи. Если іезуитскій орденъ когда-нибудь рѣшится опубликовать всю переписку Лойолы, безъ всякихъ пропусковъ (это уже давно обѣщано, но до сихъ поръ не исполнено), то обнаружатся многія темныя стороны его характера. Лойола безспорно положилъ на орденъ отпечатокъ своего личнаго характера, и мало по малу свѣтская ловкость, ожесточенная ненависть къ еретикамъ и диссидентамъ, мрачный аскетическій мистицизмъ и склонность къ суевѣрію сдѣлались преобладающими чертами Іезуитскаго Братства. Вскорѣ послѣ основанія ордена, его генералъ Муцій Вителлески былъ вынужденъ признать спра-

ведливыми всѣ упреки, которые дѣлались іезуитамъ; онъ горячо увѣщевалъ братьевъ очиститься отъ своихъ недостатковъ и вступить на новые пути.

Основатель ордена хотѣлъ сдѣлать изъ своего братства «духовное войско, сражающееся за славу Божію подъ знаменемъ креста Господня». Орландини сообщаетъ, что данное Братству испанское названіе «Compania» должно было выражать, по мысли Лойолы, воинствующій духъ и цѣль ордена. Іезуитскіе писатели постоянно выставляли на видъ этотъ по преимуществу воинственный характеръ ордена во всѣхъ эпитафіяхъ. Лойолу сравниваютъ съ великими полководцами древности—Помпеемъ, Цезаремъ и Александромъ, но ставятъ выше этихъ завоевателей. Въ обозрѣніи перваго столѣтія дѣятельности іезуитовъ, авторъ называетъ Братство «легіономъ Божіимъ» и съ восторженнымъ лиризмомъ прославляетъ «львиную храбрость и высокомѣрное презрѣніе къ смерти», выказанныя іезуитами во всѣхъ критическихъ случаяхъ. «Каждый изъ нихъ, говоритъ авторъ книги, стоитъ цѣлой арміи, и многіе изъ нихъ одолѣвали такихъ непріятелей, съ которыми не могла бы справиться многочисленная армія».—«Есть легенда, гласящая, что нѣкоторыя дѣти родятся съ каской на головѣ: таковы члены іезуитскаго ордена, потому что судьба предназначила ихъ для неустрашимой борьбы съ непобѣдимыми силами и со всѣми превратностями судьбы».

Въ своей оффиціальной исторіи іезуитскаго ордена, Саккини характеризуетъ его дѣятельность слѣдующимъ образомъ: «Мы задумали разсказать борьбу не народовъ другъ съ другомъ, а всего человѣчества съ чудовищами ада; эта борьба охватываетъ не только обширныя провинціи, но всѣ земли и моря, всю вселенную, а конечная цѣль этой борьбы—основаніе Царства Божія. Насъ ожидаютъ въ Іерусалимѣ блаженныхъ, въ вѣчномъ Римѣ,—вѣнецъ безсмертія и вѣчное торжество. Въ своей борьбѣ мы употребляемъ небесное оружіе, нашъ вождь—самъ Христосъ, а наша добыча—вѣчное блаженство».—Какъ солдатъ, безпресанно мѣняющій гарнизонъ, іезуитъ не имѣетъ постоянной осѣдлости; въ качествѣ миссіонера и солдата папской арміи, онъ долженъ быть всегда готовъ къ выступленію въ походъ. «Наши дома, говоритъ Хуаресъ, похожи на военные лагери».

Принимаясь за организацію новой арміи, посвященной служенію папству, Лойола долженъ былъ подчинить ее не только внѣшней дисциплинѣ, но и внутренней, и такъ сказать отлить

въ новую форму души навербованныхъ имъ людей. Для достиженія этой цѣли онъ составилъ «Духовно-Нравственныя Упражненія» (Exercitia spiritualia), посредствомъ которыхъ онъ вводилъ своихъ учениковъ въ сферу мистической и аскетической жизни, совершенно оторванную отъ реальной дѣйствительности. Эти упражненія оказывали неотразимое вліяніе на самые разнообразные характеры, подводя подъ одинъ уровень людей простодушныхъ, этузіастовъ и мечтателей, людей, разбитыхъ жизнью и душевными муками, и грѣшниковъ, изнемогавшихъ подъ бременемъ своихъ пороковъ. Люди искренно религіозные, какъ Карлъ Барромей и Францискъ Салезій, горячо рекомендовали практику этихъ упражненій.

Въ инструкціи къ этимъ упражненіямъ сказано совершенно основательно, что, благодаря имъ, опредѣлилось призваніе большинства членовъ ордена. Мало того, многіе вліятельные іезуиты находили, что дѣятельность ордена должна ограничиваться одною только практикой упражненій; этого было бы достаточно, чтобы доставить обществу необходимое вліяніе. Такъ какъ всякій, желающій основательно познакомиться съ духомъ іезуитскаго ордена, долженъ изучить составленныя имъ «Духовно-Нравственныя Упражненія» то мы изложимъ ихъ здѣсь въ краткомъ очеркѣ.

ГЛАВА II.

„*Духовно-Нравственныя Упражненія*".

Въ трактатѣ Игнатія Лойолы, «Духовно-Нравственныя Упражненія» не классифицированы по строгой методѣ; они не имѣютъ надлежащей полноты и въ нихъ замѣчается нѣчто неоконченное, а потому первый общій конгрессъ іезуитовъ рѣшилъ пополнить существовавшіе въ нихъ пробѣлы и прибавилъ къ нимъ инструкцію о практическомъ ихъ исполненіи. Эта инструкція служитъ главнымъ образомъ руководствомъ для старшаго, имѣющаго дѣло съ учениками, и объясняетъ ему, какимъ образомъ онъ долженъ направлять ихъ умы. Въ своей настоящей формѣ, инструкція была редактирована согласно постановленіямъ V общаго конгресса, состоявшагося въ 1593—94 годахъ.

Упражненія предписываются вновь поступающимъ и старымъ членамъ ордена; они могутъ практиковаться духовными и свѣтскими людьми, не входящими въ составъ общества. Цѣль упражненій заключается въ томъ, чтобы заставить человѣка отрѣшиться отъ своихъ прошлыхъ заблужденій, начать новую жизнь и вызвать въ немъ твердое рѣшеніе бороться съ дурными страстями.

Всякому предоставляется пройти всѣ стадіи упражненій или только часть ихъ. Въ первомъ случаѣ искусъ продолжается четыре недѣли; во второмъ его можно сократить до восьми дней; но прохожденіе всѣхъ стадій обязательно для членовъ ордена и для адептовъ, желающихъ вступить въ него; члены ордена проходятъ ежегодно всѣ стадіи упражненій для очищенія собственной души. Онѣ обязательны также для людей съ выдающимися способностями, которые располагаютъ собою, какъ напр. члены свѣтскаго духовенства. Люди же, связанные своимъ свѣтскимъ положеніемъ или-какими нибудь оффиціальными обязанностями, практикуютъ лишь часть упражненій.

Во время всего искуса, лицо, подвергающееся ему, отказывается отъ всякаго общенія съ внѣшнимъ міромъ, оно сосредоточивается въ полномъ уединеніи и, вознося свою душу къ Богу, готовитъ ее къ принятію благодати. Человѣкъ, проходящій искусъ, ищетъ общенія съ Богомъ съ полнымъ довѣріемъ къ его безконечной благости, и всецѣло предается его волѣ. Онъ безъ всякой утайки открываетъ своему духовному наставнику свою душу и безусловно подчиняется ему. Въ наставники выбирается человѣкъ, обладающій въ совершенствѣ умѣніемъ покорять себѣ человѣческую совѣсть. Руководствуясь инструкціями св. Игнатія, онъ долженъ изучить до тонкости личность своего ученика, дѣйствовать на него осторожно, кротостью и смиреніемъ, и предоставить Богу окончательное духовное просвѣтленіе новаго адепта.

Этотъ адептъ долженъ напрягать всѣ свои душевныя силы, упражняя одновременно память, умъ, сердце и волю. Память должна содѣйствовать разуму въ дѣлѣ размышленія и сужденія; размышленіе должно вліять на желаніе и волю. Воображеніе должно также дѣйствовать, чтобы воплощать въ конкретныя формы идеи, представляющіяся духовнымъ очамъ. Иными словами, размышленіе и духовная дѣятельность должны быть доведены до галлюцинацій.

Молитвы чередуются съ размышленіями, съ анализомъ собственной совѣсти, причемъ адептъ по временамъ ведетъ духовныя бесѣды съ тремя лицами Пресвятой Троицы и со всѣми святыми. Кромѣ обыкновенныхъ способовъ умерщвленія плоти, іезуиты прибѣгаютъ къ другимъ, чтобы вызвать у адепта требуемое духовное настроеніе: въ его кельѣ то зажигается яркое освѣщеніе, то устраивается глубочайшій мракъ; ему попеременно показываютъ то кости, то свѣжіе благоухающіе цвѣты, чтобы представить ему картины смерти и возрождающейся жизни.

Боде, проходившій самъ всѣ стадіи іезуитскихъ духовныхъ упражненій, изобразилъ намъ потрясающую картину ихъ психологическаго дѣйствія; онъ говоритъ, что невозможно найти болѣе дѣйствительнаго средства, чтобы вызвать сильнѣйшую экзальтацію и самый страстный энтузіазмъ. По его мнѣнію, люди, не поддающіеся дѣйствію іезуитскихъ упражненій, не способны служить цѣлямъ ордена.

Первая недѣля искуса посвящается размышленіямъ о грѣхѣ; адептъ проникается ненавистью къ нему, кается въ своей грѣ-

ховности и проникается желаніемъ освободиться отъ нея. Втеченіи второй недѣли всѣ помыслы адепта устремляются на жизнь и подвиги Христа, и это созерцаніе возбуждаетъ въ немъ желаніе подражать Спасителю. Чтобы облегчить это подражаніе, наставникъ даетъ ученику на счетъ выбора дѣятельности совѣты, наиболѣе соотвѣтствующіе волѣ Божіей; если же ученикъ не въ состояніи выбрать такую дѣятельность, то ему даются совѣты на счетъ способа достигнуть возможно большей святости въ его настоящемъ положеніи; третья недѣля посвящается изученію страстей Господнихъ, чѣмъ возбуждаются въ душѣ адепта глубокая скорбь и любовь къ Богу. Наконецъ, втеченіи четвертой недѣли размышленія его направляютъ на воскресеніе Христово, на Его небесную славу, на его божественное благодѣяніе—все это усиливаетъ любовь къ Богу.

Этотъ краткій очеркъ упражненій достаточно характеризуетъ духъ, которымъ они проникнуты, и ихъ конечную цѣль. Всѣ адепты, проходящіе послѣдовательно ихъ стадіи, должны достигнуть, посредствомъ изученія исторіи грѣхопаденія и искупленія, своего духовнаго просвѣтленія и общенія съ Богомъ.

Упражненія начинаются созерцаніемъ конечной цѣли человѣческой жизни, которая заключается въ восхваленіи Бога, въ поклоненіи и служеніи ему для достиженія вѣчнаго блаженства. По ученію іезуитовъ, все, находящееся на землѣ, создано для человѣка, который долженъ пользоваться тѣмъ, что приближаетъ его къ конечной цѣли, воздерживаясь отъ того, что удаляетъ его отъ нея. Человѣкъ долженъ выбрать и желать только того, что способствуетъ спасенію его души, относительно всего остального ему предписывается полнѣйшее равнодушіе; ему вмѣняется въ обязанность не предпочитать здоровье—болѣзни, богатство—бѣдности, почести—ничтожеству, и этому равнодушію придается величайшее значеніе.

Послѣ цѣлаго ряда размышленій о тщетѣ мірскихъ благъ, адептъ проходитъ три стадіи духовнаго просвѣтленія, воспріятія благодати и общенія съ Богомъ.

Въ первой стадіи, адептъ размышляетъ о первородномъ грѣхѣ, отдалившемъ людей отъ ихъ конечной цѣли; онъ предается созерцанію паденія ангеловъ и человѣка, постигшей ихъ кары, и это созерцаніе должно быть доведено до степени физическаго ощущенія, до видѣній и галлюцинацій. «Душа адепта,—говорится въ «Упражненіяхъ»,—должна созерцать цѣлое море пламени, передъ его духовными очами должны носиться огнен-

ныя чудовища, онъ долженъ слышать ихъ жалобы, вопли и богохульства; онъ долженъ чувствовать удушливый сѣрный дымъ, смрадъ и гніеніе сжигаемыхъ тѣлъ, горечь слезъ и укушеніе змія угрызеній совѣсти; онъ долженъ испытывать на себѣ обжоги огня, сжигающаго грѣшныя души». Предаваясь такимъ образомъ размышленіямъ о первородномъ грѣхѣ и его послѣдствіяхъ, адептъ бесѣдуетъ съ Спасителемъ, пригвожденнымъ ко кресту, и съ Богомъ Отцомъ; раскаяніе овладѣваетъ его душой, онъ углубляется въ самого себя и рѣшаетъ вступить на путь добродѣтели. Очистивъ свою душу и освободившись отъ грѣховности, онъ заканчиваетъ первую стадію исповѣдью и принимаетъ св. причастіе.

Во время второй стадіи, продолжающейся двѣ недѣли, адептъ углубляется въ созерцаніе Христа, этого образца, которому онъ долженъ подражать. Размышленія этой второй стадіи раскрываютъ передъ нимъ всю тайну искупленія—воплощеніе Сына Божія, его рождество и жизнь въ Назаретѣ. Въ это время адепту представляютъ картину всѣхъ отраслей дѣятельности, открытыхъ человѣку, и, подъ наитіемъ Св. Духа, онъ долженъ выбрать какое-нибудь поприще.

По ученію іезуитовъ, всѣ дѣйствія человѣка должны вытекать изъ одного источника—изъ желанія прославлять Бога и исполнить Его волю. Выборъ дѣятельности можетъ совершиться лишь подъ вліяніемъ всеобъемлющей любви къ Богу. Впрочемъ, хотя эта любовь и представляетъ собой главный двигатель, тѣмъ не менѣе другія соображенія, основанныя на человѣческой природѣ, принимаются также въ разсчетъ съ условіемъ, чтобы они не противорѣчили любви къ Богу. Человѣчество раздѣлено, какъ гласитъ ученіе, на два противоположныхъ лагеря: первый, подъ знаменемъ Христа, находится въ Іерусалимѣ, второй—лагерь Люцифера—группируется вокругъ вавилонскихъ башенъ. Дьяволъ привлекаетъ къ себѣ людей земными благами—богатствами, почестями, удовлетворенною гордостью и самолюбіемъ. Христосъ проповѣдуетъ бѣдность, уничиженіе и смиреніе.

Подобно полководцу или земному Царю, Онъ говоритъ своему народу: «Я рѣшилъ покорить всѣ невѣрныя страны; тотъ, кто захочетъ идти за мной, долженъ носить такую же одежду и питаться такой же пищей, какъ и я. Онъ долженъ испытывать такія же лишенія, совершать такіе же подвиги, предаваться бдѣнію и молитвѣ, дабы участвовать въ моей славѣ послѣ одержанной побѣды».

Всякій, кто нтказывается слѣдовать этому призыву и совершить до конца волю Христа, считается презрѣннымъ трусомъ; лишь тотъ понимаетъ безусловную покорность, который, слѣдуя Христу, выбираетъ бѣднотсь, уничиженіе и подвижничество, отвергая мірскія почести и мудрость.

Послѣ размышленій о крещеніи Христа и о послѣдующихъ событіяхъ его жизни, адептъ долженъ выбрать родъ дѣятельности, ведущей къ осуществленію главной цѣли. Но ему не дозволяется произнести обѣтъ слишкомъ поспѣшно; его наставникъ воздерживается отъ всякаго насилія, предоставляя его внушенію Св. Духа.

Рѣшеніе служить Богу укрѣпляется созерцаніемъ страстей Господнихъ, которому посвящена третья стадія; въ ней адептъ проходитъ всѣ тайны Воскресенія и Вознесенія. Ветхій человѣкъ умираетъ съ Христомъ и новый воскресаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Переживши душой всѣ муки ада, пріобщившись къ страстямъ Господнимъ и къ душевнымъ мукамъ Спасителя во время Его земной жизни, адептъ испытываетъ высшее блаженство примиренія съ Богомъ.

Конечная цѣль полнаго общенія съ Богомъ посредствомъ любви къ нему достигается въ концѣ всѣхъ стадій упражненій. Достигнувъ полнаго духовнаго просвѣтленія, адептъ произноситъ слѣдующій обѣтъ св. Игнатія: Возьми, Господи, мою свободную волю, мою память, свободное сознаніе и разумъ. Ты далъ мнѣ все, чѣмъ я обладаю; я отдаю тебѣ все и предаюсь всецѣло твоей святой волѣ. Я испрашиваю у тебя только твою любовь и твою благодать; даруй мнѣ ихъ — и я буду богатъ, и всѣ мои желанія будутъ удовлетворены».

По ученію Лойолы, духовное общеніе съ Богомъ равносильно общенію съ церковью; на основаніи этого принципа, онъ заключаетъ свои „Духовно-Нравственныя Упражненія» правилами, регулирующими отношенія ордена къ церкви («Regulae ad sentiendum cum Ecclesia»). Приводимъ нѣкоторыя изъ этихъ правилъ, чтобы охарактеризовать духъ, которымъ былъ проникнутъ Лойола и который онъ старался внушить своимъ послѣдователямъ.

«Членъ ордена долженъ отказаться отъ собственнаго сужденія и быть всегда готовымъ повиноваться католической церкви. Онъ долженъ предпочитать монашескій санъ, безбрачіе и цѣломудріе браку, чтить реликвіи и св. мѣста, совершать паломничества, поклоняться святымъ, вѣровать въ индульген-

ціи, соблюдать установленные церковью юбилеи, зажигать въ церквяхъ свѣчи и исполнять всѣ церковные обряды, справлять праздники, соблюдать посты и чтить церкви и св. изображенія. Онъ долженъ одобрять всѣ рѣшенія и поступки старшихъ и слѣпо подчиняться всѣмъ постановленіямъ и рѣшеніямъ церкви».

Іезуитскія «упражненія» нѣсколько напоминаютъ «Элевзинскія тайны» древняго міра, въ которыхъ адепты переходили отъ страшныхъ видѣній къ душевному миру и блаженству. Во всякомъ случаѣ въ нихъ встрѣчаются средне-вѣковые мистическіе пріемы, которые преподавали въ то время Плотенъ, Таулеръ, Экгардъ, Сузо и др. Лойола изучилъ этихъ авторовъ во время своего пребыванія въ Маврезѣ.

Лойола старался внушить свои правила своимъ ученикамъ, чтобы создать армію, съ которою не могли бы справиться никакія силы и которая могла бы побороть всякія препятствія. И дѣйствительно, невозможно побороть человѣка, готоваго перенести всякое испытаніе съ радостью и благодарностью, какъ средство освятить свою душу. Невозможно подкупить никакими земными благами человѣка, всѣ помыслы котораго направлены къ небесамъ. Книга, напечатанная къ первому юбилею ордена, обращается къ его членамъ со слѣдующимъ краснорѣчивымъ воззваніемъ: «Вы, гладіаторы на аренѣ, сопротивляйтесь мужественно всякимъ нападеніямъ! Принимайте съ невозмутимымъ равнодушіемъ всѣ удары, которые будутъ вамъ наносимы на всѣхъ поляхъ битвы міра; не сокрушайтесь о вашихъ страданіяхъ, ибо ваша главная цѣль заключается въ томъ, чтобы идти въ разрѣзъ со злыми людьми. Закаляйте человѣка къ борьбѣ со всякими превратностями и возвышайте его надъ человѣческой природой; не проникайтесь гордыней, когда вамъ улыбается счастье, и не унывайте въ годины испытаній, но переносите съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ всѣ удары судьбы, чтобы достигнуть той ясности духа, которая доставляетъ исключительное состояніе Божества. Воины Божіи, будьте непоколебимы среди военныхъ грозъ, въ огнѣ сраженій, подъ тлетворнымъ дыханіемъ клеветы, подъ факелами зависти, подъ угрозою судей и бѣшенствомъ мірскихъ владыкъ. Стойте твердо, говорю я вамъ, и сопротивляйтесь самому грозному напору бури».

Внутренняя борьба, которую пережилъ Лойола, отражается на его «Упражненіяхъ». Въ нихъ онъ является великимъ

мастеромъ излѣчивать больныя души посредствомъ аскетизма и глубокимъ психологомъ, изучившимъ до тонкости всѣ страсти, всѣ иллюзіи человѣческаго сердца и познавшаго ихъ тщету. Ему знакомы всѣ движенія человѣческой души, всѣ мученія слишкомъ чуткой совѣсти, и онъ указываетъ средства успокоить угрызенія совѣсти; онъ обладаетъ великими педагогическими способностями и мастерски воспитываетъ своихъ послѣдователей для намѣченной имъ цѣли.

ГЛАВА III.

Универсальность и привилегіи ордена.—Названіе «Общества Іисуса».—Солидарность папства съ орденомъ.

Павелъ III понялъ, какія громадныя услуги общество могло оказать римской куріи, и, читая проектъ его Уставовъ, онъ воскликнулъ: «Здѣсь перстъ Божій!» («Hic est digitus Dei»). Лойола и его ученики соединили въ своемъ уставѣ всѣ задачи прежнихъ орденовъ и все то, чѣмъ можно было принести пользу церкви. Эта универсальность новаго ордена отодвинула на задній планъ всѣ прежніе ордена, которые онъ вскорѣ затмилъ своею ревностною дѣятельностью. Древній, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, орденъ бенедиктинцевъ посвятилъ себя наукѣ, преподаванію и воспитанію юношества; іезуиты съ самаго начала сдѣлались его соперниками на этомъ поприщѣ. Воспитаніе, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, было внесено въ ихъ уставъ и они принялись за это дѣло съ величайшимъ усердіемъ и рѣдкимъ мастерствомъ. По части бѣдности іезуиты старались сравняться съ доминиканцами и францисканцами. Доминиканцы работали надъ обращеніемъ еретиковъ и невѣрующихъ. Францисканцы занимались врачеваніемъ человѣческихъ душъ и дѣлами христіанскаго милосердія; чтобы не отстать отъ нихъ, іезуиты стали соперничать съ ними въ обѣихъ областяхъ. Лойола задумалъ даже воспитывать и спасать падшихъ женщинъ и основалъ съ этою цѣлью особыя учрежденія. Оба нищенствующіе ордена старались занимать каѳедры въ университетахъ и завладѣть преподаваніемъ философіи и богословія: іезуиты бросились и въ эту область и достигли въ ней гораздо большихъ успѣховъ. Папа Григорій IX избиралъ изъ среды доминиканцевъ постоянныхъ инквизиторовъ римской куріи: іезуиты выхлопотали у Григорія XIII буллу (отъ 10 сентября 1584 года), которая уполномочивала ихъ служить инквизиціи съ согласія генерала ордена. Іезуиты сочли даже своимъ долгомъ конкурировать съ нищенствующими монахами въ дѣлѣ

потворства суевѣрію и тому культу, который имѣлъ цѣлью утвердить господство церкви надъ низшими классами посредствомъ грубыхъ чувственныхъ впечатлѣній. Іезуиты поняли всю пользу Терціанскаго ордена, посредствомъ котораго Францискъ Ассизскій установилъ прочную связь между своимъ орденомъ и свѣтскимъ обществомъ; они поняли значеніе основанныхъ доминиканцами конгрегацій Дѣвы Маріи и послѣдовали ихъ примѣру съ гораздо большимъ успѣхомъ. Въ конгрегаціяхъ Дѣвы Маріи, къ которымъ папы особенно благоволили, люди всѣхъ возрастовъ и классовъ соединялись для культа Пресвятой Богородицы; эти конгрегаціи занимались распространеніемъ религіи среди темнаго люда, обращеніемъ грѣшниковъ и т. д. Всѣ, вступавшіе въ конгрегацію, подвергались общей исповѣди, а затѣмъ имъ вмѣнялось въ обязанность исповѣдываться впредь только священнику, назначенному для этого отцомъ-іезуитомъ,—главою конгрегаціи. Членамъ конгрегаціи вмѣняется въ обязанность умерщвлять плоть, практиковать упражненія Лойолы, посѣщать духовныя собранія и слѣпо подчиняться во всѣхъ отношеніяхъ приказаніямъ генерала Іезуитскаго ордена и его уполномоченныхъ. Само собою разумѣется, что конгрегаціи Дѣвы Маріи, рекрутировавшія своихъ членовъ въ дворцахъ и хижинахъ, сдѣлались могущественнымъ орудіемъ господства іезуитовъ надъ свѣтскимъ обществомъ.

Соединяя въ себѣ всѣ характеристическія черты всѣхъ другихъ религіозныхъ братствъ, іезуиты прибавили къ нимъ одну новую, свойственную только имъ и истекавшую изъ ихъ миссіи—защищать свѣтскія и духовныя притязанія римской куріи: эту новую черту составляетъ рѣзко опредѣленный политическій характеръ Іезуитскаго ордена.

Іезуиты не хотятъ быть монашескимъ орденомъ: Тріентскій Соборъ называетъ ихъ «орденомъ клириковъ общества Іисуса». Они не носятъ монашеской одежды, не имѣютъ хора и ихъ общежитія не называются монастырями. Альфонсъ Родригесъ разсказываетъ, что Лойола хотѣлъ сдѣлать изъ своего общества «отрядъ солдатъ», предназначенныхъ бороться въ свѣтѣ съ ересью и порокомъ, а потому отказался отъ хоровъ и другихъ церковныхъ установленій; онъ хотѣлъ, чтобы его общество, подобно легкой кавалеріи, было всегда готово, при малѣйшей тревогѣ, броситься на врага и защищать братьевъ. Тѣ же самыя соображенія побудили его запретить своему об-

ществу слишкомъ строгій аскетизмъ и излишнія лишенія, ослабляющія и разрушающія тѣло безъ всякой пользы, уничтожая энергію и мужественность, необходимыя въ священной войнѣ.

Папы дали обществу Іисуса больше правъ, привилегій и индульгенцій, чѣмъ какому-нибудь изъ предшествующихъ или послѣдующихъ орденовъ. Перечень привилегій составляетъ самъ по себѣ отдѣльную книжку; но къ ней слѣдуетъ прибавить еще неизвѣстныя привилегіи, которыми орденъ пользуется по усмотрѣнію генерала. Эти особыя милости оказывались посредствомъ устнаго заявленія папы въ бесѣдѣ съ лицомъ, заслуживающимъ довѣрія, или же давались торжественно посредствомъ папскихъ brevé и буллъ. Каждый изъ папъ, давая ордену привилегіи, заранѣе запрещалъ своимъ преемникамъ оспаривать или отмѣнять ихъ. Папы даже вмѣняли въ обязанность свѣтскимъ государямъ защищать привилегіи іезуитскаго ордена; они грозили «большимъ отлученіемъ» (Latae sententiae) тѣмъ, которые попытаются нарушить ихъ, а папа Пій V даровалъ генералу право возстановлять привиллегіи въ ихъ первоначальномъ объемѣ въ томъ случаѣ, если какой-нибудь папа попытается отмѣнить или сократить ихъ (булла 1571 года). Такимъ образомъ независимость ордена была ограждена отъ всякихъ нападеній не только свѣтской власти, но и папской юрисдикціи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ папскія буллы 1549, 1582 и 1684 годовъ, которыя давали іезуитамъ полномочіе измѣнять ихъ первоначальный уставъ сообразно съ духомъ времени и мѣстными обстоятельствами, не испрашивая разрѣшенія святѣйшаго престола. Сами папы лишили себя всякой возможности предпринять какое-либо преобразованіе ордена, если бы даже оно оказалось необходимымъ.

Исключительныя привилегіи, дарованныя папами іезуитскому обществу, несомнѣнно противорѣчили древнему строю католической церкви. Но дѣло въ томъ, что папы хотѣли не только снабдить іезуитовъ сильнымъ оружіемъ для борьбы съ еретическими народами, а задались цѣлью воспользоваться ими, какъ защитниками своей непререкаемой власти *надъ* церковью и *противъ* церкви.

Привилегіи даютъ ордену право устраивать повсемѣстно публичные курсы, строить церкви, учреждать общежитія и принимать пожертвованія. Сановники ордена—генералъ, провинціалы, настоятели и ректоры уполномочены освящать—но исключительно для ордена—церкви, кладбища, алтари и церковную

утварь. Булла папы Павла III (отъ 1545 года) дозволяетъ іезуитамъ проповѣдывать вездѣ, исповѣдывать кающихся, давать вѣрующимъ св. причастіе, отправлять богослуженіе, не испрашивая на это разрѣшенія у епископовъ и мѣстныхъ священниковъ. Эта привилегія, подтвержденная постановленіями Тріентскаго Собора, была впослѣдствіи сокращена папами по жалобѣ епископовъ. Но Пій V сдѣлалъ устное распоряженіе (Oraculum vivae vocis), чтобы іезуиты пользовались по-прежнему всѣми своими привилегіями. Что же касается браковъ, то іезуиты благословляли ихъ лишь въ случаѣ крайней необходимости, напр. въ языческихъ странахъ. Зато они пользовались въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ правомъ отпущенія грѣховъ, вторгаясь при этомъ даже въ область, предоставленную епископамъ и папамъ; они не могли отпускать только грѣхи, совершенные противъ таинства св. причастія; но въ отдаленныхъ языческихъ странахъ они освобождались даже и отъ этого ограниченія. Іезуиты отпускали грѣхи пиратамъ, каторжникамъ и еретикамъ; они имѣли право замѣнять одни обѣты другими, болѣе легкими, за исключеніемъ обѣтовъ цѣломудрія, поступленія въ какой-либо орденъ или паломничества. Впрочемъ, пользуясь своими обширными полномочіями, они дипломатически избѣгали рѣзкихъ столкновеній съ епископами. Іезуитамъ было разрѣшено освобождать отъ такихъ обѣтовъ, отъ которыхъ въ былое время освобождали только епископы, и смягчать клятвенныя обязательства въ томъ случаѣ, если это смягченіе не нарушало ничьихъ правъ. Словомъ, они пользовались всѣми тѣми привилегіями, которыя были въ свое время дарованы минористамъ, а потомъ отмѣнены или ограничены Тріентскимъ Соборомъ.

Генералу ордена были дарованы еще болѣе обширныя права. Онъ отмѣняетъ по своему усмотрѣнію всѣ наказанія, наложенныя на членовъ общества, до или послѣ поступленія ихъ въ орденъ, отпускаетъ имъ грѣхи, даже грѣхи ереси, схизмы, поддѣлки Священнаго Писанія и т. д.; онъ имѣетъ право уменьшать, увеличивать и измѣнять всѣ епитеміи, наложенныя на грѣшниковъ.

Такая же власть дана и старшинамъ общежитій и ректорамъ: они могутъ отмѣнять отлученіе отъ церкви, наложенное на членовъ ордена, требуя отъ нихъ только обѣщаніе покаяться и налагая какія-либо болѣе легкія взысканія. Генералъ, своею собственною властью или черезъ посредство своихъ делегатовъ, освобождаетъ подвѣдомственныхъ ему лицъ отъ того ненор-

мальнаго положенія, въ которое они попадаютъ вслѣдствіе отлученія отъ церкви, интердикта или отрѣшенія отъ должности, впрочемъ, въ томъ только случаѣ, если эти наказанія наложены не за какое-нибудь необыкновенное преступленіе, подлежащее папскому суду. Онъ даетъ отпущеніе за различныя преступленія, даже за убійство, если эти преступленія остаются тайными и не вызываютъ публичнаго скандала. Генералъ и провинціалы имѣютъ право рѣшать сомнительныя дѣла на основаніи внутренняго убѣжденія, и ихъ рѣшеніе имѣетъ апостольскій авторитетъ. Въ исключительно важныхъ случаяхъ, провинціалы совѣщаются съ нѣсколькими отцами-іезуитами. Рѣшеніе старшинъ ордена должно быть непреложнымъ для лицъ, которыя обращались къ нимъ за совѣтомъ. Въ церковномъ отношеніи, генералъ имѣетъ право потребовать отъ епископа посвященія какого-нибудь члена общества въ духовный санъ, и епископъ долженъ исполнить это требованіе, не подвергая посвящаемаго никакому экзамену, и даже долженъ дать ему повышеніе раньше срока, установленнаго каноническимъ правомъ.

Тѣ члены общества, которые, послѣ произнесенія трехъ обѣтовъ, возвращаются въ міръ, подвергаются отлученію отъ церкви, отъ котораго не можетъ освободить ихъ даже папская власть. Они становятся на одну доску съ богоотступниками, ихъ бракъ считается недѣйствительнымъ, точно такъ же, какъ и всякій заключенный ими договоръ. Если бы они даже нашли убѣжище при папскомъ дворѣ, то генералъ Іезуитскаго ордена могъ бы арестовать ихъ, а всѣ епископы должны были бы подтвердить ихъ отлученіе отъ церкви. Но наоборотъ, ни одинъ прелатъ не имѣетъ власти отлучать отъ церкви, отрѣшать отъ должности или произносить интердиктъ надъ кѣмъ-нибудь изъ іезуитовъ. Даже слуги общества изъяты изъ юрисдикціи епископовъ до тѣхъ поръ, пока они состоятъ при іезуитскихъ общежитіяхъ. Іезуитамъ разрѣшено совершать мессу во всякое время дня и ночи, читать еретическія и запрещенныя сочиненія съ цѣлью опровергать ихъ, жить инкогнито въ странахъ еретиковъ и схизматиковъ и имѣть съ ними общеніе.

Іезуиты совершенно независимы отъ юрисдикціи и контроля епископовъ и находятся подъ непосредственнымъ покровительствомъ папскаго престола; этою привилегіей пользуются даже тѣ, которые произнесли три обѣта, и никто не можетъ заставить іезуита совершать какую-нибудь духовную требу, безъ согласія начальника. Іезуиты не платятъ никакихъ податей ни.

папѣ, ни свѣтскимъ государямъ, ни свѣтскимъ властямъ; на нихъ не распространяются даже исключительные налоги на какія-либо церковныя цѣли или на защиту отечества. Общество освобождено отъ таможенныхъ пошлинъ и всякихъ натуральныхъ повинностей на общественную пользу. Тѣ короли, владѣтельные князья, судебныя и ученыя учрежденія, которые вздумали бы обложить налогомъ іезуитовъ и ихъ собственность, хотя бы въ интересахъ государства, подверглись бы отлученію отъ церкви и вѣчному проклятію. Будучи слугами церкви, іезуиты не могутъ быть подданными свѣтскаго государя, а поэтому не могутъ и совершать преступленія оскорбленія величества.

Въ числѣ всѣхъ привилегій, данныхъ Іезуитскому ордену, была одна, которою члены его пользовались въ особенно широкихъ размѣрахъ: это было дарованное имъ Григоріемъ XIII право заниматься повсемѣстно торговыми дѣлами и банковыми операціями.

Никто не могъ заставить іезуита предстать передъ судомъ церковнаго собора или синода; члены ордена были также освобождены отъ обязательства участвовать въ процессіяхъ.

Генералъ и его делегаты имѣютъ право давать академическія степени профессорамъ, читающимъ лекціи въ университетахъ; они пользуются тѣмъ же правомъ по отношенію къ профессорамъ, читающимъ курсы внѣ университетовъ, по окончаніи экзаменовъ. Профессора, получившіе высшую степень отъ іезуитовъ, пользуются одними правами съ тѣми, которые получили степень отъ университетскихъ властей. Профессорамъ іезуитскаго ордена дозволяется читать публичныя лекціи повсемѣстно, даже въ университетскихъ городахъ, а профессорамъ университета разрѣшается слушать эти курсы, если они не совпадаютъ съ университетскими. Если бы ректоръ какого-нибудь университета рѣшился воспротивиться этому, то онъ подвергся бы отлученію отъ церкви.

Церкви, дома, коллегіи и всѣ земельные участки, принадлежащіе Іезуитскому ордену, пользуются правомъ убѣжища.

Орденъ обладаетъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ правомъ раздавать индульгенціи. Это право распространяется не только на духовныхъ лицъ, принадлежащихъ къ ордену, но и на свѣтскихъ его членовъ, и даже на слугъ. Въ церквяхъ іезуитовъ можно получать индульгенціи, изготовляемыя въ Римѣ; а на исповѣди, іезуитскій патеръ можетъ дать полную индульгенцію до самой смерти. Наканунѣ Вербнаго Воскресенія и въ нѣкоторые другіе праздники, всякій членъ Іезуит-

скаго ордена можетъ освободить душу изъ чистилища, наложивъ на нее епитимію, въ видѣ пѣнія псалмовъ покаянія или молитвы Господней и Богородицы. Полная индульгенція дается всѣмъ вѣрующимъ, которые, въ извѣстные дни, послѣ исповѣди и причастія, посѣщаютъ церковь, часовню или какое-нибудь священное мѣсто общества и произносятъ тамъ извѣстныя молитвы; она дается также тѣмъ свѣтскимъ лицамъ, которыя въ теченіе недѣли практикуютъ духовно-нравственныя упражненія, и даже родственникамъ членовъ общества (живымъ и мертвымъ, если послѣдніе даже находятся въ чистилищѣ). Всякій покровитель и защитникъ ордена получаетъ разъ въ жизни и на смертномъ одрѣ полное отпущеніе грѣховъ для себя и своихъ дѣтей.

Если какая-нибудь страна находится подъ папскимъ запрещеніемъ, то это запрещеніе не распространяется на іезуитовъ; имъ разрѣшается отправлять богослуженія, совершать таинства въ своихъ церквяхъ, общежитіяхъ и коллегіяхъ, совершать погребенія при открытыхъ воротахъ и звонѣ колоколовъ; но отлученные отъ церкви не должны присутствовать при этихъ обрядахъ.

Во всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ процессахъ, въ которыхъ орденъ является истцомъ или отвѣтчикомъ, онъ и каждый изъ его членовъ имѣютъ право требовать, чтобы членами судилища были назначены архіепископы, епископы, аббаты или другіе высшіе церковные сановники; послѣдніе обязаны защищать орденъ лично или черезъ своихъ делегатовъ и отстаивать ихъ привилегіи. Если возникаетъ какой-нибудь имущественный процессъ или тяжба изъ-за привилегій ордена, то судьи, избранные іезуитами, могутъ прибѣгнуть къ защитѣ церкви и государства, а свѣтскія власти обязаны отстаивать всегда интересы ордена.

Всякій, кто нападаетъ на церкви или дома ордена, подвергается ipso facto отлученія, отъ котораго можетъ освободить только папа или его делегатъ. Если какой-нибудь епископъ препятствуетъ умирающему завѣщать свое имущество ордену, то онъ подвергается интердикту и отрѣшается отъ управленія своею епархіею, ему запрещается входить въ церковь, а подчиненное ему духовенство отлучается отъ церкви. Отлученію подлежитъ всякій, кто нарушаетъ какую-либо изъ привилегій ордена. Если виновный—членъ церкви, то онъ лишается своихъ должностей и церковныхъ имуществъ. Такому

же наказанію подлежитъ тотъ, который, зная привилегіи ордена, будетъ препятствовать желающимъ вступить въ него.

Къ этимъ обширнымъ правамъ и преимуществамъ прибавилось еще одно: папа Григорій XIII даровалъ іезуитамъ право пользоваться всѣми привилегіями—настоящими и будущими—всѣхъ другихъ орденовъ, не исключая и нищенствующихъ.

Лойола предписалъ іезуитамъ обѣтъ строжайшей нищеты; но еще при его жизни, а именно въ 1550 г., папа Юлій II ограничилъ этотъ обѣтъ одними только исповѣдниками четырехъ обѣтовъ и ихъ общежитіями. Генералу же и іезуитскимъ коллегіямъ было предоставлено право безпрепятственно пріобрѣтать имущества въ пользу ордена. Такимъ образомъ, нищенскій характеръ превратился въ пустую фикцію.

Всѣ привилегіи ордена дарованы ему въ лицѣ генерала, который черпаетъ изъ этой неистощимой сокровищницы и передаетъ часть своей власти членамъ ордена. Этотъ способъ передачи власти только усиливаетъ цѣпи, приковывающія подчиненныхъ къ ихъ начальнику. Право истолковывать привилегіи принадлежитъ папѣ, а въ сомнительныхъ случаяхъ толкованія всегда оказываются благопріятными ордену. Въ моментъ реставраціи ордена (7 августа 1814 года) прежнія права и привилегіи не были возвращены ему въ полной неприкосновенности.

Какъ мы уже сказали, епископская власть, привилегіи другихъ орденовъ, права ниверситетовъ, авторитетъ свѣтской власти и даже папская юрисдикція—все это было ограничено и даже отчасти упразднено обширными полномочіями, дарованными іезуитамъ. Желая сохранить духовное и свѣтское господство, которое они узурпировали въ средніе вѣка, папы продали церковь Іезуитскому ордену и этимъ самымъ всецѣло отдались въ его руки. Генералъ ордена могъ во всякое время выйти изъ повиновенія папѣ и ополчить противъ него свое войско: если папа посылалъ іезуита куда-нибудь, генералъ могъ призвать его назадъ, когда ему вздумается. Генералъ мало-по-малу сдѣлался всесильнымъ, а папская власть надъ орденомъ превратилась въ фикцію. Папы сдѣлали съ своей стороны все, чтобы превратить Іезуитскій орденъ въ учрежденіе, совершенно независимое отъ церкви; поэтому неудивительно, что, при своей организаціи и своихъ громадныхъ матеріальныхъ и духовныхъ средствахъ, орденъ вскорѣ поработилъ церковь.

Самаго имени «Общества Іисуса» было достаточно, чтобы вну-

шить вѣрующимъ идею о привилегированномъ положеніи этого общества въ средѣ церкви и о его непосредственной связи съ самимъ Христомъ, основателемъ и духовнымъ главою церкви. Это имя съ самаго начала вызвало протестъ съ разныхъ сторонъ. Парижская Сорбонна высказалась противъ этого имени въ 1554 году, а парижскій архіепископъ Белле объявилъ на соборѣ французскаго духовенства въ Пуасси (1561 г.), что орденъ будетъ допущенъ во Францію лишь въ томъ случаѣ, если согласится измѣнить свое названіе; собраніе единогласно подтвердило это условіе. Іезуиты возразили, что Христосъ— истинный основатель ордена, а Пресвятая Дѣва и Лойола играютъ въ основаніи братства лишь вторую и третью роль; слѣдовательно, іезуиты не могутъ именоваться иначе, какъ «Обществомъ Іисуса». Въ іезуитской книгѣ «Imago» говорится на этотъ счетъ слѣдующее: «Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что «Общество Іисуса» отличается отъ Ордена Апостоловъ лишь временемъ своего основанія; оно не новый орденъ, а представляетъ собою лишь возобновленіе первой религіозной общины, основателемъ которой былъ самъ Іисусъ».

Законность привилегій новаго братства была основана на гипотезѣ о законности абсолютнаго господства папъ надъ церковью, свѣтскимъ обществомъ и его властями. Допустить, что это верховенство папства представляло собой узурпацію, значило объявить узурпаціей и исключительное господство іезуитовъ въ церкви и государствѣ. Отстаивая и защищая притязанія папства, утверждая, что римскій первосвященникъ—верховный и непогрѣшимый пастырь душъ въ христіанствѣ, іезуиты защищали въ то же время и законное существованіе своего ордена. Такъ какъ папы опирались на іезуитовъ, то самое ихъ существованіе всецѣло зависѣло отъ абсолютнаго духовнаго и свѣтскаго верховенства папской власти.

Такимъ образомъ, интересы папства и Іезуитскаго ордена были тѣсно связаны между собой. Съ самаго своего возникновенія, іезуиты старались возвести въ догматъ теоріи всемогущества, непогрѣшимости и универсальности папской власти и употребили всѣ свои усилія, чтобы Вселенскій Соборъ утвердилъ этотъ догматъ; дѣйствуя такимъ образомъ, они руководствовались не только уваженіемъ къ святѣйшему престолу, но и инстинктомъ самосохраненія.

Въ этомъ отношеніи, іезуиты слѣдовали примѣру нищенствующихъ орденовъ, которые, въ силу тѣхъ же соображеній, защищали идею папской власти и приспособили къ ней свое

богословіе. Эта солидарность интересовъ, этотъ тѣсный союзъ папства съ Іезуитскимъ орденомъ были главными факторами въ исторіи обоихъ учрежденій и оказали рѣшительное вліяніе на судьбу католицизма. Іезуитскій орденъ сдѣлался жертвой глубочайшей нравственной испорченности, благодаря своему стремленію доставить папству господство въ государственной области и въ церкви. Что же касается самой церкви, въ которой первоначальные принципы и древняя вѣра постепенно омрачались и извращались втеченіи среднихъ вѣковъ, то она пала нравственно, благодаря теоріямъ римской куріи и ея честолюбивымъ цѣлямъ. Современная католическая церковь вся проникнута духомъ іезуитизма, который самъ по себѣ не что иное, какъ папизмъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ.

ГЛАВА IV.

Общій характеръ іезуитскаго устава.—Послушаніе.—Происхожденіе устава.—Тайныя предписанія.—Раздѣленіе кодекса.

«Общество Іисуса» представляется наблюдателю колоссальнымъ гранитнымъ зданіемъ, обезпеченнымъ отъ всякаго внѣшняго напора и отъ процесса внутренняго разложенія. Сила общества заключается главнымъ образомъ въ строгомъ подчиненіи всѣхъ его членовъ генералу и, vice versa, въ строгомъ надзорѣ и господствѣ членовъ общества надъ генераломъ и всѣми старшинами. Въ этой желѣзной организаціи нѣтъ простора личной свободѣ, всякій характеръ обуздывается и направляется, всякій поступокъ подлежитъ наблюденію и контролю; ни одно дѣйствіе не совершается безъ вѣдома членовъ ордена. Общее дѣло ордена представляетъ собой ту живую душу, которая живетъ и дѣйствуетъ въ безчисленныхъ его членахъ. Личное сужденіе, независимыя воззрѣнія, собственное сознаніе—все это безусловно изгнано и осуждено уставомъ. Этотъ уставъ—символъ строжайшаго единства—составлялъ главную внѣшнюю силу общества; внутренніе результаты его были тѣмъ болѣе гибельны, что, убивая всякую личную жизнь, всякое оригинальное проявленіе духа, онъ уничтожалъ самую возможность прогресса, задерживая орденъ на такомъ умственномъ уровнѣ, который долженъ былъ по необходимости понижаться по мѣрѣ возвышенія культуры. Въ былое время іезуиты были авторитетными наставниками католическаго міра; они пользовались въ научной области всеобщимъ, хотя и мало заслуженнымъ, уваженіемъ. Въ настоящее время, они пали съ этой высоты, и дѣятельность ихъ распространяется лишь на низшіе слои народа. Это духовное паденіе ордена проявляется все сильнѣе съ каждымъ годомъ, и вліяніе ордена все болѣе и болѣе слабѣетъ. Въ началѣ своей дѣятельности іезуиты пожертвовали научными изслѣдованіями интересамъ папства. До тѣхъ поръ,

пока они были проникнуты убѣжденіемъ, что папство является хранителемъ христіанской истины и представителемъ верховной мудрости, чистота намѣреній могла уживаться рядомъ съ ошибками и предразсудками ума. Но лишь только была признана неосновательность этой гипотезы, лишь только стало ясно, что іезуиты стремятся подчинить человѣчество сомнительному авторитету, то въ умахъ явилось сознаніе, что истина приносится въ жертву фикціи. Подобно самой римской церкви, и іезуитскій орденъ идетъ къ медленной смерти. Оба учрежденія, въ своемъ логическомъ развитіи, сдѣлались темницей для человѣческаго разума; на страницахъ исторіи они будутъ отмѣчены оба, какъ могилы угасшей расы, въ которыхъ ни одинъ живой народъ не захочетъ замуровать себя. Человѣчество освободится отъ римской церкви и отъ Іезуитскаго ордена, несмотря на ихъ кажущуюся прочность и непоколебимость.

Организація Іезуитскаго ордена отличается строгимъ монархическимъ и военнымъ характеромъ въ области внутренняго управленія и администраціи; съ другой стороны, она имѣетъ и аристократическія черты. Избраніе генерала и дѣло законодательства предоставлены общему собранію, состоящему изъ самыхъ выдающихся членовъ. Но, несмотря на это, въ строѣ Іезуитскаго ордена есть и демократическій элементъ, такъ какъ всякій іезуитъ можетъ возвыситься съ самой низкой степени до самой высокой поэтому уставъ общества можно назвать смѣшаннымъ.

По словамъ Хуареса, «Іезуитское общество представляетъ собой отрядъ солдатъ», во главѣ котораго стоитъ генералъ. Такъ какъ дисциплина составляетъ главную двигательную силу всякой арміи, то генералъ требуетъ отъ членовъ общества безусловнаго, слѣпого повиновенія. Какъ бывшій военный, Лойола зналъ цѣну послушанію и потому сдѣлалъ его главнымъ основнымъ принципомъ общества. По словамъ Орландини, всякій воинствующій орденъ основанъ на послушаніи, потому что, благодаря послушанію, всѣ члены проникаются однимъ духомъ и дѣйствуютъ дружно для достиженія одной общей цѣли; послушаніе было особенно необходимо Іезуитскому ордену, болѣе похожему на мобилизированную армію, чѣмъ на мирное государство. Въ послѣднемъ каждый можетъ заниматься своимъ дѣломъ, подъ покровительствомъ законовъ; въ арміи же необходимо ловить благопріятный моментъ, солдатъ долженъ быть готовъ исполнить немедленно самыя неожиданныя приказанія,

а въ такомъ случаѣ быстрое повиновеніе является главнымъ условіемъ успѣха; вотъ почему Лойола такъ настаивалъ на слѣпомъ повиновеніи. «Пусть другія религіозныя братства,—пишетъ Лойола,—превосходятъ насъ постомъ, молитвой, строгостью одежды и пищи; наши братья должны блистать истиннымъ безусловнымъ послушаніемъ, отреченіемъ отъ всякой воли и собственнаго сужденія». А Борджіа прибавляетъ къ этому: «Послушаніе—самый неприступный оплотъ общества Іисуса».

По теоріи Лойолы, послушаніе раздѣляется на три степени. Первая, самая несовершенная степень та, когда послушаніе проявляется только въ дѣлахъ. Эта степень послушанія не можетъ быть названа добродѣтелью. По словамъ Маффеи, Лойола даже говорилъ, что тотъ, кто лишь внѣшнимъ образомъ и противъ воли исполняетъ приказаніе своихъ начальниковъ, долженъ быть причисленъ къ самымъ презрѣннымъ рабамъ и стоитъ на одной ступени съ нечистыми животными. Послушаніе лишь тогда становится добродѣтелью, когда подчиненный проникается волею своего начальника, когда онъ въ душѣ одобряетъ данное ему приказаніе, а не ограничивается автоматическимъ исполненіемъ требуемаго дѣйствія. Если человѣкъ хочетъ всецѣло отдаться Богу, онъ долженъ принести ему въ жертву не только свою личную волю, но и свое личное сужденіе. Идеальный послѣдователь Лойолы долженъ не только отождествляться съ желаніями своего начальника: онъ долженъ отождествляться съ его мыслями и считать истиннымъ и справедливымъ все, что начальникъ думаетъ и приказываетъ. Правда, жертва разума требуется лишь настолько, насколько воля въ состояніи управлять умомъ; слѣпое послушаніе требуется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не сопряжено съ явнымъ грѣхомъ. Но эти ограниченія чисто фиктивныя: отказъ отъ собственнаго сужденія равносиленъ отреченію отъ всякаго анализа, отъ всякой личной отвѣтственности. Не слѣдуетъ также забывать, что Лойола запрещаетъ всякое размышленіе о томъ, полезно-ли и справедливо-ли какое-нибудь приказаніе, потому что сомнѣніе парализуетъ пылъ и быстроту исполненія, убиваетъ простодушіе и наивность слѣпого послушанія; тотъ, кто размышляетъ, не можетъ быть храбрымъ въ трудныхъ предпріятіяхъ, и его послушаніе теряетъ всякое достоинство. Въ одномъ изъ своихъ наставленій Лойола говоритъ: «Вы должны руководствоваться слѣпымъ инстинктомъ, безъ всякаго анализа, какъ Авраамъ, когда Богъ приказалъ ему принести въ жертву сына его Исаака». Іезуитскій уставъ запрещаетъ

членамъ ордена имѣть какія-либо личныя чувства. Всѣ іезуитскіе писатели требуютъ отъ членовъ ордена самоотреченія въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Альфонсъ Родригесъ пишетъ по этому поводу: «Если ты отказываешься подчинить старшему твой разумъ и волю, то твое послушаніе не имѣетъ значенія жертвы; оно далеко отъ совершенства, потому что ты не хочешь принести Богу въ жертву самую благородную часть твоего существа — разумъ. Святой Игнатій недаромъ говоритъ, что тотъ, кто приноситъ въ жертву лишь свою волю, стоитъ только одною ногою въ орденѣ. Неполное послушаніе имѣетъ два глаза, которые являются источникомъ несчастія для своего обладателя; полное послушаніе слѣпо, и эта слѣпота составляетъ мудрость и совершенство человѣка. Никогда не слѣдуетъ повиноваться, если намъ предписывается дѣло грѣховное; но послушаніе необходимо, когда предписывается воздержаться отъ добраго дѣла». Алоизій Беллецій говоритъ, что «истинное послушаніе заключается въ исполненіи всего предписаннаго, хотя бы цѣною здоровья, жизни, чести и даже высшей добродѣтели и прославленія Бога; безусловное послушаніе необходимо даже въ томъ случаѣ, если приказаніе старшаго обусловлено явнымъ предразсудкомъ, несправедливостью, пристрастіемъ или какою-либо преступною страстью». Слѣдуетъ напомнить, что, въ силу одной изъ привилегій ордена, рѣшеніе старшаго заставляетъ умолкать всякія сомнѣнія члена общества—и тогда станетъ понятнымъ, что неизбѣжнымъ результатомъ отреченія отъ собственной воли и разума было развращеніе совѣсти.

По предписанію Лойолы, всякій членъ общества долженъ видѣть въ старшемъ не человѣка, которому свойственны слабости и ошибки, а самого Христа, т. е. воплощеніе высшаго разума, неистощимой доброты и безконечной любви; приказанія старшаго должны быть также святы, какъ слова Христа. Что же касается генерала, то онъ непогрѣшимый пастырь душъ и глава церкви. Въ немъ воплощается воля, убѣжденіе и совѣсть всего ордена; предначертанія генерала не пререкаемы, какъ воля Божія, а орденъ не что иное, какъ его пассивное орудіе. Уставъ ордна повторяетъ *500 разъ*, что генералъ—представитель Христа. «Всякій долженъ быть убѣжденъ,—гласитъ уставъ,—что тѣ, которые живутъ по закону послушанія, должны предоставить себя руководству божественнаго Провидѣнія, которое дѣйствуетъ при посредствѣ старшинъ ордена; слѣпое послушаніе требуетъ, тобы человѣкъ превратился въ трупъ, которому можно придать какое угодно положеніе, или въ по-

сохъ, которымъ можетъ управлять, по своему усмотрѣнію, тотъ, кто держитъ его въ рукахъ».

Со времени Василія Великаго, церковь всегда считала послушаніе первымъ долгомъ всякаго члена ордена. Василій Великій говорилъ, что монахи должны быть въ рукахъ своихъ настоятелей тѣмъ же самымъ, чѣмъ является топоръ въ рукахъ дровосѣка. Венедиктъ Нурсійскій требуетъ послушанія даже въ дѣлахъ невозможныхъ. Уставъ ордена шартрёзовъ предписываетъ каждому члену убивать свою волю, какъ закалываютъ агнцевъ. У кармелитовъ сопротивленіе приказаніямъ начальства считается смертнымъ грѣхомъ. Францискъ Ассизскій постоянно напоминалъ своимъ братьямъ, что духовный человѣкъ долженъ считать себя трупомъ, получающимъ душу и жизнь отъ дыханія Св. Духа. Бонавентура часто повторялъ, что человѣкъ, истинно послушный, походитъ на мертвое тѣло, которое дѣйствуетъ и движется безъ сопротивленія. Лойола заимствовалъ у Франциска Ассизскаго сравненіе члена ордена съ трупомъ. Равиньянъ старается оправдать іезуитское послушаніе сравненіемъ съ военною дисциплиной. Онъ приводитъ слѣдующій примѣръ: «Солдатъ,—говоритъ начальникъ подчиненному,—ты станешь на этомъ мѣстѣ и не сойдешь съ него. Ты погибнешь, но мы пройдемъ, куда слѣдуетъ».—«Да, генералъ», отвѣчаетъ солдатъ. Таково военное послушаніе, превращающее человѣка въ трупъ. Солдатъ повинуется и умираетъ, а благодарное отечество вѣнчаетъ его лаврами и прославляетъ его величіе и геройство. «Завтра ты отправишься въ Китай, гдѣ тебя ожидаютъ гоненія, а быть можетъ мученическая смерть».—«Да, отче».—Таково послушаніе религіозное. Оно дѣлаетъ человѣка апостоломъ и мученикомъ, оно посылаетъ благородныя жертвы на край свѣта — умирать ради спасенія неизвѣстныхъ братьевъ. Этимъ благороднымъ жертвамъ послушанія церковь посвящаетъ алтари, гимны и чествуетъ ихъ память торжественными праздниками».

Признавая геройство такого поведенія, слѣдуетъ отдать справедливость великимъ подвигамъ іезуитскихъ миссіонеровъ; но невозможно игнорировать всю опасность злоупотребленія святымъ послушаніемъ и весь ужасъ духовной смерти, которую оно влечетъ за собой. Между Богомъ и свободною совѣстью человѣка стоитъ третье лицо, превращающее религіозныя отношенія въ недостойное рабство, что развращаетъ подчиненнаго и ставитъ его на ложный путь. Нравственная личность человѣка всецѣло обусловливается разумомъ и свободной

волей, а все, что уничтожаетъ свободу разума и воли, достойно осужденія. Военное послушаніе далеко не соотвѣтствуетъ послушанію іезуитскому; послѣднее гораздо обширнѣе, потому что оно охватываетъ всего человѣка и не довольствуется, подобно первому, внѣшними дѣйствіями: оно порабощаетъ волю и убиваетъ разумъ.

Уставъ ордена изложенъ въ особой книгѣ. Планъ устава восходитъ къ самому Лойолѣ, но редакція его повидимому проникнута духомъ Лаинеса. Что же касается дополненій, прибавленныхъ къ уставу, то они составлены Лаинесомъ и Сальмерономъ, двумя людьми, проникнутыми политическимъ духомъ Уставъ былъ значительно измѣненъ различными общими собраніями. Общая конгрегація 1558 года предписала прибавить къ уставу, вмѣсто комментаріевъ, такъ называемыя декларацiи Лаинеса. Избранный этимъ собраніемъ въ генералы, онъ получилъ полномочіе организовать орденъ по собственному усмотрѣнію, и его декларацiи имѣютъ такую же силу, какъ и самъ уставъ; онѣ имѣютъ, пожалуй, даже болѣе важное значеніе, потому что истолковываютъ смыслъ устава и регулируютъ практическую дѣятельность ордена. «Декларацiи» Лаинеса ограничиваютъ, посредствомъ цѣлаго ряда исключеній, первоначальный смыслъ многихъ законовъ; онѣ способствуютъ развитію деспотизма генерала и совершенно искажаютъ обѣтъ бѣдности, произносимый членами. Лаинесъ провелъ въ вышеупомянутомъ собраніи резолюцію, которая даровала генералу исключительное право предписывать ордену законы.

ГЛАВА V.

Генералъ.—Посвященіе въ члены ордена.—Индульгенціи ордена.—Имущество посвящаемыхъ.—Свѣтскіе помощники.—Начальники школъ.—Духовные помощники.—Исповѣдники трехъ обѣтовъ.—Сторонники ордена.—Особыя милости, оказываемыя сторонникамъ.—Исповѣдники четырехъ обѣтовъ.

Генералъ Іезуитскаго ордена связанъ извѣстными законами въ исполненіи своихъ обязанностей. Въ предѣлахъ этихъ законовъ, онъ обладаетъ верховною властью, какъ монархъ; власть его пожизненная, а потерять ее онъ можетъ лишь по собственной винѣ. Онъ издаетъ предписанія, обязательныя для всего общества, отдаетъ приказанія на счетъ исполненія правилъ общества, истолковываетъ сомнительные пункты устава, и его толкованія имѣютъ обязательную силу; онъ же истолковываетъ привилегіи, опредѣляетъ ихъ примѣненіе и распространяетъ ихъ на своихъ подчиненныхъ по собственному усмотрѣнію. Отъ него зависитъ принять въ орденъ новаго члена и исключить изъ него прежняго. Іезуитъ можетъ выйти изъ ордена безъ согласія генерала лишь въ томъ случаѣ, если онъ захочетъ поступить въ шартрёзы. Генералъ располагаетъ всѣми должностями: онъ назначаетъ на должности и смѣняетъ должностныхъ лицъ по собственному усмотрѣнію; отъ него зависитъ расширить или сократить сферу дѣятельности и права своихъ подчиненныхъ; онъ можетъ снова принять въ орденъ членовъ, исключенныхъ за важные проступки, и наложить на нихъ взысканія; онъ учреждаетъ новые университеты, общежитія и коллегіи, но не имѣетъ права закрывать уже существующіе. Онъ управляетъ имуществами ордена, но не имѣетъ права отчуждать ихъ; впрочемъ, отчужденіе дозволяется въ формѣ вспомоществованія родственникамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы общества настоятельно требуютъ отчужденія. Весь орденъ подчиненъ юрисдикціи генерала, который созываетъ общія кон-

грегаціи и играетъ въ нихъ роль предсѣдателя, имѣющаго два голоса. На смертномъ одрѣ, онъ назначаетъ викарія, на котораго возлагаетъ управленіе орденомъ до избранія новаго генерала.

Раціональное управленіе дѣлами ордена регулировано цѣлымъ рядомъ различныхъ постановленій. Во главѣ ордена, рядомъ съ генераломъ, стоятъ «мониторъ» и «ассистенты». Первый даетъ обѣтъ имѣть постоянный надзоръ надъ генераломъ, предостерегать его отъ ошибокъ и давать ему совѣты; ассистенты, которыхъ четверо, назначаются изъ представителей различныхъ націй и составляютъ тайный совѣтъ главы ордена. Этотъ совѣтъ созываетъ общую конгрегацію послѣ смерти генерала и въ тѣхъ случаяхъ, когда его смѣщеніе считается необходимымъ. Такихъ случаевъ шесть. Генералъ можетъ быть лишенъ власти и сана, если будетъ доказано, что онъ совершилъ какой-нибудь смертный грѣхъ. Онъ подлежитъ смѣщенію за нарушеніе обѣта цѣломудрія, за нанесеніе кому либо ранъ или увѣчій, за отчужденіе въ свою пользу или въ пользу другихъ лицъ доходовъ коллегіи, за отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, общежитій и коллегій, и наконецъ за принадлежность къ еретическому ученію.

Генералъ можетъ временно отрѣшить отъ должности своихъ ассистентовъ, но не смѣстить ихъ. Онъ не свободенъ въ выборѣ своего духовника: его назначаетъ орденъ, и духовникомъ генерала обыкновенно бываетъ мониторъ; орденъ же предписываетъ генералу режимъ, образъ жизни, покрой и цвѣтъ одежды, духовныя упражненія, которымъ онъ долженъ предаваться, сумму ежедневнаго труда и назначаетъ ему помощника, если онъ въ немъ нуждается. Законъ обязываетъ генерала жить постоянно въ Римѣ; онъ не можетъ провести ни одной ночи въ другомъ мѣстѣ безъ одного изъ своихъ ассистентовъ. Онъ не можетъ по собственному усмотрѣнію отказаться отъ своей должности или принять, безъ согласія ордена, какую-либо духовную или свѣтскую должность. Онъ не имѣетъ права освободить отъ обѣта одного изъ исповѣдниковъ четырехъ обѣтовъ, безъ согласія ассистентовъ и провинціаловъ. Въ случаѣ крайней необходимости, общая конгрегація или провинціалы назначаютъ въ помощь генералу викарія, которому передаются всѣ его права. Въ этомъ случаѣ генералъ сохраняетъ до самой смерти свою должность и титулъ.

Несмотря на вышеизложенныя ограниченія, власть гене-

рала стала постепенно принимать деспотическій характеръ, начиная съ Аквавивы. Въ посланіи къ Клименту VIII, испанскіе іезуиты жалуются, что генералъ возмнилъ себя абсолютнымъ властелиномъ и совершенно произвольно управляетъ орденомъ: онъ не признаетъ никакихъ законовъ, казнитъ и милуетъ, возвеличиваетъ и унижаетъ по собственному благоусмотрѣнію, считая себя самимъ Богомъ, недоступнымъ никакимъ ошибкамъ и свободнымъ отъ всякихъ заблужденій. Іезуитъ Маріана обличилъ эти злоупотребленія съ необыкновенной энергіей: «Генералъ имѣетъ лишь одну заботу: сохранить власть, подражать тиранамъ, не допускать созванія общихъ собраній, которыя потребовали бы у него отчета въ его дѣйствіяхъ. Если бы онъ даже сошелъ съ ума, то большинство общества высказалось бы въ его пользу». Тотъ же Маріана характеризуетъ такимъ образомъ несправедливость и произволъ генерала въ налагаемыхъ имъ взысканіяхъ: «Желая избѣжать скандаловъ, орденъ организованъ такъ, что проступки тщательно затушевываются. Строгость практикуется лишь по отношенію къ немногимъ трусамъ, которые не рѣшаются оказывать сопротивленія. Странное и замѣчательное дѣло! Добрыхъ людей подвергаютъ пыткѣ безъ всякой причины или за легкіе проступки; злымъ же все спускаютъ, потому что они умѣютъ запугивать». Слѣдуетъ замѣтить, что эти строки написаны однимъ изъ самыхъ выдающихся членовъ ордена.

Отъ генерала требуются самыя высокія качества, которыя рѣдко встрѣчаются въ одномъ лицѣ. Онъ долженъ быть набоженъ и добродѣтеленъ, проникнутъ смиреніемъ и человѣколюбіемъ; онъ долженъ побороть въ себѣ всѣ страсти и естественныя влеченія, долженъ быть остороженъ въ рѣчахъ, произносить только назидательныя слова. Строгость и справедливость должны соединяться въ немъ съ кротостью и милосердіемъ, съ мужествомъ и твердостью, необходимыми для великихъ богоугодныхъ подвиговъ и для сопротивленія сильнымъ міра; онъ долженъ служить задуманному дѣлу, не уступая ни просьбамъ, ни угрозамъ и претерпѣвать всякіе удары судьбы, будучи всегда готовымъ идти на смерть за благо ордена. Кромѣ всего этого, генералъ долженъ отличаться проницательнымъ умомъ; отъ него требуется глубокая ученость, но еще больше осторожности и ловкости. Онъ долженъ обладать несокрушимою силою духа и такимъ же здоровьемъ, благообразною наружностью, доброю славою и общественнымъ ува-

женіемъ, безукоризненною честностью, правильнымъ взглядомъ на вещи и глубочайшею преданностью обществу.

Новые члены допускаются въ общество лишь послѣ искуса, который продолжается отъ одного года до двухъ лѣтъ. Прежде всего, новый адептъ подвергается строжайшему допросу, относящемуся къ его прошлой жизни, къ его общественному положенію, характеру, познаніямъ, обязательствамъ, нравственнымъ и физическимъ качествамъ. Лойола всегда старался привлечь людей, пользующихся большимъ вліяніемъ и обладающихъ какими-либо исключительными дарованіями. Орденъ удаляетъ отъ себя людей съ тяжелымъ, неподвижнымъ умомъ, но зато охотно принимаетъ тѣхъ, которые одарены не дюжинными нравственными и физическими силами. Большое значеніе придается физической красотѣ, и въ орденъ охотно принимаются люди рослые, здоровые и обладающіе краснорѣчіемъ. Ересь, убійство, безчестіе, постигшее человѣка за какое-нибудь ужасное преступленіе, принадлежность къ чужому ордену, бракъ, низкое происхожденіе, нравственный и физическій недугъ были непреодолимыми препятствіями къ поступленію въ орденъ. Тѣмъ не менѣе, вопросъ о допущеніи въ орденъ рѣшался начальникомъ, который объявлялъ, что адептъ не обладаетъ никакимъ исключительнымъ даромъ Божіимъ. Безчестіе служило препятствіемъ лишь въ томъ случаѣ, если оно было публичное. Генералу было предоставлено рѣшать, какіе именно грѣхи лишаютъ человѣка возможности поступить въ Іезуитскій орденъ. Если убійство бывало констатировано, то папа могъ простить виновнаго, въ случаѣ предстательства генерала, ссылавшагося на то, что открылъ у адепта какой-нибудь исключительный талантъ. Бракъ также не мѣшалъ вступленію въ орденъ, если жена соглашалась на расторженіе супружескихъ узъ. По правиламъ, потомки евреевъ и магометанъ были безусловно исключены изъ ордена; но іезуиты обходили и это правило, и въ настоящее время въ немъ множество крещеныхъ евреевъ. Что же касается менѣе серьезныхъ препятствій, то ихъ устраняли еще легче.

Орденъ принималъ новыхъ членовъ, начиная съ 14 лѣтняго возраста; впрочемъ, генералъ имѣлъ право принимать и болѣе юныхъ послушниковъ, вслѣдствіе чего сдѣлалось возможнымъ совращеніе дѣтей. Вновь поступающіе могутъ дѣлаться по собственному усмотрѣнію свѣтскими и духовными членами ордена или же оставаться такъ называемыми «индифферентами». Дѣятельность и назначеніе послѣднихъ всецѣло зависятъ

отъ старшихъ. Они подвергаются такому же экзамену, какъ и послушники, а свѣтскихъ членовъ экзаменуютъ главнымъ образомъ по части ихъ способности къ различнымъ хозяйственнымъ должностямъ.

Искусъ начинается духовно-нравственными упражненіями и исповѣдью, распространяющеюся на всю прошлую жизнь; затѣмъ слѣдуютъ въ извѣстные промежутки служба въ больницахъ, хожденіе къ святымъ мѣстамъ, пѣшеходныя экскурсіи съ нищенской сумой, исполненіе различныхъ тяжелыхъ и даже отвратительныхъ работъ, аскетическія упражненія, молчаніе во время часовъ отдыха, самобичеваніе на сонъ грядущій по середамъ и пятницамъ. Все это дѣлается для укрѣпленія въ добродѣтели, смиренія и послушанія и для пріобрѣтенія духовнаго совершенства. Наставникъ испытываетъ силы своихъ учениковъ точно такъ же, какъ Богъ испытывалъ Авраама.

Послушники, желающіе сдѣлаться духовными членами ордена, должны излагать основанія христіанскаго ученія и преподавать катехизисъ; если они уже клерики, то должны говорить проповѣди и исповѣдывать.

Послушнику воспрещается всякое общеніе съ внѣшнимъ міромъ; письма, которыя онъ посылаетъ или получаетъ, перехватываются старшими; онъ долженъ отрѣшиться отъ семейства и считать умершими самыхъ близкихъ своихъ родственниковъ. Если послушникъ одаренъ необыкновенными талантами, но не обнаруживаетъ истиннаго призванія, то его не исключаютъ, а переводятъ изъ одного іезуитскаго общежитія въ другое.

День послушника, губительный для ума своимъ однообразіемъ, начинается въ четыре часа и продолжается 17 часовъ. Бичеваніе—не болѣе, какъ простая формальность; Боде говоритъ, что іезуитская плеть такъ же похожа на древнее орудіе пытки, какъ былинка на дубъ. Она коротка и недостаточно тяжела, чтобы разсѣчь кожу. При бичеваніи послушникъ становится на колѣни въ своей кельѣ и, читая псалмы покаянія, стегаетъ себя по обнаженной спинѣ. Кромѣ плети у іезуитовъ было еще одно орудіе умерщвленія плоти, а именно цѣпь, состоящая изъ звеньевъ, въ формѣ лошадиной подковы длиной и шириной въ одинъ дюймъ; каждое звено было снабжено зубцами на внутренней сторонѣ. Послушники опоясывались этой цѣпью, которая оставляла на обнаженномъ тѣлѣ кровавые слѣды. Наиболѣе усердные послушники, же-

лая обуздать грѣховные порывы, проводили всю ночь въ желѣзномъ поясѣ, что причиняло невыносимыя страданія: іезуитскіе духовники, впрочемъ, запрещали всякое излишество въ умерщвленіи плоти.

Чтеніе фантастическихъ разсказовъ о святыхъ, о явленіяхъ дьявола и его искушеніяхъ чередовалось съ „упражненіями“ и аскетическими подвигами, и все это окончательно извращало умъ молодыхъ послушниковъ. Іезуиты придавали огромное значеніе даже машинальной молитвѣ, въ которой мысль нисколько не участвуетъ; желая пріучить къ этому послушниковъ, они обѣщали за такую молитву самыя обширныя индульгенціи. Кромѣ тѣхъ индульгенцій, которыя іезуитъ получаетъ по случаю пріѣзда провинціала, въ день своего вступленія въ орденъ, въ день произнесенія перваго обѣта, на смертномъ одрѣ и въ началѣ миссіонерской дѣятельности, всякій членъ ордена можетъ заслужить семь полныхъ индульгенцій втеченіи мѣсяца, посредствомъ молитвъ и размышленій. Ему дозволяется и даже предписывается пріобрѣсти другими средствами двадцать полныхъ индульгенцій въ годъ. Іезуитскіе патеры дошли до такой тонкой казуистики, что установили слѣдующее правило: достаточно съ самаго утра желать пріобрѣсть индульгенцію, чтобы дѣйствительно пріобрѣсти всѣ, объявленныя въ этотъ день, потому что обществу Іисуса дано право пользоваться всѣми духовными милостями, дарованными христіанскому міру. Слѣдуетъ прибавить, что за молитву по четкамъ іезуитамъ также давались индульгенціи. Каждое зерно четокъ даетъ прощеніе грѣховъ на сто дней; слѣдовательно каждый іезуитъ можетъ ежедневно пріобрѣсти прощеніе грѣховъ на шесть тысячъ дней.

Кохлеръ даетъ чрезвычайно интересное описаніе развлеченій послушниковъ; онъ разсказываетъ, что они играютъ на билліардѣ и въ домино, а ставкой является какая-нибудь молитва, по большей части «Ave Maria». Проигравшій становится на колѣни по окончаніи партіи и читаетъ молитву за спасеніе души выигравшаго. Что же касается нищенскихъ экспедицій іезуитовъ, то онѣ уже давно утратили характеръ тяжелаго подвига и испытанія: послушники, братья и патеры посѣщаютъ только дома друзей и людей, преданныхъ ордену.

Письмо философа Рейнгольда, который задумалъ было вступить въ орденъ, знакомитъ насъ съ чувствами, которыя усердный и убѣжденный послушникъ питаетъ къ своимъ ближайшимъ родственникамъ. Получивъ извѣстіе объ упраздненіи

ордена, Рейнгольдъ пишетъ своему отцу изъ вѣнскаго дома послушанія Св. Анны (13 сентября 1773 года). «Прежде всего мнѣ пришло въ голову, что я возвращусь подъ отеческій кровъ. Но будучи еще связанъ уставомъ нашего св. ордена, я не дерзнулъ свободно думать о васъ и о родительскомъ домѣ, потому что это разрѣшено намъ лишь для того, чтобы молиться за своихъ близкихъ. Такой ревностный христіанинъ, какъ вы, дорогой отецъ, знаетъ не хуже священника, что есть узы, болѣе святыя, чѣмъ узы слабаго и развращеннаго человѣческаго естества. Человѣкъ, умершій для плоти и живущій только духовною жизнью, знаетъ только Отца Небеснаго и св. орденъ, къ которому принадлежитъ; семейство замѣняютъ ему братья во Христѣ, а отечествомъ его становятся небеса. Плотскія привязанности представляютъ собой самыя сильныя цѣпи, которыми сатана приковываетъ насъ къ землѣ. Вчера вечеромъ, ночью и сегодня утромъ я выдерживалъ съ врагомъ нашего совершенства такую же ожесточенную борьбу, какъ въ началѣ моего духовнаго поприща. Онъ ежеминутно рисовалъ передъ моими взорами, будто какими-то чарами, образы матери, отца, брата, сестеръ, дяди, тетокъ и даже нашей служанки. Чтобы отомстить искусителю и заслужить награду за послушаніе, я отправился къ отцу - ректору и просилъ его приказать мнѣ, во имя святого закона послушанія, написать письмо къ роднымъ». Рейнгольдъ проситъ отца приготовить ему особую комнату съ выходомъ въ переднюю и выражаетъ желаніе, чтобы приготовленіями занялся лакей, потому что ни горничная, ни нянька, ни даже сестры не должны входить въ его келью. Матери же онъ напоминаетъ, что Св. Алоизій никогда не смотрѣлъ на свою мать.

Уставъ ордена обязываетъ послушника употреблять всѣ свои деньги на благотворительныя дѣла или отдать ихъ на храненіе начальнику общежитія. Онъ сохраняетъ право собственности до момента произнесенія обѣта, но его состояніе находится въ администраціи провинціала. Если послушникъ отдаетъ ордену все свое состояніе, то это считается высочайшимъ подвигомъ и величайшею добродѣтелью. Сохранить состояніе и располагать имъ послѣ произнесенія обѣта значило бы нарушить святой законъ бѣдности. Іезуитскій уставъ говоритъ на этотъ счетъ, что передать состояніе роднымъ значитъ слушаться голоса плоти и крови и нарушить заповѣдь Христа, предписавшаго раздѣлить богатство нищимъ. Но если іезуитъ оставляетъ за собой право располагать своимъ имуще-

ствомъ, то онъ долженъ совѣтоваться на этотъ счетъ съ вліятельными членами ордена, по указанію своего прямого начальника.

Если орденъ нуждается въ деньгахъ, то всякій членъ долженъ снабжать его средствами, въ ущербъ своимъ роднымъ, потому что ближе родныхъ ему должны быть люди, съ которыми онъ связанъ духовными узами. Впрочемъ, разъ какъ членъ произнесъ обѣтъ нищеты, начальникъ имѣетъ право давать ему приказанія относительно расходованія имущества. Орденъ никогда не возвращаетъ того, что получилъ: хотя-бы жертвователь былъ исключенъ изъ общества, его имущество принадлежитъ на вѣчныя времена ордену. Если кто-либо изъ послушниковъ завѣщалъ свое состояніе роднымъ до поступленія въ орденъ, то іезуитскій патеръ Молина совѣтуетъ добиться отъ него, чтобы онъ уничтожилъ свое завѣщаніе и передалъ имущество ордену. Если завѣщаніе въ пользу ордена составлено послушникомъ въ первый годъ искуса, то оно считается дѣйствительнымъ, хотя бы завѣщатель не остался въ орденѣ.

Послѣ искуса, который продолжается нѣсколько лѣтъ, послушникъ произноситъ такъ называемые простые обѣты, которые и связываютъ его на всю жизнь; но передъ этимъ его знакомятъ съ уставомъ ордена, ограничиваясь по большей части краткимъ изложеніемъ его будущихъ обязанностей. Такъ какъ послушникамъ не даютъ возможности изучить уставъ во всемъ его объемѣ, то многіе изъ нихъ поступаютъ въ орденъ, не имѣя вполнѣ яснаго понятія о его духѣ и законахъ; многіе завѣщаютъ свое имущество, не подозрѣвая, что оно не будетъ имъ возвращено, когда они выйдутъ изъ ордена.

Тѣ изъ послушниковъ, которые желаютъ посвятить себя свѣтской дѣятельности, назначаются на должности такъ называемыхъ свѣтскихъ помощниковъ. Они несутъ матеріальную службу въ качествѣ домашней прислуги, поваровъ, мастеровыхъ, администраторовъ имуществъ и т. д. Они произносятъ безъ всякой торжественной церемоніи три обѣта—послушанія, бѣдности и цѣломудрія; они отказываются отъ всякаго права собственности, и передъ назначеніемъ на какую-нибудь должность ихъ посылаютъ просить милостыню втеченіи трехъ дней.

Послушники, предназначающіе себя для духовнаго сана, начинаютъ свой курсъ наукъ на второмъ году искуса и носятъ названіе «scholastici nostri,» въ отличіе отъ посторон-

нихъ учениковъ, принимаемыхъ въ коллегіи. Къ тремъ извѣстнымъ обѣтамъ они прибавляютъ четвертый, заключающійся въ обязательствѣ жить по уставу ордена; послѣ этого, имъ даютъ названіе «scholastici approbati.» Эти четыре обѣта произносятся публично, въ присутствіи старшихъ представителей дома, но тѣмъ не менѣе они имѣютъ только характеръ обѣщаній, данныхъ Богу. Послѣ произнесенія обѣтовъ, новый членъ подчиняется всецѣло юрисдикціи ордена и можетъ возвратиться въ міръ лишь съ согласія генерала. Чрезвычайно ловко придуманное постановленіе, составленное для соблюденія интересовъ ордена, дозволяетъ генералу и общему собранію ограничить для членовъ послѣдней категоріи обѣтъ бѣдности; если имъ предстоитъ получить какое-нибудь наслѣдство, то имъ возвращается право собственности, съ условіемъ передать унаслѣдованное имущество ордену.

«Scholastici approbati» готовятся къ священству или преподавательской дѣятельности въ коллегіи, подъ наблюденіемъ ректора, который руководитъ ихъ занятіями и прибавляетъ къ нимъ духовно-нравственныя упражненія. Шпіоны, назначенные ректоромъ, ежечасно слѣдятъ за схоластиками. По словамъ Равиньяна, тѣ два года, которые слѣдуютъ за искусомъ, посвящены риторикѣ и литературѣ; потомъ изучается математика, философія и физика.

Затѣмъ молодыхъ членовъ общества посылаютъ преподавать въ одномъ изъ лицеевъ ордена тѣ предметы, которые они изучили; по достиженіи 28 лѣтняго возраста, они проходятъ курсъ богословія втеченіи четырехъ или пяти лѣтъ. По окончаніи этого курса, на 33 году, новый членъ ордена посвящается въ священство.

Всякое повышеніе зависитъ отъ удовлетворительно выдержаннаго экзамена. Схоластикъ, окончившій курсъ философіи въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ, получаетъ названіе «scholasticus formatus», но это повышеніе зависитъ отъ усмотрѣнія генерала, который можетъ оставить кого-либо изъ членовъ на всю жизнь въ классѣ «scholastici approbati», или разжаловать въ свѣтскіе помощники и заставить исполнять самую черную работу. Только тотъ, кто возведенъ на степень коадъютора, становится дѣйствительнымъ членомъ ордена. По окончаніи курса наукъ, схоластики произносятъ обѣты въ присутствіи начальника, нищенствуютъ три дня и отказываются отъ всякой личной собственности. Къ тремъ установленнымъ обѣтамъ присоединяется четвертый, заключающійся въ томъ, что схо-

ластикъ клянется служить ордену, посредствомъ воспитанія юношества.

Духовные помощники могутъ быть назначаемы въ ректоры и прокуроры; они исполняютъ духовныя должности, завѣдуютъ важными дѣлами ордена, и на нихъ возлагаются научные и литературные труды. Ихъ посылаютъ въ качествѣ уполномоченныхъ на общія собранія, гдѣ они имѣютъ право голоса; но они не могутъ участвовать въ избраніи генерала. Тотъ, кто благополучно выдержалъ искусъ, можетъ надѣяться получить высшую степень исповѣдника трехъ или четырехъ обѣтовъ.

Тотъ, кто произнесъ три обѣта, съ присоединеніемъ обѣта посвятить себя воспитанію юношества, становится исповѣдникомъ и несетъ такія же обязанности, какъ духовные помощники. Всѣ лица, принадлежащія къ этой категоріи, должны быть членами ордена по крайней мѣрѣ втеченіи 7 лѣтъ; отъ нихъ требуется успѣшное изученіе гуманныхъ наукъ и богословія; для нихъ не обязательно принимать священническій санъ. Генералъ имѣетъ право освободить ихъ отъ данныхъ обѣтовъ, но не иначе, какъ съ согласія своихъ помощниковъ и провинціаловъ.

Обязанности исповѣдниковъ трехъ обѣтовъ кажутся не совсѣмъ ясными; многіе предполагали, что къ этой категоріи принадлежатъ такъ сказать внѣшніе сторонники ордена, какъ свѣтскіе, такъ и духовные. Сами іезуиты всегда отрицали существованіе такихъ сторонниковъ. Байль не вѣритъ ихъ существованію, но Монкларъ ярко освѣтилъ этотъ сомнительный вопросъ.

По его словамъ орденъ несомнѣнно имѣлъ такихъ сторонниковъ. Къ ихъ числу принадлежалъ Францискъ Борджіа, когда былъ вице-королемъ Каталоніи, и то же самое слѣдуетъ сказать о кардиналѣ Нобиліусѣ. Въ уставѣ изложенъ способъ пріобрѣтенія такихъ членовъ, а такъ какъ орденъ стремился къ господству надъ свѣтскимъ обществомъ, то онъ старался вербовать въ его средѣ возможно больше тайныхъ сторонниковъ, чтобы пользоваться ихъ услугами. Для ордена было въ высшей степени важно привлекать къ себѣ свѣтскихъ сановниковъ, министровъ, судей, кардиналовъ; и дѣйствительно, такія лица принадлежали ордену и подъ рукой работали въ его пользу.

Уставъ ордена рекомендуетъ слѣдующіе способы вербовки мірскихъ сторонниковъ:

Первоначально было предписано произносить обѣты только въ Римѣ; но впослѣдствіи было разрѣшено произносить ихъ во всѣхъ учрежденіяхъ ордена и даже въ присутствіи лицъ, н принадлежащихъ къ числу его членовъ; наконецъ, было разрѣшено произносить обѣты тайно и, съ согласія генерала, въ его домѣ. По словамъ Хуареса, такимъ исповѣдникамъ позволялось не принимать духовнаго сана. Слѣдуетъ замѣтить, что и іезуиты не имѣютъ особой формы одежды и могутъ носить общее гражданское платье; благодаря этому постановленію, принадлежность къ ордену не выражалась никакимъ характеристическимъ признакомъ. Генералъ имѣлъ право сократить время искуса и разрѣшить прохожденіе его внѣ учрежденій ордена. Духовно-нравственныя упражненія и общая исповѣдь обязательны, но могутъ быть исполнены втеченіи недѣли въ глубочайшей тайнѣ. Исполненіе обѣта бѣдности обязательно лишь въ томъ случаѣ, когда этотъ обѣтъ согласуется съ общественнымъ положеніемъ исповѣдника. Что же касается обѣта цѣломудрія, то генералъ могъ согласить его съ бракомъ; къ тому же отъ этого обѣта освобождались высокопоставленныя лица, а Хуаресъ доказывалъ, что цѣломудріе въ бракѣ не что иное, какъ супружеская вѣрность, совершенно достаточная для мірскихъ іезуитовъ. Словомъ, іезуитскіе обѣты легко приспособлялись къ общественному положенію тѣхъ, которыхъ орденъ считалъ нужнымъ завербовать. Наконецъ, генералу было предоставлено право «секуляризировать» каждаго изъ своихъ подчиненныхъ, пославъ его въ міръ, съ условіемъ, чтобы онъ вернулся въ орденъ при первомъ зовѣ.

Такимъ образомъ, въ гражданскомъ обществѣ есть члены Іезуитскаго ордена, которыхъ невозможно отличить отъ обыкновенныхъ людей. По свидѣтельству самихъ іезуитовъ, нѣкоторые государи записывались въ члены общества; къ числу ихъ принадлежали императоры Фердинандъ II и Фердинандъ III, польскій король Сигизмундъ III и др.; даже высокопоставленныя женщины и принцессы вступали въ тѣсныя сношенія съ орденомъ, какъ напр. мать императора Рудольфа II.

Орденъ легко привлекалъ къ себѣ свѣтскихъ членовъ, обѣщая имъ особыя милости. Имъ обѣщали въ моментъ смерти не только всѣ молитвы и богослуженія ордена, но и особую привилегію, которою онъ располагалъ. Іезуиты утверждали, что Іисусъ принимаетъ на свое лоно всякаго члена ордена тотчасъ послѣ его смерти и не предаетъ ни одного вѣчному проклятію.

Орденъ выдавалъ своимъ высокимъ покровителямъ даже формальные дипломы на пользованіе этою привилегіею.

Исповѣдники четырехъ обѣтовъ составляютъ самое ядро ордена; они—идеальные іезуиты во всѣхъ отношеніяхъ. Число ихъ весьма ограничено—два на сто. Въ моментъ смерти Лойолы, такихъ совершенныхъ іезуитовъ было только 35. Въ эту категорію допускаются люди не моложе 45 лѣтъ, отличающіеся добродѣтелями и научными знаніями и прошедшіе, кромѣ того, самый строгій двухлѣтній искусъ. Передъ торжественнымъ произнесеніемъ обѣтовъ, они подвергаются необыкновеннымъ религіознымъ упражненіямъ, нищенствуютъ три дня и держатъ экзаменъ по различнымъ наукамъ.

Четвертый обѣтъ обязываетъ къ слѣпому повиновенію приказаніямъ папы по части миссіонерской дѣятельности среди невѣрныхъ и еретиковъ. Если папѣ нуженъ миссіонеръ, то онъ обращается съ запросомъ къ генералу, который совѣтуется на этотъ счетъ съ провинціалами. Иногда самъ провинціалъ беретъ на себя исполненіе духовной миссіи.

Миссіонеры обязаны слѣдовать примѣру апостоловъ, совершать путешествія пѣшкомъ, и, если возможно, вдвоемъ, соблюдать обѣтъ бѣдности, просить милостыню, останавливаться въ домахъ ордена и посылать своему начальству подробные отчеты о своей дѣятельности. Въ чужихъ краяхъ, гдѣ нѣтъ епископовъ, іезуитскіе миссіонеры пользуются всѣми ихъ правами. Если исповѣдники четырехъ обѣтовъ составляютъ лишь $^1/_{50}$ всего личнаго состава ордена, то миссіонеры составляютъ лишь $^1/_{100}$.

Исповѣдники четырехъ обѣтовъ живутъ въ особыхъ домахъ, гдѣ обязательна самая строжайшая бѣдность; они не имѣютъ ни личной собственности, ни духовныхъ имуществъ и лишены права принимать наслѣдства. По опредѣленію Лойолы, бѣдность заключается въ томъ, чтобы человѣкъ превратился въ статую, которую можно одѣвать и раздѣвать по усмотрѣнію, покрывать лохмотьями или драгоцѣнными камнями; человѣкъ, практикующій обѣтъ бѣдности, не долженъ имѣть ни желаній, ни потребностей. Родригесъ прибавляетъ къ этому слѣдующее толкованіе: «Чтобы быть бѣднымъ, недостаточно отказаться отъ мірскихъ благъ, надо совершенно отрѣшиться отъ нихъ и не желать ихъ. Обѣтъ бѣдности не дозволяетъ привязываться ни къ чему земному: вполнѣ бѣденъ лишь тотъ, который ни къ чему не привязанъ и ничего не желаетъ». Обладаніе земными благами можно прекрасно согласить съ такимъ опредѣ-

леніемъ бѣдности. Уставъ не обязываетъ іезуитовъ цинически выставлять на-показъ свою бѣдность, какъ это дѣлаютъ нищенствующіе ордена, ничто не заставляетъ ихъ также оскорблять приличія и подрывать этимъ свое вліяніе на дворы и на высшіе классы общества. Бѣдность іезуита составляетъ нѣчто нераздѣльное съ его послушаніемъ генералу: она обязываетъ его подчиняться его приказаніямъ, принимая или отдавая съ полнѣйшимъ равнодушіемъ все, что ему будетъ приказано. Обѣтъ бѣдности не налагалъ обязательства подвергать себя извѣстнымъ лишеніямъ. Такъ напр., въ свое время Лойола выхлопоталъ у Юлія III распоряженіе, разрѣшавшее старымъ и больнымъ членамъ пользоваться леченіемъ и самымъ тщательнымъ уходомъ въ іезуитскихъ коллегіяхъ. Слѣдуетъ также помнить, что уставъ ордена придаетъ большое значеніе раціональнымъ гигіеническимъ условіямъ жизни.

Правда Лойола, старался сохранить духъ бѣдности и самоотреченія въ своемъ орденѣ и первый подавалъ примѣръ въ этомъ отношеніи; но та организація, которую онъ самъ же далъ ордену, повела къ всевозможнымъ отклоненіямъ отъ первоначальнаго принципа. «Такъ какъ бѣдность составляетъ оплотъ ордена,—гласитъ уставъ,—то необходимо очистить нашу корпорацію отъ всякаго подозрѣнія въ любостяжаніи: члены ордена не должны принимать ни имуществъ, ни доходовъ, ни платы за проповѣди, за духовныя требы и преподаваніе». Несмотря однако на это правило, орденъ нашелъ возможность завладѣть громадными богатствами. Съ теченіемъ времени вышеизложенное правило было истолковано такъ, что общество можетъ принимать доброхотныя пожертвованія, лишь бы они не имѣли характера платы за оказанныя услуги; кромѣ того за орденомъ было признано право расходовать пріобрѣтенное имущество на собственныя потребности. Такъ напр., коллегіи пріобрѣтаютъ доходныя статьи и расходуютъ получаемыя деньги на собственное содержаніе. Исповѣдники четырехъ обѣтовъ занимаются воспитаніемъ юношества, дѣлами ордена и состоятъ духовниками при высокопоставленныхъ лицахъ. Изъ ихъ среды выбираются всѣ высшія должностныя лица ордена. На общихъ собраніяхъ они имѣютъ право голоса и даже участвуютъ въ выборахъ генерала.

Такимъ образомъ общество Іисуса составлено изъ четырехъ классовъ, составляющихъ четыре концентрическихъ кольца, центромъ которыхъ является генералъ. Эти четыре класса—схоластики, духовные и свѣтскіе помощники, исповѣдники трехъ

и исповѣдники четырехъ обѣтовъ. Чѣмъ ниже категорія, тѣмъ легче исключить изъ нея какого-нибудь члена; орденъ предоставилъ себѣ по отношенію къ нимъ полную свободу дѣйствій. Провинціалы и исповѣдники четырехъ обѣтовъ, достигшіе преклонныхъ лѣтъ, могутъ быть удаляемы безъ всякихъ обязательствъ со стороны общества относительно обезпеченія ихъ существованія; впрочемъ, всякій начальникъ можетъ, по собственному усмотрѣнію, оказать удаляемому какую-нибудь матеріальную помощь. Никто изъ членовъ не можетъ выйти изъ ордена по собственному произволу. Такъ напр., тотъ португальскій принцъ, котораго Родригесъ совратилъ въ орденъ, не былъ выпущенъ, не смотря на всѣ старанія короля Іоанна III. Лойола самъ уволилъ его черезъ 7 лѣтъ. Уставъ предписываетъ удерживать всѣми силами членовъ, обладающихъ какими-либо особыми дарованіями: ихъ долженъ удерживать самъ генералъ.

ГЛАВА VI.

Іерархія ордена.—Переписка съ генераломъ.—Конгрегаціи.—Прокуроры.—Система надзора.—Доносы.—Отчужденіе отъ міра.—Одежда.—Образъ жизни.—Внѣшніе пріемы.—Инструкціи духовникамъ государей.—Единство доктрины.—Духъ устава.—Политика.—Набожность въ предѣлахъ ордена.—Цѣломудріе.—Зачатки разложенія.—Образъ дѣйствій придворныхъ іезуитовъ.—Тайныя инструкціи (Monita secreta).

Въ іерархическомъ отношеніи, орденъ былъ организованъ слѣдующимъ образомъ: въ домахъ послушанія послушники находились подъ управленіемъ наставниковъ, которые руководили ихъ упражненіями; къ каждому наставнику былъ приставленъ синдикъ, наблюдавшій за поведеніемъ учениковъ.

Коллегіи состоятъ подъ управленіемъ ректора, имѣющаго помощниковъ и администраторовъ. Власть ректора очень ограничена: онъ назначается генераломъ только на трехлѣтній срокъ и не имѣетъ права ни назначать профессоровъ, ни вводить безъ согласія провинціала какія-либо измѣненія въ программу или методу преподаванія и въ экономическій порядокъ коллегіи. На немъ лежитъ прежде всего обязанность держать заведеніе въ порядкѣ, внушать всякому усердіе къ исполненію долга, назначать наказанія, приставлять ко всякому изъ членовъ общежитія особаго духовника, кромѣ того духовника, который назначенъ провинціаломъ для всего заведенія, и посылать провинціалу подробные отчеты о внутренней жизни коллегіи. Впрочемъ, размѣры власти ректора зависятъ отъ благоусмотрѣнія генерала: онъ можетъ послать ректора на конгрегацію и дать ему право голоса. Ректоръ долженъ подавать воспитанникамъ и всѣмъ своимъ подчиненнымъ примѣръ смиренія и послушанія; поэтому одинъ разъ въ годъ долженъ исполнять самыя унизительныя работы. Ревизоръ контролируетъ экономическую сторону его дѣятельности, а мониторы и консультанты слѣдятъ за его поведеніемъ и направляютъ его.

Дома исповѣдниковъ состоятъ подъ управленіемъ особыхъ начальниковъ, которыхъ генералъ выбираетъ изъ среды исповѣдниковъ четырехъ обѣтовъ; эти исповѣдники также подчинены генералу. Срокъ ихъ дѣятельности различенъ: Лойола предоставилъ этотъ вопросъ на усмотрѣніе генерала, а Григорій XIV утвердилъ его рѣшеніе. По законамъ ордена, дома исповѣдниковъ должны были быть бѣдны, но доброхотныя пожертвованія отличались вначалѣ такимъ изобиліемъ, что іезуиты стали вскорѣ строить роскошныя зданія, а въ распоряженіи начальниковъ оказались громадныя средства.

Впрочемъ имъ было воспрещено пользоваться этими средствами для себя и вмѣнялось въ обязанность вести самый строгій образъ жизни.

Къ начальнику прикомандированы мониторы, консультанты, помощники надзирателя и прокуроры, раздѣляющіе его труды по управленію дома. Онъ представляетъ подробные отчеты обо всемъ происходящемъ въ учрежденіи и непосредственно подчиненъ провинціалу. Провинціалы, назначаемые на три года, управляютъ іезуитскими учрежденіями цѣлой провинціи. На нихъ возложены администрація, контроль и надзоръ надъ всѣми живущими въ провинціи членами ордена, надъ всѣми его учрежденіями и имуществами. Провинціалъ имѣетъ въ своей провинціи такую же власть, какъ генералъ во всемъ орденѣ; онъ слѣдитъ за исполненіемъ устава и приказаніями генерала, которому представляетъ ежегодно отчетъ о положеніи всей провинціи, а ежемѣсячно—отчетъ о текущихъ происшествіяхъ и выдающихся фактахъ. «Ни одинъ свѣтскій государь, говоритъ Спиттлеръ,—не имѣетъ такихъ подробныхъ свѣдѣній о состояніи своего государства, какъ генералъ Іезуитскаго ордена». И дѣйствительно, передъ самымъ упраздненіемъ ордена, генералъ получалъ до 6,584 годовыхъ отчетовъ, кромѣ частныхъ писемъ и сообщеній отъ начальниковъ различныхъ іезуитскихъ учрежденій. Генералу представлялись подробныя свѣдѣнія о личныхъ качествахъ всѣхъ членовъ ордена, о состояніи общежитій, коллегій и провинцій, и онъ зналъ до мельчайшихъ подробностей все, что касалось ордена.

Іезуиты принимали надлежащія мѣры къ тому, чтобы всѣ корреспонденціи достигали своего назначенія и умѣли хранить тайну писемъ. Послѣ смерти какого-нибудь іезуита, начальникъ общежитія собиралъ всѣ письма, полученныя покойникомъ отъ генерала или провинціала, и сжигалъ ихъ прежде,

чѣмъ кто-либо могъ ихъ прочитать. Впрочемъ, вся тайная корреспонденція писалась особымъ ключомъ, который составлялъ самъ генералъ; если такія письма и попадались въ чужія руки, то для непосвященныхъ они оставались мертвой буквой.

Въ предѣлахъ своей компетенціи, провинціалъ всецѣло зависитъ отъ произвола генерала. Послѣдній приставляетъ къ нему монитора (socius) или шпіона, который слѣдитъ за нимъ шагъ за шагомъ и посылаетъ главѣ ордена подробные отчеты о его поведеніи; кромѣ того, къ нему приставлены консультанты, совѣтами которыхъ онъ долженъ руководствоваться. Мониторъ или socius слѣдитъ и за здоровьемъ провинціала, а по смерти его собираетъ и хранитъ всѣ его бумаги и письма. Провинціалы созываютъ мѣстныя конгрегаціи и играютъ на нихъ роль предсѣдателей. Въ случаѣ смерти или низложенія генерала, они собираются на общую конгрегацію, чтобы избрать новаго генерала, его монитора и ассистентовъ. Эти собранія совѣщаются также о важнѣйшихъ дѣлахъ ордена и о средствахъ къ усиленію его могущества. Орденъ имѣетъ три категоріи очередныхъ и законныхъ собраній: 1) Конгрегаціи прокуроровъ; 2) провинціальныя конгрегаціи и 3) общія конгрегаціи. Первое собраніе собирается каждые три года; если такое собраніе касается всего ордена, то оно созывается въ Римѣ особымъ комитетомъ, избираемымъ провинціальною конгрегаціей. Собранія второй категоріи созываются провинціаломъ также разъ въ три года; впрочемъ, они могутъ быть созваны и по какому-нибудь не обыкновенному случаю; въ нихъ участвуютъ исповѣдники четырехъ обѣтовъ, ректоры и прокуроры всей провинціи. Общія конгрегаціи созываются генераломъ или его викаріемъ; въ нихъ участвуютъ провинціалы, исповѣдники четырехъ обѣтовъ, ректоры и начальники общежитій, посылаемые въ качествѣ делегатовъ провинціальною конгрегаціей. Эти собранія собираются въ Римѣ въ различное время, не опредѣленное заранѣе уставомъ. Они представляютъ собой верховную власть ордена.

Главною ихъ задачей является избраніе генерала. Выборы производятся послѣ семидневнаго приготовленія: избирателей запираютъ и держатъ на хлѣбѣ и водѣ, а свобода возвращается имъ лишь тогда, когда они выберутъ новаго генерала. Всякій изъ избирателей клянется указать по совѣсти на того, кто, по его мнѣнію, наиболѣе способенъ къ исполненію высокихъ обязанностей генерала. Тотъ, кто интригуетъ, чтобы попасть на постъ генерала, лишается права быть избраннымъ, а тотъ, на

кого падаетъ выборъ, не можетъ отказаться отъ него, подъ страхомъ отлученія отъ церкви. Выборы совершаются абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

На одной линіи съ наставниками, ректорами, начальниками и провинціалами стоятъ прокуроры, на которыхъ возложена обязанность завѣдывать свѣтскими дѣлами ордена и руководить свѣтскими помощниками. Въ ихъ средѣ также существуетъ строгая іерархія. Одни изъ нихъ завѣдуютъ отдѣльными учрежденіями, другіе—цѣлою провинціей. Ихъ выбираютъ исповѣдники обѣихъ категорій и ректоры каждой провинціи; прокуроры вербуются изъ среды заслуженныхъ отставныхъ ректоровъ и составляютъ особыя провинціальныя конгрегаціи, по требованію которыхъ созывается общая конгрегація.

Изъ этого краткаго очерка видно, что въ Іезуитскомъ орденѣ примѣненъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ принципъ раздѣленія труда. Вся организація ордена основана на взаимномъ надзорѣ и строжайшей дисциплинѣ. Всякій начальникъ является ревизоромъ и контролеромъ по отношенію къ своимъ подчиненнымъ; въ каждомъ общежитіи и учрежденіи есть синдики и второстепенные надзиратели, доносящіе высшей власти о малѣйшемъ происшествіи. Каждый іезуитъ постоянно находится подъ давленіемъ инквизиторскаго надзора, къ каждому приставленъ хоть одинъ шпіонъ, на которомъ лежитъ обязанность доносить о малѣйшемъ проступкѣ. Между всѣми существуетъ круговая порука, всѣ обязаны доносить другъ на друга и подчиняться инквизиторскимъ допросамъ съ цѣлью нравственнаго совершенствованія. Всѣ должны радоваться тому, что ихъ грѣхи и проступки доводятся до свѣдѣнія старшихъ лицами, знающими всю ихъ подноготную помимо исповѣди. Если напр., на какого-нибудь іезуита сдѣланъ доносъ, что въ немъ проявляется гордость или высокомѣріе, то его заставляютъ исполнять самыя отвратительныя работы, причемъ отъ него требуется полнѣйшая кротость и смиреніе передъ слугами.

На обязанности начальника лежитъ назначеніе духовника для подчиненныхъ; хотя бы они и исповѣдывались другому лицу, тѣмъ не менѣе обязаны повторять свою исповѣдь приставленному къ нимъ священнику. Всякій послушникъ начинаетъ свой искусъ общею исповѣдью, на которой признается въ своихъ прошлыхъ заблужденіяхъ, разоблачаетъ свои слабости, свои грѣховныя наклонности и раскрываетъ весь свой характеръ. Онъ повторяетъ эту исповѣдь каждые

полгода. Такая же полугодовая исповѣдь обязательна для исповѣдниковъ четырехъ обѣтовъ и помощниковъ. Всякій іезуитъ пріобщается св. таинствъ по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ. Всякій послушникъ, всякій членъ ордена обязанъ, помимо исповѣди, открывать душу своему прямому начальнику или ректору и разсказывать все, что можетъ выяснить его характеръ и прошлое. Такъ какъ такого рода признанія не составляютъ тайну исповѣди, то ими можно пользоваться для цѣлей ордена. Если бы какой-нибудь іезуитъ отказался отъ исповѣди, то его принудили бы къ этому лишеніемъ пищи. Такъ какъ члены ордена постоянно переходили изъ одной провинціи въ другую, то исповѣдь была необходима, чтобы всѣ власти общества могли изучить нравственныя и умственныя качества каждаго члена и знать заранѣе, къ чему каждый изъ нихъ способенъ и какую задачу ему можно предписать. Благодаря исповѣди и системѣ шпіонства, генералъ зналъ всѣхъ членовъ ордена и во всякое время могъ выбрать человѣка, наиболѣе пригоднаго для того или другого поста.

Въ Іезуитскомъ орденѣ доносъ возведенъ на степень священной обязанности, и очень часто имъ злоупотребляли для того, чтобы заслужить милость ближайшихъ начальниковъ, а главнымъ образомъ генерала.

«Еслибы кто-нибудь порылся въ римскихъ архивахъ,—восклицаетъ іезуитъ Маріанна,—то вынесъ бы заключеніе, что нѣтъ ни одного честнаго іезуита, по крайней мѣрѣ между живущими далеко отъ Рима и неизвѣстными генералу лично: всѣ запятнаны доносами».

Какъ мы видѣли, іезуиту вмѣняется въ обязанность расторгнуть всѣ кровныя узы, связывающія его съ міромъ. Любовь ко Христу замѣняетъ любовь къ родителямъ, братьямъ, сестрамъ и т. д.

Письма, получаемыя или посылаемыя іезуитомъ, доходятъ по назначенію лишь послѣ тщательнаго просмотра ближайшимъ начальникомъ, который имѣетъ право уничтожить письмо. Члены ордена не могутъ ни читать, ни пріобрѣтать книги, безъ разрѣшенія властей. Рѣшеніе всякаго начальника безапелляціонно по отношенію къ подчиненному, который не можетъ жаловаться на него высшей власти. Іезуиты выходятъ изъ дома не иначе, какъ съ разрѣшенія начальника и въ сопровожденіи указаннаго имъ спутника. Въ стѣнахъ общежитія іезуитъ не можетъ разговаривать съ кѣмъ ему вздумается, а только съ собесѣдникомъ, котораго ему укажетъ начальникъ.

Всѣмъ предписывается строжайшее молчаніе; всякое слово должно быть взвѣшено, а внѣшніе пріемы должны отличаться скромностью и мужественностью. Обязательно сдерживать всякія проявленія гнѣва, нетерпѣнія, досады и гордости. Іезуитъ всегда долженъ стушевываться передъ своимъ ближнимъ, считать другого выше себя и выказывать всякому внѣшніе знаки уваженія.

Весь образъ жизни іезуитовъ до мельчайшихъ подробностей строго опредѣленъ законами и предписаніями. Одежда ихъ должна быть прилична и соотвѣтствовать обычаямъ страны; имъ запрещается какъ щегольство, такъ и неряшество, и главная забота ихъ должна заключаться въ томъ, чтобы не бросаться въ глаза своею внѣшностью. По свидѣтельству Вейсса, обычная одежда іезуитовъ не имѣла ничего общаго съ монашескою; она едва отличалась отъ одежды ученыхъ и протестантскихъ пасторовъ и состояла изъ длиннаго сюртука и длиннаго же чернаго пальто съ широкими рукавами; разрѣшалось также носить застегнутую сутану съ низкой шляпой или четырехугольнымъ беретомъ.

Относительно физическаго режима, уставъ даетъ весьма раціональныя предписанія. «Надо заботиться о своемъ тѣлѣ и здоровьѣ,—гласитъ онъ,—чтобы сохранить силы, необходимыя для служенія Богу. Тотъ, кто замѣтитъ, что какое-нибудь блюдо вредно ему, долженъ заявить объ этомъ своему начальнику. Никогда не слѣдуетъ доводить умерщвленіе плоти до крайности и лишать себя того, что необходимо для сохраненія силъ. Физическій трудъ не долженъ утомлять умъ и подрывать силы организма. Гимнастическія упражненія, постепенно развивающія тѣло, обязательны для всѣхъ, безъ исключенія. Слишкомъ продолжительное бдѣніе и слишкомъ строгое подвижничество безусловно запрещены. Всякій обязанъ отдавать отчетъ въ своемъ физическомъ режимѣ духовнику, который дѣлаетъ заявленіе начальнику, если находитъ что-нибудь вреднымъ. Во всякомъ общежитіи имѣется спеціалистъ, который слѣдитъ за общественной гигіеной».

По предписанію, всякій іезуитъ долженъ вставать по звонку, убирать свою постель и комнату, если этому не препятствуютъ болѣзнь или важныя дѣла. Ему запрещается запирать свою спальню, въ которую начальникъ имѣетъ право войти во всякое время; вообще онъ ничего не можетъ держать подъ ключемъ безъ разрѣшенія своего начальника. Ему воспрещается хранить деньги самому или сда-

вать ихъ на храненіе, воспрещается спать съ открытыми окнами или не накрывшись чѣмъ-нибудь и выходить изъ спальни не одѣтымъ. Запрещается также выходить изъ дома до восхода солнца безъ разрѣшенія начальника, а возвращаться домой обязательно, когда начинаетъ смеркаться. Никому не дозволяется ѣсть и пить въ не урочные часы, и всѣмъ вмѣняется въ обязанность строжайшая чистота.

Поведеніе іезуита на улицѣ и въ сношеніяхъ съ посторонними регламентировано въ мельчайшихъ подробностяхъ. Ему предписано не морщить лобъ и носъ, чтобы не нарушать ясность внѣшняго облика, свидѣтельствующую о ясности духа. Бесѣдуя съ высокопоставленными лицами, іезуитъ долженъ нѣсколько потуплять глаза, чтобы придать своему взору покорность и смиреніе. Существуютъ подробныя инструкціи о томъ, какъ іезуитъ долженъ держать голову и руки, поводить глазами, владѣть губами во время разговоровъ, даже звонить у дверей. Однимъ словомъ, вся жизнь іезуита подчинена опредѣленнымъ правиламъ, съ цѣлью истребить всѣ личныя особенности, всѣ болѣе или менѣе характерныя проявленія индивидуальности.

Кромѣ общихъ законовъ, существуютъ особыя правила для каждаго класса ордена, для каждой категоріи должностныхъ лицъ, начиная съ провинціаловъ и кончая послѣднимъ изъ слугъ. Аквавива—главный законодатель іезуитовъ, распространившій уставъ на всѣ мелочи ежедневной жизни. Изъ его инструкцій особенно замѣчательны тѣ, которыя относятся къ духовникамъ государей; онѣ были утверждены шестымъ общимъ собраніемъ ордена. Духовнику всякаго государя вмѣняется прежде всего въ обязанность постоянно помнить, что онъ не болѣе, какъ орудіе ордена; ему дозволяется вступать въ интимныя сношенія съ государемъ и его повѣренными, но тѣмъ не менѣе онъ не пользуется полною свободой дѣйствій. Переписка духовника съ государемъ и его приближенными подлежитъ строжайшему контролю и, по требованію провинціала, должна быть представлена непосредственному начальнику. Духовникъ долженъ воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ политическія дѣла и ограничиваться ролью духовнаго руководителя государя. Но слѣдуетъ помнить, что римская церковь имѣетъ притязаніе регламентировать всю государственную и общественную жизнь; а съ этой точки зрѣнія ни одно политическое дѣйствіе государя не можетъ быть свободно отъ контроля духовника. Духовникъ не долженъ оказывать никому явнаго покровительства, не долженъ вмѣшиваться

въ дѣла, подлежащія вѣдѣнію министровъ. Что же касается религіозныхъ и церковныхъ дѣлъ, то онъ долженъ предоставлять рѣшеніе ихъ самому государю; но это рѣшеніе непремѣнно будетъ соотвѣтствовать желаніямъ духовника, успѣвшаго внушить государю свои воззрѣнія и убѣжденія. Духовникъ никогда не долженъ порицать дѣятельность государственныхъ людей или дѣлать имъ замѣчанія отъ имени государя. Онъ долженъ по возможности скрывать свое вліяніе и не показывать своей власти надъ государемъ, изъ опасенія повредить ордену. Если бы духовнику и удалось вполнѣ подчинить себѣ государя, то онъ не долженъ признаваться въ этомъ, а напротивъ стараться внушить окружающимъ, что его вліяніе ничтожно. Духовникъ долженъ стараться пріобрѣсти симпатію государя и пользоваться ею не для личныхъ выгодъ, а для интересовъ ордена. Въ сомнительныхъ случаяхъ, духовникъ обращается за совѣтомъ къ своимъ начальникамъ и не обязанъ соблюдать тайну исповѣди. Онъ можетъ быть отставленъ по благоусмотрѣнію своего начальника. Инструкціи, относящіяся къ духовникамъ-іезуитамъ, представляютъ собой образецъ хитрости и коварства; ихъ сообщаютъ всякому государю, требующему духовника изъ Іезуитскаго ордена.

Законодательство ордена, тщательно стиравшее всѣ индивидуальныя особенности членовъ, обезличивало ихъ въ нравственномъ отношеніи, налагая одинъ общій отпечатокъ шаблонности на ихъ мысли и душу. Единство доктрины обязательно въ проповѣдяхъ, публичныхъ лекціяхъ и сочиненіяхъ; ни одно произведеніе іезуита не можетъ быть опубликовано безъ одобренія генерала, который передаетъ его на цензуру тремъ испытаннымъ членамъ ордена. Поэтому можно было бы возложить на весь орденъ отвѣтственность за всякую книгу, опубликованную съ разрѣшенія его высшихъ авторитетовъ. Но такой выводъ не понравился іезуитамъ, которые старались оправдать свой орденъ отъ нападокъ на крайнія доктрины авторовъ сочиненій, одобренныхъ самимъ же орденомъ. Слабость ихъ защиты очень ярко проявилась въ отвѣтѣ отца Даніила на знаменитыя письма Паскаля. Въ этомъ отвѣтѣ говорится, что генералъ не читаетъ всѣхъ книгъ, издаваемыхъ орденомъ; онъ довѣряетъ цензуру провинціалу, который въ свою очередь полагается на судъ спеціальной комиссіи; послѣдняя же руководствуется принципами, господствующими въ университетахъ и школахъ. Отецъ Даніилъ не замѣчаетъ несостоятельности своей аргументаціи и выводитъ изъ нея за-

ключеніе, что не всѣ книги, издаваемыя съ разрѣшенія ордена, проникнуты его духомъ.

Организація Іезуитскаго ордена имѣла во всѣ времена восторженныхъ поклонниковъ, къ числу которыхъ принадлежитъ между прочимъ и историкъ Іоганнъ Мюллеръ. Дѣйствительно она вполнѣ соотвѣтствуетъ главной задачѣ ордена—войнѣ съ еретиками и невѣрными и распространенію всемірнаго господства римской церкви. Въ этой организаціи все клонится къ тому, чтобы превратить всякаго члена въ очень гибкое механическое орудіе, обладающее необыкновенною силою сопротивленія, а все общество—въ твердо сплоченную фалангу, проникнутую энтузіазмомъ, самоотверженіемъ, священнымъ гнѣвомъ и презрѣніемъ ко всѣмъ благамъ и бѣдствіямъ жизни. Возникновенію Іезуитскаго ордена способствовали нравственныя и религіозныя побужденія, соединенныя съ великимъ законодательнымъ искусствомъ и большою политическою ловкостью. Организація ордена походила на щитъ, достаточно крѣпкій, чтобы сдѣлать неуязвимымъ того, кого онъ заслонялъ, и достаточно эластичный, чтобы предоставлять ему полную свободу движеній. Благодаря своей организаціи, орденъ могъ отдѣлаться отъ всякаго опаснаго и лишняго балласта и удержать въ своей средѣ, даже насильно, людей съ высокими дарованіями. Внутренній строй общества давалъ ему возможность распространять свое господство далеко за его естественные предѣлы и придавалъ этимъ предѣламъ необыкновенную эластичность. Такъ напр., ни одинъ членъ ордена не могъ принять церковной должности безъ согласія генерала; но если это согласіе было дано, то бывшій іезуитъ все-таки оставался подъ властью ордена; онъ клялся передъ Богомъ слѣдовать во всемъ указаніямъ генерала или того совѣтника, котораго онъ ему назначитъ. По уставу, исключенные члены могутъ быть снова принимаемы въ орденъ; это постановленіе давало возможность удалить іезуита лишь для вида, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ все-таки оставался подъ юрисдикціей генерала, который снова призывалъ его въ орденъ, лишь только считалъ это своевременнымъ. Этотъ способъ примѣнялся съ большой пользой, когда надо было завладѣть наслѣдствомъ; секуляризируя іезуита, орденъ давалъ ему возможность воспользоваться въ міру всѣми гражданскими правами, а лишь только наслѣдство было получено, владѣлецъ его снова возвращался въ орденъ. Если іезуитъ оставлялъ орденъ даже съ разрѣшенія генерала, то онъ все-таки не ускользалъ отъ его

юрисдикціи. Въ крайнемъ случаѣ, генералъ объявлялъ, что его согласіе было вынуждено; освобожденный іезуитъ подвергался преслѣдованіямъ, и его насильно возвращали въ общество.

Всѣ успѣхи ордена, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и его вліяніе и существованіе въ критическія времена всецѣло обусловлены его образцовой организаціей: она не препятствовала, а напротивъ способствовала всевозможнымъ властолюбивымъ интригамъ правителей ордена. Въ средѣ его выработалась особая политика, тщательно скрывавшаяся отъ непосвященныхъ и клонившаяся къ усиленію могущества ордена. Когда кастильскій провинціалъ Миранда былъ назначенъ ассистентомъ пребывавшаго въ Римѣ генерала, онъ писалъ одному изъ своихъ друзей слѣдующее: «До моего прибытія въ Римъ, гдѣ предо мной раскрылись всѣ тайны, я не имѣлъ настоящаго понятія о значеніи нашего общества. Его внутреннее управленіе представляетъ собою цѣлую спеціальную науку, которую не знаютъ даже сами провинціалы. Надо занимать мою теперешнюю должность, чтобы проникнуть всѣ эти тайны».

Характеръ Лойолы представлялъ собою странную смѣсь религіознаго энтузіазма и дипломатіи, аскетизма и свѣтской мудрости, мистицизма и холоднаго разсчета—и таковъ же былъ характеръ его ордена. Тотъ, кто видитъ только одну черту физіономіи общества, не можетъ объяснить себѣ его великой исторической роли. Набожность, аскетизмъ и мистицизмъ придали ордену необыкновенный энтузіазмъ, мужество и способность рисковать всѣмъ, идти навстрѣчу всякимъ опасностямъ, выносить всякія испытанія для достиженія намѣченной цѣли. Принципъ, повелѣвающій іезуитамъ предпочитать нравственное совершенствованіе глубокимъ знаніямъ, не остался мертвой буквой, а примѣнялся на практикѣ.

На-ряду съ абсолютнымъ послушаніемъ, Лойола внушалъ членамъ своего ордена необходимость сохранять цѣломудріе. Онъ считалъ цѣломудріе важнымъ не только съ нравственной, но и съ физической точки зрѣнія, какъ средство сохраненія тѣлесныхъ силъ. Онъ оставилъ своимъ ученикамъ цѣлый рядъ наставленій къ борьбѣ съ плотскими похотями. Онъ предписываетъ избѣгать праздности, быть осторожнымъ въ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, бороться съ чувственными искушеніями, побѣждать воображеніе возвышенными мыслями, за-

ниматься физическимъ трудомъ и т. д. По его наставленію, всякій іезуитъ долженъ говорить съ женщиной лишь въ случаѣ крайней необходимости, въ присутствіи посторонних людей; во время бесѣды онъ не долженъ смотрѣть на нее. Посѣщать больныхъ женщинъ іезуитъ долженъ не иначе, какъ въ сопровожденіи какого-нибудь товарища, а исповѣдывать женщину можно только изъ-за рѣшетки, стараясь по возможности сократить исповѣдь. Слѣдуетъ замѣтить, что Іезуитское общество никогда не имѣло сношеній съ женскими монашествующими орденами.

Въ докладной запискѣ къ мюнхенскимъ іезуитамъ, Гоффеусъ уже жалуется въ концѣ XVI вѣка на частыя нарушенія предписаній о цѣломудріи и говоритъ, что по этой части водится особенно много грѣховъ за іезуитскими духовниками. Бывшій іезуитъ Жарригъ также относился скептически къ нравственной чистотѣ своихъ собратій. Впрочемъ, надо отдать іезуитамъ справедливость, что они менѣе всѣхъ другихъ религіозныхъ братствъ запятнаны преступленіями противъ общественной нравственности. Тѣмъ не менѣе, уже вскорѣ послѣ основанія ордена, въ его дѣятельности стали проявляться большія злоупотребленія. Задавшись цѣлью покорить міръ папской власти, орденъ долженъ былъ приноравливать свою тактику ко всякимъ обстоятельствамъ и положеніямъ; духъ интриги и насиліе сдѣлались его главными средствами, вслѣдствіе чего и стало проявляться нравственное разложеніе.

Такое отклоненіе отъ первоначальнаго идеала не могло ускользнуть отъ бдительнаго взора генерала, и, покрывая всѣ погрѣшности передъ посторонними, онъ старался исправлять своихъ подчиненныхъ. Лойола предписалъ іезуитамъ не вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла и воздерживаться отъ политики; но, не смотря на это, онъ покровительствовалъ стремленію іезуитовъ поступать въ духовники къ государямъ и замѣщать эти должности членами ордена. Пятая общая конгрегація строго запретила іезуитамъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла, завладѣвать довѣріемъ государей и вступать съ ними въ интимныя сношенія, подъ страхомъ лишенія права голосовать въ собраніяхъ и занимать церковныя должности. Конгрегація предписала даже провинціаламъ исключать тѣхъ членовъ ордена, которые будутъ замѣчены въ политическихъ интригахъ. «Нашъ блаженный отецъ Игнатій,—восклицаетъ Гоффеусъ, — предвидѣлъ, что вмѣшательство ордена въ политику накличетъ на него всякія невзгоды. Эта несчастная страсть къ политикѣ тормозитъ

наши труды и навлекаетъ на насъ всеобщую ненависть, а многочисленные опыты доказали намъ, что въ этомъ дѣлѣ Богъ не съ нами. Во всѣхъ случаяхъ, когда іезуиты, уступая просьбамъ или угрозамъ государей и папъ, вмѣшивались въ политику, они всегда терпѣли неудачи и пораженія».

Покровительствуя духу политической интриги въ орденѣ, Аквавива тѣмъ не менѣе старался сдерживать его и написалъ по этому поводу особыя правила. Онъ констатируетъ въ нихъ, что обществомъ овладѣло честолюбіе и желаніе пріобрѣтать милость монарховъ; онъ замѣчаетъ также, что, прикрываясь благовидными предлогами, орденъ въ сущности служитъ только своимъ эгоистическимъ цѣлямъ. Карлъ Борромей писалъ своему духовнику, что Іезуитскій орденъ, управляемый людьми, въ которыхъ политическія страсти сильнѣе религіозныхъ побужденій, становится настолько могущественнымъ, что забываетъ предписанное ему смиреніе и послушаніе; вліяніе его до такой степени сильно, что онъ окруженъ непримиримыми врагами. Орденъ управляетъ государями, занимается свѣтскими и духовными дѣлами и совершенно утратилъ свой первоначальный религіозный духъ; вслѣдствіе этого, вскорѣ окажется необходимымъ упразднить его. Папа Климентъ VIII ставитъ іезуитамъ въ упрекъ различныя вредныя нововведенія, духъ интриги и непомѣрную гордость; они злоупотребляютъ тайной исповѣди, чтобы завладѣвать чужими тайнами и эксплуатировать ихъ въ пользу ордена, и упорно защищаютъ свои проступки вмѣсто того, чтобы заглаживать ихъ. Впрочемъ, еще до него генералъ Францискъ Борджіа выражалъ, въ одной изъ своихъ энцикликъ, опасеніе, что орденъ падетъ отъ гордости и честолюбія и что настанетъ время, когда никто не будетъ въ состояніи обуздать его дурныя страсти. Іезуиты были возмущены этой энцикликой и въ позднѣйшихъ изданіяхъ передѣлали ее, исключивъ изъ нея всѣ обличенія.

Ни предостереженія, ни тяжелые опыты не отвратили ордена отъ политической интриги; задавшись цѣлью быть вооруженною силою воинствующей церкви, онъ шелъ дальше въ этомъ направленіи и слѣдовалъ своему призванію. Поэтому можно смѣло сказать, что самая цѣль ордена наложила извѣстный отпечатокъ на его внутреннее развитіе и внѣшнюю исторію.

Въ одной итальянской рукописи, хранящейся въ Парижѣ и относящейся ко времени генерала Аквавивы, какой-то неиз-

вѣстный изображаетъ дѣятельность іезуитовъ на основаніи личныхъ наблюденій. Рукопись эта называется: «Изложеніе принциповъ, которыми руководствуются отцы и іезуиты». Мы читаемъ въ ней слѣдующее:

«Въ отчетахъ провинціаловъ занимаетъ обширное мѣсто характеристика государей, ихъ сокровенныя мысли, наклонности и намѣренія; благодаря этимъ отчетамъ, генералъ и коллегія его ассистентовъ въ Римѣ имѣютъ всегда ясное представленіе объ общемъ политическомъ положеніи, и слѣдовательно имѣютъ возможность направлять дѣятельность ордена, согласно его интересамъ. Посредствомъ исповѣди орденъ получаетъ тѣ свѣдѣнія, которыя государи покупаютъ на вѣсъ золота черезъ своихъ посланниковъ и шпіоновъ; іезуитамъ же эти свѣдѣнія ничего не стоятъ, кромѣ расхода на пересылку писемъ. Посредствомъ исповѣди же они узнаютъ настроеніе подданныхъ, узнаютъ, кто преданъ государю и кто ему врагъ. Что же касается свѣтскихъ іезуитовъ, повинующихся всякому приказанію ордена, то они вербуются изъ высокопоставленныхъ лицъ, мужчинъ и женщинъ, изъ коихъ послѣднія по большей части вдовы. Эти свѣтскіе члены доставляютъ ордену громадныя денежныя средства; особенно щедры женщины, которымъ іезуиты внушаютъ презрѣніе къ богатству, и которыя жертвуютъ ордену всевозможныя драгоцѣнности и доходныя статьи. Іезуиты другой категоріи, свѣтскіе и духовные, принадлежатъ къ высшему обществу и получаютъ отъ ордена пенсіи, аббатства и духовныя помѣстья. Они присягаютъ вступить въ орденъ при первомъ призывѣ генерала и поэтому называются тайными іезуитами (iesuiti in voto). Орденъ содержитъ ихъ при государяхъ и вліятельныхъ придворныхъ сановникахъ всѣхъ государствъ и провинцій; они играютъ роль шпіоновъ и обязаны представлять генералу самые подробные отчеты о преніяхъ тайныхъ государственныхъ совѣтовъ. Въ Римѣ іезуиты опутываютъ своими сѣтями кардиналовъ, посланниковъ, прелатовъ, освѣдомляются изо дня въ день о текущихъ событіяхъ и стараются направить ихъ въ свою пользу, такъ что самыя важныя дѣла принимаютъ иногда совершенно неожиданный исходъ, противуположный желаніямъ государей. Іезуиты оказываютъ вліяніе на важнѣйшія міровыя дѣла. Имъ удалось вынудить у Григорія XIII предписаніе всѣмъ легатамъ и нунціямъ взять іезуитовъ въ сотрудники и повѣренные. Желая втереться въ довѣріе сильныхъ міра сего, іезуиты обѣщаютъ имъ всевоз-

можныя услуги; они привлекаютъ въ свое общество людей даровитыхъ и выгоняютъ неспособныхъ или ослабленныхъ болѣзнью, если они не ожидаютъ наслѣдства. Они хвастаютъ своимъ вліяніемъ на государей, чтобы привлечь къ себѣ министровъ и всѣхъ людей, подчиненныхъ имъ. Нѣкоторые изъ нихъ открыто провозглашаютъ, что генералъ Іезуитскаго ордена могущественнѣе папы; другіе хвастаютъ, что могутъ назначать генераловъ и нунціевъ по своему усмотрѣнію. Они распускаютъ слухъ, что имѣютъ возможность губить своихъ враговъ и доставлять своимъ сторонникамъ высокія почести. Они покровительствуютъ не тѣмъ людямъ, которые дѣйствительно обладаютъ какими-либо достоинствами и преданы государю, а тѣмъ, которые могутъ оказать услуги ордену. Кромѣ того они стараются увѣрить всѣхъ, что вліятельныя лица обязаны своимъ положеніемъ исключительно покровительству ордена, и такимъ образомъ они обманываютъ не только государей, но и ихъ подданныхъ. Іезуиты, пользующіеся довѣріемъ государя, слѣдуютъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ инструкціямъ генерала, хотя бы онѣ шли въ разрѣзъ съ интересами государя и народа, и всегда утверждаютъ, что ихъ поддерживаетъ все общество. Наконецъ, вопреки церковному уставу, іезуиты торгуютъ драгоцѣнностями, привезенными ими изъ Индіи, и поставляютъ большую часть драгоцѣнныхъ камней, продаваемыхъ въ Венеціи».

Мы должны еще упомянуть о «Тайныхъ Инструкціяхъ Іезуитскому обществу» (Monita secreta societatis Jesu»). Въ нихъ заключаются наставленія относительно образа дѣйствій въ важнѣйшихъ дѣлахъ ордена; ихъ сообщаютъ лишь подъ строжайшимъ секретомъ небольшому числу испытанныхъ членовъ. Первое изданіе появилось въ 1612 г., въ Краковѣ, подъ заглавіемъ «Частныя Инструкціи Іезуитскому обществу» (Monita privata societatis Jesu). Это сочиненіе было радикально переработано и снабжено многими прибавленіями втеченіи XVII вѣка; послѣднее изданіе озаглавлено «Monita secreta», тогда какъ первое называлось «Monita aurea», «Arcana monita» или «Monita privata». Объ открытіи этихъ тайныхъ инструкцій существуетъ нѣсколько версій: одна изъ нихъ гласитъ, что герцогъ Христіанъ Брауншвейгскій нашелъ ихъ въ іезуитской коллегіи въ Падерборнѣ; по другой версіи онѣ были открыты въ іезуитскихъ заведеніяхъ въ Антверпенѣ, Падуѣ или Прагѣ; наконецъ существуетъ предположеніе, что онѣ

были похищены на кораблѣ, плывшемъ въ Остъ-Индію. Составителемъ этихъ инструкцій былъ будто бы генералъ Клавдій Аквавива. Іезуиты съ негодованіемъ заявляли, что эти инструкціи представляютъ собой дерзкій подлогъ. Гретцеръ утверждаетъ, что орденъ никогда не признавалъ и не признаетъ подлинности «Monita privata», и что ни одинъ членъ ордена никогда не видалъ ни одного печатнаго или рукописнаго экземпляра этой книги. Впрочемъ, Гретцеръ дѣлаетъ драгоцѣнное признаніе: онъ допускаетъ, что авторъ книги былъ знакомъ съ внутреннимъ строемъ ордена, что онъ вѣроятно принадлежалъ ему, но вышелъ изъ него; впрочемъ, онъ оговаривается при этомъ, что авторъ «Monita» не могъ принадлежать ни къ одному изъ главныхъ классовъ общества, потому что въ такомъ случаѣ онъ остался бы въ немъ. Большинство іезуитовъ предполагало, что авторомъ «Monita secreta» былъ какой-нибудь отставной іезуитъ, напечатавшій свою книгу въ отместку ордену за свое исключеніе. Эта гипотеза весьма вѣроятна, потому что въ нѣсколькихъ мѣстахъ авторъ разсматриваетъ принципъ и подробности исключенія изъ ордена, разоблачая при этомъ уловки и интриги, къ которымъ іезуиты прибѣгаютъ, чтобы погубить кого-нибудь изъ своихъ опальныхъ членовъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что именно изложеніе подробностей изгнанія составляетъ вѣскій аргументъ противъ подлинности книги: возможно-ли, въ самомъ дѣлѣ, предположить, чтобы высшія власти ордена посвятили даже самыхъ испытанныхъ членовъ въ тайны тѣхъ интригъ, которыми при случаѣ можно было ихъ опутать? Такая излишняя откровенность положительно противорѣчитъ извѣстному коварству общества, потому что она дала бы всякому возможность оградить себя отъ подпольныхъ интригъ и преслѣдованій. По моему мнѣнію, «Monita» дѣйствительно представляютъ собой апокрифъ и злѣйшую сатиру на орденъ. Эта книга заключаетъ въ себѣ превосходную живую картину іезуитскихъ нравовъ; въ ней описывается, какъ они вкрадывались въ различные города и страны, опутывали своими сѣтями государей и представителей церковной и свѣтской власти, постепенно отнимали власть у прелатовъ и собирали колоссальныя богатства. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что іезуиты, будучи интриганами по натурѣ, не нуждались въ такомъ руководствѣ, какъ «Monita». Въ рукахъ человѣка, не особенно искуснаго эти инструкціи, иногда не совсѣмъ ловкія, легко вызвали бы крупный скандалъ. Трудно согла-

сить содержаніе инструкцій съ тою искреннею набожностью, которою была проникнута большая часть іезуитовъ; эти инструкціи скорѣе пригодны для шайки разбойниковъ, чѣмъ для религіознаго общества. Тѣ, которые приписывали ордену такія инструкціи, сдѣлали ему больше добра, чѣмъ зла, потому что всякое преувеличеніе, всякая несправедливость болѣе вредятъ обвинителю, чѣмъ его жертвѣ.

ГЛАВА VII.

Іезуитскій орденъ и реформація.—Цѣль оправдываетъ средства.—Omnia ad majorem Dei gloriam.—Услуги, оказанныя папству.

Іезуитскій орденъ выступилъ на поприще своей дѣятельности, какъ твердо сплоченная фаланга, проникнутая одной руководящей идеей, пламеннымъ энтузіазмомъ и преданностью римской церкви; эта фаланга была подчинена желѣзной дисциплинѣ, снабжена всѣми духовными и матеріальными силами, необходимыми для исполненія извѣстной задачи, и всѣми привилегіями, которыя могла дать церковь; кромѣ того орденъ пользовался исключительнымъ покровительствомъ папъ и могущественнѣйшихъ католическихъ государей. Велика и трудна была его задача: надо было завоевать европейское общество и подчинить его папскому господству; надо было кромѣ того распространить христіанское ученіе среди невѣрныхъ, преобразовать нравы и весь духовный строй католическаго духовенства и пробудить религіозное чувство, угасшее въ сердцахъ народовъ. Безнравственное господство папъ создало такое положеніе, которое сами католическіе мыслители считали невыносимымъ. Извѣстный Белларминъ характеризуетъ тогдашнее положеніе такимъ образомъ: «За нѣсколько лѣтъ до возникновенія лютеранской и кальвинистской ереси, церковныя судилища утратили свою прежнюю строгость, чистота нравовъ исчезла. Св. Писаніе было забыто, и люди утратили уваженіе къ церкви; словомъ, свѣточъ религіи угасъ». Реформація, порожденная нравственнымъ протестомъ человѣчества и тѣмъ негодованіемъ, которое вызвало во всѣхъ слояхъ общества развращающее господство развращенной римской куріи, охватывала своими бурными волнами половину Европы; она пустила корни въ Англіи, въ Скандинавскихъ государствахъ, въ Нидерландахъ, Германіи и Швейцаріи и уже захватывала латинскія государства, главнымъ образомъ Францію. Новыя вѣянія

проявлялись даже за Пиренеями, въ самой Испаніи, гдѣ инквизиція зорко слѣдила за сохраненіемъ римскаго православія; даже и тамъ обновляющій духъ потрясалъ оковы умственнаго рабства. Колоссальный оплотъ Альпъ не былъ въ состояніи задержать теченія преобразовательныхъ идей: онѣ глубоко взволновали всю Италію. Новая доктрина пріобрѣла многочисленныхъ сторонниковъ, какъ въ княжескихъ дворцахъ, такъ и въ самыхъ скромныхъ хижинахъ; она проникла даже въ коллегію кардиналовъ и въ среду епископовъ, потому что кардиналы Мороне и Поле и епископы—моденскій Фоскарини и кавскій Санфеличе — подверглись подозрѣнію въ ереси и были заключены въ тюрьму. Престолъ св. Петра былъ потрясенъ; костры инквизиціи, возстановленные Павломъ III, по совѣту кардинала Караффы и Лойолы, и поголовная рѣзня въ Калабріи, въ долинахъ Піемонта и Савойи, были единственными средствами, которыми папство держалось въ Италіи. Павелъ IV сознавалъ всю безотрадность такого положенія и съ циническою откровенностью заявилъ, что инквизиція — единственно твердая опора папства въ Италіи.

Благодаря такому положенію дѣлъ, борьба съ реформаціей была главною и самою неотложною задачей Іезуитскаго ордена. Вмѣсто того, чтобы, по примѣру первыхъ учениковъ Христовыхъ, основать новое духовное царство въ нравственномъ сознаніи народа, іезуиты начали свое дѣло съ защиты старой римской системы отъ мятежнаго духа реформаторовъ. Когда Лойола и его сторонники выступили на арену, ихъ намѣренія были чисты, они свято вѣровали въ непогрѣшимость римской церкви, которая была для нихъ непорочною невѣстою Христа.

Но въ скоромъ времени оказалось невозможнымъ вести борьбу съ реформаціей и защищать церковь священнымъ оружіемъ, безъ компромиссовъ съ совѣстью, потому что іезуиты поставили себѣ цѣлью сохранить римскую церковь со всѣми ея недостатками и преступными отклоненіями отъ истины. Невозможно защищать ложную систему посредствомъ истины и нравственности, потому что оба эти начала не совмѣстимы съ ложью и развратомъ. Въ дѣлѣ самозащиты, самъ папскій Римъ уже давно отказался отъ чистыхъ средствъ; онъ прибѣгалъ къ духовнымъ наказаніямъ и преслѣдованіямъ, и эти средства иногда оказывались практичными въ борьбѣ съ ересью. Въ тотъ самый моментъ, когда Іезуитскій орденъ ополчился на

защиту папства, онъ уже носилъ въ себѣ зачатки нравственнаго разложенія; обстоятельства вынудили его руководствоваться гибельнымъ принципомъ, что «цѣль оправдываетъ средства». Это краснорѣчивое изреченіе характеризуетъ въ немногихъ сильныхъ словахъ внутреннюю сущность іезуитизма, а потому на немъ слѣдуетъ остановиться и разсмотрѣть, какъ этотъ принципъ изложенъ въ нравственныхъ поученіяхъ іезуитскихъ писателей.

«Цѣль оправдываетъ средства»—это руководящій принципъ всей міровой политики. Это положеніе принято Аристотелемъ за основаніе того сочиненія, гдѣ онъ излагаетъ средства, къ которымъ прибѣгаетъ тиранъ для сохраненія своей власти. Въ своей книгѣ «Il Principe» Маккіавель разработалъ ту же тему гораздо подробнѣе, и у него изреченіе «цѣль оправдываетъ средства» является руководящимъ принципомъ политической мудрости. Въ пылу борьбы, даже Лютеръ писалъ къ своему другу Іоганну Ланге въ 1520 году: «Я убѣжденъ, что папскій Римъ—вертепъ антихриста, а въ борьбѣ съ его гибельнымъ вліяніемъ я считаю дозволенными всякія средства, лишь бы они вели къ спасенію».

Въ своемъ ученіи о естественномъ правѣ, Спиноза оправдываетъ знаменитый тезисъ; отождествивъ силу съ правомъ, философъ утверждаетъ, что всякому государству позволительно насиліе надъ другимъ и что всякій союзъ можетъ быть расторгнутъ одною изъ сторонъ, лишь только онъ становится безполезнымъ и невыгоднымъ, потому что главною цѣлью всякаго государства должно быть собственное благо. Въ своемъ ученіи объ естественномъ правѣ, Спиноза примѣняетъ это правило и ко взаимнымъ отношеніямъ между частными лицами: онъ провозглашаетъ принципъ, что главная цѣль всякаго человѣка—его собственное благо и выгода. Современная философія отвергла этотъ принципъ и осудила его. Гегель доказалъ его несостоятельность, высказавъ мысль, что цѣль и средство порождаютъ и опредѣляютъ другъ друга; сама цѣль даетъ логическія средства къ своему достиженію и не можетъ быть осуществлена средствами, которыя ей чужды или противоположны ея внутренней сущности. Другой мыслитель Даубъ полагаетъ, что вѣчная любовь не могла дать человѣку безнравственныхъ средствъ для достиженія священной цѣли, а Роте утверждаетъ, что истинно добродѣтельный человѣкъ не можетъ прибѣгать къ дурнымъ средствамъ, потому что вѣритъ только въ добро. Съ другой стороны Виртъ допускаетъ такіе конфликты, въ ко-

торыхъ права личности и менѣе значительныхъ группъ должны стушевываться передъ правами болѣе крупныхъ коллективныхъ единицъ; по его мнѣнію, сохраненіе этихъ коллективныхъ единицъ требуетъ иногда нарушенія нравственнаго закона и въ то же время оправдываетъ такое нарушеніе.

Дѣйствительно, іезуитскій тезисъ не такъ гнусенъ, какъ кажется на первый взглядъ. Онъ заключаетъ въ себѣ долю истины, потому что побужденіе и намѣреніе человѣка является вѣскимъ факторомъ при оцѣнкѣ его поступковъ. Сама природа, сохраняющая міръ и ведущая его къ совершенствованію посредствомъ борьбы за существованіе, подчиняется этому тезису. Исторія доказываетъ, что, при осуществленіи какого-нибудь грандіознаго и раціональнаго плана, невозможно слишкомъ строго считаться съ правами и благомъ отдѣльныхъ личностей; въ большинствѣ случаевъ то лучшее, что требуется осуществить, покупается цѣною нѣкоторыхъ лишеній и страданій. Тотъ, кто безусловно отвергнетъ тезисъ, что цѣль оправдываетъ средства, будетъ вынужденъ осудить многіе перевороты, которые совершились лишь посредствомъ нарушенія существующихъ правъ, и ему придется осудить многихъ великихъ людей, провозвѣстниковъ новыхъ идей. Если мы отвергнемъ вышеупомянутый принципъ, то будемъ вынуждены осудить войну, прибѣгающую къ шпіонству и хитрости, охрану общественной безопасности, которая также употребляетъ хитрость для поимки виновнаго, и всю политику, основанную на ловкости и коварствѣ. Кантъ совершенно основательно замѣчаетъ, что ни одному философу не удавалось примирить господствующіе въ политикѣ принципы съ требованіями строгой нравственности. Мало того, среди многочисленныхъ усложненій жизни, можетъ случиться, что прекрасная цѣль заставитъ насъ прибѣгнуть къ средствамъ, порицаемымъ строгою нравственностью. Неужели врачъ будетъ безъ необходимости признаваться больному въ его безнадежномъ состояніи? Неужели мы откажемся спасти безвинно преслѣдуемаго, обманувъ его преслѣдователя? Неужели мы осудимъ ложное показаніе сына, берущаго на себя вину своего отца, чтобы спасти его отъ казни?—Иногда высшая нравственность требуетъ отклоненія отъ строгой, педантической морали. Тѣмъ не менѣе нельзя возвести этотъ принципъ въ общее правило, потому что это повело бы, на практикѣ, къ самымъ возмутительнымъ злоупотребленіямъ. Только необходимость достигнуть болѣе высокой нравственной цѣли оправдываетъ

нарушеніе нравственныхъ правилъ, и то лишь въ томъ случаѣ, если они безусловно препятствуютъ достиженію высшей нравственной цѣли. Самое общество со всѣми своими учрежденіями сложилось не совсѣмъ согласно съ законами нравственности и справедливости, и быть можетъ многое изъ того, что освящено временемъ и традиціей, основано на вопіющей несправедливости. При такихъ условіяхъ, право и добро могутъ быть осуществлены лишь посредствомъ нарушенія условныхъ права и добра. Тотъ фактъ, что высшіе идеалы не всегда осуществляются посредствомъ спокойнаго мирнаго развитія, а посредствомъ бурныхъ потрясеній и переворотовъ, и составляетъ трагическій элементъ исторіи.

Опасный тезисъ, о которомъ мы говоримъ, примѣнялся іезуитами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, скрываясь во многихъ нравственныхъ правилахъ, преподаваемыхъ орденомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить бѣглый взглядъ на исторію и казуистику ордена. Сила обстоятельствъ вынудила его вести церковную политику, и уже поэтому онъ не могъ обойтись безъ этого основного политическаго принципа. Мало того, орденъ съ особенною любовью предавался изученію политики, и одинъ изъ его лучшихъ писателей, Паллавичини прославлялъ политику, какъ главную міровую силу. По его опредѣленію, политика—наука объ общемъ благѣ. Многіе историки ставили себѣ вопросъ, ясно-ли выраженъ въ іезуитскихъ сочиненіяхъ принципъ «цѣль оправдываетъ средства». Іезуиты, какъ извѣстно, отрицаютъ это, и еще недавно у нихъ происходила по этому поводу полемика съ ихъ противниками. Протестантскій пасторъ Мауреръ указываетъ у іезуитскаго писателя Бузенбаума слѣдующій отрывокъ: «вполнѣ позволительно обмануть тюремщиковъ, удалить ихъ съ помощью хитрости или напоить какимъ-нибудь напиткомъ, омрачающимъ сознаніе; позволительно также разбить свои цѣпи и бѣжать изъ тюрьмы, потому что, если цѣль законна, то законны и средства». Іезуитскій патеръ Ро объясняетъ мысль Бузенбаума слѣдующимъ образомъ: онъ признаетъ за преступникомъ право бѣгства въ силу верховнаго закона самосохраненія. Человѣка не слѣдуетъ предавать смерти, а потому приговоренный къ смертной казни имѣетъ право прибѣгать ко всякимъ средствамъ для спасенія своей жизни; каковы бы ни были эти средства, они будутъ законны съ точки зрѣнія высшей нравственности. Эта защита Бузенбаума несостоятельна во всѣхъ отношеніяхъ: во-первыхъ, высшая нравственность не признаетъ за виновнымъ права са-

мовольно освобождаться отъ кары для спасенія своей жизни. Во-вторыхъ, истинная нравственность не оцѣниваетъ поступки, принимая въ соображеніе вредъ, который они приносятъ. У Бузенбаума и у Гюри часто встрѣчаются наставленія, въ которыхъ прямо говорится, что «позволительно дѣлать зло, лишь бы изъ него возникло добро».

Эскобаръ провозглашаетъ тотъ же самый принципъ, говоря въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что наши поступки опредѣляются цѣлью, къ которой мы стремимся, и что хорошая или дурная цѣль порождаетъ хорошіе или дурные поступки. На вопросъ, позволительно-ли сдѣлать меньшее зло во избѣжаніе большаго, онъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: «Вспоминая примѣръ Лота, который отдалъ содомскимъ жителямъ своихъ дочерей, во избѣжаніе еще большаго грѣха, я нахожу, что слѣдуетъ дѣлать меньшее зло во избѣжаніе большаго; отъ этого происходитъ не абсолютный, а относительный вредъ».—Этотъ тезисъ часто встрѣчается у іезуитскихъ моралистовъ, но они всегда стараются смягчить и облагообразить его ловкими софизмами.

Орденъ торжественно провозглашаетъ, что вся его дѣятельность направлена «ad majorem Dei gloriam». Въ чемъ именно заключается эта «вящшая» слава Божія, и почему орденъ не поставилъ себѣ задачей просто служить Богу?

Іезуиты аргументируютъ слѣдующимъ образомъ: Слава Божія равносильна господству Всевышняго надъ міромъ, а такъ какъ церковь проникнута духомъ Божіимъ, то слава Божія равносильна господству церкви (католической) надъ міромъ. Но церковь нераздѣльна съ папой, а слѣдовательно, слава Божія является синонимомъ славы папства, потому что папа, въ качествѣ намѣстника Господня, управляетъ церковью, которая является посредницей между Богомъ и людьми. Верховная цѣль человѣка заключается въ спасеніи души, а такъ какъ оно достижимо только при посредствѣ церкви, то все человѣчество должно быть подчинено ей. Коль скоро церковь отождествлена съ папой, то власть надъ человѣчествомъ принадлежитъ папѣ, видимому представителю Вседержителя Неба и Земли. Іезуитскій орденъ добивался «вящшей славы Божіей», а въ сущности онъ стремился только расширить до необъятныхъ предѣловъ папскую власть. Вся дѣятельность, всѣ помыслы ордена клонились къ неустанному служенію не Богу, а римской куріи.

Громадные успѣхи іезуитовъ вскорѣ выяснили имъ ихъ преобладающее значеніе въ римской церкви. Хуаресъ напоминаетъ съ великою гордостью, что Климентъ VIII называлъ

орденъ «правою рукой папства»; юбилейная книга «Imago» (обзоръ дѣятельности ордена за первое столѣтіе его существованія) сравниваетъ орденъ со щитомъ еврейскаго первосвященника и называетъ его «оракуломъ папства». Сознавая свою громадную силу, орденъ вскорѣ задумалъ подчинить себѣ римскаго первосвященника. Въ представленіи іезуитовъ ихъ задача слилась съ интересами и благосостояніемъ ордена, который вскорѣ сталъ служить своимъ собственнымъ цѣлямъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ своего основанія, іезуиты завладѣли церковью, уничтожили всѣ права, препятствовавшія ихъ властолюбивымъ инстинктамъ, оттѣснили на задній планъ всѣ остальныя религіозныя братства, отняли у нихъ имущество и наложили оковы на самое папство. Іезуиты напоминаютъ во многихъ отношеніяхъ римскихъ преторіанцевъ: точно такъ же, какъ преторіанская гвардія поддерживала колеблющійся цезаризмъ, такъ и іезуиты — эта почетная гвардія папства—служила опорой потрясенному папскому престолу. Какъ преторіанцы держали въ зависимости цезарей, точно также и іезуиты господствовали надъ папами. Римская церковь сама породила іезуитизмъ, но съ теченіемъ времени сынъ подчинилъ себѣ мать и повелъ ее дальше и дальше по тому пути, на который она сама вступила.

Іезуитскій орденъ задался, какъ извѣстно, двойною цѣлью: возвращать въ лоно церкви еретиковъ и просвѣщать язычниковъ. Францискъ Ксаверій, величайшій изъ свѣтилъ ордена, послѣ Лойолы, и его второй основатель, отправился въ Индію, сгорая желаніемъ стяжать мученическій вѣнецъ, а братья его посвятили себя борьбѣ съ еретиками въ Европѣ.

«Въ Іезуитскомъ орденѣ,—говоритъ Маколей,—сосредоточилась вся квинтъ-эссенція католическаго духа, и его исторія тождественна съ исторіей великой католической реакціи. Господствуя надъ всѣмъ югомъ Европы, орденъ ополчился для новыхъ духовныхъ завоеваній. Не взирая на океаны и пустыни, на голодъ и чуму, шпіоновъ и уголовные законы, висѣлицы и орудія пытки, іезуиты проникали всюду и вездѣ неустрашимо вели свою пропаганду. Они являлись въ качествѣ врачей, торговцевъ, ученыхъ и самыхъ скромныхъ слугъ; они учили, вели богословскіе споры, утѣшали несчастныхъ, привлекали сердца молодежи, поддерживали впадавшихъ въ уныніе и подносили Распятіе умирающимъ. Старый Свѣтъ былъ слишкомъ тѣсенъ для ихъ неутомимой дѣятельности; они стали проникать въ отдаленныя страны, открытыя великими море-

плавателями для смѣлой предпріимчивости европейцевъ. Они несли свою пропаганду въ рудники Перу, на невольничьи рынки Африки, въ замкнутыя жилища косныхъ китайцевъ. Они вербовали прозелитовъ въ странахъ, куда не проникалъ до нихъ ни одинъ европеецъ, проповѣдуя и поучая на языкахъ, совершенно непонятныхъ другимъ жителямъ Запада».

ГЛАВА VIII.

Миссіи. — Германско-венгерская коллегія. — Поссевинъ и рѣзня въ Піемонтѣ.—Рѣзня въ Калабріи.—Іезуиты въ Венеціи, Тосканѣ, Пармѣ, Обѣихъ Сициліяхъ и Сардиніи.—Іезуиты въ Германіи и Австріи.—Ихъ роль во время 30-лѣтней войны.

Въ короткое время орденъ одержалъ блестящія побѣды надъ протестантизмомъ. Реформаціонное движеніе было подавлено въ Италіи и оттѣснено въ Германіи въ ея сѣверной провинціи. «Когда іезуиты явились на помощь папству, говоритъ Маколей, они застали его совершенно ослабѣвшимъ, но съ минуты ихъ появленія, ходъ борьбы измѣнился. Протестантизмъ, имѣвшій непреодолимое обаяніе вначалѣ, былъ задержанъ въ своемъ побѣдоносномъ шествіи и отброшенъ съ неимовѣрной быстротой отъ подножія Альпъ до Балтійскаго прибрежья. Въ первое же столѣтіе своего существованія орденъ наполнилъ весь свѣтъ памятниками своихъ мучениковъ и славою своихъ подвиговъ въ борьбѣ за вѣру».

Послѣ Италіи, гдѣ папству грозила наиболѣе неминуемая опасность, іезуиты принялись отвоевывать у еретиковъ Германію, отечество реформаціи и центръ самой упорной оппозиціи папства. Въ 1551 году, Лойола основалъ въ Римѣ первую коллегію своего ордена; на слѣдующій годъ онъ основалъ германскую коллегію — воспитательное заведеніе для молодыхъ нѣмцевъ, желавшихъ посвятить себя обращенію протестантовъ своего отечества. Въ первый же годъ своего основанія, германская коллегія имѣла 22 воспитанника, на слѣдующій годъ 25, а вскорѣ при коллегіи открылся интернатъ для молодыхъ аристократовъ. Вскорѣ іезуиты основали въ Римѣ новое воспитательное заведеніе для венгерской молодежи, и обѣ коллегіи слились въ одну, подъ названіемъ «германско-венгерской».

Въ Италіи іезуиты распространились по городамъ и деревнямъ, помогая свѣтской власти и инквизиціи въ дѣлѣ подавленія ереси. Они легко проникали въ высшія правящія сфе-

ры; государи покровительствовали имъ, и многія принцессы сдѣлались преданными поборницами ордена, который принялъ дѣятельное участіе въ кровавомъ преслѣдованіи вальденцевъ на сѣверѣ и югѣ Италіи. Герцогъ Савойскій, Эммануилъ Филибертъ, задался цѣлью возвратить своихъ еретическихъ подданныхъ въ лоно католической церкви и попытался достигнуть этого посредствомъ мирной пропаганды; онъ обратился къ папѣ съ просьбою разрѣшить ему устройство диспутовъ. Папа отвѣчалъ, что умѣренность и убѣжденіе никогда не оказывали на еретиковъ никакого дѣйствія; напротивъ, опытъ доказалъ, что лучшимъ средствомъ обращенія является справедливость по отношенію къ невѣрнымъ, а въ случаѣ неудачи—сила и строгость. Лаинесъ послалъ къ герцогу іезуита Поссевина, и подъ его вліяніемъ этотъ государь, первоначально мирволившій протестантизму, рѣшился прибѣгнуть къ насиліямъ. Поссевинъ совершилъ путешествіе по долинамъ Піемонта и Савойи, населеннымъ вальденцами, и представилъ герцогу отчетъ о состояніи ереси въ этихъ странахъ. Послѣ этого Филибертъ поручилъ губернатору Пинверомо истребить гнѣздо заблужденія и изгнать проповѣдниковъ ереси. Ферье исполнилъ это приказаніе съ величайшимъ усердіемъ и, желая устрашить населеніе, сжегъ наиболѣе упорныхъ еретиковъ. Всѣми овладѣлъ ужасъ. Подъ вліяніемъ іезуитовъ, герцогъ убѣдился, что только посредствомъ насилія можно было образумить отщепенцевъ. Онъ послалъ противъ нихъ своего полководца съ 2.000 войска и, по его просьбѣ, Поссевинъ отправился съ этимъ отрядомъ, чтобы вдохновлять солдатъ на подвигъ защиты религіи. Въ своемъ отчетѣ о возложенной на него миссіи, Поссевинъ повѣствуетъ, что дѣйствовалъ, какъ инквизиторъ. Онъ сообщаетъ, что герцогъ Эммануилъ Филибертъ увѣщевалъ епископовъ не довольствоваться духовными средствами, а, сообща съ инквизиторами, дѣйствовать противъ еретиковъ съ неумолимою строгостью и карать по преимуществу упорствующихъ проповѣдниковъ, потому что они, какъ факелы, поджигаютъ альпійскія долины и остальную Италію. По свидѣтельству Поссевина, въ 1561 году были сожжены на кострахъ два или три проповѣдника, прибывшіе изъ-за границы. Поссевинъ убѣждалъ и французскаго короля совершить походъ противъ вальденцевъ; въ присутствіи туринскаго губернатора, онъ объявилъ, что если свѣтская власть не приметъ своевременно мѣръ противъ этой гнусной секты, то она сдѣлается до такой степени опасною, что королю уже не удастся искоренить ее.

Въ то же самое время было воздвигнуто самое жестокое гоненіе на калабрійскихъ вальденцевъ въ Казаль-ди-Санъ-Систо и въ Гуардія Фискальдо. Въ трехъ письмахъ неизвѣстнаго свидѣтеля (отъ 5, 11 и 12 іюня 1561 года) мы встрѣчаемъ ужасающія подробности объ этихъ гоненіяхъ. Въ первомъ своемъ письмѣ, неизвѣстный повѣствуетъ, что болѣе 1400 чел. мужчинъ и женщинъ были схвачены въ Гуардіи и заключены въ тюрьму Монтальти. «Они просили помилованія, утверждая, что ихъ совратилъ дьяволъ». Тѣмъ не менѣе дома ихъ были сожжены, все имущество уничтожено и виноградники истреблены. Неизвѣстный авторъ писемъ проникнутъ состраданіемъ къ бѣдствіямъ несчастныхъ; но, замѣчаетъ онъ, если Богъ не смягчитъ сердце Его Святѣйшества, надъ ними будетъ исполненъ строгій приговоръ. Мѣстечко Санъ-Систо было превращено въ груду пепла, а 60 человѣкъ жителей погибли на висѣлицахъ. Письмо отъ 11 іюня сообщаетъ, что «правосудіе начало свое дѣло». Нѣсколько несчастныхъ заперты въ одномъ домѣ: туда является палачъ, хватаетъ ихъ одного за другимъ, завязываетъ имъ глаза и тащитъ ихъ на обширную площадь, близъ мѣста заключенія. Онъ заставляетъ одного изъ приговоренныхъ стать на колѣни, перерѣзываетъ ему горло, снимаетъ повязку съ глазъ и, оставляя на землѣ окровавленный трупъ, переходитъ къ слѣдующей жертвѣ, которую рѣжетъ точно также. На глазахъ у автора письма было зарѣзано такимъ образомъ 88 жертвъ. Старики шли на смерть съ полною ясностью духа, а молодые дрожали. Если папа или вице-король, говоритъ авторъ письма, не отмѣнятъ даннаго приказанія, то всѣ еретики будутъ четвертованы и повѣшены вереницей вдоль дороги, до самой границы Калабріи. По приказанію папы, 11 іюня были подвергнуты пыткѣ, а потомъ казнены 100 женщинъ. Наконецъ, изъ письма отъ 12 іюня, мы узнаемъ, что втеченіи 11 дней было казнено 2000 мужчинъ, приговорено къ тюремному заключенію 1600 чел., а въ деревнѣ вырѣзано болѣе 100 чел. Казненные были по большей части люди темные, пришедшіе изъ-за границы. Жестокосердый папа, при которомъ совершались эти ужасы, былъ Пій IV.

Іезуиты играли выдающуюся роль въ этихъ массовыхъ убійствахъ: они занимались обращеніемъ жертвъ, и, благодаря ихъ вліянію, несчастные шли на смерть спокойно и покорно. Исторіографъ ордена сообщаетъ, что въ одинъ день было зарѣзано 88 невинныхъ жертвъ. Онъ прибавляетъ въ утѣшеніе, что тѣ, «которыхъ исповѣдывалъ Ксаверій, искренно покая-

лись передъ смертью. Они жалѣли лишь о томъ, что судьба такъ поздно послала имъ такихъ просвѣтителей; если бы они явились двумя мѣсяцами раньше, то несчастные не отклонились бы отъ истиннаго ученія римской церкви».

Съ самаго своего основанія, орденъ былъ благосклонно принятъ въ Венеціи, гдѣ его щедро надѣлили помѣстьями. Но въ 1606 году, у папы Павла V произошло столкновеніе съ республикой; іезуиты приняли его сторону, стали защищать его притязанія и отказались отправлять богослуженіе въ странѣ, находящейся подъ папскимъ интердиктомъ. Венеціанское правительство изгнало ихъ и запретило имъ пребываніе на венеціанской территоріи, даже послѣ своего примиренія съ папой. Негодующіе іезуиты стали громить Венецію въ своихъ публичныхъ проповѣдяхъ въ другихъ городахъ Италіи; они стали повсемѣстно распространять оскорбительные памфлеты противъ Венеціи и старались подстрекать своихъ венеціанскихъ сторонниковъ къ самому упорному сопротивленію правительству. Въ своей пропагандѣ они обращались главнымъ образомъ къ женамъ и сыновьямъ, совѣтуя первымъ прекратить супружескія отношенія съ мужьями, а вторымъ—оказывать отцамъ неповиновеніе. По словамъ Сарпи, іезуиты проникали въ Венецію подъ фальшивыми именами, съ цѣлью подстрекать усердіе своихъ сторонниковъ и выманивать деньги у суевѣрныхъ вдовъ и богачей. Они стали интриговать въ Константинополѣ и употребляли всевозможныя усилія, чтобы натравить турокъ на Венецію.

Между тѣмъ республика, истощенная войной съ Турціей и Кандіей, искала союза съ папой и съ Франціей. Папа Александръ VII обѣщалъ свою поддержку лишь съ условіемъ возвращенія іезуитовъ, что̀ и было исполнено. Впрочемъ, республиканское правительство не возвратило ордену его конфискованныхъ имуществъ, и онъ былъ вынужденъ купить домъ, въ которомъ поселились его члены. Въ Тосканѣ іезуиты никогда не имѣли большого вліянія; тамошнія власти оказывали ордену упорное сопротивленіе и вели постоянную борьбу съ свѣтскимъ духовенствомъ и доминиканцами. Въ Піемонтѣ и въ Пармѣ, при дворѣ Фарнезовъ, орденъ былъ всемогущъ, а члены его состояли духовниками при государяхъ. Пораженіе, понесенное орденомъ въ Венеціи, научило его осторожности. Когда между герцогомъ Эдуардомъ Пармскимъ и папой Урбаномъ VIII произошелъ конфликтъ, вслѣдствіе котораго герцогъ былъ отлученъ отъ церкви, а на его государство наложенъ интердиктъ, іезуиты,

успѣвшіе пріобрѣсти въ странѣ громадное богатство, стали на сторону герцога и не обратили никакого вниманія на папскія буллы. Въ 1551 году, іезуиты проникли въ Неаполь, гдѣ дворянство вскорѣ осыпало ихъ милостями и щедрыми дарами. Джанноне увѣряетъ, что втеченій 100 лѣтъ орденъ пріобрѣлъ обширныя помѣстья въ столицѣ и во всемъ королевствѣ. Въ началѣ XVII вѣка, въ Неаполѣ было всего 20 іезуитовъ, но іезуитскихъ коллегій уже насчитывалось 293, и эти заведенія помѣщались въ роскошныхъ громадныхъ зданіяхъ. «Если прибавить къ этому,—говоритъ Джанноне въ своей «Исторіи Неаполитанскаго королевства»,—тѣ коллегіи, которыя іезуиты построили до нашего времени, то всякій убѣдится, что ни одно религіозное братство не пріобрѣтало въ столь короткое время такого громаднаго количества недвижимой собственности и такихъ несмѣтныхъ богатствъ, какъ Іезуитскій орденъ». Въ 1715 году, іезуиты были въ первый разъ изгнаны изъ королевства Обѣихъ Сицилій, а имущества ихъ были секвестрованы за то, что они стали на сторону короля въ его ссорѣ съ папой. Въ 1727 году сардинскій король Викторъ Амедей запретилъ іезуитамъ содержать публичныя школы, и это нанесло имъ самый чувствительный ударъ.

Въ 1540 году, іезуитъ Ле-Февръ посѣтилъ берега германскаго Рейна, а на слѣдующій годъ Бобадилла и Ле-Фай послѣдовали за нимъ. Оба послѣдніе быстро пріобрѣли симпатіи герцога Вильгельма IV Баварскаго и императора Фердинанда I. Въ 1549 году, Вильгельмъ призвалъ членовъ ордена на каѳедры богословія при Ингольштадтскомъ университетѣ, а его преемникъ Альбертъ V основалъ въ 1557 году іезуитскую коллегію въ томъ же городѣ и черезъ два года вторую коллегію въ Мюнхенѣ. Въ 1558 году, пришельцы добились введенія инквизиціи въ Баваріи, съ цѣлью истребленія протестантизма. Всѣ протестанты, остававшіеся вѣрными своему ученію, были изгоняемы изъ страны, а тѣ должностныя лица, которыя мирволили имъ, подвергались самимъ тяжелымъ наказаніямъ. Герцогъ Альбертъ Баденскій также рѣшилъ возстановить католицизмъ въ своихъ владѣніяхъ и исполнилъ это намѣреніе въ 1570—71 годахъ.

Фердинандъ допустилъ іезуитовъ въ Вѣну въ 1551 году, щедро надѣлилъ ихъ землями и открылъ имъ обширное поле дѣятельности. Въ 1558 году ордену было дано разрѣшеніе поучать и проповѣдывать во всѣхъ наслѣдственныхъ земляхъ императорской короны, а при Вѣнскомъ университетѣ имъ были

назначены на вѣки двѣ каѳедры. Въ 1559 году, они открыли свою собственную типографію, а въ 1562 году въ Вѣнѣ было уже 80 человѣкъ іезуитовъ.

Протестантизмъ чрезвычайно сильно распространялся въ Австріи; въ моментъ прибытія іезуитовъ, къ католицизму принадлежала еще едва 1/30 населенія. Втеченіи 20 лѣтъ Вѣнскій университетъ не выпустилъ ни одного католическаго патера, и болѣе 300 приходовъ оставались безъ священниковъ.

По внушенію Петра Канизія, Фердинандъ учредилъ іезуитскую коллегію въ Прагѣ, а черезъ нѣсколько лѣтъ спустя такія же учрежденія были основаны въ Тиролѣ и Венгріи. Орденъ вскорѣ утвердился въ Аугсбургской епархіи, а въ 1563 году кардиналъ-епископъ Вальдбургскій, Оттонъ Трухзессъ, передалъ ему только что основанный университетъ и семинарію и основалъ іезуитскую коллегію, которую щедро одарилъ землями. Въ 1579 году, іезуиты проникли въ городъ Аугсбургъ и основали въ немъ коллегію и лицей. Затѣмъ ихъ стали призывать на перерывъ епископъ Вюрцбургскій, архіепископъ Майнцкій, епископъ Трирскій и аббатъ Фульдскій, а въ 1581 году орденъ утвердился въ Кёльнѣ, Кобленцѣ и Шпейерѣ. Послѣ этого они стали распространять свое господство на окрестные города и учреждать свои коллегіи въ Регенсбургѣ, Мюнстерѣ, Гильдесгеймѣ, Падерборнѣ, Констанцѣ, Бамбергѣ, Пассавѣ и Эйхштедтѣ. Главными центрами дѣятельности іезуитовъ были Вѣна, Кёльнъ и Ингольштадтъ: изъ Вѣны они господствовали надъ всей Австрійской имперіей, изъ Кёльна надъ прирейнскими странами, а изъ Ингольштадта надъ всей южной Германіей. Вездѣ, гдѣ они появлялись, религіозная терпимость, которую они заставали, исчезала безслѣдно и замѣнялась преслѣдованіями.

Въ 1554 году Петръ Канизій опубликовалъ свою книгу «Итоги христіанской доктрины». Это сочиненіе было переведено на нѣсколько языковъ и имѣло такой блестящій успѣхъ, что черезъ 130 лѣтъ послѣ перваго изданія ихъ было выпущено четыреста. На основаніи этой книги, былъ составленъ катехизисъ для нѣмецкихъ католиковъ; онъ представляетъ собой рѣзкую полемику противъ протестантизма. Въ 1573 году, іезуиты начали борьбу съ реформаціей въ области Фульдскаго аббата, а по приглашенію архіепископа Майнцкаго распространили ее на слѣдующій годъ и на городъ Эйхсфельдъ. Архіепископъ Трирскій и епископъ Вормскій также энергично содѣйствовали искорененію ереси. Послѣ паденія кёльнскаго

архіепископа Гебгардта, римско-католическая партія на Рейнѣ и въ Вестфаліи собралась съ новыми силами и стала повсемѣстно подавлять новое ученіе. Въ 1585 году, вюрцбургскій епископъ Юлій возвратилъ въ лоно церкви 60000 еретиковъ, съ помощью іезуитовъ. Конечно, насиліе значительно содѣйствовало этому обращенію. Впрочемъ, слѣдуетъ признать, что духовная пропаганда іезуитовъ играла также весьма важную роль въ этомъ дѣлѣ. Іезуиты выказывали неутомимую дѣятельность и прибѣгали для обращенія еретиковъ къ самымъ разнообразнымъ средствамъ — богословской полемикѣ, вкрадчивому краснорѣчію, назидательнымъ примѣрамъ, сочувственному отношенію къ народнымъ нуждамъ и пышнымъ религіознымъ торжествамъ.

Императоръ Максимиліанъ II сочувствовалъ въ глубинѣ души реформаціи и потому не далъ іезуитамъ никакихъ привилегій. Какъ человѣкъ чрезвычайно терпимый, онъ не изгналъ ихъ изъ Австріи, но въ его царствованіе они не основали ни одной коллегіи. Они были болѣе счастливы въ царствованіе Рудольфа II. Воспитанный при дворѣ Филиппа II, Рудольфъ былъ проникнутъ непримиримою ненавистью къ ереси. Онъ осыпалъ іезуитовъ дарами и открылъ имъ всѣ города своего государства. Въ 1581 году они основали коллегію въ Брюннѣ и проникли въ Силезію, а въ 1585 году императоръ дозволилъ имъ возвратиться въ Венгрію, откуда они были изгнаны его отцомъ.

Въ 1570 году эрцгерцогъ Карлъ Штирійскій обратился къ ордену съ воззваніемъ, передалъ ему грацскую коллегію и вскорѣ возвелъ ее на степень университета. При эрцгерцогѣ Фердинандѣ, іезуиты пріобрѣли неограниченное вліяніе: онъ былъ ихъ ученикомъ въ Ингольштадтѣ и Грацѣ и самъ называлъ себя сыномъ Іезуитскаго ордена. Отправившись разъ въ Лоретто, онъ произнесъ передъ иконой Божьей Матери обѣтъ вести истребительную войну съ протестантизмомъ, и, достигнувъ власти, онъ сдержалъ слово. Втеченіи цѣлыхъ пяти лѣтъ, комиссары инквизиціи объѣзжали Штирію и очищали страну отъ протестантовъ посредствомъ казней, изгнаній и разрушенія школъ и церквей. Будучи покорнымъ ученикомъ іезуитовъ и имѣя при себѣ іезуита, въ качествѣ духовника, Фердинандъ слѣпо исполнялъ волю ордена, заботясь лишь о томъ, чтобы возвеличить и усилить его. Онъ расширилъ грацскую коллегію, основалъ коллегію въ Люблянахъ, подарилъ ордену богатыя феодальныя владѣнія Мульштадтъ, освободивъ его отъ всякихъ налоговъ и поборовъ, основалъ новыя коллегіи въ Клагенфуртѣ (Цѣловецъ) и Леобенѣ и построилъ роскошное зданіе для Грац-

скаго университета. Вступивъ на императорскій престолъ, Фердинандъ осыпалъ іезуитовъ еще большими благодѣяніями: онъ всецѣло отдалъ имъ въ руки Вѣнскій университетъ и соединилъ его съ іезуитской коллегіей, разрѣшивъ іезуитамъ замѣщать по собственному усмотрѣнію каѳедры богословія и философіи; онъ безпрестанно дарилъ имъ помѣстья въ Чехіи, Моравіи и Силезіи, и многіе даже утверждали, что при Фердинандѣ іезуиты завладѣли одною третью доходовъ Чешскаго королевства. Фердинандъ учредилъ коллегіи въ Оломуцѣ, Брюннѣ и другихъ городахъ Моравіи; онъ же соединилъ Пражскій университетъ съ іезуитской коллегіей и предписалъ, чтобы на будущее время ректоръ коллегіи управлялъ университетомъ и завѣдывалъ дѣломъ народнаго образозанія въ Чехіи. Впрочемъ, пражскій архіепископъ оказалъ этимъ предпріятіямъ энергичное сопротивленіе, и, благодаря этому, іезуиты одержали лишь кажущуюся побѣду. Іезуитскій орденъ обогащался, съ ущербомъ для другихъ орденовъ, главнымъ образомъ для бенедиктинцевъ. По новому закону, всѣ имущества католическаго духовенства, отчужденныя въ пользу протестантовъ, должны были быть возвращены прежнимъ владѣльцамъ, на основаніи одной изъ статей пражскаго трактата. Католическіе ордена должны были получить значительное число этихъ отчужденныхъ имуществъ; но іезуиты прибѣгли къ всевозможнымъ интригамъ, чтобы заставить Фердинанда отдать имъ однимъ эти имущества. Такимъ образомъ имъ удалось пріобрѣсти громадныя богатства, главнымъ образомъ въ Чехіи. Изъ-за этого произошла ожесточенная полемика между іезуитами и представителями другихъ орденовъ, и слѣдуетъ признаться, что въ принципіальномъ спорѣ іезуиты были побѣждены. Трое германскихъ курфюрстовъ-епископовъ и Максимиліанъ I Баварскій вступились за права другихъ орденовъ; они написали къ папѣ коллективное письмо, въ которомъ просили его защитить эти ордена отъ хищенія и интригъ іезуитовъ. Споръ длился почти 25 лѣтъ; его покончилъ Вестфальскій миръ, по которому протестантамъ досталась большая часть спорныхъ имуществъ.

Сами іезуиты изумлялись щедрости Фердинанда. «Берите, не стѣсняясь, захватывайте, какъ можно больше,—совѣтывалъ имъ императоръ;—у васъ не всегда будетъ такой покровитель, какъ я». Нѣкоторые іезуитскіе писатели выражали опасеніе, что щедрость Фердинанда и баварскихъ государей выходитъ за предѣлы дозволеннаго.

Внушеніе іезуитовъ и примѣръ эрцгерцога Фердинанда по-

будили императора Рудольфа II предпринять обширную реформу въ Австріи, Чехіи и Венгріи. Въ Зальцбургѣ, по совѣту іезуитовъ, архіепископъ изгналъ всѣхъ протестантовъ, которые отказывались возвратиться въ лоно католической церкви. Но въ Венгріи истребленіе протестантизма оказалась весьма труднымъ, потому что къ нему примкнулъ почти весь народъ. Тамъ возникло такое грозное возстаніе, что Рудольфъ спасъ свою корону лишь тѣмъ, что даровалъ своимъ подданнымъ религіозную свободу. Изгнанные изъ Венгріи, іезуиты прониклись еще болѣе яростною ненавистью къ протестантизму и стали подстрекать императора противъ еретиковъ. Іезуитъ Іоганнъ Мелленъ далъ императору слѣдующій совѣтъ: воздержаться отъ всякихъ насилій и молча терпѣть ересь до тѣхъ поръ, пока онъ соберется съ силами, чтобы нанести ей сразу рѣшительный ударъ. Двусмысленный образъ дѣйствій Рудольфа неминуемо вызвалъ бы новое возстаніе, если бы братъ его Матвѣй не взялъ на себя управленія Венгріей, Австріей и Чехіей, которымъ даровалъ полную свободу совѣсти. Чтобы предотвратить новыя пораженія, самъ Рудольфъ былъ вынужденъ издать указъ 1609 года, предоставлявшій чешскимъ протестантамъ полную свободу вѣроисповѣдыванія и цѣлый рядъ важныхъ уступокъ; но всеобщее недовѣріе подданныхъ заставило его отречься отъ престола и уступить Матвѣю всѣ свои владѣнія.

Максимиліанъ I Баварскій учился одновременно съ эрцгерцогомъ Фердинандомъ въ Ингольштадтѣ подъ руководствомъ іезуитовъ. Подобно ему, онъ также горѣлъ желаніемъ сохранить и распространить истинную вѣру и искоренить ересь. Когда Адольфъ II поручилъ ему наказать городъ Донаувёртъ, который оскорбилъ католическую процессію, онъ воспользовался этой миссіей, чтобы выказать все свое усердіе. Въ это время іезуиты стали громить протестантовъ все сильнѣе и сильнѣе. Виндекъ просто предлагалъ массовое избіеніе всѣхъ лютеранъ и другихъ еретиковъ, а Іезуитскій орденъ заявлялъ во всеуслышаніе, что Нюрнбергскій миръ унизителенъ и вреденъ церкви и не долженъ связывать тѣхъ, кто его подписалъ; орденъ угрожалъ вѣчнымъ проклятіемъ Фердинанду I, заключившему этотъ миръ. Какъ разъ въ это самое время герцогъ Вольфгангъ Нейбургскій принялъ католицизмъ; онъ открылъ іезуитамъ обширное поле дѣятельности въ своихъ владѣніяхъ и, подъ ихъ руководствомъ, воздвигъ энергичное гоненіе на протестантовъ. Такимъ образомъ роковое стеченіе обстоятельствъ подготовляло почву для 30-лѣтней войны, и можно съ увѣренностью сказать, что ее

зажгли іезуиты. Одинъ изъ тогдашнихъ протестантскихъ писателей говоритъ, что государи, защищавшіе въ этой колоссальной борьбѣ дѣло католицизма, играли роль, предписанную имъ іезуитами. Если императоръ Матвѣй рѣшился въ концѣ концовъ, несмотря на свое отвращеніе, назначить эрцгерцога Фердинанда Штирійскаго своимъ преемникомъ, то это было опять таки дѣло іезуитовъ. Чехія и Венгрія избрали Фердинанда своимъ королемъ, но ему было гораздо труднѣе пріобрѣсти австрійскую императорскую корону. Фердинандъ поклялся соблюдать указъ Рудольфа II, даровавшій протестантамъ свободу совѣсти, но до этого онъ торжественно присягнулъ іезуитамъ не дѣлать еретикамъ никакихъ уступокъ въ ущербъ католической церкви.

Агитація іезуитовъ противъ императорскаго эдикта о вѣротерпимости (Majestätsbrief) была такъ сильна, что возбудила недовѣріе чеховъ, и ихъ возстаніе, распространившееся по всѣмъ владѣніямъ Фердинанда, было сигналомъ къ повсемѣстному изгнанію ордена. Но бѣлогорская побѣда вызвала въ Чехіи кровавую драму. По внушенію іезуитовъ, Фердинандъ подвергъ мятежниковъ самымъ тяжелымъ наказаніямъ, и протестантизмъ былъ истребленъ во всей странѣ самыми жестокими средствами. Ни одна изъ странъ, опустошенныхъ 30-лѣтней войной, не пережила столь сильныхъ и глубокихъ потрясеній, какъ Чехія. Къ концу войны страна достигла полнѣйшаго матерьяльнаго разоренія: тысячи деревень были выжжены, многія изъ нихъ никогда не возродились изъ пепла, и объ нихъ осталось нынѣ только смутное воспоминаніе; города были превращены въ груды развалинъ и долго сохранили на себѣ отпечатокъ разрушенія; число жителей значительно уменьшилось, потому что тѣ, которые спаслись отъ непріятельскаго меча, погибли отъ голода и различныхъ эпидемій. До войны, въ Чехіи было 3.000,000 жителей, пользовавшихся большимъ матерьяльнымъ благосостояніемъ; послѣ войны осталось всего 800,000 нищихъ. Промышленность и торговля были совершенно уничтожены; наиболѣе предпріимчивый классъ населенія былъ изгнанъ, а капиталы его исчезли. Поля были запущены, крестьяне не имѣли ни земледѣльческихъ орудій, ни сѣмянъ, ни рабочаго скота, а во многихъ мѣстахъ земледѣльцы сами впрягались въ соху.

Историкъ Чехіи, іезуитъ Бальбинъ, удивлялся, что въ странѣ еще уцѣлѣли хотя бы немногіе жители. Впрочемъ, духовныя бѣдствія, постигшія несчастную страну, были ужаснѣе

матерьяльнаго разоренія. Цвѣтущая культура дворянства и мѣщанства, богатая, ничѣмъ не замѣнимая, національная литература—все это погибло, и самая народная индивидуальность была какъ будто стерта. Чехія была открыта настежь для дѣятельности іезуитовъ: они воспользовались этимъ, чтобы сжигать цѣлыми массами сокровища народнаго творчества; благодаря ихъ вліянію, поблѣднѣло и угасло въ народной памяти обаяніе и самое имя великаго національнаго святого, Іоанна Гусса; они замѣнили его генеральнымъ викаріемъ Пражскаго архіепископа, котораго король Вячеславъ приказалъ бросить въ Молдаву за іерархическій споръ, а не за то, что онъ отказался выдавать тайны исповѣди. «Апогей власти іезуитовъ въ Чехіи,—говоритъ чешскій историкъ Томекъ,—совпадаетъ съ глубочайшимъ упадкомъ народной культуры; благодаря іезуитамъ, пробужденіе несчастной Чехіи опоздало на цѣлое столѣтіе».

Во всѣхъ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, за исключеніемъ Венгріи, Фердинандъ жестоко истреблялъ протестантизмъ. Онъ отмѣнилъ тотъ эдиктъ о свободѣ вѣроисповѣданій, которымъ, въ годины испытаній, онъ гарантировалъ Нижней Австріи вѣротерпимость; онъ заявилъ довольно безцеремонно, что этотъ эдиктъ относился лишь къ членамъ аугсбургскаго исповѣданія, а не къ другимъ церковнымъ ученіямъ. По его толкованію, протестанты Нижней Австріи не были лютеране. Въ Силезіи іезуиты стали во главѣ Лихтенштейновскихъ драгунъ и начали обращать протестантское населеніе силою оружія. Такъ называемыя «драгонады» Людовика XIV представляютъ собой лишь подражаніе пріему, пущенному въ ходъ Фердинандомъ II.

Іезуитамъ слѣдуетъ приписать изданіе знаменитаго эдикта о возвращеніи католикамъ протестантскихъ церковныхъ имуществъ; благодаря этому эдикту, война вступила въ новую фазу. Во главѣ императорскихъ войскъ, іезуиты заняли протестантскія страны и подстрекали грубыхъ солдатъ къ самымъ возмутительнымъ жестокостямъ. «Будьте усердны»,—писалъ іезуитъ Фореръ изъ Диллингена начальнику войскъ, которымъ было поручено исполненіе вышеупомянутаго эдикта въ Швабіи. «Если вы встрѣтите сопротивленіе, то зажгите такой огонь, чтобы у ангеловъ загорѣлись ноги, и чтобы звѣзды расплавились на небесахъ».

Когда въ Штеттинѣ было сдѣлано нѣсколько покушеній на жизнь Густава-Адольфа, подозрѣніе въ этомъ пало на іезуитовъ: Въ Эрфуртѣ они бросались къ ногамъ короля и молили его

о пощадѣ. «Вы отдадите отчетъ Богу за рѣки пролитой крови и за повсемѣстное разореніе, — сказалъ онъ имъ;—я знаю васъ лучше, чѣмъ вы думаете: вы виновники бѣдствій всей Германіи. Ваши намѣренія преступны, ваше ученіе опасно, вашъ образъ дѣйствій гнусенъ. Вѣрьте мнѣ, послѣдуйте примѣру другихъ духовныхъ лицъ и не вмѣшивайтесь въ государственныя дѣла».

Въ 1645 году Фердинандъ III былъ вынужденъ подтвердить религіозную свободу Венгріи и отдать протестантамъ 90 церквей, которыя были отняты у нихъ силою или хитростью. Когда настало время заключенія мира, который долженъ былъ даровать германскимъ протестантамъ права, принадлежавшія католикамъ, іезуиты употребили всевозможныя старанія, чтобы продлить борьбу. Но усилія ихъ остались тщетными: послѣ заключенія мира, они однако все-таки успѣли побудить Фердинанда III продолжать преслѣдовать протестантовъ въ его владѣніяхъ.

Воспитанникъ іезуитовъ, Леопольдъ I, настолько поддался внушеніямъ своихъ духовныхъ руководителей, что нарушилъ венгерскую конституцію, съ цѣлью истребить протестантовъ. Тотъ способъ, къ которому онъ прибѣгъ для достиженія своей цѣли, напоминаетъ ужасы, совершенные въ Чехіи. Сопровождаемые императорскими драгунами, іезуиты начали дѣло обращенія венгерскихъ протестантовъ въ 1671 году. Венгерцы возстали, и возгорѣвшаяся война продолжалась почти втеченіи цѣлаго поколѣнія. Съ помощью турокъ, Людовикъ XIV поддержалъ венгерское возстаніе, хотя въ то же время французскій посланникъ въ Вѣнѣ оффиціально одобрялъ строгія мѣры императора противъ венгерскихъ протестантовъ. Въ 1683 году, когда турки подошли къ стѣнамъ Вѣны, а испуганный Леопольдъ обратился въ бѣгство, въ столицѣ и окрестностяхъ противъ іезуитовъ вспыхнулъ народный гнѣвъ. Народъ обвинялъ ихъ въ несчастной политикѣ своего императора и въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя она накликала на страну. Тѣмъ не менѣе іезуиты, и во главѣ ихъ духовникъ императора, имѣли безстыдство утверждать, что военныя пораженія были карою Божіею за снисхожденіе императора къ еретикамъ. Іезуиты пророчили, что императорское семейство окончательно обнищаетъ, если императоръ не смягчитъ гнѣва Божія обѣтомъ истребить въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ послѣдніе признаки протестантизма. Леопольдъ продолжалъ преслѣдовать

венгерцевъ, даже во время войны за испанское наслѣдство, когда было необходимо прекратить всѣ внутренніе раздоры и сосредоточить всѣ народныя силы. Венгерское возстаніе восторжествовало, благодаря своему храброму вождю Францу Ракочи. Въ отместку, венгерцы рѣшили выгнать іезуитовъ изъ всѣхъ завоеванныхъ ими странъ; но этотъ планъ не удался, благодаря вмѣшательству вліятельныхъ покровителей ордена. Изгнаніе состоялось лишь въ 1707 году, но тѣмъ не менѣе нѣкоторые іезуиты добились разрѣшенія остаться въ Тырновѣ и Кашавѣ, въ качествѣ профессоровъ. Можно подумать, что іезуиты умышленно толкнули императора Леопольда на ложный путь, чтобы оказать услугу французскому королю, которому они даровали свое покровительство.

Принцъ Евгеній съ рѣзкою откровенностью порицалъ политику императорскаго дома и интриги іезуитовъ въ Венгріи. «Изъ-за іезуитовъ и ихъ злополучной страсти къ преслѣдованію протестантовъ,—писалъ онъ,—австрійскій императорскій домъ чуть не потерялъ Венгрію». Разъ онъ воскликнулъ съ горечью, что нравственность турокъ, по крайней мѣрѣ на практикѣ, гораздо выше нравственности Іезуитскаго ордена. По его опредѣленію, «іезуиты не только хотятъ властвовать надъ совѣстью людей, но и добиваются права жизни и смерти надъ ними».

Австрія и Баварія познали тяжелымъ опытомъ печальные результаты іезуитскаго господства: подавленіе всякихъ стремленій къ свободѣ и прогрессу и систематическое оглупленіе народа. Глубокая нищета, послѣдовавшая за религіозной войной, политическое безсиліе, паденіе умственнаго уровня, нравственная порча, страшный регрессъ населенія и истощеніе всѣхъ производительныхъ силъ Германіи—таково было дѣло Іезуитскаго ордена.

ГЛАВА IX.

Іезуиты въ Швейцаріи, Португаліи, Испаніи, Нидерландахъ и Франціи.

Въ Швейцаріи, какъ народъ, такъ и духовенство, утопали во мракѣ самаго грубаго суевѣрія, самаго глубокаго невѣжества и колоссальной безнравственности. Въ эту страну были посланы іезуиты, получившіе миссію препятствовать переходу въ протестантизмъ, пробуждать въ народѣ угасавшее религіозное чувство, подавать назидательный примѣръ мѣстному духовенству и возвращать еретиковъ въ лоно католической церкви. Они прежде всего остановились въ Понтѣ, въ 1559 году; но такъ какъ союзники неоднократно изгоняли ихъ, они возвратились и утвердились въ Швейцаріи лишь въ 1620 году. Люцернъ отличался больше всѣхъ другихъ городовъ разнузданнымъ развратомъ духовенства и гражданскаго населенія. Народное образованіе находилось въ самомъ жалкомъ положеніи, а потому миланскій архіепископъ, Карлъ Борромей, посовѣтовалъ послать туда іезуитовъ. Ихъ дѣйствительно вызвали, имъ дали коллегію и церковь, а въ 1578 году они стали открывать школы. Во Фрейбургѣ невѣжество и развратъ духовенства отвратили народъ отъ католической церкви, а потому папскій нунцій Бономи настаивалъ на призваніи іезуитовъ. Они начали свою воспитательную дѣятельность въ 1580 году, получивъ отъ мѣстнаго совѣта коллегію и церковь. Вскорѣ базельскій епископъ Блареръ послѣдовалъ этимъ примѣрамъ и основалъ въ Поррентріи особое іезуитское заведеніе для обращенія протестантовъ. Въ Солотурнѣ члены ордена поселились лишь въ 1646 году, а въ 1605 г. нунцій Веральди добился ихъ допущенія въ Вальденскій кантонъ. Въ 1606 году три іезуита посѣтили Сіонъ, но тамошніе граждане долго не допускали ихъ въ свою среду, такъ что имъ удалось основать тамъ свое заведеніе лишь въ 1625 году. Черезъ два года они снова были изгнаны изъ всего

Вальденскаго кантона, но возвратились въ 1662 году и постепенно пріобрѣли симпатіи населенія. Вездѣ, гдѣ іезуиты поселялись, они опутывали знать и простонародье, молодежь и стариковъ. Власти обращались къ нимъ за совѣтами въ важныхъ дѣлахъ, потомъ начинались щедрыя пожертвованія, и черезъ немного времени іезуиты успѣвали захватить въ свои руки всѣ школы, каѳедры и конфессіоналы почти всѣхъ церквей.

Сдѣлавшись воспитателями и духовниками всѣхъ классовъ общества, совѣтниками и близкими друзьями членовъ совѣта, они со дня на день расширяли свое вліяніе и вскорѣ захватили руководство общественными дѣлами. Люцернъ и Фрейбургъ сдѣлались ихъ операціонными центрами, они руководили внѣшнею политикой большей части католическихъ кантоновъ. Традиціонное вліяніе Франціи на эти кантоны держалось лишь постольку, поскольку французская политика не шла въ разрѣзъ съ интересами ордена, папы и испанскаго короля. Когда Генрихъ III сблизился съ королемъ Наваррскимъ, іезуиты тотчасъ же устроили союзъ Филиппа II съ Фрейбургомъ. По ихъ внушенію, католическіе кантоны Швейцаріи поддерживали лигу во Франціи, а когда Павелъ V потребовалъ у нихъ въ 1606 году 6,000 человѣкъ войска для похода противъ Венеціи, то это войско было тотчасъ-же послано, несмотря на то, что Венеція отстаивала отъ посягательствъ римской куріи тѣ-же самыя права, которыя хотѣли сохранить и швейцарскіе кантоны.

Въ Швейцаріи, какъ и въ другихъ странахъ, главною цѣлью іезуитовъ было сохраненіе папскаго господства и истребленіе протестантизма. Когда духовныя средства не дѣйствовали, то іезуиты прибѣгали къ насилію. Имъ очень скоро удалось подавить реформацію въ Базельской епархіи и въ Вальденскомъ кантонѣ. Всякій планъ, составленный Римомъ или другими иностранными государствами противъ швейцарскаго протестантизма, находилъ въ іезуитахъ энергичную поддержку. Съ ихъ помощью нунцій Санторіо заставилъ католическіе кантоны Люцернъ, Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Цугъ и Фрейбургъ заключить такъ называемый золотой союзъ противъ еретиковъ; тотъ-же Санторіо устроилъ, при содѣйствіи іезуитовъ, союзъ названныхъ кантоновъ съ Филиппомъ II противъ протестантизма; обѣ стороны обязались оказывать другъ другу взаимную помощь въ томъ случаѣ, если бы они были вовлечены въ войну изъ-за дѣла католицизма. Іезуиты задались

цѣлью раздѣлить швейцарскій союзъ на два непримиримо враждебныхъ лагеря и натравить католическіе кантоны на протестантскіе.

Въ 1602 году, когда герцогъ Савойскій совершилъ ночное нападеніе на Женеву, чтобы подчинить ее себѣ и папѣ, іезуиты участвовали въ этомъ планѣ. Въ 1620 году имъ удалось ополчить католическое населеніе Вельтлина противъ протестантовъ и вызвать рѣзню, въ которой погибло болѣе 600 человѣкъ. Папа далъ индульгенцію всѣмъ тѣмъ, которые участвовали въ истребленіи невинныхъ протестантовъ. Въ 1656 году іезуиты вызвали междоусобную войну между членами различныхъ вѣроисповѣданій, причемъ реформаты потерпѣли кровавое пораженіе въ Вильмергенѣ. Черезъ нѣсколько времени іезуиты-же вызвали новую религіозную войну. Въ 1712 году начались мирные переговоры въ Ааргау, а Люцернъ и Ури только что согласились на предложенныя ими мирныя условія, но іезуиты, по приказанію изъ Рима, пустили въ ходъ всевозможныя интриги, чтобы возбудить новые раздоры. Они отказали въ прощеніи грѣховъ всѣмъ тѣмъ, которые не хотѣли снова взяться за оружіе, и стали проповѣдывать со всѣхъ амвоновъ, что католики не должны держать слово, данное еретикамъ; они постарались бросить тѣнь на умѣренныхъ членовъ совѣта, стали вытѣснять ихъ изъ правленія, и, наконецъ, въ Люцернѣ, благодаря ихъ интригамъ, произошло такое грозное народное возстаніе, что правительство рѣшилось нарушить миръ. Новая война кончилась позорнымъ пораженіемъ католическихъ кантоновъ, которые были вынуждены подписать невыгодный для нихъ миръ. Съ этого момента вліяніе ордена стало ослабѣвать въ Швейцаріи.

Португальскій король Іоаннъ III принялъ съ распростертыми объятіями обоихъ посланныхъ Лойолы,—Франциска Ксаверія и Симона Родригеса. Ксаверій отправился въ 1541 году въ Гоа, чтобы проповѣдывать Евангеліе язычникамъ, а Родригесъ остался въ Португаліи, съ цѣлью вербовать для ордена новыхъ членовъ. Ему удалось привлечь талантливыхъ молодыхъ людей изъ другихъ религіозныхъ братствъ и изъ среды высшаго дворянства. Своею примѣрною жизнью, своими краснорѣчивыми проповѣдями и широкою благотворительностью онъ пріобрѣлъ симпатіи всѣхъ классовъ народа, а главнымъ образомъ сочувствіе и уваженіе королевской семьи. Щедрость короля стала вскорѣ безграничною: онъ основалъ въ Коимбрѣ роскошную коллегію, въ которую въ скоромъ времени собра-

лось 200 чел. іезуитовъ. Благодаря необыкновеннымъ милостямъ короля, іезуиты вскорѣ пріобрѣли многочисленныхъ враговъ, но, несмотря на это, орденъ сталъ процвѣтать и быстро пріобрѣлъ громадную власть и чрезвычайно сильное вліяніе. Въ Португаліи, какъ и вездѣ, орденъ прежде всего захватилъ въ свои руки высшее образованіе. Въ 1543 году Родригесъ былъ назначенъ воспитателемъ наслѣднаго принца и, благодаря этому, подчинилъ себѣ все королевское семейство, дворъ и всю страну. Онъ побудилъ всѣхъ членовъ королевскаго дома пригласить въ духовники іезуитовъ. Король Себастіанъ сдѣлался въ скоромъ времени маріонеткой въ рукахъ іезуитовъ, которые заставляли его исполнять всѣ ихъ приказанія, къ явному вреду Португаліи. Они систематически поддерживали въ немъ отвращеніе къ браку и заставили его начать несчастную войну съ африканскими маврами, въ которой онъ безславно погибъ. Господствуя при дворѣ, іезуиты руководили внѣшней политикой государства, направляя ее исключительно къ выгодамъ ордена. Состоявшееся при Филиппѣ II соединеніе Португаліи съ Испаніей было печальнымъ результатомъ іезуитскихъ интригъ. Когда Испанія потеряла свое первенствующее политическое положеніе въ Европѣ, а Людовикъ XIV совершилъ вторженіе на ея территорію, іезуиты стали дѣйствовать въ Португаліи въ пользу французскаго короля. Они содѣйствовали паденію Альфонса IV и возведенію на престолъ Педро II; іезуитскій духовникъ королевы, патеръ Вилль, поддерживалъ и одобрялъ интриги королевы противъ ея супруга и ея бракъ съ Педро II. Члены ордена оказали сильнѣйшее давленіе на Педро II: они были не только его духовными руководителями, но и оказывали на него вліяніе и въ политическомъ отношеніи. Благодаря имъ, были заключены многочисленные брачные союзы съ Франціей, съ цѣлью тѣснѣе связать между собой оба королевства. Патеръ Віеира, выдающійся ученый и писатель, проповѣдникъ и миссіонеръ, духовникъ и совѣтникъ португальскаго дворянства и величайшій дипломатъ своего времени, былъ политическимъ руководителемъ Португаліи втеченіи многихъ лѣтъ и предсказалъ Педру II его вступленіе на престолъ. Его безграничная власть внушила подозрѣніе инквизиціи; она предала его суду за пророчества, отрѣшила его отъ должности проповѣдника и приговорила къ заключенію въ одинъ изъ домовъ ордена. Віеира отправился въ Римъ, подготовилъ тамъ свою месть инквизиціонному судилищу и съумѣлъ привлечь Педро II на свою сторону. По внушенію Віеиры, король даровалъ всеобщую амни-

стію обращеннымъ въ христіанство евреямъ, взявъ съ нихъ за это громадныя суммы денегъ, которыя предполагалось израсходовать для завоеванія Индіи; инквизиція получила предписаніе прекратить преслѣдованіе евреевъ. Віеира велъ въ Римѣ переговоры съ цѣлью передать инквизицію въ Португаліи въ руки іезуитовъ. Своимъ бреве отъ 8 октября 1674 года, папа Климентъ X запретилъ священному судилищу всякую дѣятельность до тѣхъ поръ, пока въ Римѣ состоится рѣшеніе по жалобѣ новообращенныхъ христіанъ; лишь въ 1681 году Климентъ XI уполномочилъ инквизицію возобновить ея дѣятельность. Іезуитъ Жоржель сдѣлалъ слѣдующее драгоцѣнное признаніе относительно вліянія ордена въ Португаліи: «Во всей Европѣ, и даже въ Новомъ Свѣтѣ, не было страны, въ которой общество Іисуса пользовалось бо̀льшимъ почетомъ, вліяніемъ и властью, чѣмъ въ Португаліи. Съ тѣхъ поръ, какъ миссіонеръ Францискъ Ксаверій распространилъ господство и торговлю Португаліи въ Китаѣ, Индіи и Японіи, съ тѣхъ поръ, какъ африканское прибрежье и громадныя травяныя степи Бразиліи были оплодотворены трудами, по̀томъ и кровью іезуитовъ, лиссабонскій дворъ никогда не переставалъ осыпать общество Іисуса своими милостями, въ которыхъ проявлялось его безграничное довѣріе. Іезуиты были духовными и свѣтскими руководителями принцевъ и принцессъ королевскаго дома. Король и его министры совѣтовались съ ними по важнѣйшимъ дѣламъ. Ни въ государствѣ, ни въ церкви ни одна должность не замѣщалась безъ предварительнаго совѣщанія съ іезуитами. Высшее духовенство, дворянство и простой народъ искали ихъ милостейн аперерывъ другъ передъ другомъ».

Въ Испаніи Карлъ V отнесся къ іезуитамъ съ необыкновенною холодностью, а Филиппъ II не оказалъ имъ никакого предпочтенія. Онъ говорилъ, что Іезуитскій орденъ—единственное церковное учрежденіе, котораго онъ рѣшительно не въ состояніи понять. Въ 1588 году Филиппъ II потребовалъ отъ Сикста V радикальной реформы монашествующихъ орденовъ, имѣя при этомъ въ виду, главнымъ образомъ, іезуитовъ. Слѣдуетъ предположить, что доминиканцы внушили Филиппу II отвращеніе къ іезуитамъ: они видѣли въ іезуитахъ опасныхъ соперниковъ и боялись съ ихъ стороны захвата. Знаменитый доминиканскій богословъ, Михаилъ Канусъ, до такой степени ненавидѣлъ іезуитовъ, что разразился самою рѣзкою филиппикой противъ учениковъ Лойолы, которыхъ онъ называлъ

«предшественниками антихриста». Впрочемъ, никакія препятствія, никакія антипатіи не помѣшали іезуитамъ распространить свое господство въ Испаніи, пріобрѣсти дома и коллегіи и захватить въ свои руки воспитаніе юношества.

Въ 1548 году Францискъ Борджіа, герцогъ Гандіи и вицекороль Каталоніи, примкнулъ къ Іезуитскому ордену; онъ отдалъ іезуитамъ основанный имъ Гандійскій университетъ и пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы усилить ихъ власть въ Испаніи. Іезуиты усердно содѣйствовали плану Филиппа II основать всемірную, самодержавную монархію, въ которой была бы терпима только римско-католическая церковь. Они помогли испанскому королю завладѣть португальской короной и содѣйствовали его браку съ португальской инфантой; они-же поддерживали тѣ замыслы, которые Филиппъ II лелѣялъ противъ Франціи во время междуусобицъ лиги; они-же поддерживали его въ борьбѣ съ Англіей и старались упрочить его власть вмѣстѣ съ католицизмомъ въ Нидерландахъ. Въ 1556 году Филиппъ II разрѣшилъ іезуитамъ поселиться въ Нидерландахъ, съ условіемъ пріобрѣтать недвижимую собственность лишь съ согласія тамошнихъ генеральныхъ штатовъ. Фландрскіе штаты протестовали съ самаго начала противъ мирнаго вторженія іезуитовъ; но, благодаря покровительству Маргариты Австрійской, іезуиты основали коллегіи въ Лувенѣ и Антверпенѣ. Въ Лувенѣ іезуиты вскорѣ пріобрѣли такое обаяніе, что дамы высшаго круга стали приглашать ихъ въ духовники и съ энтузіазмомъ принимали бичеваніе отъ ихъ рукъ. Вскорѣ господство іезуитовъ и вліяніе ихъ на женскій элементъ населенія вызвали цѣлый рядъ общественныхъ скандаловъ.

Изгоняемые нѣсколько разъ, они прочно основались въ Нидерландахъ, лишь при Александрѣ Фарнезе. Интригующая дѣятельность ихъ въ пользу Рима и Испаніи вскорѣ принесла печальные результаты. Іезуиты вооружили руку убійцы, жертвой которой палъ благороднѣйшій изъ нидерландскихъ патріотовъ, Вильгельмъ Оранскій. На него было сдѣлано шесть покушеній, и наконецъ Бальтазаръ Жираръ совершилъ съ успѣхомъ гнусное преступленіе. У перваго убійцы, Жуана Хуарегва, нашли, вмѣстѣ съ Распятіемъ и «Agnus Dei», іезуитскій катехизисъ; Бальтазаръ Жираръ признался, что открылъ свое намѣреніе ректору іезуитской коллегіи въ Трирѣ, который не только одобрилъ его, но далъ ему свое благословеніе и увѣрилъ его, что онъ стяжаетъ мученическій вѣнецъ, если погибнетъ за убійство еретика. Въ 1598 году Пьетро

Панне былъ арестованъ въ Лейденѣ въ моментъ покушенія на жизнь сына Вильгельма, графа Морица Нассаускаго; онъ объявилъ на допросѣ, что іезуиты опутали и подкупили его. Іезуитскій орденъ снова обратилъ къ католицизму южныя провинціи Нидерландовъ, изъ коихъ половина приняла протестантизмъ; въ 1592 году онъ распространилъ свою дѣятельность на сѣверныя провинціи, а 30 лѣтъ спустя въ нихъ уже насчитывалось 345,000 католиковъ.

Іезуиты вели въ Испаніи упорную и постоянную борьбу изъ-за власти съ доминиканцами. Духовники королей почти всѣ принадлежали къ этому ордену, а іезуиты напрасно старались вытѣснить ихъ. По смерти Филиппа IV, его вдова, Марія-Анна Австрійская назначила на постъ перваго министра и великаго инквизитора своего духовника, германскаго іезуита Нитара. Это назначеніе вызвало цѣлую бурю негодованія въ придворныхъ сферахъ. Одинъ испанскій грандъ сдѣлалъ разъ іезуиту рѣзкій выговоръ за его вызывающій дерзкій тонъ и получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Прошу васъ не забываться передо мной! Вы должны относиться ко мнѣ почтительно, потому что Богъ ежедневно бываетъ въ моихъ рукахъ, а ваша королева у моихъ ногъ». Несмотря на свое колоссальное нахальство, Нитаръ все-таки былъ изгнанъ изъ Испаніи, а королева избрала своимъ духовнымъ руководителемъ патера Мойя. Подъ псевдонимомъ Амедея Гвименіуса, этотъ патеръ написалъ казуистическое сочиненіе, переполненное такими безнравственными подробностями, что Сорбонна, подвергшая эту книгу цензурѣ, даже не рѣшилась цитировать ни одного отрывка, а просто запретила всю книгу. Въ лицѣ Филиппа V (герцога Анжу), іезуиты завладѣли совѣстью одного изъ испанскихъ королей. Людовикъ XIV назначилъ ему въ духовники патера Добентона, приказавъ ему присылать въ Парижъ подробные тайные отчеты обо всемъ происходящемъ при испанскомъ дворѣ; но, благодаря присущему всѣмъ іезуитамъ духу интриги, Добентонъ былъ вскорѣ удаленъ изъ Испаніи. Людовикъ XIV согласился на это, лишь съ условіемъ, чтобы его замѣнилъ другой іезуитъ. Опека надъ совѣстью Филиппа V и его сына продолжалась нѣкоторое время, но Карлъ III съумѣлъ освободиться отъ нея.

Во Франціи королевскій дворъ отнесся къ іезуитамъ сочувственно и пригласилъ ихъ въ страну, но парламентъ, Сорбонна и парижскій архіепископъ Белле оказали энергичное сопротивленіе окончательному поселенію ордена въ королев-

ствѣ. Они усматривали въ этомъ грозную опасность для государства, для ихъ собственныхъ правъ и дѣятельности. Въ 1554 году Сорбонна произнесла надъ іезуитами строгій приговоръ, который заканчивался слѣдующими словами: «Это общество кажется опаснымъ въ дѣлахъ религіи, грознымъ для внутренняго мира церкви и для монашескихъ учрежденій; вообще оно скорѣе создано для разрушенія, чѣмъ для созиданія». Декретомъ собранія въ Пуасси, іезуиты были допущены во Францію въ 1561 году, но на условіяхъ, упразднявшихъ большую часть ихъ громадныхъ привилегій; отъ нихъ потребовали даже, чтобы они отказались отъ названія «общества Іисуса», такъ какъ Сорбонна объявила это названіе проявленіемъ непомѣрной гордыни. Іезуиты подчинились всѣмъ поставленнымъ условіямъ, рѣшивъ въ душѣ не исполнять ни одного изъ нихъ. Когда они задумали открыть въ Парижѣ клермонтскую коллегію, университетъ употребилъ послѣднія усилія, чтобы помѣшать имъ въ этомъ. Уже въ это время представитель университета Этьенъ Пакье обвинялъ ихъ въ томъ, что они выманиваютъ наслѣдства. Тѣмъ не менѣе парламентъ разрѣшилъ открытіе коллегіи, посвященной исключительно воспитанію юношества. Зато въ 1577 году орденъ потерпѣлъ пораженіе, и ему не удалось добиться доступа въ университетъ, не смотря на могущественное покровительство кардинала Бурбонскаго, который ссылался на приказанія папы и короля. Такъ какъ въ средѣ іезуитовъ было множество ученыхъ и талантливыхъ профессоровъ, то дѣятельность ихъ увѣнчалась вскорѣ блестящимъ успѣхомъ. Въ 1571 году протестантъ Губертъ Ланге писалъ къ Камераріусу, что «іезуиты постепенно подрываютъ авторитетъ и значеніе Сорбонны». Онъ констатировалъ, что клермонтская коллегія—самая цвѣтущая во всемъ Парижѣ и что ея профессора затмили своею извѣстностью всѣхъ остальныхъ профессоровъ столицы.

Въ рѣчи, произнесенной въ Пуасси, Лаинесъ увѣщевалъ Екатерину Медичи и вліятельнѣйшихъ дворянъ королевства энергично приняться за истребленіе ереси. Черезъ нѣсколько времени онъ представилъ королевѣ докладную записку, въ которой высказывалъ сильнѣйшее негодованіе противъ отдачи церквей еретикамъ. Его докладная записка оканчивалась слѣдующей угрозой: «Желая заслужить симпатію самой ничтожной и презрѣнной части населенія, королева навлечетъ на себя ненависть самаго многочисленнаго класса, наиболѣе достойнаго уваженія. Католики рѣшатся на все, если ихъ доведутъ до

отчаянія и если они составятъ планъ перемѣнить правительство». Невозможно отрицать участіе Лаинеса въ изданіи Сенъ-Жерменскаго эдикта 1562 года; этотъ эдиктъ отнялъ у протестантовъ принадлежавшія имъ церкви и запретилъ имъ устраивать религіозныя собранія въ городахъ. Благодаря дѣятельности іезуитовъ, во Франціи начался поворотъ къ католицизму. Трудно сказать навѣрное, падаетъ-ли на нихъ доля отвѣтственности за религіозныя войны, начиная съ рѣзни въ Васси до Варѳоломеевской ночи. Но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что истребленіе ереси огнемъ и мечемъ соотвѣтствовало вполнѣ ихъ желанію; это явствуетъ не только изъ духа ученія ордена, но и изъ того, что его свѣтила одобряли кровавыя насилія. Такъ напр., говоря о Варѳоломеевской ночи, іезуитскій писатель Эвдемонъ Іоаннесъ называетъ Карла IX великимъ другомъ ордена и человѣкомъ, достойнымъ безсмертія. Іезуиты приняли дѣятельное участіе въ войнахъ Лиги, и самъ Кретино-Жоли признается, что они руководили возстаніемъ и вовлекали въ заговоръ всѣ города, въ которыхъ успѣли утвердиться. Они помогали своими совѣтами «Союзу Шестнадцати», который составлялъ заговоры противъ свободы и жизни Генриха III и составилъ планъ отдать Францію Филиппу II. Папскіе легаты и агенты испанскаго короля устраивали свои тайныя совѣщанія въ іезуитскихъ коллегіяхъ и церквахъ, а члены ордена Генрихъ Самье и Клавдій Матье были усерднѣйшими адвокатами Лиги при иностранныхъ дворахъ; послѣдній представилъ герцогу Неверскому отчетъ о своихъ переговорахъ съ Сикстомъ V въ 1585 году; этотъ отчетъ доказываетъ, что папа вполнѣ одобрялъ планы Гизовъ и рѣшился поддерживать ихъ всѣми возможными средствами. Папа порицалъ покушеніе на жизнь короля, но соглашался, чтобы его лишили свободы и чтобы правленіе перешло въ руки Гизовъ.

Іезуиты открыто восхваляли убійство короля доминиканскимъ монахомъ Клеманомъ. Въ своей книгѣ «О короляхъ и королевскихъ учрежденіяхъ», одобренной орденомъ въ 1593 году, іезуитъ Маріанна восторженно восхваляетъ убійцу, и даже Сиксъ V одобрилъ совершенное преступленіе. Со всѣхъ амвоновъ іезуиты громили Генриха IV, даже послѣ того, какъ онъ отрекся отъ ереси. Патеръ Коммоле, бывшій президентъ «Совѣта Шестнадцати», выбралъ темой рождественской рѣчи, произнесенной въ парижской церкви св. Варѳоломея, третью главу Книги Судей; въ этой главѣ повѣствуется объ убіеніи царя Моава Аодомъ. Поставивъ убійцу Генриха III, Клемана,

на ряду со святыми, проповѣдникъ патетически воскликнулъ: «Теперь намъ необходимъ Аодъ! Кто бы онъ ни былъ—солдатъ или монахъ, священникъ или каторжникъ—это безразлично; Аодъ намъ необходимъ! Необходимъ сильный ударъ, который привелъ бы насъ къ желанной цѣли». За этою проповѣдью послѣдовали одно за другимъ покушенія Баррьера и Шастеля въ 1593 и 94 годахъ. На Коммоле пало подозрѣніе въ сообщничествѣ съ Баррьеромъ, потому что этотъ негодяй признался, что іезуитскій патеръ Барадъ подстрекалъ его къ убійству и благословилъ его на «доброе дѣло». Что же касается Шастеля, то онъ учился подъ руководствомъ іезуитовъ, которые и внушили ему убѣжденіе, что убійство тирана представляетъ собой геройскій подвигъ. На основаніи его показаній, въ домахъ парижскихъ іезуитовъ былъ произведенъ обыскъ; въ бумагахъ патера Гиньяра нашли при этомъ замѣтки, въ которыхъ убійство Клемана прославлялось, какъ величайшій подвигъ, причемъ говорилось о настоятельной необходимости убить и Генриха IV. Гиньяръ былъ приговоренъ къ повѣшенію, а іезуиты были изгнаны изъ Парижа и Франціи декретомъ 29 декабря 1594 года. Несмотря на энергичные протесты парламента, Генрихъ IV разрѣшилъ іезуитамъ возвратиться во Францію въ 1603 году; черезъ нѣсколько времени онъ даже взялъ въ духовники іезуита, патера Коттона, который оказалъ на него сильное вліяніе. Въ своихъ запискахъ, Сюлли объясняетъ этотъ фактъ слѣдующимъ образомъ: «Король былъ убѣжденъ, что если онъ окажетъ іезуитамъ радушный пріемъ во Франціи, то они перестанутъ интриговать въ пользу Испаніи». Генрихъ утверждалъ, что патеръ Маюсъ обѣщалъ ему, подъ секретомъ, отъ имени всего ордена, что іезуиты отрекутся отъ Испаніи; это обѣщаніе было скрѣплено клятвами. Къ тому же король хотѣлъ пріобрѣсти симпатіи іезуитовъ, чтобы избавиться на вѣки отъ ихъ покушеній. Несмотря на свое изгнаніе, они имѣли множество средствъ устроить покушеніе на его жизнь. Генриха мучилъ постоянный страхъ, и онъ хотѣлъ устранить его причину. «Я предпочитаю,—говорилъ онъ,—внезапно попасть въ засаду, чѣмъ постоянно мучиться заботой, какъ бы избѣжать ея». При жизни короля, іезуиты сочинили и опубликовали рѣчь, въ которой Генрихъ IV будто бы защищалъ и восхвалялъ ихъ.

Когда Генрихъ IV палъ подъ ножемъ Равальяка, іезуитовъ опять стали подозрѣвать въ томъ, что они были причастны къ этому преступленію. Въ настоящее время несо-

мнѣнно, что рука убійцы была вооружена религіознымъ фанатизмомъ. Равальякъ признался, что, непосредственно передъ преступленіемъ, онъ исповѣдывался у іезуитскаго патера Добиньи. Тѣмъ не менѣе, прямое участіе іезуитовъ въ убіеніи Генриха IV нельзя считать вполнѣ доказаннымъ, и даже самъ Вольтеръ защищалъ ихъ отъ этого тяжкаго обвиненія.

По случаю убійства короля, парламентъ и Сорбонна энергично возстали противъ іезуитовъ и осудили ихъ ученіе объ убійствѣ тирановъ. Оба учрежденія заставили орденъ заявить, что онъ убѣжденъ въ святости жизни и власти короля и признаетъ всѣ такъ называемыя «галликанскія вольности». Но іезуиты пользовались покровительствомъ королевы и кардинала Ришелье; планы ихъ противниковъ не удались, и они начали постепенно пріобрѣтать во Франціи громадную власть. Коттонъ опровергъ взведенныя на орденъ обвиненія въ сообщничествѣ съ цареубійцами; онъ остался духовникомъ Людовика XIII. Преемникомъ его въ этой должности былъ іезуитскій патеръ Арну, побудившій короля ввести католицизмъ въ протестантской провинціи Беарнѣ. Что же касается Рише, главнаго противника іезуитовъ, который добился отъ Сорбонны ихъ осужденія, то онъ подвергся сильнымъ преслѣдованіямъ со стороны регентши Маріи Медичи. Въ 1625 году, когда Антоній Сантарелли опубликовалъ свою книгу о папской власти, парламентъ пригласилъ іезуитовъ изложить свое мнѣніе объ этомъ сочиненіи; они были вынуждены подписать документъ, порицавшій ученіе ихъ собрата и подтверждавшій принципы галликанской церкви и Сорбонны. Іезуиты покорились для вида, но продолжали свои подпольныя интриги.

Въ 1603 году іезуиты получили снова разрѣшеніе возвратиться во Францію, съ условіемъ назначить къ королю французскаго члена ордена, который отвѣчалъ бы во всѣхъ случаяхъ за поведеніе своихъ собратьевъ. Іезуиты съумѣли извлечь пользу даже изъ этого унизительнаго условія. Патеръ Коттонъ заставилъ Генриха IV превратить эту унизительную должность въ почетный постъ и сдѣлать заложника своимъ духовникомъ. Французскіе короли подали примѣръ всѣмъ другимъ и первые стали брать іезуитовъ въ духовники. Съ Генриха IV до Людовика XIV, іезуиты почти безпрерывно были духовными наставниками французскихъ королей и оказывали на нихъ громадное вліяніе. Та власть, которую патеры Ла-Шезъ и Ле-Теллье пріобрѣли надъ Людовикомъ XIV, была чрезвычайно гибельна для Франціи. Г-жа де-Ментенонъ постоянно обличала

крайнюю нравственную распущенность Ла-Шеза, а г-жа де-Монтеспанъ весьма остроумно трунила надъ нимъ. Когда Боссюетъ побудилъ Людовика XIV расторгнуть свою связь съ г-жей де-Монтеспанъ, при дворѣ возникла интрига въ пользу возобновленія этой связи, подъ предлогомъ, что она была основана на чистой дружбѣ. Узнавъ о заговорѣ, Боссюетъ сталъ энергично увѣщевать короля и совѣтовалъ ему воздержаться отъ новаго нарушенія церковныхъ законовъ; но патеръ Ла-Шезъ сталъ отстаивать противоположное мнѣніе; онъ одержалъ вверхъ, и результатомъ «чистой дружбы» короля къ г-жѣ де-Монтеспанъ явились еще двое незаконныхъ дѣтей. Мы разсмотримъ позднѣе интриги патеровъ Ла-Шеза и Ле-Телье противъ Поръ-Ройяля и галликанизма. Пока достаточно будетъ напомнить, что патеръ Ла-Шезъ дѣйствовалъ за-одно съ г-жей де-Ментенонъ и Лувуа, чтобы склонить короля къ отмѣнѣ Нантскаго эдикта и къ истребленію протестантизма. Г-жа де-Ментенонъ писала въ 1684 году: «Это дѣло прославитъ короля передъ Богомъ и людьми; онъ возвратитъ всѣхъ своихъ подданныхъ въ лоно истинной церкви и уничтожитъ ересь, которую не могли побѣдить его предшественники».

Елисавета-Шарлотта, супруга Филиппа Орлеанскаго, писала въ 1719 году: «Старая кокетка (Ментенонъ) и патеръ Ла-Шезъ убѣдили короля, что всѣ его грѣхи съ Монтеспанъ будутъ прощены, если онъ воздвигнетъ гоненіе на протестантовъ: это будто бы единственный путь къ небесамъ. Бѣдный король повѣрилъ этому, потому что никогда въ жизни не прочиталъ ни одной строки изъ св. Писанія; и такимъ образомъ возникло преслѣдованіе». Въ 1685 году, когда Ла-Шезъ получилъ изъ рукъ короля предписаніе, отмѣнявшее Нантскій эдиктъ, и приказаніе преслѣдовать протестантовъ, онъ воскликнулъ: «Нынѣ отпущаеши, Господи, раба твоего по глаголу Твоему съ миромъ!» Герцогъ Сенъ-Симонъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ еще болѣе назидательный фактъ въ дѣятельности іезуитовъ. Увидавъ ужасную бѣдность своего народа, король почувствовалъ сильныя угрызенія совѣсти. Желая успокоить короля, Ле-Телье вручилъ ему заключеніе, составленное подкупленными имъ членами Сорбонны: оно гласило, что имущества подданныхъ принадлежатъ королю, и если онъ отнимаетъ ихъ, то пользуется только своимъ законнымъ правомъ. Этотъ принципъ такъ понравился Людовику XIV, что онъ включилъ его въ свои наставленія дофину. — Придворный этикетъ требовалъ, чтобы принцы и принцессы королевскаго дома имѣли только іезуит-

скихъ духовниковъ. Рыцарь д'Аркуръ остроумно замѣтилъ по этому поводу, что «іезуиты сторожатъ совѣсть короля и принцевъ точно такъ-же, какъ швейцары — двери дворца». Главною заботою Ле-Телье было подстрекать короля къ преслѣдованію янсенистовъ и къ введенію буллы Unigenitus 1713 года. Послѣдняя мѣра нанесла смертельный ударъ галликанству, которое защищало до тѣхъ поръ королевскія права и древній строй церкви отъ притязаній и захватовъ Святѣйшаго Престола; она уничтожила богословскую науку, столь сильно развившуюся во Франціи.

Добившись изгнанія протестантовъ и преслѣдованія янсенистовъ и галликанства, Іезуитскій орденъ совершилъ свою миссію служенія папству; онъ уже не имѣлъ никакихъ грозныхъ враговъ ни въ церковной области, ни за ея предѣлами, и вся страна была отдана въ его руки. Упоенные этимъ успѣхомъ, іезуиты составили планъ возобновить во Франціи инквизицію. Патеръ Константинъ воскликнулъ, отправляясь въ Китай: «Въ скоромъ времени произойдетъ одно изъ двухъ: или во Франціи будетъ введена инквизиція, или іезуиты будутъ изгнаны изъ страны». Эти слова надѣлали много шума и дошли до Парижа.

Одобряя безнравственность неограниченной королевской власти, потворствуя разнузданному разврату тогдашняго общества и убивая научный духъ, господствовавшій во французской церкви, іезуиты развратились сами и подорвали почву подъ своими ногами. Невѣроятная разнузданность французскихъ королей, которые перестали соблюдать даже внѣшнія приличія, чудовищный развратъ и обнищаніе народа, который питалъ глухую ненависть къ правящимъ сферамъ, скептицизмъ, подрывавшій не только церковную и христіанскую доктрину, но всякія нравственныя правила—всѣ эти сѣмена, посѣянныя іезуитами, принесли кровавые плоды и вызвали революцію.

Людовикъ XIV пользовался особеннымъ расположеніемъ іезуитовъ: они поддерживали его въ ссорѣ съ Иннокентіемъ XI и горячо отстаивали его интересы въ войнѣ за испанское наслѣдство. Благодаря іезуитскимъ интригамъ, Карлъ II назначилъ своимъ наслѣдникомъ Бурбона Филиппа Анжу. Іезуиты сдѣлали съ своей стороны все возможное, чтобы возстановить Испанію противъ Карла Австрійскаго. Въ письмѣ отъ 20 января 1709 года, принцъ Евгеній обвиняетъ іезуитовъ въ томъ, что они вызвали войну за испанское наслѣдство и устраивали

всѣ союзы противъ Людовика XIV. «Генералъ іезуитовъ открыто высказался противъ Франціи,—писалъ принцъ,—стало быть сопротивленіе папы было совершенно безполезно. Іезуиты всемогущи въ папской коллегіи». Боясь проницательности принца Евгенія и его вліянія на вѣнскій дворъ, орденъ употребилъ всѣ усилія, чтобы низвергнуть его и удалить отъ власти. Съ своей стороны, принцъ былъ такого дурного мнѣнія о іезуитахъ, что считалъ ихъ способными совершить покушеніе на его жизнь. Въ письмѣ отъ 14 декабря къ князю Лихтенштейну, онъ упоминаетъ о попыткѣ отравленія посредствомъ письма и прибавляетъ: «Это не первая попытка такого рода со стороны моихъ почтенныхъ противниковъ; если они считаютъ позволительнымъ отравлять государей посредствомъ стула или платья, то чего-же ожидать старому генералу?»

ГЛАВА X.

Іезуиты въ Англіи, Швеціи, Польшѣ и Россіи. — Политическія тенденціи ордена.

Въ Англіи іезуиты работали съ геройской преданностью надъ возстановленіемъ католицизма, и для достиженія этой цѣли ихъ миссіонеры не отступали даже передъ преступленіями. Представители высшей англійской аристократіи учились въ іезуитской академіи, основанной Юліемъ III въ Дуэ и соединенной Филиппомъ II съ іезуитской коллегіей, находившейся въ томъ-же городѣ; другихъ знатныхъ молодыхъ людей подготовляли къ обращенію ихъ соотечественниковъ въ семинаріи, основанной въ Римѣ Григоріемъ XIII и переданной впослѣдствіи іезуитамъ. Въ этой школѣ они научались ставить интересы римской церкви выше всего и забывать изъ-за нихъ любовь къ земному отечеству. Они составляли заговоры не только противъ королевы Елисаветы, но и противъ свободы и независимости собственной націи, подстрекая Филиппа II къ завоеванію Англіи. Само англійское духовенство возстало, наконецъ, противъ несчастной страсти англійскихъ семействъ отдавать своихъ сыновей въ іезуитскія коллегіи.

Въ 1580 году общество, состоявшее изъ 13 патеровъ, переправилось черезъ каналъ, подъ предводительствомъ іезуитовъ Роберта Парсонса и Эдмонда Кампіона. Они вездѣ нашли обильную жатву. Число ихъ сторонниковъ стало увеличиваться съ каждымъ днемъ; они вскорѣ завели тайныя типографіи и стали распространять злостные, оскорбительные памфлеты противъ Елисаветы, которую обвиняли въ похищеніи престола. Кампіонъ палъ жертвой тайнаго преслѣдованія католиковъ, но заговоры продолжали возникать одинъ за другимъ, и число покушеній на жизнь королевы быстро увеличилось.

Въ 1585 году іезуитскія семинаріи послали въ Англію 300 тайныхъ миссіонеровъ. Въ Реймсѣ іезуиты убѣдили Се-

веджа, что онъ стяжаетъ вѣчное блаженство, если убьетъ королеву Елисавету; такой-же энтузіазмъ они внушили и Томасу Бебингтону, который былъ преданъ душой и тѣломъ Маріи Стюартъ. Было рѣшено, что, тотчасъ послѣ убіенія королевы, католики произведутъ возстаніе, а испанскій флотъ сдѣлаетъ высадку въ Англіи. Но этотъ планъ былъ своевременно открытъ: Марія Стюартъ и Бебингтонъ поплатились жизнью за свой преступный замыселъ, но этимъ покушенія не кончились. Въ своей буллѣ «Regnans in excelsis» Пій V отлучилъ Елисавету отъ церкви, низложилъ ее съ престола и, по предварительному соглашенію съ испанскимъ королемъ, поручилъ Ридольфи убить ее. Съ своей стороны, Сикстъ V освободилъ подданныхъ королевы отъ долга повиновенія и преданности по отношенію къ ней и вмѣнилъ имъ въ обязанность поддерживать Филиппа въ войнѣ съ Елисаветой.

При Іаковѣ VI іезуиты проникли въ Шотландію и чрезвычайно быстро распространились въ странѣ. Король разрѣшилъ патеру Гордону прожить нѣсколько мѣсяцевъ при шотландскомъ дворѣ. Въ послѣднемъ изданіи своей «Исторіи Англіи», Липгардъ откровенно признается, что провинціалъ іезуитовъ Гарнетъ и члены ордена Гринвай и Герардъ были посвящены въ тайну такъ называемаго «порохового заговора», но не сдѣлали ни малѣйшей попытки разоблачить заговорщиковъ или помѣшать ихъ преступному дѣлу. Генрихъ Генрикесъ объявилъ, что тайна исповѣди не можетъ и не должна быть нарушена даже для спасенія всего свѣта. Вслѣдствіе этого заговора, парламентъ заставилъ англійскихъ католиковъ приносить королю присягу въ вѣрности и постановилъ, что папа не имѣетъ права низлагать англійскихъ королей, и даже, въ случаѣ ихъ отлученія отъ церкви, подданные все-таки должны оставаться вѣрными имъ. Іезуиты Белларминъ и Хуаресъ поддержали бреве Пія V, который запрещалъ католикамъ приносить вышеупомянутую присягу, подъ предлогомъ, что она нарушаетъ права папскаго престола. По ученію Беллармина и іезуитовъ, папа получилъ отъ Христа власть освобождать отъ обѣтовъ, присяги, законовъ страны и всякихъ наказаній, если это необходимо для спасенія души и для славы Божіей. Въ 1648 году, римскіе іезуиты побудили Иннокентія X возстановить право низложенія королей, чтобы защитить католиковъ отъ ихъ гоненій. Такимъ образомъ фанатизмъ іезуитовъ ухудшилъ положеніе англійскихъ католиковъ. Въ своемъ брачномъ контрактѣ, Карлъ I обѣщалъ не пользоваться строгими законами противъ католи-

ческихъ патеровъ и іезуитовъ; потому въ его царствованіе іезуиты стали прибывать въ Англію цѣлой толпой изъ французскихъ, испанскихъ и римскихъ семинарій, и 160 человѣкъ нашли гостепріимный пріемъ въ домахъ высшей аристократіи. Въ окрестностяхъ Лондона была даже основана семинарія, а число католиковъ до такой степени увеличилось, что ихъ наплывъ вызвалъ жалобы въ парламентѣ.

Возвращеніе Стюартовъ на англійскій престолъ вызвало надежду на католическую реставрацію въ Англіи. Несмотря на свои симпатіи къ католицизму и іезуитамъ, Карлъ II не могъ противодѣйствовать тому гоненію англійскихъ католиковъ, которое было вызвано безсовѣстными клеветами Тита Уэтса. Онъ обвинилъ іезуитовъ въ составленіи заговора противъ жизни короля, и это обвиненіе вызвало множество казней. На самомъ дѣлѣ, іезуиты были виновны только въ неосторожности: они слишкомъ открыто выражали неудовольствіе по поводу разногласій между Карломъ и Людовикомъ XIV, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, эти разногласія могли воспрепятствовать возвращенію Англіи въ лоно католицизма. Только на смертномъ одрѣ Карлъ II выразилъ желаніе возвратиться къ католической церкви. Но, собственно говоря, онъ уже давно обратился къ католицизму и подчинился вліянію іезуитовъ; духовникомъ его былъ іезуитъ, а другого члена ордена онъ сдѣлалъ своимъ ближайшимъ совѣтникомъ. Во время его царствованія, подготовлялось съ безумною поспѣшностью и, вопреки всѣмъ существующимъ законамъ, открытое возстановленіе католицизма. Въ лондонской іезуитской коллегіи было уже болѣе 400 воспитанниковъ, и самъ Беконъ Веруламскій превозносилъ превосходство педагогической методы іезуитовъ. Иннокентій XI не одобрялъ неосторожные поступки Іакова и безмѣрное усердіе іезуитовъ къ дѣлу обращенія въ католицизмъ; онъ рѣшительно порицалъ политическія интриги и насильственныя мѣры. Когда патеръ Петръ, происходившій изъ знатнаго семейства, выразилъ желаніе получить высокую церковную должность въ Англіи или назначеніе въ кардиналы, папа наотрѣзъ отказалъ ему въ этомъ. «Изъ всѣхъ дурныхъ совѣтниковъ короля,—пишетъ Маколей, — Петръ больше всѣхъ другихъ содѣйствовалъ паденію дома Стюартовъ». Іезуитская камарилья, пользовавшаяся милостями короля, подстрекала короля къ дѣйствіямъ, которыя должны были жестоко оскорбить протестантское населеніе; по внушенію іезуитовъ, король заключилъ въ тюрьму

протестантскихъ епископовъ, возставшихъ противъ дарованной католикамъ свободы вѣроисповѣданія.

Возмнивъ себя всемогущими, іезуиты составили планъ подчинить Англію Франціи, для усиленія католицизма, и предоставить Людовику XIV рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи въ томъ случаѣ, если король умретъ безъ мужского потомства, а дочь его Анна не захочетъ обратиться въ католицизмъ. «Пусть лучше англійскіе католики будутъ вассалами французскаго короля, чѣмъ рабами дьявола»,—говорили іезуитскіе патеры. Король съ негодованіемъ отвергъ этотъ планъ, составленный безъ его вѣдома. Всѣ эти интриги раздражили англичанъ до крайности, а когда Вильгельмъ Оранскій высадился въ Англію съ девизомъ «протестантизмъ и свобода», Іаковъ II былъ оставленъ всѣми и долженъ былъ отказаться отъ престола своихъ отцовъ. Благодаря фанатическому усердію іезуитовъ, Стюарты потеряли англійскую корону, а англійскіе католики подверглись новымъ гоненіямъ, и для нихъ насталъ продолжительный періодъ политическаго безправія.

По внушенію своей жены, ревностной католички, шведскій король Іоаннъ III вступилъ съ Римомъ въ переговоры о возстановленіи религіозныхъ отношеній своего народа съ Святѣйшимъ Престоломъ. Въ 1574 году іезуитъ Станиславъ Варцевичъ прибылъ тайно въ Стокгольмъ и въ короткое время совершенно опуталъ короля. Послѣ его отъѣзда, король ввелъ при дворѣ римско-католическое богослуженіе и принялъ нѣсколько мѣръ, внушенныхъ ему вкрадчивымъ патеромъ. Черезъ два мѣсяца послѣ визита Варцевича, къ шведскому двору прибыли двое іезуитовъ—патеръ Лаврентій Николаи, родомъ норвежецъ, и бельгіецъ Фейтъ. Перваго король назначилъ профессоромъ только что открытаго при Стокгольмскомъ университетѣ богословскаго факультета, предписавъ протестантскимъ пасторамъ столицы и всѣмъ безъ исключенія кандидатамъ богословія посѣщать лекціи новаго профессора. Николаи скрылъ свою принадлежность къ Іезуитскому ордену и сталъ опровергать реформатское ученіе, на основаніи сочиненій реформатскихъ писателей. Король поддерживалъ эту игру интригъ; между прочимъ, онъ нарочно устроилъ публичный диспутъ и, начавъ его съ энергичной полемикой противъ папы, велъ его такъ, что былъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ своимъ противникомъ. Николаи имѣлъ большой успѣхъ и тайно обращалъ своихъ послѣдователей въ католицизмъ. Чтобы пріобрѣсти помощниковъ, онъ послалъ въ Римъ шесть лучшихъ своихъ учени-

ковъ, которые поступили въ тамошнюю нѣмецкую коллегію. Вскорѣ маска была снята, но тѣмъ не менѣе королю удалось обуздать сопротивленіе протестантскихъ богослововъ. Онъ представилъ папѣ тѣ условія, безъ соблюденія которыхъ считалъ невозможнымъ дѣло обращенія Швеціи въ католицизмъ. Главными изъ этихъ условій были: отмѣна безбрачія духовенства, причастіе въ видѣ хлѣба и вина и отправленіе богослуженія на народномъ языкѣ. Въ 1577 году папа послалъ въ Стокгольмъ іезуита Антонія Поссевина въ сопровожденіи двухъ членовъ ордена и поручилъ имъ преодолѣть послѣднее сопротивленіе короля. Поссевинъ угрожалъ королю вѣчнымъ проклятіемъ и произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Онъ побудилъ его громогласно провозгласить себя членомъ католической церкви и поручить воспитаніе своего сына, наслѣдника престола, іезуитскимъ патерамъ. Лишь послѣ этого хитрый іезуитъ признался, что папа никогда не согласится на нѣкоторыя условія, поставленныя королемъ; впрочемъ, онъ обязался возвратиться немедленно въ Римъ и энергично содѣйствовать духовному спасенію шведскаго народа. Искусныя проповѣди Поссевина произвели то дѣйствіе, котораго ожидалъ отъ нихъ папа: король пришелъ къ убѣжденію, что его отецъ навсегда погубилъ свою душу, принявъ протестантизмъ. Прощаясь съ Поссевиномъ, Іоганнъ плакалъ горячими слезами и восклицалъ: «Я охотно далъ бы себѣ отрѣзать всѣ пальцы на ногахъ, чтобы облегчить адскія мученія моего отца». Уѣзжая въ Римъ, Поссевинъ оставилъ при дворѣ двухъ іезуитовъ, которые продолжали начатое имъ дѣло.

Папа рѣшительно отвергъ всѣ требованія короля. Поссевинъ возвратился въ Швецію съ великимъ торжествомъ, въ качествѣ апостольскаго викарія Скандинавіи и сосѣднихъ странъ, но не сразу сообщилъ королю рѣшеніе папы а напротивъ сталъ укрѣплять его въ католическомъ ученіи. Король узналъ объ отказѣ папы лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда Поссевинъ уѣхалъ въ Польшу. Этотъ отказъ произвелъ на него такое потрясающее впечатлѣніе, что онъ объявилъ себя неспособнымъ работать впредь надъ обращеніемъ своего народа. Впрочемъ, онъ успокоился бы, если бы папа согласился на дарованіе причастія подъ двумя видами и на богослуженіе на народномъ языкѣ. Но Римъ не счелъ нужнымъ сдѣлать эти уступки. Папа снова поручилъ Поссевину пустить въ ходъ его извѣстныя дарованія и примирить короля съ отклоненіемъ поставленныхъ имъ условій. Поссевинъ безъ колебанія взялся

за эту трудную миссію. Онъ прежде всего переслалъ королю письмо Филиппа II, переполненное лестью и похвалами по его адресу за его возвращеніе въ лоно римской церкви; Филиппъ увѣщевалъ короля возстановить католицизмъ въ Швеціи и предлагалъ ему субсидію въ 200,000 цехиновъ на это дѣло. Король былъ до нѣкоторой степени тронутъ и принялъ Поссевина съ почетомъ, но іезуитскому патеру уже не удалось вполнѣ овладѣть его умомъ и душой. Отказъ Рима глубоко оскорбилъ короля, и онъ боялся потерять свой престолъ изъ-за религіознаго вопроса. Іоаннъ III высказалъ Поссевину въ интимной бесѣдѣ увѣренность, что папа исполнилъ бы его просьбу, если бы зналъ истинное положеніе страны; на это іезуитскій патеръ отвѣчалъ: «Святой Духъ, управляющій церковью, знаетъ больше насъ всѣхъ, а Онъ руководитъ душою папы». Въ заключеніе, Поссевинъ прибѣгалъ къ нравственному давленію и сталъ угрожать королю небесными карами; но Іоаннъ III остался твердымъ: продолжая покровительствовать католикамъ и не отказываясь безусловно отъ своихъ плановъ, онъ сталъ отступать шагъ за шагомъ передъ протестантскою оппозиціей, во главѣ которой стоялъ его братъ Карлъ, герцогъ Сундерманландскій. Когда въ Стокгольмѣ произошло возстаніе противъ іезуитовъ, король запретилъ патеру Николаи читать лекціи въ университетѣ и назначилъ на его каѳедру лютеранина, проникнутаго примирительнымъ духомъ по отношенію къ католицизму. Николаи удалился изъ Швеціи съ большею частью своихъ учениковъ; только двое изъ нихъ остались при дворѣ по настоятельной просьбѣ короля и получили порученіе отправлять богослуженіе въ королевской часовнѣ и воспитывать въ духѣ католицизма королевскихъ дѣтей. Въ 1582 году, послѣ смерти королевы Іоанны, король женился на лютеранской принцессѣ; подъ ея вліяніемъ преданность его къ католической церкви до такой степени уменьшилась, что іезуиты стали считать свое положеніе при дворѣ невозможнымъ, и одинъ изъ оставшихся въ Стокгольмѣ уѣхалъ изъ Швеціи. Король передалъ лютеранскимъ богословамъ богословскій факультетъ столичнаго университета. Въ 1587 году наслѣдникъ шведскаго престола Сигизмундъ былъ избранъ въ польскіе короли. Въ 1592 году король Іоаннъ умеръ, а регентомъ королевства былъ назначенъ герцогъ Карлъ. Первымъ дѣломъ его было созваніе въ Упсалѣ національнаго конгресса, который отмѣнилъ всѣ католическія реформы Іоанна III и возстановилъ въ Швеціи аугсбургское вѣроисповѣданіе. Когда Сигизмундъ возвратился на престолъ своихъ отцовъ, народное

представительство тотчасъ-же потребовало отъ него истребленія католицизма. Сигизмундъ уступилъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній. Принцъ Карлъ разбилъ Сигизмунда при Стангебро и, при содѣйствіи рейхстага, потребовалъ отъ него отреченія отъ католицизма и обязалъ его или управлять лично своими наслѣдственными владѣніями, или-же привезти въ Швецію своего сына и воспитывать его въ духѣ національной религіи. Сигизмундъ, какъ ревностный католикъ, отказался отъ этихъ требованій, и дядя его, герцогъ Сундерманландскій, вступилъ на престолъ, подъ именемъ Карла IX. Въ царствованіе королевы Христины, которая подчинилась авторитету римской церкви, чтобы побороть свои философскія сомнѣнія, іезуиты снова возвратились въ Швецію и усердно занялись обращеніемъ королевы. Всѣ миссіонерскія усилія Іезуитскаго ордена потерпѣли полнѣйшее пораженіе въ Даніи и Норвегіи, но зато его вліяніе въ Польшѣ было весьма значительно.

Іезуиты прибыли въ Польшу въ 1565 году, по настоянію кардинала Гозіуса, который возлагалъ на нихъ всѣ свои надежды въ дѣлѣ борьбы съ грознымъ распространеніемъ реформаціи. Гозіусъ построилъ имъ коллегію въ Браунсбергѣ и щедро одарилъ ихъ землями. Впрочемъ, они утвердились и распространились въ странѣ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего появленія. Они основали нѣсколько коллегій, въ которыя стала постепенно прибывать польская молодежь, главнымъ образомъ аристократическая. При Стефанѣ Баторіи, реформація потеряла свои послѣдніе шансы успѣха. Король не былъ сторонникомъ насилія въ религіозномъ дѣлѣ и религіозныхъ преслѣдованій, но онъ всецѣло поддался вліянію іезуитовъ и поддерживалъ ихъ всѣми зависящими отъ него средствами. Онъ основалъ ихъ главный оплотъ—Виленскій университетъ, находившійся среди сплошной массы православнаго и протестантскаго населенія. Онъ основалъ коллегіи въ протестантскихъ странахъ Балтійскаго прибрежья, въ Ригѣ и Дерптѣ, не взирая на отвращеніе населенія къ іезуитамъ, которые неоднократно подвергались въ Ригѣ серьезнымъ нападеніямъ. Стефанъ Баторій убѣдилъ своего брата Христофа, правящаго князя Трансильваніи, призвать іезуитовъ въ страну. Они предприняли тамъ пропаганду, увѣнчавшуюся блестящимъ успѣхомъ; но въ 1588 году они были вынуждены удалиться, по требованію народнаго представительства, которое жаловалось на безпорядки, вызываемые ихъ присутствіемъ.

Сигизмундъ былъ лишь жалкой игрушкой въ рукахъ іезуи-

товъ: они вытѣснили изъ королевскаго совѣта всѣхъ патріотовъ, заставили короля служить церкви, въ ущербъ интересамъ Польши и своимъ собственнымъ, и господствовали въ странѣ втеченіи его 45 лѣтняго царствованія. Іезуиты съ особеннымъ усердіемъ принялись обращать украинскихъ казаковъ въ католицизмъ и возстановили противъ себя Запорожскую Сѣчу, которая, при Стефанѣ Баторіи, доставляла Польшѣ сильную армію. Такъ какъ большая часть государственныхъ доходовъ поступала въ церковную казну, то государство постоянно нуждалось въ деньгахъ на самыя насущныя потребности страны. Въ царствованіе Баторія, въ 1585 году, уже не хватало средствъ на снаряженіе арміи, необходимой для покоренія Молдавіи и Валахіи. Границы королевства были открыты нападеніямъ татаръ и другихъ непріятелей. Зато духовенство насчитывало 40,000 членовъ и имѣло 160,000 помѣстій, а число іезуитовъ простиралось до 2,000, и они обучали юношество въ 50 роскошныхъ коллегіяхъ. Въ 1627 году орденъ имѣлъ въ Польшѣ ежегодный доходъ въ 400,000 злотыхъ, что въ то время составляло громадную сумму. Любостяжаніе іезуитовъ было до такой степени разнуздано, что въ 1679 году король Янъ Собесскій былъ вынужденъ сдѣлать іезуитскому генералу серьезныя представленія.

Поддерживаемые римскою куріей, іезуиты побудили Сигизмунда признать обоихъ лже-Дмитріевъ законными государями Россіи и оказать имъ вооруженное содѣйствіе. Съ помощью этихъ авантюристовъ, папа и орденъ надѣялись обратить Россію въ католицизмъ, но они ошиблись въ расчетахъ и только вызвали непримиримый раздоръ между поляками и русскими. Русскіе предложили корону Владиславу, сыну Сигизмунда, но поставили необходимымъ условіемъ переходъ въ православіе; дѣло не удалось, благодаря интригирующей политикѣ короля, который задался цѣлью во что бы то ни стало обратить Россію въ католицизмъ. Папа и іезуиты побудили короля сдѣлаться орудіемъ Австріи и служить ея интересамъ, въ ущербъ собственной странѣ. Онъ послалъ казаковъ австрійскому императору, чтобы помочь ему въ войнѣ съ чехами, а кромѣ того послалъ и подкрѣпленія въ Венгрію и такимъ образомъ вовлекъ Польшу въ бѣдственную войну съ Турціей. Внутренняя политика Сигизмунда была также внушена іезуитами. Члены ордена располагали по своему усмотрѣнію всѣми государственными должностями, потому что король думалъ лишь о томъ, какъ бы угодить іезуитамъ. Они-же постоянно подстрекали его къ стѣ-

сненію свободы совѣсти протестантскаго дворянства и къ сокращенію его политическихъ правъ. Мало того, они громили еретиковъ въ своихъ проповѣдяхъ и требовали отъ короля насильственныхъ мѣръ для истребленія ереси. Вслѣдствіе этого, въ 1606 году вспыхнула междуусобная война. Музковскій, историкъ того времени, не безъ основанія говоритъ: «Іезуитамъ слѣдуетъ приписать все дурное, что происходило втеченіи послѣднихъ лѣтъ въ нашей странѣ». Члены ордена, воспитавшіе католическое дворянство Польши въ духѣ непримиримой ненависти къ протестантамъ, сохранили свою власть даже послѣ смерти Сигизмунда. Въ концѣ его царствованія, государство, въ которомъ въ былое время процвѣтали культура и наука, торговля и промышленность, было совершенно разорено. Польша окончательно потеряла Ливонію, гдѣ недовольное протестантское населеніе стало на сторону Густава-Адольфа; часть прусской Польши перешла подъ власть Швеціи, государственная казна опустѣла, страна была разорена, а народная литература совершенно пала. Съ этого момента до половины XVIII столѣтія, въ Польшѣ не появилось ни одного замѣчательнаго произведенія, тогда какъ въ предыдущую эпоху народное творчество было чрезвычайно богато. Этотъ упадокъ народнаго духа былъ непосредственнымъ результатомъ іезуитскаго воспитанія, и господство іезуитовъ положило начало паденію Польши. Въ книгѣ, изданной въ Познани (1627 г.), самъ орденъ хвастаетъ, что произвелъ переворотъ во всей Польшѣ.

Негодуя на вмѣшательство іезуитовъ въ политическія дѣла, Владиславъ удалилъ ихъ отъ своего двора и попытался отнять у нихъ воспитаніе юношества, но ему не удалось сломить ихъ могущество.

Братъ его Янъ-Казиміръ, вступившій послѣ него на престолъ, былъ самъ іезуитомъ и кардиналомъ. Громадная власть, которую іезуиты пріобрѣли въ Польшѣ, обнаружилась съ полной силой въ 1724 году, когда протестантское населеніе Торна совершило нападеніе на тамошнюю коллегію. Это возстаніе было утоплено въ цѣлыхъ рѣкахъ крови.

Поссевинъ имѣлъ громадное вліяніе въ Польшѣ. Ему удавалось совратить въ католицизмъ большую часть православной церкви въ Литвѣ и сосѣднихъ провинціяхъ. Іезуиты основали школы, перевели церковныя книги на народный языкъ, построили множество монастырей и совершили столько чудесъ, что втеченіи XVII вѣка въ Литвѣ появилось больше святыхъ, чѣмъ во всей Европѣ за всѣ предшествующіе вѣка.

Однако, низшее духовенство и народъ остались вѣрны своей первоначальной религіи, и съ тѣхъ поръ стали тяготѣть къ Россіи, гдѣ православная церковь была господствующею. Гонимые православные стали обращать взоры къ Россіи, и Россія не преминула вмѣшаться въ польскія дѣла для защиты своихъ единовѣрцевъ. Польскіе диссиденты были исключены въ 1733 году изъ всѣхъ государственныхъ должностей и изъ сейма; съ тѣхъ поръ они бросились въ объятія могущественной сосѣдней имперіи, чтобы съ ея помощью добиться возвращенія своихъ нарушенныхъ правъ. За это польскій народъ возненавидѣлъ бы ихъ. Ради своихъ собственныхъ интересовъ, диссиденты стали работать надъ разложеніемъ Польши и радостно привѣтствовали его въ 1772 году.

Поссевинъ пустилъ въ ходъ всю свою ловкость, чтобы побудить Іоанна IV Грознаго обратить весь русскій народъ въ католицизмъ. Московскій царь ловко провелъ іезуита, увѣривъ его въ своемъ твердомъ рѣшеніи подчиниться Риму. Поссевинъ повѣрилъ этому и устроилъ миръ со Стефаномъ Баторіемъ въ 1582 году. Этотъ миръ остановилъ побѣдоносное шествіе поляковъ. Но Іоаннъ, конечно, не исполнилъ своего обѣщанія, а Поссевинъ только добился отъ него нѣкоторыхъ льготъ для римско-католическихъ подданныхъ Россіи.

Послѣ Поссевина, въ Россію прибыли первые іезуиты, но такъ какъ ихъ переговоры съ дворомъ не удались, то они и не могли удержаться въ столицѣ. Они избрали уніатскую Литву центромъ своей дѣятельности и оттуда начали распространять свою пропаганду въ Россіи. Они прежде всего воспитали нѣсколькихъ молодыхъ русскихъ миссіонеровъ и указали имъ поле дѣятельности въ ихъ отечествѣ. Такимъ образомъ они проникли въ Украйну, на Подолъ и въ Волынь, а также въ Бѣлоруссію.

Въ 1684 году іезуиты прибыли въ Россію съ австрійскимъ посломъ Жировскимъ. Они стали совершать богослуженія для иностранныхъ католиковъ, подъ покровительствомъ австрійскаго посольства въ Москвѣ, а черезъ нѣсколько времени имъ удалось основать въ столицѣ маленькую колонію. Затѣмъ они открыли школу для русской молодежи, стали распространять католическія иконы и книги религіознаго содержанія на русскомъ языкѣ, нисколько не скрывая своего намѣренія латинизировать Россію. Многочисленные адепты, которыхъ они навербовали въ Москвѣ, внушили имъ убѣжденіе, что совращеніе всей Россіи въ католицизмъ совершится безъ всякаго труда. Іезуиты ста-

рались, главнымъ образомъ, совращать женщинъ, и носились слухи, что ихъ сношенія съ ними не всегда соотвѣтствовали ихъ лицемѣрному благочестію. Въ то-же время на іезуитовъ стали взводить обвиненіе, что они были тайными агентами и шпіонами Австріи и другихъ католическихъ государствъ. Патріархъ Іоахимъ понялъ опасность, грозившую православной церкви, и употребилъ всѣ усилія, чтобы добиться изгнанія іезуитовъ, которое и состоялось въ 1688 году. Императоръ Леопольдъ напрасно требовалъ, чтобы имъ было разрѣшено возвратиться въ Москву: русское правительство отвѣчало, что іезуиты не могутъ быть терпимы въ Россіи, потому что они вмѣшиваются въ не относящіяся къ религіи политическія дѣла. Изгнаніе, впрочемъ, не прекратило іезуитскую пропаганду: іезуиты возвратились подъ видомъ приходскихъ священниковъ и членовъ другихъ орденовъ; переждавъ нѣсколько времени, они предположили, что русское правительство забыло прошлое и потерпитъ ихъ пребываніе въ Россіи; они сбросили маску и, нисколько не стѣсняясь, открыли въ Москвѣ коллегію, съ помощью которой навербовали себѣ много сторонниковъ. Русское правительство смотрѣло сквозь пальцы на эту пропаганду, въ угоду австрійскому двору. Но, когда между обоими дворами произошла ссора, Петръ Великій изгналъ іезуитовъ въ 1719 г. Такимъ образомъ, втеченіи 30 лѣтъ, іезуиты два раза основывались въ Россіи и были два раза изгоняемы. Когда Петръ Великій даровалъ свободу римско-католическому вѣроисповѣданію, францисканцы и доминиканцы заняли мѣсто, оставленное іезуитами. Въ 1772 году, когда Бѣлоруссія была присоединена къ Россіи, іезуиты подпали подъ ея господство. Екатерина II оказала имъ не только полную терпимость, но даже покровительствовала имъ послѣ упраздненія ихъ ордена, не взирая на ихъ дѣятельную религіозную пропаганду. Бѣлоруссія осталась ихъ главною квартирой. Они устроили тамъ новиціатъ, съ 70 учениками, съ богатой библіотекой и многочисленными учеными коллекціями; ловкіе патеры успѣли пріобрѣсти въ короткое время обширныя помѣстья съ населеніемъ въ 13,500 душъ. Могущество іезуитовъ достигло своего апогея при императорѣ Павлѣ I и его министрѣ вѣроисповѣданія Голицынѣ. Имъ была передана католическая церковь въ Петербургѣ; они открыли въ столицѣ школу и семинарію, увеличили, съ согласія двора, число своихъ заведеній и, наконецъ, совершенно завладѣли римско-католическою церковью въ Россіи, назначивъ въ митрополиты одну изъ своихъ креатуръ. Іезуиты обратились къ посредниче-

ству императора, чтобы, при его содѣйствіи, добиться возстановленія ордена въ другихъ государствахъ, между прочимъ, въ Испаніи. Павелъ покровительствовалъ іезуитамъ не только въ своей имперіи, но и въ иностранныхъ государствахъ, напр., въ Турціи, и являлся заступникомъ ордена передъ папой Піемъ VII. Онъ добился для нихъ права снова составить въ Россіи корпорацію подъ именемъ Общества Іисуса и открывать школы. Только благодаря русскому правительству, число членовъ ордена оказалось столь-же значительно въ моментъ его возстановленія Папскимъ Престоломъ, какъ и въ моментъ его упраздненія. При Александрѣ I, іезуиты распространились по всей Россіи и даже проникли въ Сибирь. Ихъ пропаганда, обращавшаяся, главнымъ образомъ, на высокопоставленныхъ лицъ, стала сильно тревожить представителей православной церкви. Впрочемъ, Александръ I не любилъ іезуитовъ, а только терпѣлъ ихъ. Онъ задумалъ ограничить ихъ дѣятельность и пропаганду извѣстными предѣлами. Когда іезуиты предложили ему свои услуги въ Китаѣ, съ условіемъ, чтобы имъ было разрѣшено устроить миссіи среди языческаго и магометанскаго населенія русскихъ областей, императоръ отказалъ имъ. Наконецъ, судьба іезуитовъ въ Россіи была безповоротно рѣшена, благодаря тѣмъ опасеніямъ, которыя они вызвали своею искусною пропагандою. Въ 1815 году они были изгнаны изъ Петербурга и Москвы, а въ 1820—изъ всей Россіи.

Мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что втеченіи двухъ вѣковъ Іезуитскій орденъ пытался управлять и фактически управлялъ судьбами цивилизованнаго міра. Ни одинъ изъ орденовъ католической церкви не оказывалъ такого громаднаго вліянія на политическую жизнь всей Европы. Поэтому, во время всѣхъ политическихъ потрясеній, народы щадили другія религіозныя братства, но часто яростно нападали на іезуитовъ, видя въ нихъ самыхъ усердныхъ пособниковъ дурныхъ правительствъ. Общество Іисуса посвятило всю свою энергію, все свое могущество возстановленію теократическаго средневѣкового режима и основанію міровой католической монархіи, которая должна была сдѣлаться мощнымъ и въ то-же время пассивнымъ орудіемъ римскаго Первосвященника. Съ этою цѣлью оно поочередно поддерживало политику Филиппа II, Фердинанда II и Людовика XIV. Никакія усилія, никакія жертвы не казались іезуитамъ непосильными для достиженія этой цѣли. Истина, нравственность и право были принесены въ жертву на алтарѣ этого идола.

Благовѣстіе о царствѣ свободы и любви, о которомъ возвѣщалъ Христосъ, превратилось въ устахъ іезуитскихъ миссіонеровъ въ пропаганду свѣтскаго могущества папы и царства, основаннаго на умственномъ рабствѣ, дикой ненависти и кровопролитныхъ преслѣдованіяхъ. Такое царство можно основать и поддержать нѣкоторое время только посредствомъ матеріальной силы и умственнаго и нравственнаго истощенія народовъ. Но слѣдуетъ помнить, что, хотя и есть возможность насильственно задержать развитіе человѣческаго духа и разума, тѣмъ не менѣе ихъ нельзя задушить. Вотъ почему блестящіе успѣхи іезуитовъ не были прочны и продолжительны. Для осуществленія іезуитско-папскаго плана надо было бы уничтожить физическую и нравственную жизнь народовъ. Господство іезуитовъ могло основаться и окончательно восторжествовать лишь на разлагающемся трупѣ народовъ.

ГЛАВА XI.

Іезуитскія миссіи въ Китаѣ и Индіи.—Враждебность іезуитовъ къ миссіонерамъ всѣхъ другихъ орденовъ.—Сопротивленіе приказаніямъ Святѣйшаго престола.—Преслѣдованіе и отравленіе кардинала Турнона.

Борьба съ ересью въ Европѣ не заставила іезуитовъ отклониться отъ главной цѣли, предначертанной ордену ея основателемъ—отъ миссіонерской дѣятельности среди язычниковъ. Эта дѣятельность охватила всю Азію, Африку и Новый Свѣтъ, и вездѣ іезуиты достигли въ короткое время блестящихъ результатовъ. Ихъ искусство и безпримѣрное самоотверженіе въ этомъ трудномъ дѣлѣ вызвали всеобщее изумленіе, и даже протестантскіе писатели отдавали миссіонерской дѣятельности іезуитовъ должное уваженіе. Какъ извѣстно, Лейбницъ сочувствовалъ миссіонерству іезуитовъ, предполагая, что они внесутъ свѣточъ цивилизаціи въ варварскія страны. Исходя изъ этого-же принципа, Гердеръ, Галлеръ, Гизо и Соути горячо защищали іезуитскія миссіи. Но, къ сожалѣнію, эти писатели были знакомы съ дѣятельностью ордена лишь крайне поверхностно и не видали того глубокаго разврата, которымъ было запятнано миссіонерство іезуитовъ.

Францискъ Ксаверій основалъ миссію въ Гоа; благодаря поддержкѣ португальскаго правительства и насильственнымъ мѣрамъ, онъ обратилъ въ христіанство сотни тысячъ туземцевъ. Эти массовыя обращенія были только оптическимъ обманомъ, потому что не основывались на истинныхъ, глубокихъ и сильныхъ убѣжденіяхъ. Впрочемъ, папская власть искони считала совершенно достаточнымъ внѣшнее исповѣдываніе вѣры. Францискъ Ксаверій видѣлъ этому примѣръ въ своемъ отечествѣ. Въ 1526 году мавританское населеніе королевства Валенсіи не пожелало переселяться и рѣшило принять христіанство, по приказанію короля. Такъ какъ это населеніе было очень многочисленно, то духовенство окрестило его посредствомъ

окропленія св. водой. Послѣ совершенія обряда, многіе мавры стали утверждать, что вода не коснулась ихъ, такъ какъ во время совершенія обряда они опустили головы. Изъ сотенъ тысячъ новообращенныхъ едва можно было насчитать 10 человѣкъ, сознательно принявшихъ христіанство. Этотъ фактъ удостовѣрилъ самъ епископъ Сандоваль.

Въ 1547 году Ксаверій отправился въ Японію и совершилъ тамъ множество обращеній, а въ 1552 году онъ умеръ на пути въ Китай. Іезуитскій орденъ считаетъ его величайшимъ изъ своихъ святыхъ послѣ Лойолы. Тотчасъ послѣ его смерти, самыя нелѣпыя легенды смѣшались съ исторіей его миссіонерской дѣятельности въ Азіи.

Въ 1584 году орденъ предпринялъ обращеніе Китая и прибѣгъ для этого къ средствамъ, которыя до сихъ поръ были неизвѣстны христіанскимъ миссіонерамъ. Іезуитъ Матвѣй Риччи нарядился мандариномъ и прежде всего постарался пріобрѣсти довѣріе двора своими обширными математическими знаніями; успѣвъ въ этомъ, онъ постепенно сталъ примѣшивать къ математическимъ и астрономическимъ лекціямъ начальныя правила христіанскаго ученія. Желая внушить китайцамъ сочувствіе къ христіанству, онъ представилъ его какъ возстановленіе древняго и уже забытаго ученія Конфуція, и даже, кажется, сочинилъ подложныя историческія книги и древніе памятники, которые должны были служить доказательствомъ его ученія. То исповѣданіе вѣры, которое іезуиты навязывали обращеннымъ, не заключало въ себѣ ни слѣда христіанскаго ученія. Они довольствовались тѣмъ, что требовали отъ неофитовъ вѣры въ единаго Бога, исполненія десяти заповѣдей и нравственной чистоты въ жизни. При этомъ культѣ, іезуиты терпѣли языческіе обряды, какъ напр., жертвоприношенія Конфуцію и предкамъ. Вообще многіе іезуиты, несмотря на усердіе ордена въ дѣлѣ пропаганды и на его преданность римской церкви, проповѣдывали, что можно достигнуть спасенія во всякой религіи, съ условіемъ вѣрить въ нее и свято соблюдать ее.

Риччи пріобрѣлъ особенную милость императора своими глубокими и разносторонними познаніями и умеръ въ 1610 году. Іоаннъ-Адамъ Шалль занялъ мѣсто Риччи при дворѣ. Его осыпали милостями, ему поручили составленіе императорскаго календаря, а императоръ относился къ нему, какъ къ самому интимному другу. Онъ позволилъ ему совершенно свободно проповѣдывать Евангеліе, освободилъ его отъ повинове-

нія старшимъ и далъ ему возможность жить совершенно независимо вдали отъ другихъ членовъ ордена, съ прекрасною женщиной, отъ которой онъ имѣлъ двухъ сыновей. Послѣ смерти императора Шунтъ-Ши, Шалль впалъ въ немилость при дворѣ и умеръ отъ жестокихъ истязаній. Риччи написалъ 15 сочиненій на китайскомъ языкѣ, но литературная дѣятельность Шалля была еще гораздо значительнѣе: онъ издалъ 24 сочиненія по астрономіи, оптикѣ и геометріи и оставилъ множество неизданныхъ произведеній, такъ что ему приписываютъ 150 томовъ, написанныхъ на китайскомъ языкѣ. Шалль имѣлъ и нѣкоторыя военныя заслуги: подъ его руководствомъ фабриковались артиллерійскія орудія для Небесной Имперіи.

Въ свое время, Гердеръ писалъ слѣдующее о іезуитской миссіи въ Китаѣ: «они прибѣгли къ самымъ благороднымъ узамъ, которыя могли связать ихъ съ императоромъ и имперіей—къ наукамъ и искусствамъ. Слѣдуетъ отдать ордену справедливость: онъ дѣйствительно послалъ въ Китай цѣлый рядъ людей мудрыхъ, ученыхъ, неутомимыхъ, которые познакомили всю Европу съ этой обширной имперіей и сосѣдними странами, съ ихъ языкомъ, литературой, государственнымъ строемъ и обычаями».

На Малабарскомъ берегу способъ обращенія іезуитовъ отличался меньшимъ благородствомъ, чѣмъ въ Китаѣ. Они вскорѣ замѣтили, что высшіе классы народа остаются враждебными къ христіанству, потому что его проповѣдники не соблюдаютъ различія кастъ; съ этого момента они перемѣнили свою методу и приспособились къ порядку вещей, освященному браминствомъ. Въ 1606 году іезуитъ Нобили сталъ жить и одѣваться, какъ брамины, сталъ тщательно избѣгать всякаго общенія съ низшими классами и разрѣшилъ новообращеннымъ христіанамъ возвратиться къ древнимъ обычаямъ—между прочимъ носить изображеніе божества и амулеты. Іезуитскіе патеры перестали давать паріямъ Святое Причастіе такъ, какъ они давали его браминамъ: во избѣжаніе непосредственнаго соприкосновенія съ паріями имъ давали Причастіе посредствомъ особыхъ инструментовъ, или клали Св. Дары передъ ихъ дверями. Другіе патеры, желая произвести впечатлѣніе на суевѣрный народъ, стали носить одежду языческихъ жрецовъ. Сначала европейскіе іезуиты, а именно Белларминъ, порицали эти пріемы.

Зависть побудила іезуитовъ вредить миссіямъ другихъ орде-

новъ, а именно миссіямъ доминиканцевъ и францисканцевъ, и они постарались вытѣснить ихъ изъ обращенныхъ ими мѣстностей. Іезуиты оказали энергичное сопротивленіе назначенію францисканца Сорелло въ епископы нѣсколькихъ японскихъ провинцій; они возбудили противъ него японскій народъ, и, тотчасъ послѣ высадки, Сорелло былъ схваченъ и сожженъ на кострѣ.

Въ оффиціальномъ отчетѣ папѣ Иннокентію XI о положеніи католической церкви, секретарь конгрегацій пропаганды, Черри, описываетъ сопротивленіе, которое іезуиты оказывали въ Китаѣ миссіонерамъ францисканскаго ордена. Въ числѣ этихъ миссіонеровъ было три епископа in partibus infideli и два апостольскихъ викарія. Іезуиты объявили ихъ еретиками и стали проповѣдывать, что лучше умереть безъ причастія, чѣмъ принять его изъ рукъ только что прибывшихъ францисканскихъ патеровъ. Въ своей ненависти къ францисканцамъ, они доходили до того, что давали вторично Причастіе тѣмъ, которые уже приняли его отъ францисканцевъ. Они объявляли подложными всѣ папскія бреве, которыя францисканцы предъявляли въ доказательство законности своей дѣятельности. Въ концѣ-концовъ, іезуиты добились изгнанія своихъ соперниковъ, а нѣкоторые изъ нихъ были преданы суду инквизиціи въ Гоа по подозрѣнію въ янсенистской ереси. Мало того, по словамъ Черри, іезуиты возстали противъ самого Святѣйшаго Престола и обвинили его въ томъ, что онъ позволилъ себѣ посягательства на права португальской короны. У Климента X лопнуло терпѣніе, и онъ рѣшилъ положить конецъ самоуправству іезуитовъ. Онъ потребовалъ отъ нихъ покорности, возобновилъ полномочія, данныя апостольскимъ викаріямъ францисканскаго ордена, и назначилъ четвертаго викарія изъ доминиканскаго ордена. Но іезуиты отказали въ повиновеніи: они отвѣчали, что получили отъ своего генерала противоположныя приказанія, не обратили ни малѣйшаго вниманія на папскія буллы и бреве и воздвигли противъ четырехъ викаріевъ еще болѣе сильное гоненіе, чѣмъ прежде. Черри заканчиваетъ свой отчетъ слѣдующими словами: «Конгрегація приняла, наконецъ, нѣкоторыя мѣры къ подавленію раскола; но тѣмъ не менѣе соблазнъ такъ великъ, что я не берусь разсказывать о немъ здѣсь, такъ какъ ваше святѣйшество сами приказали держать дѣло въ строжайшей тайнѣ».

Доминиканцы первые донесли въ Римъ о компромиссахъ,

допускаемыхъ іезуитами въ ихъ миссіонерской дѣятельности въ Китаѣ. Въ 1645 году Иннокентій X торжественно осудилъ методу іезуитовъ и запретилъ ее подъ страхомъ отлученія отъ церкви. Но азіатскіе іезуиты не обратили ни малѣйшаго вниманія на папскій декретъ и продолжали дѣйствовать по-своему, а потомъ добились отъ Александра VII такихъ измѣненій въ редакціи декрета, что онъ сталъ для нихъ совершенно безвреденъ. Тогда доминиканцы опубликовали цѣлый рядъ сочиненій, въ которыхъ обличили обманъ іезуитовъ. Александръ VII послалъ ученаго епископа въ Китай съ порученіемъ разслѣдовать дѣятельность іезуитовъ. Этотъ легатъ строго осудилъ дѣятельность іезуитовъ, но они съумѣли помѣшать папѣ исполнить его приговоръ. Затѣмъ въ Римѣ была учреждена особая духовная комиссія съ единственною цѣлью снова основательно переслѣдовать дѣло о іезуитскихъ миссіяхъ. Папа Климентъ XI подтвердилъ первый декретъ Иннокентія X, еще разъ строго осудилъ китайскіе обряды, введенные въ христіанскій культъ, и поручилъ легату Турнону отправиться въ Китай для исполненія его распоряженій. Императоръ сперва принялъ Турнона съ большими почестями, но вскорѣ, благодаря іезуитскимъ интригамъ, легатъ попалъ въ опалу; ему было приказано выѣхать изъ Пекина, а затѣмъ онъ былъ изгнанъ изъ китайской территоріи. Однако въ 1707 году Турнонъ поселился въ Нанкинѣ; онъ запретилъ новообращеннымъ христіанамъ совершать древніе языческіе обряды и потребовалъ отъ іезуитскихъ миссіонеровъ повиновенія, угрожая имъ въ противномъ случаѣ каноническими наказаніями. Императоръ, подстрекаемый іезуитами, приказалъ схватить легата и отвезти его въ Макао, гдѣ онъ былъ отданъ подъ надзоръ португальцевъ, которые подвергли его строжайшему тюремному заключенію. Не смотря на всѣ протесты іезуитовъ, папа возвелъ Турнона въ санъ кардинала въ 1710 году.

Іезуиты неоднократно пытались отравить Турнона, во время его пребыванія въ Китаѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ очевидецъ—Джовани Марчелло Анджелита. «Я самъ присутствовалъ при этой сценѣ въ Танъ-Сціанѣ,—пишетъ онъ,—и видѣлъ собственными глазами, посредствомъ какихъ манипуляцій кардиналъ былъ отравленъ по подстрекательству іезуитовъ. Послѣ этого отравленія, онъ прожилъ еще три года и умеръ въ заточеніи, въ Макао, принявъ всѣ церковныя таинства. Онъ испустилъ духъ на моихъ рукахъ 8 іюня 1711 года». Въ запискахъ Турнона, изданныхъ кардиналомъ Пассіонеи въ 1762 г.,

встрѣчается, между прочимъ, письмо къ монсиньору Конти, вступившему впослѣдствіи на папскій престолъ, подъ именемъ Иннокентія III. Легатъ горько сѣтуетъ, что іезуиты отнимаютъ у него всякую возможность послать въ Римъ какую-нибудь депешу или отчетъ и кромѣ того посылаютъ въ Римъ отъ его имени подложныя письма; вслѣдствіе этого онъ вынужденъ посылать нѣсколько однородныхъ депешъ, въ надеждѣ, что хоть одна дойдетъ по назначенію. Въ подлинности отчета Анджелиты о смерти легата и о гнусныхъ интригахъ іезуитовъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Этотъ отчетъ былъ подтвержденъ Тейнеромъ, который разсматривалъ въ ватиканскихъ архивахъ всѣ документы, относящіеся къ дѣлу, и сравнивалъ ихъ съ копіей Пассіонеи. Вообще, въ этихъ архивахъ заключается множество документовъ о іезуитскихъ миссіяхъ въ Китаѣ, и всѣ они представляютъ собой вѣскій обвинительный матеріалъ противъ іезуитовъ. Папы считали нужнымъ хранить всѣ эти дѣла въ глубочайшей тайнѣ; нынѣ-же ватиканскими архивами завладѣли іезуиты, и, не подлежитъ сомнѣнію, что они уничтожатъ всѣ документы, обличающіе гнусныя дѣла ихъ ордена.

Въ 1704 году по жалобамъ миссіонеровъ другихъ орденовъ, папскій легатъ былъ посланъ и въ Малабаръ. По примѣру другихъ, и онъ строго осудилъ дѣятельность іезуитовъ, и его приговоръ былъ подтвержденъ папой. Но въ Малабарѣ іезуиты оказали такое-же неповиновеніе, какъ и въ Китаѣ. Въ 1715 году Климентъ XI опубликовалъ новыя распоряженія противъ китайскихъ отрядовъ и угрожалъ непокорнымъ самыми строгими церковными наказаніями. Іезуиты добились отъ китайскаго правительства самыхъ строгихъ мѣръ противъ францисканца, которому было поручено опубликовать папскую буллу: онъ былъ схваченъ, какъ негодяй, нарушившій законы и обычаи имперіи, и втеченіи 17 мѣсяцевъ его подвергали самимъ жестокимъ пыткамъ. Легатъ Меццабарбо, Александрійскій патріархъ, былъ посланъ Климентомъ XI въ Китай, въ надеждѣ склонить іезуитовъ къ уступчивости, посредствомъ компромиссовъ: они избили его, насмѣялись въ его присутствіи надъ папой, и онъ возвратился въ Римъ въ полномъ уныніи. Клименту XII также не удалось сломить сопротивленіе ордена. Чтобы папскій декретъ не надѣлалъ шума, они опубликовали его только на латинскомъ языкѣ, а затѣмъ стали утверждать, что папа не знакомъ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, а потому его декретъ не имѣетъ никакого значенія. Втеченіи 100 лѣтъ слишкомъ, іезуиты

сопротивлялись всѣмъ приказаніямъ святѣйшаго престола, и только Венедикту XIV удалось добиться отъ нихъ повиновенія папской власти.

Патеръ Норбертъ написалъ подробный отчетъ о дѣятельности іезуитовъ и за это подвергся такимъ преслѣдованіямъ съ ихъ стороны, что Бенедиктъ XIV отказался оказать ему достаточное покровительство въ Римѣ, а потому разрѣшилъ ему жить въ качествѣ свѣтскаго человѣка вездѣ, гдѣ онъ захочетъ. Онъ поселился на нѣкоторое время въ протестантскихъ странахъ, вслѣдствіе чего его враги распространили слухъ, что онъ сдѣлался еретикомъ. Онъ возвратился въ католическія государства, но, лишь послѣ изгнанія іезуитовъ, нашелъ безопасное убѣжище въ Португаліи.

ГЛАВА XII.

Іезуиты въ Парагвай.—Ихъ алчность и богатство.—Успѣхъ ихъ миссій.—Самоотверженіе миссіонеровъ.—Отношеніе миссіонеровъ къ наукѣ.—Окончательная неудача миссіи.

Въ 1556 году іезуиты основали миссію въ Абиссиніи, но были вскорѣ истреблены во время общаго гоненія, воздвигнутаго на христіанъ; японская-же миссія погибла въ 1622 году затѣмъ орденъ проникъ въ Бразилію и имѣлъ тамъ большой успѣхъ. Іезуиты проникали съ изумительнымъ самоотверженіемъ въ дѣвственные лѣса Америки и съумѣли пріобрѣсти довѣріе и симпатію индѣйцевъ, которыхъ испанцы преслѣдовали, какъ дикихъ звѣрей. Въ 1586 году іезуиты были призваны въ Парагвай, а въ 1610—испанскій король уполномочилъ ихъ устроить тамъ общину, подъ его высокимъ покровительствомъ. Сперва орденъ намѣревался учредить въ Парагваѣ патріаршество въ христіанскомъ смыслѣ и подчинить индійцевъ теократической дисциплинѣ, приноровленной къ дѣтскимъ потребностямъ, давъ имъ только самое элементарное техническое образованіе, необходимое для удовлетворенія потребностей совершенно первобытной жизни. Іезуиты обучали туземцевъ домашнему хозяйству и скотоводству, а главное внушили имъ слѣпое подчиненіе авторитету церкви и нѣкоторую обрядность. Предполагалось пріучить туземцевъ къ умѣренному труду, управлять ими посредствомъ отеческой мягкости и держать ихъ на умственномъ уровнѣ наивнаго дѣтскаго возраста; они должны были найти счастье въ простой патріархальной жизни.

Все государство походило на большую рабочую ассоціацію, имѣвшую до нѣкоторой степени соціалистскій характеръ. Каждому семейству былъ отдѣленъ маленькій земельный надѣлъ, который долженъ былъ доставлять ему средства къ существованію, кромѣ того обширныя поля, составлявшія большую часть страны, были достояніемъ всей общины и назывались «владѣ-

ніями Божіими». Всѣ члены общины должны были обрабатывать ихъ, а собранный урожай складывался въ общественные магазины; въ случаѣ необходимости, изъ этого запаса покрывались нужды каждой общины. Частныя лица получали изъ этихъ магазиновъ пособія, съ разрѣшенія патеровъ. Излишекъ, а также всякое сырье и ненужныя кустарныя произведенія продавались за границу. Орденъ велъ всѣмъ этимъ очень обширную торговлю, а получаемый отъ нея доходъ употреблялся на общеполезныя цѣли. Община состояла изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ душъ и была раздѣлена на округа. Всѣ должностныя лица выбирались изъ среды туземцевъ, а всею общиной управляли іезуитскіе патеры. Судебная практика отличалась большою мягкостью, смертная казнь была отмѣнена и замѣнена пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Іезуиты обучили своихъ подданныхъ и военному дѣлу; они организовали довольно значительную вооруженную силу и воздвигли на границахъ своего государства крѣпости для отраженія нападенія дикарей. Страна была герметически закрыта для испанцевъ, португальцевъ и вообще иностранцевъ; испанцы допускались не иначе, какъ въ свитѣ губернатора провинціи или епископа. Іезуиты такъ тщательно удаляли иностранцевъ для того, чтобы сохранить чистоту нравовъ и ребяческую наивность своихъ подданныхъ; быть можетъ, они кромѣ того не хотѣли раскрывать передъ иностранцами тайны своего управленія. Съ 1649 г. каждый парагвайскій туземецъ, достигшій 18-лѣтняго возраста, былъ обложенъ небольшою податью, которая платилась непосредственно испанскому королю и взималась изъ доходовъ, приносимыхъ отпускною торговлею.

Мнѣнія о іезуитскомъ государствѣ въ Парагваѣ чрезвычайно различны: одни проникнуты энтузіазмомъ, а другія—строгимъ огульнымъ порицаніемъ. Протестантъ Соути отзывается съ большой похвалой о іезуитской миссіи въ Парагваѣ. «Въ концѣ XVIII вѣка,—говоритъ онъ,—индійцы тамошнихъ округовъ были народъ храбрый, трудолюбивый и сравнительно цивилизованный; они сдѣлали значительные успѣхи во всѣхъ отрасляхъ техническаго производства и изящныхъ искусствъ. По мнѣнію Соути, іезуиты вѣроятно довели бы до конца дѣло обращенія и цивилизаціи туземныхъ племенъ и спасли бы испанскія колоніи отъ ужасовъ междуусобной войны, если бы испанское правительство не остановило ихъ своими неполитическими и несправедливыми мѣрами въ предпринятой ими въ Южной Америкѣ задачѣ. Бюффонъ, Муратори, Монтескье, Гер-

деръ, Райналь и Робертсонъ высказываются также съ большой похвалой о дѣятельности іезуитовъ въ Парагваѣ. Монтескье говоритъ: «Въ Парагваѣ мы видимъ примѣръ тѣхъ рѣдкихъ учрежденій, которыя созданы для воспитанія народовъ въ духѣ добродѣтели и благочестія. Іезуитамъ ставили въ вину ихъ систему управленія, но они прославились тѣмъ, что первые внушили жителямъ отдаленныхъ странъ религіозныя и гуманныя понятія. Они задались цѣлью исправить зло, сдѣланное испанцами, и принялись залечивать одну изъ кровавыхъ ранъ человѣчества». По словамъ Райналя, «ничто не могло сравниться съ чистотою нравовъ, усердіемъ, кротостью и сердечностью, выказанными іезуитами въ Парагваѣ. Каждый іезуитъ является дѣйствительно отцомъ и руководителемъ своей паствы. Пусть тотъ, кто сомнѣвается въ благотворномъ вліяніи доброты и человѣколюбія на дикія племена, сравнитъ результаты, которыхъ въ короткое время достигли іезуиты въ Южной Америкѣ, съ дѣломъ насилія, которое втеченіи двухъ вѣковъ совершали Испанія и Португалія своими сухопутными и морскими вооруженными силами».

Эти благопріятные отзывы теряютъ свое значеніе въ виду того обстоятельства, что они исходятъ отъ людей, никогда не изслѣдовавшихъ вблизи положеніе дѣла въ Парагваѣ. Кромѣ того эти отзывы основаны на данныхъ, сообщенныхъ самими іезуитами. Какъ извѣстно, сами члены ордена доставили Муратори тотъ матеріалъ, на основаніи котораго онъ написалъ свою исторію Парагвайскаго государства. По свидѣтельству Черри, отчеты іезуитовъ о ихъ миссіяхъ не заслуживаютъ никакого довѣрія. «Въ каждомъ изъ отчетовъ, который они посылаютъ конгрегаціи, они говорятъ о тысячахъ новообращенныхъ: этого одного достаточно, чтобы сомнѣваться въ истинѣ ихъ показаній». Мнѣніе Ибаньеза о дѣлѣ іезуитовъ въ Парагваѣ также заслуживаетъ особеннаго вниманія. Правда, къ нему слѣдуетъ отнестись критически, потому что, съ момента преслѣдованія іезуитовъ въ Португаліи и Испаніи, оба правительства старались вредить имъ всѣми средствами; подкупали даже самихъ членовъ ордена, которые взводили на него самыя тяжкія обвиненія, чтобы оправдать передъ свѣтомъ многія несправедливыя и жестокія мѣры правительствъ. Но тѣмъ не менѣе отзывы Ибаньеза основаны на фактахъ, удостовѣренныхъ другими писателями и совершенно достаточныхъ, чтобы разрушить всѣ представленія о патріархальномъ правительствѣ и идиллической жизни въ Парагваѣ; отзывы эти подтверждены

кромѣ того предписаніями генераловъ и провинціаловъ ордена, такъ что они вполнѣ заслуживаютъ довѣрія. Наконецъ, булла «Immensa pauperum», въ которой Венедиктъ XIV строго порицаетъ безчеловѣчное отношеніе іезуитовъ къ парагвайскимъ туземцамъ, также подтверждаетъ отчеты Ибаньеза.

За одно съ Маримономъ, Ибаньезъ добивался отъ ордена исполненія трактата 1750 года, на основаніи котораго семь парагвайскихъ округовъ или отдѣловъ должны были перейти къ Португаліи. Они не достигли своей цѣли, а только навлекли на себя яростную ненависть іезуитовъ. Маримонъ былъ брошенъ въ «in pace», а Ибаньезъ изгнанъ изъ страны. Онъ отправился въ Мадридъ, гдѣ и дожилъ свой вѣкъ въ полномъ уединеніи, подъ покровительствомъ правительства. Онъ написалъ о Парагваѣ книгу, изъ которой издана только одна глава. Ибаньезъ доказываетъ, что основанное въ Парагваѣ государство противорѣчитъ уставамъ ордена. Уставы запрещаютъ Обществу Іисуса имѣть опредѣленную и прочную осѣдлость, основывать государственныя учрежденія, вмѣшиваться въ политическія дѣла государей и гражданскія отношенія свѣтскаго общества. Онъ разсказываетъ, что іезуиты не позволяли ни священникамъ, ни членамъ другихъ религіозныхъ орденовъ останавливаться въ Парагваѣ хотя бы проѣздомъ; это запрещеніе распространялось даже на испанскихъ соотечественниковъ, если они не были снабжены спеціальнымъ разрѣшеніемъ іезуитскаго провинціала. Исключеніе изъ этого правила дѣлалось лишь въ пользу губернаторовъ и епископовъ, вынужденныхъ проѣзжать черезъ Парагвай во время инспекціонныхъ объѣздовъ. Впрочемъ, іезуиты съ необыкновеннымъ искусствомъ отдѣлывались отъ неудобнаго для нихъ надзора епископовъ и отбивали у нихъ охоту пользоваться своими пастырскими правами. Провинціалъ Гаррига далъ слѣдующую инструкцію: «Не слѣдуетъ препятствовать объѣздамъ епископовъ и ревизіямъ священниковъ, если они ограничиваются совершеніемъ таинствъ, повѣркою метрическихъ книгъ и другими формальными дѣлами; въ этой области они компетентны. Но если они вздумаютъ вторгаться въ нашу спеціальную область и контролировать насъ «de moribus et vita», то въ этомъ слѣдуетъ имъ препятствовать всѣми возможными юридическими средствами, въ силу нашихъ привилегій и той независимости, которая гарантирована намъ декретомъ Его Величества. Если они будутъ упорствовать въ намѣреніи контролировать то, что относится къ нашей жизни и нравамъ, то надо внушить индійцамъ, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не облегчали имъ этого

дѣла своими показаніями». Изъ этого выясняется, что всѣ достигавшіе въ Европу отчеты о Парагваѣ основывались исключительно на показаніяхъ іезуитовъ и были составлены для огражденія интересовъ ордена.

Ибаньезъ сообщаетъ намъ, что іезуиты дали Парагваю полную общественную, государственную, военную и экономическую организацію. Они строили арсеналы, установили суды, даже уголовные, издали законы объ одеждѣ, увеселеніяхъ и всѣхъ подробностяхъ жизни индійцевъ, сами руководили ихъ военными упражненіями и занимали военныя должности. Всѣмъ священникамъ было вмѣнено въ обязанность, чтобы ихъ приходы были всегда готовы къ войнѣ. За всякое упущеніе по этой части, приходскіе священники подвергались строжайшимъ взысканіямъ. Въ 1719 году, одинъ іезуитъ причинилъ сильный вредъ португальской колоніи, совершивъ на нее набѣгъ, во главѣ 600 хорошо вооруженныхъ индійскихъ всадниковъ; въ сраженіи были убытые и раненые, а побѣда ознаменовалась грабежомъ. Португальскій король обратился по этому поводу съ жалобой къ генералу Тамбурини, который въ 1720 г. запретилъ іезуитамъ такія отклоненія отъ устава.

По примѣру министровъ другихъ государствъ, іезуитскіе министры Парагвая предавались шумнымъ оргіямъ и разнузданному разврату. Главная цѣль іезуитовъ состояла въ томъ, чтобы оградить свое государство отъ всякихъ внѣшнихъ опасностей. Они держали своихъ подданныхъ въ глубочайшемъ невѣдѣніи обо всемъ, происходившемъ за предѣлами ихъ страны. Желая помѣшать слишкомъ частымъ сношеніямъ индійцевъ съ испанцами или другими иностранцами, они знакомили ихъ лишь самимъ поверхностнымъ образомъ съ испанскимъ языкомъ и наказывали тѣхъ, которые старались изучить его хотя бы практически. Во избѣжаніе возстаній, іезуиты держали индійцевъ на самой низшей ступени культуры и давали имъ лишь такое образованіе, которое соотвѣтствовало цѣлямъ ордена. Индійцы были рабами іезуитовъ во всѣхъ отношеніяхъ: внутреннее устройство жилища, одежда, пища, часы труда и отдыха, выборъ женъ, бракъ и религіозные обряды—все было строго регламентировано до мельчайшихъ подробностей; словомъ, индійцы были превращены въ какіе-то живые механизмы, лишенные всякой воли и личной иниціативы. Подчинивъ туземцевъ деспотической опекѣ, іезуиты держали ихъ кромѣ того на низкомъ экономическомъ уровнѣ и не давали имъ обогащаться. Религіозное образованіе представляло собой

не болѣе, какъ дрессировку въ дѣлѣ обрядовъ совершенно внѣшняго культа, который не могъ развивать душу и умъ. «Индіецъ,—говоритъ Ибаньезъ,—сѣетъ, жнетъ, изготовляетъ ткани и работаетъ, но не имѣетъ права ни ѣсть, ни пить, ни одѣваться безъ разрѣшенія іезуитскаго патера. Этотъ патеръ собираетъ все въ свою житницу подъ предлогомъ, что индіецъ не съумѣетъ располагать накопленнымъ достояніемъ и недостаточно зрѣлъ, чтобы заботиться о завтрашнемъ днѣ».

Наказанія, которымъ іезуиты подвергали индійцевъ, заключались въ молитвахъ, постахъ, публичномъ покаяніи, тюремномъ заключеніи и бичеваніи. Графъ Бобаделла, присутствовавшій самъ при одной изъ такихъ экзекуцій, писалъ въ Лиссабонъ: «Индійцы слѣпо повинуются іезуитскимъ патерамъ. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ индіецъ бросился на землю, по приказанію своего священника, смиренно получилъ 25 ударовъ кнута, а потомъ съ благоговѣніемъ благодарилъ патера и цѣловалъ у него руки. Эти несчастные живутъ въ болѣе тяжеломъ рабствѣ, чѣмъ негры, работающіе въ рудникахъ».

Налоги, которые испанская корона стала взимать съ Парагвая съ 1649 года, были очень незначительны; испанское правительство хотѣло только, чтобы парагвайскіе туземцы помогали ему защищать испанскія колоніи отъ непріятеля. Между тѣмъ произведенія почвы и промышленности давали іезуитамъ ежегодный доходъ въ $1^1/_2$ мил. пезетасъ.

Іезуитское государство продержалось въ полной неприкосновенности до 1750 года. Въ это время, іезуиты должны были уступить Португаліи часть своей территоріи, на основаніи трактата, заключеннаго этимъ государствомъ съ Испаніей. Они отказались исполнить этотъ параграфъ трактата и мобилизировали для защиты страны туземную армію въ 20,000 человѣкъ. Іезуиты оказали отчаянное сопротивленіе соединеннымъ силамъ Испаніи и Португаліи и были побѣждены лишь въ 1753 году; послѣ этого имъ пришлось покориться раздѣлу Парагвая между обоими государствами. Тѣ изъ туземцевъ, которымъ не удалось спастись бѣгствомъ въ дѣвственные лѣса, были уведены въ рабство, а съ іезуитами оба правительства поступили, какъ съ мятежниками.

Главное и весьма основательное обвиненіе, взводимое на іезуитскія миссіи, заключается въ томъ, что патеры эксплуатировали населеніе и собирали громадныя богатства. Подъ предлогомъ, что накопленіе богатствъ способствуетъ миссіонерскому дѣлу, Аквавива выхлопоталъ у Григорія XIII монополію

торговли въ восточной и западной Индіи. Іезуиты изобрѣли особую отрасль религіозной промышленности: они фабриковали и распродавали въ громадномъ количествѣ амулеты, будто бы исцѣлявшіе отъ всякихъ болѣзней: четки, разныя реликвіи, ладонки, воду Игнатія Лойолы и Франциска Ксаверія и т. д. Вскорѣ они стали соперничать въ области заокеанской торговли со свѣтскими негоціантами. Они основали конторы и факторія во всѣхъ частяхъ свѣта, а ихъ корабли плавали по всѣмъ морямъ съ колоніальными товарами. Мартенъ, главный начальникъ французской компаніи въ Пондишери, подробно описалъ спекуляціи іезуитовъ. Онъ говоритъ между прочимъ: «Не подлежитъ сомнѣнію, что, за исключеніемъ голландцевъ, іезуиты вели въ Индіи наиболѣе дѣятельную и успѣшную торговлю. На этомъ поприщѣ они далеко превзошли англичанъ и португальцевъ. Весьма вѣроятно, что нѣкоторые изъ нихъ отправляются въ Индію съ цѣлью проповѣдывать Евангеліе; но такихъ искреннихъ и восторженныхъ ревнителей христіанства не много, и они не принадлежатъ къ числу людей, посвященныхъ въ тайны Іезуитскаго ордена. Зато встрѣчается много истинныхъ іезуитовъ, которые не кажутся таковыми, потому что тщательно скрываютъ свою принадлежность къ Обществу Іисуса. Эти тайные іезуиты ведутъ обширныя торговыя предпріятія и прекрасно знаютъ, гдѣ доставать наилучшіе продукты. Они узнаютъ другъ друга по различнымъ условнымъ знакамъ». Другой отчетъ, составленный португальцемъ, констатируетъ, что іезуиты ведутъ оптовую и розничную торговлю виномъ и держатъ въ свою пользу кабаки. Зимой они ссужаютъ крестьянъ деньгами и хлѣбомъ, а въ уплату принимаютъ виноградъ, который достается имъ чрезвычайно дешево. Они изготовляютъ изъ него вино для собственнаго употребленія. «Я самъ,—говоритъ анонимный авторъ, котораго мы цитируемъ,—и многіе мои соотечественники можемъ удостовѣрить, что въ іезуитскихъ общежитіяхъ продаются голландское полотно, какао, сахаръ, кофе, фарфоръ, шоколадъ, платки, брабантское кружево, табакъ, шелковыя матеріи, бархатъ и т. д. Я знаю, что въ одной семинаріи устроенъ магазинъ галантерейныхъ товаровъ, въ которомъ продаются полотно, чулки, косынки и всякія мелочи. Великимъ постомъ въ этомъ магазинѣ торгуютъ всякими пирожками. Въ большіе праздники римскимъ булочникамъ запрещено печь хлѣбъ, и въ эти дни свѣжій хлѣбъ можно купить только въ іезуитскихъ семинаріяхъ». Въ Парагваѣ, какъ и вездѣ, и даже въ самомъ Римѣ, іезуиты занимались банко-

выми операціями и ростовщичествомъ. Кардиналъ Турнонъ утверждаетъ, что въ Китаѣ іезуиты брали за ссуды по 25, 27 и даже 100 процентовъ въ годъ. Въ письмѣ епископа Палафокса къ Иннокентію X (1649 годъ), читаемъ слѣдующее: «Ни одинъ орденъ, кромѣ Іезуитскаго, не занимался ростовщичествомъ, не устраивалъ въ церквяхъ банковъ, а въ орденскихъ домахъ—бойни и лавки, которыя не имѣютъ ничего общаго съ религіей. Ни одинъ орденъ не банкротился, не заключалъ торговыхъ трактатовъ и не велъ торговыхъ дѣлъ, къ великому соблазну свѣтскаго общества. Святѣйшій отецъ! Весь городъ Севилья погруженъ въ уныніе и проливаетъ слезы: вдовы, сироты, молодыя дѣвицы, не имѣющія покровителей, духовныя и свѣтскія лица горько жалуются на обманъ іезуитовъ. Они выманили у всѣхъ этихъ несчастныхъ 400,000 червонцевъ, употребили ихъ въ свою пользу и затѣмъ объявили себя банкротами. Что скажутъ еретики голландцы, торгующіе въ этомъ городѣ и на сосѣднихъ прибрежьяхъ, когда услышатъ жалобы на іезуитовъ? Что скажутъ нѣмецкіе протестанты, которые столь честно исполняютъ свои обязательства?» Іезуиты нашли еще другія средства къ пріобрѣтенію богатства. Мы уже упомянули, что они старались присвоить себѣ легальнымъ способомъ достояніе другихъ орденовъ; главныя ихъ усилія были направлены къ тому, чтобы выманивать наслѣдства и щедрыя пожертвованія. Хуаресу удалось защитить свой орденъ отъ такого рода обвиненій лишь тѣмъ, что онъ свалилъ нравственную отвѣтственность за неправыя дѣла на отдѣльныхъ членовъ ордена. Кажется, даже самъ Лойола не былъ особенно разборчивъ въ выборѣ средствъ къ обогащенію; объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: Лаинесъ жилъ при флорентинскомъ дворѣ, когда герцогиня готовилась разрѣшиться отъ бремени. Лойола приказалъ ему добиваться, чтобы, по примѣру королевы португальской, принцесса составила передъ родами завѣщаніе въ пользу Общества Іисуса.

Іезуитъ Мендоза признавался, что въ одной только Португаліи, благодаря щедрости короля, орденъ имѣлъ больше богатствъ, чѣмъ могъ бы пожелать самый любостяжательный человѣкъ. Въ эпоху упраздненія ордена, его годовые доходы съ однихъ только помѣстій превышали въ Испаніи $2^1/_2$ мил. франковъ, по исчисленію французскаго посланника, маркиза д'Оссёна. Въ Индіи богатства ордена были еще значительнѣе. Письмо епископа Палафокса къ Иннокентію X (1647 г.) даетъ

намъ понятіе о богатствахъ, которыми орденъ обладалъ въ Южной Америкѣ: «Всѣ богатства Южной Америки сосредоточены въ рукахъ іезуитовъ. Двѣ изъ ихъ коллегій имѣютъ нынѣ 300,000 барановъ, не считая крупнаго рогатаго скота. Въ Мексикѣ, гдѣ другіе ордена едва имѣютъ три сахарныхъ завода, іезуиты имѣютъ шесть самыхъ большихъ заводовъ и плантацій; одинъ изъ нихъ даетъ 100,000 червонцевъ годового дохода. Кромѣ того іезуиты имѣютъ огромныя фермы и чрезвычайно доходные серебряные рудники. Они до такой степени увеличиваютъ свое могущество и богатство, что, если будутъ продолжать въ такомъ-же духѣ еще нѣсколько времени, то духовенство будетъ просить у нихъ милостыни, свѣтскіе люди будутъ вынуждены наниматься къ нимъ въ услуженіе, а члены другихъ орденовъ сдѣлаются ихъ рабами». Лангъ разсказываетъ, что съ 1620 по 1700 г. орденъ получилъ въ одной только верхней Германіи отъ вновь поступившихъ членовъ 800,000 гульденовъ. Съ 1700 года пожертвованія стали еще изобильнѣе, потому что счетныя книги провинціи стали умалчивать о нихъ. Въ моментъ упраздненія ордена, іезуиты располагали капиталомъ, въ 10 разъ болѣе значительнымъ, чѣмъ казна римской куріи, въ самую блистательную эпоху папства.

Скандалъ, вызванный любостяженіемъ іезуитовъ, побудилъ, наконецъ, Урбана VIII и Климента IX издать буллы, которыя воспрещали имъ торговлю, подъ страхомъ самыхъ строгихъ церковныхъ наказаній.

По словамъ патера Равиньяна, іезуиты основали въ Азіи 145 миссіонерскихъ домовъ и проникли почти ко всѣмъ народамъ земного шара. Въ Африкѣ они пытались обратить въ христіанство Абиссинію и посылали своихъ миссіонеровъ въ Конго, на Мазамбикское прибрежье и въ пески Сахары. Въ моментъ упраздненія ордена, онъ имѣлъ въ Америкѣ 128 миссій. Кампбелль утверждаетъ, что, если бы дѣятельность іезуитовъ не была прервана политическими событіями, то они безъ сомнѣнія обратили бы въ христіанство Китай и Японію.

Само собою разумѣется, что упрекъ эксплуатаціи миссіонерскаго дѣла для финансовыхъ цѣлей не падаетъ на тѣхъ бѣдныхъ миссіонеровъ, которые считали долгомъ жертвовать жизнью за спасеніе душъ своихъ братьевъ. Въ рядахъ іезуитовъ было много благородныхъ и самоотверженныхъ людей, которые углублялись въ языческій міръ съ храбростью солдата, идущаго въ атаку съ яснымъ сознаніемъ предстоящей ему гибели. Банкрофтъ намекаетъ на этихъ безвѣстныхъ героевъ

и на ихъ безвѣстныя страданія, восклицая: «Трудно представить себѣ тѣ ужасы, которымъ подвергается всякій миссіонеръ, вступающій въ борьбу съ людьми и природой, чтобы проповѣдывать язычникамъ Евангеліе! Онъ долженъ бороться со всѣми неблагопріятными климатическими условіями, проходитъ черезъ снѣжныя пространства и воды, онъ лишенъ соотвѣтствующей пищи и часто долженъ замѣнять хлѣбъ толченымъ маисомъ и вреднымъ мхомъ скалъ; онъ работаетъ безъ устали, подвергается всякимъ опасностямъ, спитъ подъ открытымъ небомъ; онъ ежеминутно борется со всякими опасностями, постоянно имѣетъ въ виду перспективу вѣрной смерти въ тюрьмѣ, подъ топоромъ или на кострѣ. На вопросъ: угасъ-ли энтузіазмъ іезуитовъ отъ избіенія миссіонеровъ, я отвѣчу, что они никогда не отступали ни передъ какими опасностями и угрозами. Точно такъ-же, какъ храбрая армія выдвигаетъ новыя войска на мѣсто павшихъ, такъ и іезуиты шли впередъ подъ знаменемъ креста съ изумительною храбростью и героизмомъ».

Не слѣдуетъ забывать, что іезуитскія миссіи много способствовали обогащенію науки; онѣ познакомили Европу съ отдаленными народами, ихъ языками и нравами, имъ Европа обязана многими географическими открытіями и многими естественно-историческими коллекціями. Александръ ф. Гумбольдтъ разсказываетъ, что патеръ Романъ, начальникъ испанской миссіи, первый проникъ изъ бассейна Амазонки, т. е. отъ Ріо-Негро, въ бассейнъ Ореноко. Онъ также отзывается съ большой похвалой о проектѣ іезуитовъ превратить одинъ изъ культурныхъ языковъ Америки—перуанскій—въ языкъ всемірный; кромѣ того, они первые стали обучать индійцевъ языку, сходному съ ихъ нарѣчіемъ, если не по корнямъ, то по конструкціи и грамматическимъ формамъ; они создали, такимъ образомъ, живую связь между многочисленными племенами, которыя до тѣхъ поръ чуждались другъ друга и жили во взаимной враждѣ. Іезуитъ Францискъ Ксаверій распространилъ во Франціи тайну фабрикаціи китайскаго фарфора. Другіе члены ордена привезли въ Европу неизвѣстныя до тѣхъ поръ растенія и новыя лекарства, какъ хинная кора, ревень, ваниль и т. д.; поэтому хинный порошокъ назывался долгое время іезуитскимъ. Банкрофтъ утверждаетъ, что исторія іезуитскихъ миссій тѣсно связана съ возникновеніемъ каждаго города, прославившагося въ лѣтописяхъ французской Америки. Іезуиты были руководителями всѣхъ европейскихъ путешественниковъ, совершившихъ открытія въ за-океанскихъ странахъ.

Но всѣ эти геройскія усилія не увѣнчались прочнымъ успѣхомъ. «Опытъ трехъ вѣковъ,—говоритъ Дёллингеръ,—доказываетъ, что іезуиты не были счастливы въ своихъ предпріятіяхъ: имъ не благопріятствовало благословеніе Божіе. Они созидали съ неутомимымъ усердіемъ, но первая-же буря уничтожила ихъ гордое зданіе, или-же само зданіе подгнивало и рушилось подъ ихъ руками. Къ іезуитамъ болѣе всего примѣнима восточная пословица: «Трава перестаетъ расти на томъ мѣстѣ, куда турокъ ступитъ ногой». Іезуитскія миссіи въ Японіи, Парагваѣ, среди дикихъ племенъ сѣверной Америки погибли одна за другою.

Втеченіи короткаго времени они чуть не завладѣли всей Абиссиніей, но вскорѣ ихъ могущество рухнуло, и они были на вѣки изгнаны изъ страны. Отъ ихъ тяжкихъ трудовъ на Востокѣ, на греческихъ островахъ, въ Персіи, въ Крыму и Египтѣ едва осталось нынѣ смутное воспоминаніе.

ГЛАВА XIII.

Кипучая дѣятельность и быстрые успѣхи ордена.—Его сопротивленіе церковной реформѣ.—Іезуиты и Тріентскій соборъ.—Іезуиты и епископатъ.—Борьба Карла Борромея съ іезуитами.—Интриги Парсенса противъ англійскаго епископата.—Преслѣдованіе Карденаса, Палафокса и другихъ епископовъ.—Іезуиты и папы.

Обширная и разносторонняя дѣятельность ордена вызываетъ невольное изумленіе и производитъ впечатлѣніе самой колоссальной силы. Общество Іисуса задалось цѣлью завоевать весь міръ и подчинить его господству церкви, а для достиженія своей цѣли, оно не щадитъ усилій и не отступаетъ ни передъ какими жертвами. Орденъ обращаетъ еретиковъ и схизматиковъ, евреевъ и язычниковъ; возвращая папству утраченныя имъ страны, орденъ завоевываетъ новыя. Онъ воспитываетъ католическихъ государей и ихъ народы и оказываетъ рѣшительное вліяніе на политическую и общественную организацію народовъ; онъ стремится къ завоеванію всего міра и къ міровому могуществу. Одинъ іезуитскій генералъ сказалъ въ Парижѣ одному французскому герцогу: «Вотъ видите-ли, герцогъ, изъ этой комнаты я управляю не только Парижемъ, но и Китаемъ, не только Китаемъ, но и всѣмъ міромъ, и никто не понимаетъ, какъ это дѣлается». Если эти слова вымышленны, то тѣмъ не менѣе они очень похожи на истину. Католическая церковь никогда не имѣла болѣе могущественнаго ордена, чѣмъ Іезуитскій. Въ этомъ религіозномъ братствѣ воплощается воинствующій духъ церкви; оно задается самыми смѣлыми планами, а мужество его кажется непобѣдимымъ. Авторъ іезуитскаго сочиненія «Imago» не даромъ восклицаетъ: «Ученики Лойолы поняли бы знаменитое изреченіе одной спартанской женщины: «Со щитомъ или на щитѣ». Спартанскій способъ веденія войны долженъ быть усвоенъ и іезуитами». Члены ордена должны выказывать мужество не только въ дѣйствіяхъ,

но и въ страданіяхъ. «Есть-ли на землѣ хоть одна страна, восклицаетъ одинъ іезуитскій писатель, а въ этой странѣ хоть одна провинція, а въ этой провинціи хоть одинъ городъ, гдѣ Общество Іисуса не подвергалось бы преслѣдованіямъ, пыткамъ, оскорбленіямъ и изгнаніямъ!»

Черезъ 17 лѣтъ послѣ своего основанія, орденъ уже успѣлъ завоевать 12 провинцій, въ которыхъ открылъ 100 различныхъ учрежденій съ тысячью членовъ. Черезъ 70 лѣтъ послѣ своего основанія, онъ уже распространилъ свою дѣятельность на 32 провинціи, въ которыхъ имѣлъ 23 общежитія для исповѣдниковъ, 372 коллегіи, 41 домъ послушанія и 123 различныхъ общежитій, а число его членовъ возросло до 13,112 чел. Въ 1626 году орденъ уже господствовалъ надъ 39 провинціями и имѣлъ 15,493 члена, 803 дома послушанія, 467 коллегій, 63 миссіи, 165 общежитій и 136 семинарій. Въ 1749 году, общество Іисуса достигло апогея своего внѣшняго могущества: въ 39 провинціяхъ оно имѣло 22,589 членовъ, изъ коихъ 11,293 принадлежали къ духовному званію, 24 дома исповѣдниковъ, 669 коллегій, 273 миссіи (въ томъ числѣ и миссіи въ протестантскихъ странахъ), 176 семинарій, 61 новиціатъ и 335 другихъ учрежденій. Въ 1710 году іезуиты руководили преподаваніемъ богословія и философіи въ 80 университетахъ.

Имѣя такое могущественное положеніе въ католическомъ мірѣ и оказавъ папству столько услугъ, орденъ долженъ былъ неизбѣжно присвоить себѣ господство надъ церковью и самими папами: онъ долженъ былъ дойти до отрицанія всякаго авторитета въ церкви и вселить въ нее свой духъ. Громадное вліяніе ордена подавляло въ самомъ зародышѣ всякія преобразовательныя попытки, всякое благотворное обновленіе обрядовой стороны религіи, всякое движеніе на почвѣ науки, и подготовило провозглашеніе абсолютной власти папъ соборомъ 1870 г., т. е. привело къ разрушенію древняго строя церкви. Іезуиты не заблуждались на счетъ развращенія нравовъ и медленнаго угасанія религіознаго чувства въ народахъ; но они, конечно, не стали искать причины этихъ явленій въ заблужденіяхъ самой римской куріи и не присоединились къ тѣмъ, которые требовали радикальнаго преобразованія церкви. Въ обширной литературѣ ордена было-бы трудно найти какіе-либо отрывки, въ которыхъ проявлялось-бы сознаніе необходимости церковной реформы. На Тріентскомъ соборѣ, іезуиты Лаинесъ и Сальмеронъ явились самыми горячими защитниками всѣхъ излишествъ

всѣхъ захватовъ папства и съ негодованіемъ отвергли всякія ограниченія папской власти. Въ конгрегаціи 16 іюня 1563 года, Лаинесъ утверждалъ, что, такъ какъ римская церковь стоитъ выше всѣхъ другихъ мѣстныхъ церквей, то она имѣетъ право преобразовывать ихъ, но не можетъ быть преобразована ими, такъ какъ «ученикъ не можетъ стоять выше учителя». Кромѣ того онъ утверждалъ, что многіе люди считаютъ злоупотребленіемъ такія вещи, которыя, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются не только полезными, но и необходимыми. Онъ доказывалъ, что богатства церкви—дары Божіи, а слѣдовательно церковь можетъ располагать ими по своему усмотрѣнію; по его толкованію, налоги, взимаемые Римомъ, были божественнаго происхожденія.

Между тѣмъ какъ Лаинесъ и Сальмеронъ открыто возставали на Тріентскомъ соборѣ противъ всякихъ преобразовательныхъ попытокъ, другой іезуитъ, Канизій, противодѣйствовалъ имъ тайными интригами и уловками. Онъ отвратилъ Фердинанда I отъ преобразовательныхъ плановъ, которые тотъ самъ-же представилъ собору; образъ дѣйствій императора послужилъ примѣромъ для Испаніи и Франціи, и, благодаря проискамъ іезуитовъ, исходъ Тріентскаго собора былъ благопріятенъ интересамъ Рима. Между прочимъ, Лаинезъ возсталъ противъ предложенія испанскихъ епископовъ обязать всѣхъ князей церкви жить въ ихъ епархіяхъ и объявить это обязательство священнымъ долгомъ. Это предложеніе, чрезвычайно непріятное римской куріи, заключало въ себѣ убѣжденіе, что епископы поставлены прямо Христомъ, безъ посредства папъ. Результатомъ этого положенія было бы то, что епископы перестали бы считаться зависимыми отъ папской власти; потому-то римская курія и употребила всѣ усилія, чтобы соборъ отклонилъ предложеніе испанскихъ епископовъ. Произвольное удаленіе епископовъ изъ ихъ епархій было источникомъ глубокаго разврата. Папы, разрѣшавшіе епископамъ выбирать себѣ, по собственному усмотрѣнію, мѣста жительства, могли передать въ руки одного епископа нѣсколько епархій, что̀ и практиковалось. Вслѣдствіе этого, многіе епископы не знали своихъ епархій, не заботились объ ихъ духовныхъ нуждахъ и расточали свои громадные доходы тамъ, гдѣ имъ было веселѣе. Папскій деспотизмъ и казна римской куріи извлекали выгоды изъ этихъ злоупотребленій. Если бы предложеніе испанскихъ епископовъ было принято, то было бы значительно сокращено папское право отпущенія грѣховъ; папы потеряли бы возможность держать въ рукахъ кардиналовъ и епископовъ,

которымъ они давали по нѣсколько епархій, а кромѣ того они лишились бы значительнаго дохода отъ продажи отпущенія грѣховъ.

На Тріентскомъ соборѣ, Іезуитскій орденъ, въ лицѣ Лаинеса, выказалъ бо̀льшую заботливость о папскомъ господствѣ, чѣмъ о церкви; невозможно предположить, чтобы онъ отстаивалъ права папства по искреннему убѣжденію. Горячо ратуя за неограниченную власть папъ, Лаинесъ увлекся до того, что объявилъ гибельнымъ для церкви правильное сознаніе помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ: онъ утверждалъ, что помѣстные соборы особенно опасны, потому что они могутъ привести къ созванію національныхъ соборовъ, которые неминуемо подорвутъ авторитетъ церкви. Что-же касается вселенскихъ соборовъ, то они могутъ внести соблазнъ въ церковь, потому что люди упорные будутъ обращаться къ соборамъ съ жалобами на папъ. На Тріентскомъ соборѣ, іезуиты требовали только одной реформы весьма сомнительнаго достоинства, а именно реформы духовнаго образованія въ семинаріяхъ. Они хотѣли забрать въ свои руки все дѣло духовнаго образованія и воспитывать по-своему всѣхъ служителей алтаря.

Унижая въ теоріи власть епископа, іезуиты и на практикѣ относились весьма высокомѣрно къ ихъ сану и ихъ правамъ. Привилегіи, дарованныя ордену папами, давали его членамъ возможность освобождаться отъ епископской юрисдикціи. Іезуиты стали въ явно враждебныя отношенія къ епископамъ, такъ что весь епископатъ сталъ вскорѣ бояться могущества ордена. Кардиналъ архіепископъ Карлъ Борромей принялъ іезуитовъ съ величайшимъ доброжелательствомъ, щедро одарилъ ихъ и основалъ для нихъ роскошную коллегію въ Миланѣ, а кромѣ того устроилъ для нихъ общежитія въ Люцернѣ, Фрейбургѣ и другихъ мѣстахъ; тѣмъ не менѣе онъ былъ вынужденъ уступать имъ на каждомъ шагу и молча покоряться ихъ притязаніямъ и захватамъ. Іезуиты вознегодовали на Борромея за то, что онъ не отдалъ имъ въ исключительное завѣдываніе всѣ основанныя имъ многочисленныя семинаріи. Архіепископъ сталъ тормозить дѣятельность іезуитовъ, лишь только замѣтилъ, что они стараются привлечь въ свой орденъ всѣхъ даровитыхъ людей, отнимая такимъ образомъ лучшія силы у такъ называемаго свѣтскаго духовенства. Къ тому же, Борромей сдѣлалъ весьма печальное открытіе: его духовникъ, іезуитъ Рибера, которому онъ безгранично довѣрялъ, былъ уличенъ въ гнусномъ грѣхѣ педерастіи; другіе патеры миланской коллегіи

попались въ томъ-же преступленіи, которое практиковали въ стѣнахъ своего заведенія. Борромей со скандаломъ прогналъ Риберу и удалилъ почти всѣхъ іезуитовъ изъ основанныхъ имъ семинарій и воспитательныхъ заведеній. Когда въ Миланѣ стала свирѣпствовать чума, іезуиты, въ отместку архіепископу, отказались совершать духовныя требы при больныхъ и умирающихъ. Архіепископъ съ негодованіемъ жаловался на ихъ поведеніе. Всѣ эти происшествія сильно раздражали іезуитовъ; но ярость ихъ вышла изъ всякихъ предѣловъ, когда Борромей выхлопоталъ у Григорія XIII бреве, воспрещавшее имъ совращать въ свой орденъ воспитанниковъ архіепископскихъ семинарій. Кромѣ того Борромей объявилъ іезуитамъ, чтобы они не осмѣливались впредь нарушать его права, и потребовалъ отъ нихъ добросовѣстнаго соблюденія тѣхъ условій, на которыхъ они были допущены въ Миланъ. Іезуиты вступили въ союзъ съ испанскимъ губернаторомъ, злѣйшимъ врагомъ архіепископа. Одинъ изъ іезуитскихъ проповѣдниковъ, уличенный Борромеемъ въ самомъ разнузданномъ развратѣ, сталъ публично громить съ соборнаго амвона тѣ мѣры, которыя архіепископъ принималъ въ видахъ очищенія церкви и преобразованія ея администраціи. Борромей пожаловался на дерзкаго іезуита его начальству. Но вмѣсто того, чтобы подвергнуть его взысканію, ему дали повышеніе. Этотъ іезуитъ Маццарино былъ назначенъ проповѣдникомъ въ іезуитскую церковь, и на слѣдующій годъ Великимъ постомъ, онъ сталъ еще сильнѣе полемизировать противъ архіепископа, а остальные іезуиты стали распространять противъ него пасквили, переполненные самыхъ гнусныхъ клеветъ. Пользуясь своими верховными правами, Борромей запретилъ іезуитамъ говорить проповѣди и началъ противъ нихъ слѣдствіе. Орденъ обвинилъ архіепископа въ нарушеніи его привилегій, а генералъ предписалъ Маццарино оставаться на своемъ посту и продолжать проповѣди. По этому поводу завязался процессъ, кончившійся въ пользу архіепископа, который отправился въ Римъ для личной защиты. Къ этому времени относятся два письма Борромея къ папскому протонотаріусу Спеціано (отъ 16 до 19 апрѣля 1579 года). Въ первомъ изъ этихъ писемъ архіепископъ говоритъ, что уже давно предвидитъ неминуемое и быстрое паденіе ордена. Его тревожитъ главнымъ образомъ то, что старшины ордена отвергаютъ наиболѣе достойныхъ послушниковъ, принимая съ распростертыми объятіями ловкихъ и безсовѣстныхъ интригановъ, не имѣющихъ ни благочестія, ни добродѣтели. Во второмъ письмѣ

Борромей констатируетъ необходимость возможно скорѣйшаго преобразованія Общества Іисуса.

Всецѣло предавшись своимъ эгоистическимъ интересамъ, іезуиты попирали ногами высшіе интересы церкви; это видно изъ исторіи интригъ патера Парсонса противъ возстановленія епископской іерархіи въ Англіи. Католическое духовенство страны настоятельно требовало назначенія епископа. Парсонсъ понялъ, что учрежденіе епископства подорветъ вліяніе и господство ордена въ Англіи. Онъ добился назначенія архипресвитера, вмѣсто епископа, и провелъ на эту должность нѣкоего Блакуэлля, который былъ всецѣло преданъ ему и ордену. Когда въ Англіи распространилось извѣстіе объ этомъ рѣшеніи папы, то заинтересованныя лица сперва предположили обманъ и послали въ Римъ делегатовъ для разъясненія дѣла. Между тѣмъ Блакуэлль подвергъ церковнымъ наказаніямъ тѣхъ членовъ духовенства, которые отказывались повиноваться его юрисдикціи, и возмутилъ всю церковь. Прибывшіе въ Римъ делегаты были арестованы по извѣтамъ іезуитовъ и Парсонса, которые увѣрили папу, что они—члены мятежнаго духовенства. Папа поручилъ Парсонсу не только арестованіе делегатовъ, но и надзоръ за ними. Онъ отнялъ у нихъ тѣ бумаги, которыя они привезли съ собой, заключилъ ихъ въ отдѣльныя помѣщенія, подвергъ ихъ допросу, а вмѣсто ихъ показаній написалъ свои собственныя. Наконецъ, 27 февраля 1599 года, кардиналы Каетанъ и Боргезе сняли съ англійскихъ делегатовъ послѣдній допросъ и приговорили ихъ къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца. Между тѣмъ іезуиты вынудили у папы новое бреве, служившее подтвержденіемъ первому, вслѣдствіе чего англійскимъ делегатамъ и духовенству осталось только покориться. Впослѣдствіи Климентъ VIII узналъ, какъ нахально былъ обманутъ Парсонсомъ, и постарался исправить сдѣланное зло: 5 октября 1602 года онъ издалъ бреве, которымъ запретилъ Блакуэллю совѣщаться о духовныхъ дѣлахъ съ провинціаломъ іезуитовъ и другими членами ордена, и сообщать имъ о своихъ планахъ. Слѣдуетъ напомнить, что въ одномъ изъ своихъ сочиненій тотъ-же Парсонсъ предлагалъ слѣдующую комбинацію: если Англія возвратится въ лоно католицизма, то пусть папа соблаговолитъ отдать всѣ духовныя имущества въ управленіе іезуитамъ, и пусть ордену будетъ разрѣшено раздѣлить ихъ по своему усмотрѣнію. Кромѣ того онъ требовалъ, чтобы всѣмъ другимъ религіознымъ братствамъ было запрещено поселяться въ Англіи, подъ страхомъ строжайшихъ на-

казаній и чтобы папа отказался, втеченіи первыхъ пяти лѣтъ, отъ взиманія всякихъ доходовъ съ Англіи.

Въ одномъ итальянскомъ сочиненіи, появившемся вскорѣ послѣ описанныхъ событій, авторъ горько сѣтуетъ, что англійское духовенство всецѣло прониклось духомъ іезуитизма. Прежнее духовенство, не поддававшееся вліянію іезуитовъ, съ большимъ успѣхомъ обращало еретиковъ въ католицизмъ; но лишь только іезуиты завладѣли Англіей, число обращеній значительно уменьшилось. Несмотря на столь строгое обличеніе, іезуиты все-таки продолжали приписывать себѣ громадныя заслуги, по части миссіонерской дѣятельности въ Англіи.

Епископъ Карденасъ захотѣлъ посѣтить Парагвай, входившій въ составъ его епархіи: іезуиты объявили ему формальную войну, схватили его и увезли въ отдаленное мѣсто на какомъ-то отвратительномъ суднѣ. Ихъ образъ дѣйствій по отношенію къ Палафоксу, епископу ангелополисскому, въ Мексикѣ былъ еще возмутительнѣе. Они преслѣдовали епископа и его сторонниковъ до такой степени, что онъ былъ вынужденъ удалиться въ глухое, отдаленное мѣсто, гдѣ дожилъ отшельникомъ остатокъ своихъ дней. «Я ищу уединенія,—писалъ Палафоксъ Иннокентію X въ 1649 году,—я ищу въ обществѣ скорпіоновъ, змѣй и другихъ ядовитыхъ гадовъ, которыми переполнена страна, того міра и той безопасности, которыхъ не могъ найти въ непримиримомъ Обществѣ Іисуса. Что-же касается душевнаго спокойствія, то только самъ Іисусъ Христосъ или Вы, святѣйшій Отецъ, можете дать или возвратить его тому, на котораго ополчились іезуиты. Ихъ могущество въ церкви столь страшно, они пользуются столь необыкновеннымъ вліяніемъ и со всѣхъ сторонъ встрѣчаютъ такую безграничную покорность, а богатства ихъ такъ велики, что они возносятся выше всѣхъ сановниковъ, ставятъ себя выше всѣхъ законовъ, всѣхъ соборовъ и церковныхъ уставовъ».

Въ 1633 году, іезуиты открыли такія-же враждебныя дѣйствія противъ архіепископа Альманзи въ Новой Гранадѣ и архіепископовъ Гверрери и Прадо на островѣ Маниллѣ: первый осмѣлился отстаивать свои права отъ захватовъ ордена, а другіе возстали противъ системы іезуитовъ выманивать наслѣдства. Іезуитъ Рейфенбергъ разсказываетъ интересный фактъ, свидѣтельствующій о ненависти, которую всѣ питали къ ордену съ самаго его основанія. По его словамъ, настоятель одного монастыря со вздохомъ восклицалъ каждый разъ, когда рѣчь заходила о іезуитахъ: «A jesuitis et

calvinistis libera nos, Domine!» (отъ іезуитовъ и кальвинистовъ избавь насъ, Господи!)

Іезуиты были заклятыми врагами всякой доктрины, всякаго научнаго тезиса, который шелъ въ разрѣзъ съ ихъ цѣлями. Они утверждали, что только ихъ доктрина и ихъ ученіе были классическимъ выраженіемъ католическаго православія и потому должны были господствовать въ церкви. Они вели отчаянную борьбу всевозможными, самыми преступными средствами съ доктриной доминиканцевъ о благодати, со школой Поръ-Ройяля и съ галликанизмомъ. Они приходили въ негодованіе отъ преподаванія богословія свѣтскимъ духовенствомъ и отъ тѣхъ университетскихъ курсовъ богословія, въ которыхъ проявлялись свободныя вѣянія. Словомъ, они старались сломить всѣ препятствія, возникавшія на ихъ пути къ безусловному господству надъ церковью, и, по свидѣтельству исторіи, это имъ удавалось. Съ такою-же безмѣрною гордыней Іезуитскій орденъ возставалъ и противъ папскаго престола. Съ Павла III до Климента IV немногіе папы рѣшались идти на перекоръ іезуитамъ. Когда Павелъ IV захотѣлъ ввести въ богослуженіяхъ хоръ и ограничить трехлѣтнимъ срокомъ правленіе іезуитскихъ генераловъ, іезуиты ввели для вида хоры въ домахъ исповѣдниковъ, но отмѣнили ихъ тотчасъ послѣ смерти папы и избрали Лаинеса въ генералы—пожизненно. Когда Пій V сталъ настоятельно требовать возстановленія хоровъ, Францискъ Борджіа обѣщалъ исполнить это приказаніе тотчасъ послѣ окончанія ревизіи требниковъ; но папа умеръ, а ревизія все еще не была кончена. Сикстъ V, вышедшій самъ изъ Францисканскаго ордена, не терпѣлъ іезуитовъ. Онъ хотѣлъ отмѣнить названіе «Общество Іисуса» и дать ордену имя «Общество Игнатія», а кромѣ того произвести въ немъ нѣкоторыя преобразованія. Беллармнъ предсказалъ тогда, что папа не переживетъ 1590 годъ, и предсказаніе его сбылось. Климентъ VIII прибѣгъ къ угрозамъ, чтобы помѣщать іезуитамъ осудить его доктрину о благодати, но Беллармнъ предсказалъ ему, что онъ погибнетъ въ неравной борьбѣ: и дѣйствительно Климентъ VIII умеръ вскорѣ послѣ этого предсказанія. Когда Павелъ V вздумалъ осудить ученіе іезуитовъ о благодати, Аквавива сдѣлалъ ему слѣдующее заявленіе: «Если Ваше Святѣйшество рѣшитесь нанести ордену такое оскорбленіе, то я не поручусь ни за что: весьма вѣроятно, что 10,000 іезуитовъ возьмутся за перо, и противъ вашей буллы появится множество сочиненій, которыя бросятъ сильную тѣнь на Папскій Престолъ». Папы Урбанъ VII

и Клименты—IX, X и XI напрасно запрещали іезуитамъ заниматься торговлей: орденъ не обратилъ на эти запрещенія ни малѣйшаго вниманія. Когда, по иниціативѣ Урбана VIII, римская инквизиція осудила заблужденія, заключавшіяся въ сочиненіи патера Бони, парижскіе іезуиты тотчасъ выпустили новое изданіе этой книги; іезуитскіе казуисты стали прославлять осужденныя папою заблужденія, а испанскіе іезуиты осыпали инквизицію ругательствами, утверждая, что ея совѣтъ составленъ изъ невѣждъ и людей, запятнанныхъ всякими преступленіями. Какъ мы уже видѣли, папы Иннокентій X, Клименты IX, X, XI и XII, Иннокентіи XI, XII и XIII и Венедиктъ XIII напрасно громили своими буллами китайскіе обряды, примѣшанные іезуитами къ христіанскому культу. Орденъ и не подумалъ повиноваться. Климентъ XI напрасно публиковалъ одну буллу за другою и посылалъ легатовъ съ миссіей привести іезуитовъ къ покорности: они объявили буллы подложными и воздвигли гоненія на легатовъ. Они до такой степени преслѣдовали легатовъ Климента XII, что тѣ сдѣлались истинными мучениками. Наконецъ, іезуиты увѣнчали всѣ свои преступныя дѣянія, разыгравъ въ 1700 году изумительную комедію: они обратились къ китайскому императору съ жалобой на папскія буллы, заключавшія въ себѣ строгое порицаніе китайскихъ обрядовъ въ христіанскомъ богослуженіи. Императоръ, конечно, рѣшилъ спорный вопросъ въ пользу іезуитовъ и объявилъ, что въ китайскихъ обрядахъ нѣтъ ничего языческаго или суевѣрнаго.

Иннокентій XI осудилъ нѣсколько іезуитскихъ доктринъ о благодати и нѣсколько нравственныхъ тезисовъ, сочиненныхъ іезуитскими казуистами для вящшаго процвѣтанія ордена: въ отвѣтъ на это, іезуиты обвинили папу въ принадлежности къ янсенистской ереси и расклеили на всѣхъ парижскихъ церквяхъ патетическія воззванія, въ которыхъ приглашали вѣрующихъ молиться объ обращеніи папы на путь истины. Иннокентій XI запретилъ іезуитамъ принимать новыхъ послушниковъ, но они, конечно, не повиновались. Въ 1696 году Александръ VIII осудилъ іезуитскую доктрину о философскомъ грѣхѣ: тѣмъ не менѣе они продолжали преподавать эту доктрину въ своихъ коллегіяхъ. Иннокентій XII запретилъ называть янсенистами людей, не признанныхъ таковыми приговоромъ компетентнаго судилища; іезуиты съ негодованіемъ возстали противъ этого рѣшенія. Возмущенный систематическимъ сопротивленіемъ ордена, Иннокентій XIII задумалъ упразднить его; онъ запре-

тилъ іезуитамъ принимать новыхъ послушниковъ, разсылать миссіи и т. д., но смерть помѣшала ему исполнить свой планъ: внезапно распространился слухъ, что онъ былъ отравленъ. Климентъ XII напрасно громилъ молинизмъ ордена и его страсть къ торговлѣ; Венедиктъ XIV издалъ цѣлый рядъ буллъ, бреве и декретовъ, воспрещавшихъ іезуитамъ смягчать посты по собственному усмотрѣнію, заниматься торговлею и порабощать индійцевъ: іезуиты продолжали свое дѣло, какъ ни въ чемъ не бывало. Когда Климентъ XIII и Венедиктъ IX запретили сочиненія патера Берюйе, іезуиты стали распространять ихъ съ удвоеннымъ усердіемъ. Они обратили весьма мало вниманія на буллу Климента XIV объ упраздненіи ордена, и несмотря на угрозу отлученіемъ отъ церкви, продолжали жить въ качествѣ религіознаго братства въ Россіи и Пруссіи. Они сдѣлались орудіями Екатерины II противъ Рима и стали отстаивать ея церковно-политическія требованія въ дѣлѣ назначенія католическихъ митрополитовъ и епископовъ и запрещенія католическому духовенству исполнять приказанія папы и публиковать его декреты безъ разрѣшенія русскаго правительства. Благодаря вліянію іезуитовъ, католическіе епископы объявили, что признаютъ только власть русскаго правительства; они обязались не вести ни съ какой иностранной державой корреспонденцій о религіозныхъ вопросахъ и запретили католическимъ ксендзамъ совращать русскихъ въ католицизмъ. Въ книгѣ «Посмертное прославленіе Общества Іисуса», изданной въ 1814 году, іезуиты писали слѣдующее: «Императрица Екатерина съ большою осторожностью пользовалась при всякомъ удобномъ случаѣ правомъ всѣхъ государей благодѣтельствовать своимъ народамъ, запрещая іезуитамъ повиноваться папѣ». Изъ всего этого видно, что генералъ Іезуитскаго ордена не даромъ получилъ названіе «Чернаго папы», котораго противопоставляли «Бѣлому папѣ». Въ настоящее время, когда Іезуитскій орденъ безусловно господствуетъ надъ папой и епископами, это названіе болѣе вѣрно, чѣмъ когда-либо.

ГЛАВА XIV.

Авторитетъ Ѳомы Аквинскаго и богословіе ордена.— Ученіе іезуитовъ о папѣ и церкви.—Извращеніе традиціи и исторіи въ пользу верховенства папъ.—Мнѣніе іезуитовъ о Св. Писаніи.—Ученіе ихъ о міровомъ свѣтскомъ могуществѣ папы.—Юридическіе и политическіе принципы іезуитовъ. — Государственная теорія Маріанны. — Теорія воспитанія государей и правительственные принципы.— Ученіе Россеуса о народномъ господствѣ и о наказаніи еретическихъ государей. — Теорія іезуитовъ о цареубійствѣ.

Въ своемъ уставѣ Игнатій Лойола предписалъ коллегіямъ ордена преподавать схоластическое богословіе Ѳомы Аквинскаго. Но Лаинесъ постановилъ, что, если со временемъ появится богословское ученіе, болѣе соотвѣтствующее духу времени, то можно будетъ положить его въ основу преподаванія, послѣ всестороннняго изслѣдованія и согласія генерала. Правила преподаванія (ratio studiorum), предписывающія изучать сочиненія св. Ѳомы, дозволяютъ отклоняться отъ его доктрины въ нѣсколькихъ пунктахъ, между прочимъ, въ вопросѣ о зачатіи Дѣвы Маріи. Въ уставѣ было предписано назначать на каѳедры богословія лишь докторовъ, проникнутыхъ ученіемъ св. Ѳомы. Орденъ остался вѣренъ этимъ правиламъ, за исключеніемъ доктрины о милосердіи и объ иммакулатномъ зачатіи Дѣвы Маріи.

Ѳома Аквинскій первый создалъ доктрину о непогрѣшимости папы и его всемірной епископской власти. Его ввели въ заблужденіе подложные тексты, приписанные отцамъ церкви и соборамъ V вѣка; тексты эти были ловко поддѣланы однимъ римскимъ богословомъ, который, безъ сомнѣнія, принадлежалъ къ доминиканскому ордену. Урбанъ II сообщилъ ихъ Ѳомѣ, который ввелъ въ свое преподаваніе догматъ объ абсолютной монархіи папы. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ утверждаетъ, что папѣ принадлежитъ право опредѣлять вѣроученіе

церкви, рѣшать вопросъ о православіи и требовать «полноты власти» въ церкви. Эти воззрѣнія высказаны еще яснѣе въ сочиненіи «Противъ греческихъ заблужденій» (Contra errores Graecorum). Западный схоластикъ утверждаетъ въ этой книгѣ, что римскій первосвященникъ рѣшаетъ вопросы о доктринѣ вмѣсто самого Бога.

Іезуитскій орденъ присвоилъ себѣ это ученіе и развилъ его до самыхъ крайнихъ выводовъ. Въ своей знаменитой рѣчи на Тріентскомъ соборѣ (20 окт. 1562 г.) Лаинесъ объявилъ, что вся церковная юрисдикція сосредоточена въ рукахъ папы, и никто въ предѣлахъ церкви не имѣетъ власти, которая не исходила бы отъ первосвященника. Церковь возникла не самопроизвольно и не сама выработала свои уставы. Основанная Христомъ, она отъ него получила свои законы; она родилась въ рабствѣ, безъ свободы, безъ власти и юрисдикціи. Во время своей земной жизни, Христосъ управлялъ церковью съ самодержавною властью. Оставивъ землю, Христосъ назначилъ Петра и его преемниковъ своими замѣстителями и викаріями и облекъ ихъ тою властью, которая принадлежала ему самому. Онъ безусловно подчинилъ имъ церковь. Одному только Петру Христосъ сказалъ: «Паси моихъ овецъ», т. е. управляй стадомъ неразумныхъ животныхъ, лишенныхъ возможности управлять собою самостоятельно. Полное повиновеніе всѣхъ вѣрующихъ Христу должно оставаться обязательнымъ для всѣхъ будущихъ вѣковъ. Христосъ передалъ Петру драгоцѣнный даръ непогрѣшимости во всѣхъ вопросахъ вѣры и нравственности, и Петръ одинъ, предпочтительно передъ всѣми другими апостолами, получилъ рукоположеніе отъ самого Христа, тогда какъ апостолы восприняли его отъ Петра. *Всемірный* соборъ имѣетъ авторитетъ *Вселенскаго* лишь въ томъ случаѣ, если папа придастъ ему такое значеніе. На соборѣ папѣ принадлежитъ рѣшающій голосъ, а на соборѣ лежитъ лишь обязанность произнести свое да. Въ другой рѣчи (6 іюня 1563 г.), Лаинесъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: «Папа пользуется такимъ-же авторитетомъ, какъ Христосъ, такъ какъ государь и его намѣстникъ вездѣ имѣютъ одинаковую власть».

Такимъ образомъ, по толкованію Лаинеса, церковь не невѣста Христа, а его раба. Величайшіе богословы іезуитскаго ордена провозгласили поэтому слѣпое повиновеніе папѣ первымъ долгомъ всякаго вѣрующаго. Аргументируя въ пользу непогрѣшимости папы, Беллармин ставитъ гипотезу, въ сущности невѣроятную, что папа предписываетъ совершить явный

грѣхъ и запрещаетъ добродѣтель: «Въ этомъ случаѣ,—говоритъ онъ,—церковь должна была бы думать, что пороки превратились въ добродѣтели и наоборотъ». Но такъ какъ невозможно допустить что-либо подобное, то Беллармнъ смѣло провозглашаетъ непогрѣшимость папы.

Іезуитскій кардиналъ Паллавичини объявлялъ папу душою церкви, ибо, безъ папы, церковь была бы лишь мертвымъ тѣломъ. Іезуитская книга «Imago» утверждаетъ, что іезуиты истолковываютъ всякій жестъ папы и придаютъ ему таинственное значеніе. По мнѣнію іезуита Эрбермана, даже абсолютное невѣжество папы не можетъ служить аргументомъ противъ его непогрѣшимости. «Совершенно невѣжественный папа,—говоритъ онъ,—можетъ быть непогрѣшимымъ потому, что въ былое время Богъ избралъ ослицу, чтобы возвратить людей на путь истины». Какъ іезуитскій генералъ представляетъ собой разумъ, волю и совѣсть ордена, точно также папа совмѣщаетъ въ себѣ все это по отношенію къ церкви. «Іезуиты,—говоритъ Мёлеръ (Moehler),—считаютъ церковь государствомъ, въ которомъ вся власть принадлежитъ папѣ. Верховный первосвященникъ приводитъ въ движеніе все, а слѣдовательно, церковь представляетъ собой только богословскій механизмъ, лишенный всякой самостоятельной жизни. Іезуиты старались доказать свою теорію аргументами, извлеченными изъ исторіи, а такъ какъ древняя традиція не давала матеріала для этого, то они рѣшились даже на подлоги. Впрочемъ, этотъ пріемъ не представляетъ собой ничего новаго, потому что подлоги давно практиковались въ католической церкви. Между прочимъ, іезуиты горячо защищали подлинность ложныхъ исидоровскихъ декреталій и ссылались на нихъ, какъ на доказательство древности принципа непогрѣшимости и всемогущества папъ въ церковныхъ дѣлахъ. Іезуитъ Туріанусъ сочинилъ въ пользу системы папскаго всемогущества цѣлыя цитаты, будто бы извлеченныя изъ отцовъ церкви, а Беллармнъ часто ссылался на его авторитетъ, въ доказательство неопровержимости той-же системы; несомнѣнно доказано однако, что онъ прекрасно зналъ подлоги Туріануса. Кромѣ того Беллармнъ защищалъ многіе другіе подлоги и пользовался ими. За одно съ Бароніусомъ, онъ добился, при Климентѣ VIII, включенія въ новые требники наставленій, извлеченныхъ изъ подлоговъ, такъ какъ эти наставленія говорили въ пользу абсолютной власти папъ; кромѣ того, по настоянію Беллармина, были извращены тѣ мѣста сочиненій отцовъ церкви, въ которыхъ высказывались воззрѣнія, противо-

положныя теоріи папскаго абсолютизма. Шестой вселенскій соборъ, какъ извѣстно, осудилъ папу Гонорія: Белларминъ исключилъ имя этого папы изъ новаго требника; онъ сталъ утверждать, что всѣ акты синода, относящіеся къ этому моменту, были сочинены греками post factum, чтобы оправдать цѣлый рядъ восточныхъ патріарховъ, осужденныхъ за ересь, и поставить папу на одну доску съ ними. Белларминъ, Яннеръ и Грецеръ объявили подложными сочиненія Льва II, подтверждающія приговоръ надъ Гоноріемъ. Альфонсъ Пизанусъ составилъ цѣлую подложную исторію Тріентскаго собора, съ цѣлью усилить авторитетъ папъ. Въ первой половинѣ нашего вѣка, іезуитскій патеръ Реньонъ и другіе признали подлоги Туріануса или псевдо-Исидора и удостовѣрили, что церковная дисциплина измѣнилась, благодаря этому подлогу. Сантарелли позволилъ себѣ самый смѣлый подлогъ, чтобы доказать, на основаніи св. Писанія, законность свѣтской власти папъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ апостолъ Павелъ говоритъ, что Христосъ далъ своимъ апостоламъ духовную власть «для созиданія, а не для разрушенія», Сантарелли исключилъ отрицательную форму, вслѣдствіе чего вмѣсто первоначальнаго текста получилось нѣчто, совершенно иное, и вышло, что Христосъ далъ своимъ апостоламъ духовную власть «для созиданія и разрушенія». Этотъ подлогъ былъ совершенъ съ цѣлью внушить убѣжденіе, что Богъ далъ папамъ право возводить на престолъ и низлагать государей и располагать государствами.

Сдѣлавъ изъ папы живого оракула Божественной истины, іезуиты не могли отодвинуть на задній планъ Библію и преданіе. Іезуитскіе богословы стали высказываться весьма либерально о св. Писаніи и отцахъ церкви, но на самомъ дѣлѣ ихъ псевдолиберальныя идеи клонились лишь къ усиленію авторитета папъ, путемъ контраста. Іезуитское сочиненіе «Ratio studiorum» гласитъ, что св. Писаніе всецѣло внушено Св. Духомъ. Лувенскіе іезуиты высказали слѣдующій тезисъ: «Для того, чтобы цѣнить св. Писаніе, нѣтъ необходимости утверждать, что всѣ слова его были продиктованы Св. Духомъ; нѣтъ даже необходимости предполагать, что отдѣльныя истины или мнѣнія были внушены Св. Духомъ. Всякая книга св. Писанія, которая была составлена человѣкомъ, безъ помощи Св. Духа,— какъ напр., вторая книга Маккавеевъ—пріобрѣтетъ значеніе священной книги, если Св. Духъ объявитъ post factum, что она не заключаетъ въ себѣ никакихъ заблужденій». Кромѣ того іезуиты объявили, что не слѣдуетъ придавать таинствен-

наго значенія отдѣльнымъ словамъ и отрывкамъ св. Писанія.

По ученію Ѳомы Аквинскаго, въ дѣлахъ, касающихся спасенія души, человѣкъ долженъ повиноваться духовной, а не свѣтской власти, тогда какъ въ дѣлахъ, касающихся матеріальнаго и общественнаго благосостоянія, слѣдуетъ поступать наоборотъ. Но ему приписываютъ и сочиненіе «De regimine principum», въ которомъ онъ излагаетъ, на научныхъ основаніяхъ, систему преобладанія папской власти надъ властью свѣтскихъ государей. Это сочиненіе представляетъ собою смѣсь политическихъ принциповъ Аристотеля съ теократическими принципами папъ, а потому весьма сомнительно, чтобы эта книга была написана Ѳомой Аквинскимъ. Самъ Белларминъ сомнѣвается въ ея подлинности, но, несмотря на свои сомнѣнія, онъ все-таки принимаетъ изложенную въ ней теорію. Эта теорія не нова: она встрѣчается въ Ветхомъ Завѣтѣ, она была принята отцами церкви и великими богословами, предшественниками Ѳомы Аквинскаго, а затѣмъ ее примѣнили на практикѣ такіе папы, какъ Григорій VII, Иннокентій III и IV и Бонифацій VIII. Основная мысль вышеупомянутой книги заключается въ слѣдующемъ: ради сверхъестественной цѣли человѣка, необходима верховная власть, стоящая выше всякихъ свѣтскихъ правительствъ. Бразды этого высшаго правленія находятся въ рукахъ папы, который призванъ вести людей къ сверхъестественной добродѣтели и такимъ образомъ къ ихъ сверхъестественной цѣли. Въ силу этого, земные государи подчинены верховному первосвященнику. Послѣдній является царемъ царей всего міра; въ силу Божественнаго права, онъ имѣетъ духовную и свѣтскую власть на всей землѣ, и ему принадлежитъ право карать всѣхъ христіанъ и разрушать города и государства, ради сохраненія христіанства.

Іезуиты восприняли эти доктрины со всѣми ихъ логическими выводами. Нѣкоторые изъ нихъ изложили это ученіе въ формѣ, менѣе угрожающей самостоятельности государей и государствъ. Іезуиты Озорій, Азорій, Корнелій и Лапидъ утверждали, что папа имѣетъ непосредственную и абсолютную верховную власть, даже въ свѣтскихъ дѣлахъ, что ему принадлежитъ право повелѣвать государямъ, низлагать ихъ за грѣхи или неспособность, освобождать подданныхъ отъ присяги въ вѣрности, завѣщать владѣнія однихъ государей другимъ и приговаривать ихъ къ тюремному заключенію и даже къ смертной казни.

Сантарелли развилъ эту доктрину до крайнихъ предѣловъ съ одобренія іезуитскаго генерала Муція Вителлески. «Въ тотъ моментъ,—говоритъ Сантарелли,—когда Христосъ учредилъ папство, Онъ повергъ къ его стопамъ всѣхъ царей и всѣ царства земныя. Во имя правосудія, земные государи могутъ лишать людей тѣхъ благъ, которыя даровали имъ Богъ и природа; точно также папы, на основаніи Божественнаго полномочія, могутъ отнимать у нечестивыхъ и еретическихъ государей ихъ владѣнія». Мало того, Сантарелли считаетъ ересью мнѣніе, что папа можетъ только налагать духовныя кары, предоставляя земнымъ государямъ кары тѣлесныя.

Приноравливаясь къ измѣнившемуся политическому положенію, Беллармнъ, Молина, Сальмеронъ и другіе старались нѣсколько смягчить эти крайнія доктрины. Они стали требовать для папъ не прямого, а косвеннаго вліянія на свѣтскія дѣла; но это смягченіе приводило косвеннымъ путемъ къ тѣмъ-же результатамъ. По толкованію Беллармина, между духовною и свѣтскою властью существуетъ такое-же взаимное отношеніе, какъ между духомъ и тѣломъ. «Тѣло находится подъ господствомъ духа, который не вмѣшивается въ дѣйствія тѣла и дозволяетъ ему отправлять всѣ функціи. Тѣмъ не менѣе, духъ господствуетъ надъ тѣломъ, караетъ его, обуздываетъ его постомъ и воздержаніемъ, лишь только его дѣятельность начинаетъ мѣшать дѣятельности духовной. То-же самое относится къ духовной власти: она не должна вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла до тѣхъ поръ, пока этого вмѣшательства не потребуютъ высшія цѣли. Но лишь только свѣтская власть пойдетъ въ разрѣзъ съ этими цѣлями, то духовная власть должна карать ее всякими, наиболѣе дѣйствительными способами. Если того требуетъ спасеніе души, то папа имѣетъ право смѣнять свѣтскія правительства, отнимать власть у одного и передавать ее другому, издавать и отмѣнять свѣтскіе законы и судить королей, какъ высшая инстанція. «Конечный выводъ изъ этихъ доктринъ таковъ: если папа и императоръ издаютъ по одному и тому-же дѣлу противоположные законы, то императорскій законъ теряетъ свою силу передъ папскимъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о спасеніи души». Наконецъ, Беллармнъ объявляетъ совершенно категорически, что христіанамъ не дозволяется терпѣть на престолѣ государя-еретика или невѣрующаго, если онъ хочетъ совратить своихъ подданныхъ въ ересь или отвратить ихъ отъ религіи. Папа является высшею

инстанціей и рѣшаетъ вопросъ о примѣненіи этого правила къ отдѣльнымъ случаямъ. Отъ папы-же зависитъ рѣшеніе вопроса, подлежитъ-ли тотъ или другой государь низложенію или нѣтъ. Доктрина косвенной власти папъ навлекла на Беллармина гнѣвъ Сикста V, который запретилъ его книгу.

Подобно Беллармину, и Хуаресъ утверждаетъ, что, во имя вѣчнаго спасенія, папа можетъ отмѣнять законы и приговоры судовъ, разсматривать свѣтскія дѣла, запрещать государямъ несправедливыя войны, не дозволять терпимости по отношенію къ еретикамъ, понуждать государей карать ересь, низлагать государей и освобождать подданныхъ отъ присяги въ вѣрности. Поэтому Белларминъ и Хуаресъ энергично протестовали противъ присяги, которой Яковъ I потребовалъ отъ англійскихъ католиковъ и которую запретилъ Павелъ V: эта присяга представляла собой отрицаніе права папъ низлагать королей.

Іезуиты до настоящаго времени отстаиваютъ изложенныя нами доктрины, о чемъ свидѣтельствуютъ такія изданія, какъ Ватиканская газета «Civilta Cattolica». Маттео Либераторе издалъ особой книгой статьи, помѣщенныя въ названной газетѣ по этимъ вопросамъ. Авторъ этихъ статей утверждаетъ, что церковь имѣетъ право подчинять государство своей волѣ, даже въ свѣтскихъ дѣлахъ. Она можетъ исправлять и отмѣнять гражданскіе законы, приговоры свѣтскихъ судовъ, противиться злоупотребленіямъ исполнительной власти и вооруженной силы и можетъ также предписать войну для защиты христіанской религіи. Папа господствуетъ надъ всѣми государями и облеченъ правами всемірной и абсолютной юрисдикціи. Въ качествѣ намѣстника Христа, онъ совмѣщаетъ въ своей особѣ, какъ въ кульминаціонномъ пунктѣ, обѣ власти—свѣтскую и духовную. Онъ не только хранитель вѣчной истины, но и царь царей, господствующій надъ всѣмъ міромъ. Вслѣдствіе этого, земные владыки—подданные папы, а власть ихъ зависитъ отъ его милости. Верховному первосвященнику принадлежитъ право руководить ихъ дѣйствіями и запрещать имъ тѣ или другія мѣры, если того требуютъ Божественный законъ и спасеніе души. Вся масса вѣрующихъ составляетъ, по этому ученію, лишь одно царство, главою котораго является папа. Отношенія каждаго христіанина къ папѣ болѣе близки и тѣсны, чѣмъ отношенія каждаго изъ христіанъ къ гражданской власти. Вѣрующіе обязаны слѣпо повиноваться верховному первосвященнику, потому что Божественная власть и цѣль церкви

выше цѣли государства, которое представляетъ собой человѣческое учрежденіе. Въ заключеніе Маттео Либераторе объявляетъ, что булла «Unam Sanctam» и всѣ заключающіяся въ ней постановленія представляютъ собой догматическій декретъ ex cathedra.

Какъ извѣстно, Іезуитскій орденъ энергично защищалъ при всякомъ удобномъ случаѣ принципъ независимости духовенства отъ свѣтской власти. По ученію Беллармина, духовныя лица и клирики не могутъ признавать двухъ властей въ свѣтскихъ дѣлахъ, потому что Евангеліе запрещаетъ служить двумъ господамъ. Эммануилъ Саа придерживался той-же доктрины, утверждая, что, такъ какъ священникъ не подчиненъ никакой свѣтской власти, то онъ не можетъ быть виновенъ ни въ мятежѣ противъ короля, ни въ оскорбленіи величества. Іезуиты создали философію права, въ которой демократическая идея соединялась съ теократическою. По правдѣ сказать, эти теоріи представляютъ собою лишь повтореніе тѣхъ, которыя были изложены до нихъ папой и заключались въ книгѣ «De regimine principum». Григорій VII, Иннокентій III и Иннокентій IV относились съ большимъ пренебреженіемъ къ свѣтской власти и объясняли ея возникновеніе узурпаціей и насиліемъ: «Свѣтская власть—говорилъ Иннокентій IV, — имѣетъ самое низкое и нечестивое происхожденіе; нѣкоторыя лица возвысились посредствомъ разбоя и убійства и сдѣлались властителями и тиранами: вотъ происхожденіе свѣтской власти. Земныя царства достигаютъ легальной формы своего существованія лишь тогда, когда ихъ повелители подчиняются духовной власти и получаютъ изъ ея рукъ, какъ легальное достояніе, то, что безъ этого подчиненія имѣло бы характеръ насильственнаго захвата».

Сочиненіе «De regimine principum» запрещаетъ всякую попытку убійства или революціи, даже противъ самаго жестокаго тирана. Лишь въ томъ случаѣ, если народъ самъ выбралъ своего повелителя и предписалъ ему основнымъ закономъ правила правленія, этотъ народъ можетъ ограничить власть своего государя или отнять ее у него на законномъ основаніи, если король отказывается исполнить условія договора. Народъ можетъ прибѣгнуть къ этому способу и даже нарушить свое обѣщаніе вѣчной покорности, потому что, сдѣлавшись тираномъ, король заслужилъ такого наказанія.

На Тріентскомъ соборѣ, Лаинесъ, какъ мы уже говорили, доказывалъ въ своихъ рѣчахъ, что, по своей организаціи, цер-

ковь представляетъ собой абсолютную монархію. Въ той-же рѣчи онъ заявлялъ, что свѣтскія общины сами организуютъ свое правленіе, что, слѣдовательно, онѣ свободны, что въ нихъ самихъ заключается источникъ юрисдикціи, которую онѣ передаютъ своимъ властямъ, безъ потери собственнаго авторитета. Въ этихъ положеніяхъ Лаинесъ высказалъ, косвеннымъ образомъ, идею народнаго господства. Послѣ него, Беллармнъ училъ, что государство родится въ силу естественнаго закона, начертаннаго Богомъ въ умѣ людей, которые, на основаніи этого закона, и выбираютъ себѣ власть. По этой теоріи, государственная власть имѣетъ Божественное происхожденіе: она не принадлежитъ никакому лицу въ частности, а народу во всей его совокупности. Народъ передаетъ ее одному или нѣсколькимъ лицамъ, но всегда сохраняетъ право взять ее назадъ или передать ее другому лицу. Слѣдовательно, власть государей основана лишь на народномъ полномочіи или избраніи; но народы должны производить свой выборъ подъ руководствомъ папъ. Такимъ образомъ, по ученію Беллармина, законность государя зависитъ одновременно и отъ народнаго избранія, и отъ папской санкціи. Государь не получаетъ власть непосредственно отъ Бога, а лишь посредственно, черезъ папъ; онъ становится недостоинъ своей власти и своего высокаго сана, если дѣлается тираномъ или оказываетъ сопротивленіе приказаніямъ папы. Два законныхъ пути открыты для того, чтобы освободиться отъ дурного государя: онъ можетъ быть низложенъ самимъ народомъ или низвергнутъ папой.

Беллармнъ смягчалъ и ограничивалъ народное господство теократическимъ принципомъ; но за то Маріанна, проникнутый республиканскимъ духомъ классическаго міра, развилъ безъ всякихъ прикрасъ идею народнаго господства въ своемъ сочиненіи «De rege et regis institutione» («О короляхъ и королевской власти»). Онъ довелъ до самыхъ крайнихъ выводовъ идею законности народной самозащиты отъ тираніи. Странная вещь! Это сочиненіе, которое гораздо меньше читалось, чѣмъ подвергалось осужденію, было написано при дворѣ Филиппа II. Этотъ король поручилъ Маріаннѣ воспитаніе инфанта, который впослѣдствіи вступилъ на престолъ, подъ именемъ Филиппа III. Книга была издана съ одобренія Іезуитскаго ордена и испанскаго правительства. По желанію короля, Маріанна долженъ былъ воспитывать инфанта по принципамъ, изложеннымъ въ его книгѣ, чтобы онъ правилъ государствомъ на благо всему народу и не сдѣлался тираномъ.

Въ первой части своего сочиненія, Маріанна трактуетъ о политикѣ, во второй излагаетъ принципы воспитанія государей, а въ третьей говоритъ о познаніяхъ и добродѣтеляхъ, которыми долженъ обладать государь, желающій осчастливить свой народъ. Если оставить въ сторонѣ доктрину, оправдывающую убійство тирановъ, то мы будемъ вынуждены сказать, что Маріанна былъ искренно озабоченъ благомъ государей и народовъ. Всѣ его сочиненія проникнуты истиннымъ либерализмомъ. Онъ написалъ исторію своего отечества въ такомъ духѣ, что поистинѣ заслужилъ названіе испанскаго Тацита; онъ подвергъ строгой критикѣ орденъ, къ которому принадлежалъ, и злоупотребленія испанской администраціи при графѣ Лермѣ. Маріанна обвиняетъ послѣдняго въ различныхъ злоупотребленіяхъ и въ томъ, что при немъ была выпущена плохая монета. Обвиненіе было анонимное и втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ испанское правительство разыскивало виновника. Маріанна назвалъ себя самъ въ книгѣ: «De rege et regis institutione», и, по требованію графа Лермы, король приказалъ ввергнуть его въ тюрьму.

По примѣру Аристотеля, Маріанна объявляетъ, что, по природѣ своей, человѣкъ предназначенъ жить въ обществѣ. Государству, т. е. правильно организованному общежитію, предшествуетъ первобытное состояніе. Въ первоначальномъ своемъ видѣ, это первобытное состояніе еще чуждо всякихъ раздоровъ; это невинная и счастливая жизнь, въ которой человѣкъ руководствуется лишь естественнымъ инстинктомъ и предается матеріальнымъ наслажденіямъ. Въ этой фазѣ нѣтъ ни законовъ, ни правительства. Мало-по-малу появляются люди сильные, которые, съ помощью своихъ друзей, порабощаютъ слабыхъ и открываютъ эру угнетенія. Въ этомъ бѣдственномъ положеніи угнетенные соединяются подъ предводительствомъ человѣка справедливаго, на котораго возлагаютъ свою защиту и которому даютъ полномочіе связать ихъ общимъ закономъ. Такимъ образомъ возникаютъ гражданское общество и королевская власть. Монархія — самая древняя государственная форма. Въ началѣ король является лишь совѣтникомъ народа и пользуется неограниченною властью; но его захваты дѣлаютъ мало-по-малу необходимыми законы, ограничивающіе эту власть. За тѣмъ честолюбіе и жажда славы побуждаютъ государей угнетать свободные народы, расширяя и усиливая собственную власть.

Съ точки зрѣнія Маріанны, монархія, управляемая совѣ-

томъ способнѣйшихъ людей, является самою лучшею формой проявленія, потому что при ней правительственная власть дѣйствуетъ наиболѣе правильно. Онъ высказывается противъ монархіи съ избирательнымъ королемъ, но въ то-же время признаетъ и несовершенства наслѣдственной монархіи; онъ, однако, предпочитаетъ послѣднее по практическимъ соображеніямъ: по его мнѣнію, наслѣдственная монархія представляетъ болѣе вѣрныя гарантіи хорошей администраціи и сохраненія общественнаго порядка. Наслѣдникомъ престола долженъ быть старшій сынъ короля; если-же король оставляетъ только дочь, то основной законъ долженъ объявить ее наслѣдницей престола и она должна вступить въ бракъ съ самымъ просвѣщеннымъ и почтеннымъ изъ гражданъ.

Маріанна изображаетъ идеалъ короля, сопоставляя его съ тираномъ. Истинный король правитъ для блага своего народа, тогда какъ тиранъ имѣетъ въ виду только эгоистическія цѣли. Истинный король—отецъ своихъ подданныхъ; онъ правитъ ими кротко, гуманно и строгъ только къ преступникамъ. Онъ допускаетъ въ свою опочивальню всѣхъ нуждающихся и считаетъ своихъ подданныхъ дѣтьми, а не рабами. Онъ не слушаетъ льстецовъ, называющихъ его повелителемъ государства и отдѣльныхъ личностей, а считаетъ себя первымъ должностнымъ лицомъ своего государства, состоящимъ на жалованіи согражданъ. Всѣ его усилія направлены къ тому, чтобы сообразоваться съ желаніями гражданъ и заслужить любовь и преданность честныхъ людей. Король—первый гражданинъ государства; онъ зорко слѣдитъ за исполненіемъ законовъ и соблюдаетъ ихъ точно также, какъ и всѣ другіе граждане. Нѣтъ того закона, который былъ бы для него менѣе обязателенъ, чѣмъ для всякаго гражданина, потому что «большая часть законовъ издана не самимъ государемъ, а всею общиной, авторитетъ которой выше авторитета правителя; общинѣ принадлежитъ право предписывать и запрещать что-либо». Король, покровительствующій законамъ и уважающій ихъ, пользуется покровительствомъ и уваженіемъ своего народа: законная власть государя имѣетъ свой источникъ въ народѣ; она ограничена законами, которые не позволяютъ ей превратиться въ тиранію, и во всякомъ случаѣ верховная власть остается въ рукахъ народа. Слѣдовательно, когда весь народъ или его уполномоченные выражаютъ свою волю, то король не можетъ предписать противнаго. Народъ рѣшаетъ вопросъ о войнѣ и мирѣ, составляетъ законы и назначаетъ налоги; онъ-

же назначаетъ и наслѣдника престола. Народъ можетъ заставить короля исполнять изданные имъ законы и низложить съ престола правителя, который сопротивляется его волѣ, а въ крайнемъ случаѣ,—говоритъ Маріанна,—народъ можетъ даже произнести надъ королемъ смертный приговоръ. Усердно защищая права и благосостояніе народовъ, Маріанна увлекается до того, что объявляетъ законнымъ убійство тирана. Если государь подвергаетъ опасности свою страну, угрожаетъ религіи своихъ отцовъ и нѣтъ возможности возвратить его на путь истины, то народъ можетъ возстать противъ него, низложить его и даже убить, если нѣтъ другого средства защиты, потому что «государь, нарушающій справедливость и религію, уподобляется тирану». Если народъ лишенъ возможности возстать цѣлою массой, то всякому частному лицу позволительно совершить покушеніе на жизнь короля, не только открытою силою, но и тайными средствами, хитростью или ядомъ. «Недостойнаго короля всѣ должны преслѣдовать, какъ дикаго звѣря». «Въ тѣхъ случаяхъ, когда всякая надежда исчезла, а общественное благо и религія подвергаются опасности, было бы нелѣпо отрицать, что народъ имѣетъ право освободиться отъ тирана законными средствами или насиліемъ». Маріанна отзывается съ большимъ уваженіемъ о людяхъ, убивавшихъ тирановъ въ древности и о Жакѣ Клеманѣ, убійцѣ Генриха III. Онъ говоритъ, что поступокъ послѣдняго былъ благороденъ и заслуживаетъ вѣчной благодарности; по его мнѣнію, Жакъ Клеманъ «прославилъ на вѣки Галлію», убивъ короля и пріобрѣвъ неувядаемую славу. Чтобы оправдать Клемана, Маріанна разсказываетъ, что онъ рѣшился убить короля лишь послѣ совѣщанія съ богословами, которые сказали ему, что убить тирана—благое дѣло. «Дѣйствительно,—прибавляетъ онъ,—государственныя дѣла шли бы превосходно, если бы было много смѣлыхъ людей, которые, не колеблясь, ставили бы на карту свою жизнь и счастье для спасенія отечества. Если убійцамъ тирановъ удается спастись, то ихъ прославляютъ втеченіи всей жизни, наравнѣ съ героями; если-же они погибаютъ, то дѣлаются мучениками, къ которымъ благоволятъ люди и силы небесныя; ихъ благородная попытка оставляетъ лучезарное воспоминаніе въ умахъ людей».

Въ послѣдней главѣ первой части своей книги, Маріанна предписываетъ государямъ не вмѣшиваться въ религіозныя дѣла. Во второй части, онъ излагаетъ принципы воспитанія государей. По его мнѣнію, воспитаніе будущаго правителя—

самое важное государственное дѣло; въ воспитатели принцевъ слѣдуетъ выбирать самыхъ мудрыхъ и добродѣтельныхъ людей, способныхъ дѣйствовать на воспитанниковъ собственнымъ примѣромъ. Величайшія бѣдствія происходятъ обыкновенно отъ небрежнаго воспитанія принцевъ. Первая причина дурного воспитанія заключается въ томъ, что къ принцамъ обыкновенно приставляютъ кормилицъ, тогда какъ ихъ должна бы была кормить сама мать; кромѣ того, ихъ слишкомъ долго оставляютъ подъ женскимъ руководствомъ вмѣсто того, чтобы возможно скорѣе передать ихъ мужчинамъ. Что-же касается воспитателей, то они должны имѣть достаточно смѣлости, чтобы воспитывать наслѣдника престола, соотвѣтственно его призванію. Они должны избѣгать какъ излишней строгости, такъ и излишней снисходительности. Они должны поставить себѣ задачей внушить своимъ воспитанникамъ любовь къ возвышенному идеалу, презрѣніе ко всему низменному и земному и желаніе безкорыстно отдаться служенію государства. Что-же касается физическаго воспитанія, то слѣдуетъ избѣгать всякой роскоши и придерживаться скорѣе спартанской, чѣмъ сибаритской системы. Слѣдуетъ не размягчать, а закалять тѣло, и для этой цѣли прибѣгать къ гимнастикѣ, практиковавшейся въ классическомъ мірѣ. Принцъ долженъ упражняться въ бѣгѣ, верховой ѣздѣ и управленіи колесницей, въ стрѣльбѣ, плаваніи, фехтованіи и т. д. Этимъ упражненіямъ онъ долженъ предаваться въ обществѣ другихъ благовоспитанныхъ молодыхъ людей. Такая общность занятій создаетъ благородное соревнованіе, которое впослѣдствіи послужитъ стимуломъ полезныхъ и славныхъ дѣлъ.

Обученіе должно начинаться не ранѣе семилѣтняго возраста; прежде всего слѣдуетъ изучать родной языкъ, а затѣмъ латинскій. Саллюстій и Титъ Ливій должны быть настольными книгами юнаго принца, а затѣмъ онъ долженъ приступить къ изученію наблюденій Тацита надъ дворомъ и придворною жизнью. Знакомство съ древними и современными поэтами должно быть самое поверхностное, потому что внимательное изученіе поэтовъ могло бы принести только вредъ. Въ ранней юности принцъ долженъ изучать и музыку, но только ту, которая доставляетъ ясность духа, не возбуждая страсти. Въ періодѣ юношества, принцъ долженъ изучать риторику, логику, ариѳметику, геометрію и астрономію. «Созерцаніе неба возвышаетъ умъ и уравновѣшиваетъ душевныя силы, придавая

всему внутреннему существу ту сдержанность, которая составляетъ лучшее украшеніе правителя».

Однимъ изъ главныхъ занятій принца должно быть изученіе исторіи всѣхъ странъ и временъ; исторія научитъ его отличать благородные и великіе поступки отъ низкихъ и безнравственныхъ. Все это принцъ усвоилъ бы лучше всего въ общественныхъ заведеніяхъ; но такъ какъ такого рода воспитаніе не соотвѣтствуетъ его высокому положенію, то слѣдуетъ по крайней мѣрѣ не воспитывать его совершенно одного, въ полной замкнутости, чтобы изъ него не вышло оранжерейное растеніе, которое погибаетъ, лишь только его перенесутъ на открытый воздухъ. Для этого слѣдуетъ окружить принца товарищами, выбранными изъ аристократическихъ семействъ, или-же талантливыми и благовоспитанными юношами, въ обществѣ которыхъ онъ не чувствовалъ бы ни малѣйшаго стѣсненія. Не слѣдуетъ однако позволять, чтобы онъ оказывалъ кому-либо изъ товарищей особенное предпочтеніе, «потому что любимцы королей всегда были врагами общественнаго блага». Маріанна рѣшительно запрещаетъ пріучать принцевъ ко лжи и притворству. Будущій король долженъ, правда, молчать о своихъ планахъ, если этого требуетъ общественное благо; но онъ не долженъ говорить чего-либо противнаго истинѣ, потому что ложь никогда не можетъ быть полезна. Напротивъ, она вредна, потому что бросаетъ тѣнь на благородный характеръ и достоинство, которые составляютъ драгоцѣннѣйшее достояніе принцевъ. Нѣтъ большаго безумія, какъ мѣнять золото на желѣзо. Принцъ, привыкшій лгать, прослыветъ въ концѣ концовъ клятвопреступникомъ, и это пятно на его доброй славѣ отравитъ всѣ его частныя отношенія и государственныя дѣла, которыми ему придется заниматься. Кто пожелаетъ вступить въ союзъ съ государемъ, которому нельзя вѣрить? Кто отнесется съ уваженіемъ къ обѣщанію человѣка, который идетъ въ разрѣзъ съ истиной? Хитрость и двуличность рано или поздно обнаруживаются и Богъ не даетъ лжецу долго пользоваться счастьемъ, изъ-за котораго онъ кривилъ душой.

Государь долженъ быть другомъ истины и откровенности. Свято соблюдая свое слово, онъ добьется и вѣрности отъ своихъ подданныхъ. Онъ никогда не долженъ никого обманывать, даже ради собственныхъ интересовъ и даже въ тѣхъ случаяхъ, если ему придется имѣть дѣло съ двуличными людьми. Государь долженъ требовать величайшей правдивости отъ всѣхъ государственныхъ чиновниковъ и при-

дворныхъ. Онъ долженъ отвергать, какъ нѣчто презрѣнное, идею, что слѣдуетъ приноравливаться къ обстоятельствамъ или обманывать окружающихъ на счетъ своихъ намѣреній. Тѣмъ не менѣе онъ долженъ соблюдать нѣкоторую сдержанность и не совсѣмъ довѣрять честности окружающихъ. Всякая добродѣтель, облагороживающая простого мѣщанина, украшаетъ и государя. Пусть-же его наставники учатъ его умѣренности, воздержности, внушаютъ ему инстинктъ справедливости, упорство въ достиженіи цѣли, самообладаніе и царственное милосердіе, идущее объ руку съ справедливою строгостью, а главное пусть они развиваютъ въ немъ религіозныя чувства. Въ душѣ будущаго короля слѣдуетъ развивать любовь къ славѣ, основанной на прочныхъ благородныхъ и возвышенныхъ дѣлахъ. Маріанна желаетъ, чтобы короли были истинно религіозны, но не впадали въ ханжество и суевѣріе; онъ не желаетъ, чтобы они старались избѣгать грядущихъ событій, болѣзней и опасностей, какими-либо искусственными средствами—амулетами, заклинаніями и т. д.

Въ третьей части своей книги, Маріанна излагаетъ обязанности государей. Государь,—говоритъ онъ,—долженъ брать въ министры людей безкорыстныхъ, преданныхъ государству, даровитыхъ и отличающихся возвышеннымъ умомъ. Прежде, чѣмъ назначить министра, онъ долженъ изучить его частную жизнь, потому что поведеніе человѣка у домашняго очага проливаетъ яркій свѣтъ на весь его характеръ; кромѣ того, при назначеніи высшихъ чиновниковъ, государь долженъ сообразоваться и съ общественнымъ мнѣніемъ. Маріанна излагаетъ свое мнѣніе о дѣлахъ, которыя слѣдуетъ поручать министрамъ, и о томъ, какъ слѣдуетъ вознаграждать ихъ за услуги отечеству. «Государь долженъ вознаграждать одну только добродѣтель, гдѣ бы она ни встрѣчалась—въ хижинѣ или во дворцѣ. Такимъ образомъ, онъ, безъ сомнѣнія, пріобрѣтетъ уваженіе и симпатіи своего народа и избавитъ себя отъ многихъ непріятностей. Чѣмъ болѣе государь владѣетъ сердцами своихъ подданныхъ, тѣмъ болѣе онъ укрѣпляется на престолѣ».

Армія должна существовать не для охраны правителя, а для защиты государства; она не должна дѣлаться бременемъ для государства, а потому необходимо вербовать ее изъ сыновъ страны, а не изъ наемниковъ. Военнымъ, оказавшимъ услуги отечеству, слѣдуетъ воздавать надлежащія почести и позаботиться о судьбѣ ихъ вдовъ и сиротъ. Государь долженъ стараться о томъ, чтобы каждая война окупа-

лась сама собой; въ случаѣ необходимости, онъ самъ долженъ стать во главѣ арміи; военныя и даже гражданскія лица относятся презрительно къ государю, который не любитъ военнаго дѣла, а презрѣніе подданныхъ гибельно для государя. Напротивъ того, подданные и солдаты считаютъ какимъ-то высшимъ существомъ государя, который отправляется на войну и не боится трудовъ и лишеній бивуачной жизни: его окружаетъ ореолъ героя, стоящаго неизмѣримо выше простыхъ смертныхъ; всѣ классы общества молятся въ храмахъ о его благополучіи. Его примѣръ и руководство внушаютъ энтузіазмъ всѣмъ подданнымъ, каково бы ни было ихъ общественное положеніе; всѣ считаютъ позоромъ оставаться дома и нѣжиться, когда государь подвергается всѣмъ опасностямъ войны изъ-за блага и чести отечества. На глазахъ короля, солдаты смѣло бросаются въ опасности, считая преступнымъ щадить свою жизнь и кровь, когда затронуты интересы отечества и всѣми любимаго правителя.

Государь не долженъ расточать достоянія своего государства и долженъ подавать своему двору примѣръ бережливости. Въ правильно организованномъ государствѣ, главные налоги должны падать на предметы роскоши, а не первой необходимости; послѣдніе слѣдуетъ облагать самыми легкими налогами. Необходимо тщательно развивать торговлю, земледѣліе, промышленность и изящныя искусства, а главное всячески облегчать положеніе крестьянства. Слѣдуетъ строить новые удобные пути сообщенія и мосты, связывать между собою рѣки и воздвигать укрѣпленія на границахъ, расходуя на это государственныя сбереженія. Всякій мудрый государь долженъ заботиться о сохраненіи лѣсовъ. Государю вмѣняется также въ обязанность строить прекрасныя общественныя зданія и заботиться объ украшеніи частныхъ жилищъ и объ общественномъ здравіи. Богатые люди и духовенство должны жертвовать часть своихъ сокровищъ и дохода въ пользу бѣдныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Маріанна предлагаетъ учреждать благотворительныя заведенія для всѣхъ неимущихъ, сирыхъ и болящихъ; онъ особенно настоятельно напоминаетъ, что церковныя имущества должны быть присвоены своему первоначальному назначенію и расходоваться на благотворительныя цѣли. «Я не нахожу,—говоритъ Маріанна,—чтобы надо было отчуждать въ пользу государства имущества, которыя наши предки жертвовали служителямъ алтаря; но по-моему было бы хорошо, чтобы само духовенство употребляло свои имущества

съ большею пользою и больше сообразовалось бы съ намѣреніями нашихъ предковъ. Для государства и самаго духовенства было бы одинаково полезно, если бы церковныя имущества были поставлены въ распоряженіе бѣдныхъ. Какую громадную толпу несчастныхъ можно было бы прокормить доходами церковныхъ имуществъ и отъ какого непосильнаго бремени было бы освобождено населеніе страны при разумномъ расходованіи церковныхъ доходовъ, расточаемыхъ нынѣ на безпримѣрную роскошь! Можно было бы обойтись безъ постройки новыхъ больницъ и страннопріимныхъ дворовъ, если бы церковныя имущества употреблялись на полезныя дѣла!»

Государь долженъ препятствовать отдѣльнымъ лицамъ накоплять слишкомъ большія богатства, въ ущербъ другимъ гражданамъ; онъ не долженъ дозволять эксплуатацію бѣдняковъ. Министру финансовъ вмѣняется въ обязанность принимать въ мирное время надлежащія мѣры для предотвращенія голода во время войны. Заботливость о народномъ благѣ привлечетъ къ государю сердца народа.

Судебное дѣло должно быть поручено людямъ безукоризненно честнымъ и неподкупнымъ. Законодательство необходимо упростить насколько возможно, отмѣнивъ всѣ безполезные законы и изложивъ необходимые въ самой доступной формѣ. Слишкомъ обширный сводъ законовъ препятствуетъ правильному отправленію правосудія. Послѣ справедливости, король долженъ цѣнить выше всего честность.

Маріанна строго порицаетъ театръ, какъ мѣсто развращенія и обольщенія: онъ требуетъ, чтобы король не покровительствовалъ театрамъ и не посѣщалъ зрѣлищъ, чтобы не подавать дурного примѣра подданнымъ.

Въ концѣ книги, авторъ старается доказать, что различіе религіозныхъ вѣрованій ведетъ къ нарушенію общественнаго мира, вызываетъ междуусобныя войны, ослабляетъ страну извнѣ и порождаетъ множество всякихъ золъ. Поэтому король долженъ стараться сохранить въ своихъ владѣніяхъ единство религіи, подавляя въ самомъ зачаткѣ всякія вредныя новшества и истребляя зло въ самомъ корнѣ. Такимъ образомъ Маріанна заканчиваетъ свою книгу, полную свободныхъ и смѣлыхъ мыслей, косвеннымъ оправданіемъ инквизиціи и энергичнымъ протестомъ противъ свободы совѣсти.

Еще до Маріанны, въ 1592 году, одинъ іезуитъ опубликовалъ въ Антверпенѣ, подъ псевдонимомъ Руссеуса, книгу, подъ заглавіемъ «О христіанской республикѣ подъ правленіемъ

нечестиваго и еретическаго государя» («De justa reipublicae christianae in reges impios et hoereticos auctoritate»). Въ этой книгѣ, одобренной Іезуитскимъ орденомъ и испанскимъ королемъ, авторъ самымъ энергичнымъ образомъ громитъ еретическихъ государей и называетъ ихъ всѣхъ тиранами. Авторъ объясняетъ происхожденіе государства общественными инстинктами человѣка. Королевская власть и авторитетъ основаны на свободномъ выборѣ народа. Сознаніе права внушено людямъ самимъ Богомъ; избирая своего короля, народъ пользуется божественнымъ правомъ, а слѣдовательно королевская власть лишь косвеннымъ образомъ истекаетъ изъ божественнаго источника. Народное господство является источникомъ всякой власти, слѣдовательно народъ сохраняетъ свое право и свою власть по отношенію къ тираническому государю, а королевская власть подчиняется народному господству. Народъ имѣетъ право расширить, сократить и измѣнить сферу компетенціи королевской власти; онъ можетъ отмѣнить ее и избрать себѣ иную форму правленія. Только коронованіе епископомъ придаетъ королевской власти законность. Между христіанскими государями и народами существуетъ договоръ, на основаніи котораго король обязывается управлять, соблюдая справедливость и предписанія христіанскаго ученія, тогда какъ народъ обязывается повиноваться королю справедливому и праведному. Если король нарушаетъ это обязательство, то народъ eo ipso освобождается отъ обѣта послушанія и вѣрности и получаетъ право низложить короля, если онъ нарушаетъ общественное благо. Въ случаѣ низложенія короля, народъ черезъ избранныхъ имъ представителей самъ ведетъ свои дѣла. «Тотъ, кто отрицаетъ принадлежащее народу право передавать верховную власть другому роду,—пишетъ авторъ,—тотъ, кто навязываетъ христіанскимъ народамъ обязательство вѣчно повиноваться разъ избраннымъ государямъ, является не только врагомъ христіанскихъ государей и народовъ; онъ оскорбляетъ ихъ достоинство и унижаетъ величіе человѣческой природы; онъ будетъ осужденъ на вѣчное проклятіе, какъ отступникъ, оскорбившій величіе Божества». Что-же касается еретическихъ государей, то, по словамъ автора, они «изверги рода человѣческаго и, по св. Писанію, ихъ слѣдуетъ предавать смерти. Они не должны господствовать надъ христіанами, а христіанскіе народы не должны повиноваться имъ. Еретикомъ слѣдуетъ считать всякаго государя, который вмѣшивается въ церковныя дѣла, не истребляетъ осужденныхъ епископомъ

еретиковъ, дозволяетъ оспаривать рѣшенія соборовъ, отказывается истреблять еретическія книги, дозволяетъ еретическія собранія, отказывается публиковать постановленія соборовъ и не издаетъ законовъ, согласныхъ съ догматами церкви».

Такими доктринами іезуиты оправдывали всѣ возстанія и покушенія на жизнь еретическихъ государей, совершавшіяся по подстрекательству папскаго престола и испанскаго двора. Они возводили въ теорію практическіе пріемы папства, которые Филиппъ II поддерживалъ всѣми силами, такъ какъ они соотвѣтствовали его честолюбивымъ замысламъ. Павелъ III низложилъ съ престола Генриха VIII англійскаго; онъ освободилъ его подданныхъ отъ присяги въ вѣрности и открыто подстрекалъ ихъ къ войнѣ съ королемъ. Пій V поступилъ точно также по отношенію къ Елисаветѣ и, опубликовавъ свой декретъ, послалъ въ Англію своихъ клевретовъ, которые должны были умертвить королеву. Сикстъ V одобрилъ убійство Клемана, снова отлучилъ отъ церкви англійскую королеву и пригласилъ весь міръ поддержать Филиппа II въ войнѣ съ Англіей. Онъ поступилъ точно также по отношенію къ Генриху IV. Будучи главными защитниками папства, іезуиты не могли создавать теоріи, противорѣчащія образу дѣйствій папскаго престола. Доктрина, освящающая право активнаго сопротивленія и открытаго возстанія и проповѣдующая законность убійства тирановъ, встрѣчается во всей литературѣ Іезуитскаго ордена. Желая доказать основательность этой доктрины, іезуиты ссылались на Констанцскій соборъ, который осудилъ убійство, находящееся еще въ подготовительной фазѣ. Надо было принять какое-нибудь рѣшеніе относительно сочиненія францисканца Парвуса, защищавшаго герцога Бургундскаго, который убилъ герцога Орлеанскаго; въ своемъ сочиненіи, Парвусъ доказываетъ, что всякій имѣетъ право убить тирана. Синодъ, собравшійся въ Парижѣ, осудилъ и приказалъ публично сжечь это сочиненіе. Констанцскій соборъ, по требованію императора Сигизмунда, отвергъ ученіе объ убійствѣ тирановъ, но не осудилъ сочиненія Парвуса; напротивъ, онъ отмѣнилъ приговоръ Парижскаго собора. Такъ какъ ученіе Парвуса вызвало ожесточенный споръ, то было рѣшено обратиться къ только что избранному папѣ Мартину V, какъ къ высшей инстанціи; Мартинъ совсѣмъ не высказался о доктринахъ Парвуса. Говоря о констанцскомъ декретѣ, Маріанна утверждаетъ, что папы Мартинъ V, Евгеній IV и другіе не одобрили его, изъ чего

онъ выводитъ заключеніе, что доктрина Парвуса была признана папскимъ престоломъ.

Чтобы оправдать свое ученіе, Парвусъ ссылается на Ѳому Аквинскаго, но его сочиненія заключаютъ въ себѣ лишь весьма неопредѣленныя указанія по этому предмету. Въ своемъ сочиненіи «De regimine principum» онъ осуждаетъ убійство тирановъ. «Тѣ, кому король приносилъ присягу въ вѣрности, могутъ потребовать отъ него отчета въ неисполненіи взятыхъ имъ на себя обязательствъ,—пишетъ Ѳома Аквинскій;—но если между правителемъ и его подданными не существуетъ никакого договора, и если нельзя обратиться къ власти, стоящей выше власти тирана, то подданные должны ожидать спасенія только отъ Бога». Это ученіе составляетъ уже переходъ къ теоріи о пассивномъ повиновеніи; но противоположное мнѣніе высказывается въ одномъ отрывкѣ изъ комментаріевъ къ «Сентенціямъ». «Никто не обязанъ повиноваться узурпатору; его не только можно, но слѣдуетъ убить: такъ напр. Цицеронъ прославляетъ въ книгѣ «De officiis» убійцъ Юлія Цезаря, который сдѣлался тираномъ, присвоивъ себѣ самовольно власть императора». Далѣе говорится: «Когда нѣтъ возможности обратиться къ высшему авторитету противъ человѣка, насильственно захватившаго власть, то слѣдуетъ прославлять и награждать того, который убиваетъ тирана для освобожденія отечества». Впрочемъ, это ученіе смягчается въ другомъ сочиненіи, гдѣ говорится, что необходимъ общественный приговоръ для рѣшенія вопроса о томъ, необходимо-ли убійство тирана для общаго блага.

Джонъ Сальсбюри также утверждаетъ, что убійство тирана дозволено, если нѣтъ никакой возможности обуздать его. Право убійства принадлежитъ всякому, кто захочетъ поднять руку на тирана, стоящаго внѣ закона. Тираномъ онъ называетъ узурпатора и всякаго государя, который нарушаетъ законы и притѣсняетъ народъ. Впрочемъ, Сальсбюри рѣшительно запрещаетъ прибѣгать къ яду.

Нѣкоторые изъ папъ подготовили почву для вышеизложенныхъ доктринъ. Такъ напр., Урбанъ II говоритъ въ одномъ изъ своихъ декретовъ: «Убійцу человѣка, отлученнаго отъ церкви, слѣдуетъ подвергать лишь такому покаянію, которое соотвѣтствовало бы его намѣреніямъ и побужденіямъ. Вообще такого убійцу не слѣдуетъ считать преступникомъ. Если-же онъ руководствовался въ своемъ поступкѣ какимъ-нибудь не совсѣмъ чистымъ побужденіемъ, то на него слѣдуетъ налагать

извѣстное наказаніе». Комментаторы этого декрета объявили впослѣдствіи, что наказаніе налагается лишь условно, а не съ цѣлью предотвратить будущія попытки убійства. Сводъ декреталій гласитъ, что, если до пришествія Христа соблюдалось ветхозавѣтное предписаніе, по которому вѣрующіе должны были убивать язычниковъ по собственной иниціативѣ, то послѣ пришествія Спасителя оно должно соблюдаться еще строже, такъ какъ Христосъ подтвердилъ это предписаніе.

Іезуитское ученіе о законности убійства тирана основано на двухъ принципахъ: на принципѣ народнаго господства и верховной власти папъ. Сальмеронъ признаетъ за папой право предписать казнь государя. Валенсіа объявляетъ, что тираномъ слѣдуетъ считать всякаго государя, который присвоиваетъ себѣ высшую власть въ государствѣ; всякому принадлежитъ право убить его, если на него нельзя жаловаться высшей власти. Законные государи, злоупотребляющіе своею властью, также тираны; государственныя судилища имѣютъ право приговорить ихъ къ смертной казни. По ученію Хуареса, король, низложенный папой и народнымъ представительствомъ, можетъ быть убитъ первымъ встрѣчнымъ за попытку удержать за собою верховную власть. Другой іезуитъ Бузенбаумъ объявляетъ, что государь, отлученный папой отъ церкви, стоитъ внѣ закона и можетъ быть убитъ во всякую данную минуту, такъ какъ папская юрисдикція распространяется на весь міръ.

Появленіе книги Маріанны и послѣдовавшее затѣмъ убійство Генриха IV вызвало сильнѣйшее негодованіе во Франціи. Сорбонна строго осудила книгу Маріанны, а парламентъ приказалъ сжечь ее. Вслѣдствіе этого, генералъ Аквавива былъ вынужденъ опубликовать декретъ, воспрещавшій «для вида» и подъ страхомъ отлученія отъ церкви и отрѣшенія отъ всякихъ должностей, членамъ Общества Іисуса заявлять въ частныхъ бесѣдахъ, публичныхъ рѣчахъ и сочиненіяхъ, что цареубійство дозволено и законно. Редакція этого декрета чрезвычайно двусмысленна: въ немъ не предписывается запрещать цареубійства, а только воспрещается провозглашать его закономъ. Несмотря на этотъ декретъ, Общество Іисуса продолжало одобрять цареубійство въ своихъ сочиненіяхъ. Самъ Аквавива одобрилъ книгу Маріанны, изданную въ Майнцѣ, въ 1609 году, съ его разрѣшенія. Сальмеронъ и Грецеръ посвятили ему свои сочиненія, въ которыхъ прославляли цареубійство. Черезъ 4 года, послѣ декрета Аквавивы, оракулъ

Общества Іисуса, Хуаресъ, который писалъ подъ непосредственнымъ руководствомъ генерала, объявилъ, что всѣ католики приняли іезуитскую доктрину о цареубійствѣ. Беканусъ, Коттонъ, Ришеомъ и друг. подтвердили это заявленіе Хуареса: по ихъ словамъ, іезуитское ученіе о цареубійствѣ составляетъ нераздѣльную часть католической религіи и преподается всемірною христіанскою церковью. Дѣйствительно, Римъ никогда не осуждалъ этого ученія. Сарпи дѣлаетъ на этотъ счетъ слѣдующее замѣчаніе: «Римская курія никогда не осудитъ іезуитскаго ученія, потому что величайшая тайна ея господства заключается въ ея умѣніи отдѣлываться отъ своихъ явныхъ враговъ и держать въ страхѣ и повиновеніи тѣхъ, которые сдѣлались бы опасными, если бы осмѣлились эманципироваться».

Римская курія приняла подъ свое покровительство какъ ученіе о цареубійствѣ, такъ и іезуитскую доктрину о верховной власти папства въ свѣтской и духовной области. Знаменитая книга Сантарелли объ этомъ предметѣ вызвала всеобщее негодованіе противъ Іезуитскаго ордена, вслѣдствіе чего іезуитскій генералъ Вителлески опубликовалъ 13 августа 1626 года декретъ, воспрещавшій всякія разсужденія объ этомъ вопросѣ. Но на слѣдующій-же годъ появилось сочиненіе Адама Таннера, одобренное германскимъ провинціаломъ и самимъ-же Вителлески: въ этомъ сочиненіи была изложена доктрина верховной власти папства. Эту доктрину преподавали втеченіи XVII вѣка Корнелій Лапидъ, Лессіусъ, Де-Кастро, Беканусъ и Эскобаръ; она преподается и до настоящаго времени.

ГЛАВА XV.

Іезуиты и инквизиція; вѣра ихъ въ колдовство.—Доктрина благодати и свободной воли.—Развитіе казуистики, пробабилизмъ и различныя другія доктрины.—Примѣры іезуитской казуистики.—Политика въ религіозномъ дѣлѣ.—Климентъ VIII и шпіонство іезуитовъ посредствомъ исповѣди.

Изъ верховной власти папъ въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ вытекаетъ право уголовной юрисдикціи. Римскіе первосвященники всегда требовали этого права по отношенію къ государямъ, правителямъ и народамъ, задаваясь главнымъ образомъ цѣлью карать за вѣроотступничество. Иннокентій III воздвигъ крестовый походъ противъ альбигойцевъ и организовалъ судилище инквизиціи; его преемники развили это ужасное учрежденіе и увеличили налагаемыя имъ наказанія, а Иннокентій IV ввелъ пытку. Болѣе 50 папъ торжественно одобрили инквизицію. Въ своей буллѣ противъ Лютера, Левъ X объявляетъ сожженіе еретиковъ величайшимъ подвигомъ, совершаемымъ во имя Св. Духа. Ѳома Аквинскій оправдываетъ смертные приговоры надъ еретиками, заявляя, что гораздо преступнѣе искажать вѣру, дающую спасеніе души, чѣмъ поддѣлывать монету, служащую для матеріальныхъ потребностей. Если государи совершенно основательно караютъ смертью фальшивыхъ монетчиковъ, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ слѣдуетъ отлучать отъ церкви и истреблять еретиковъ.

Лойола высоко цѣнилъ инквизицію и считалъ ее превосходнымъ средствомъ искоренять ложныя религіозныя ученія; онъ только, ради приличія, выразилъ желаніе, чтобы Общество Іисуса не принимало участія въ трудахъ инквизиціоннаго судилища: это выясняется изъ письма, которое онъ писалъ къ Іоанну Португальскому. Король желалъ, чтобы іезуиты приняли должность судей при лиссабонской инквизиціи; духовникъ его, патеръ Миронъ, сперва отказалъ ему въ этомъ, но такъ

какъ король сталъ настаивать, то Миронъ обратился за совѣтомъ къ Лойолѣ. Послѣдній отвѣчалъ письмомъ отъ 20 іюня 1555 года, что, послѣ совѣщаній съ нѣкоторыми членами ордена, онъ рѣшилъ предоставить дѣло на усмотрѣніе короля: орденъ готовъ подчиниться его рѣшенію, будучи увѣренъ, что это рѣшеніе будетъ содѣйствовать прославленію Бога. «Такого рода обязанности не противорѣчатъ духу нашего учрежденія, а потому общество не имѣетъ основанія отказать въ своихъ услугахъ дѣлу, которое столь сильно затрогиваетъ чистоту государственной религіи. Во всякомъ случаѣ было бы желательно, чтобы ваше величество испросили у папы приказаніе членамъ ордена участвовать въ инквизиціонныхъ судилищахъ; это избавило бы насъ отъ многихъ затрудненій и хлопотъ. Для насъ было бы также очень полезно, если-бы вы написали къ нашему покровителю, кардиналу Карпи, нынѣ декану инквизиторовъ, и легату кардинала, на котораго слѣдовало бы возложить порученіе довести дѣло до желаннаго исхода. Если вы рѣшите никому не писать, то тѣмъ не менѣе орденъ сдѣлаетъ все, что вы прикажете во славу Божію. Если ваше величество найдете, что можно начать дѣло, не дожидаясь отвѣта папы, то, въ ожиданіи этого отвѣта, одинъ или два іезуита могутъ временно исполнять вышеупомянутыя обязанности. Во всякомъ случаѣ—повторяю—воля вашего величества будетъ исполнена во всѣхъ отношеніяхъ».

Это письмо чрезвычайно характеристично, какъ доказательство, до какой степени Лойола спѣшилъ захватить для своего ордена важныя должности португальскихъ инквизиторовъ. Онъ указываетъ королю всѣ средства, которыми можно добиться папскаго согласія; но затѣмъ тотчасъ-же сбрасываетъ маску притворной покорности папскому престолу и объявляетъ въ заключеніе, что іезуиты, во что бы то ни стало, исполнятъ желаніе короля. Планъ Лойолы не осуществился.

Въ бреве отъ 10 сентября 1584 года, Григорій XIII освободилъ Іезуитскій орденъ отъ инквизиторскихъ обязанностей Въ 1589 году Филиппъ II потребовалъ, чтобы іезуиты отказались отъ всѣхъ привилегій, данныхъ ихъ ордену для искорененія ереси въ Испаніи; генералъ и пятая общая конгрегація, созванная въ 1593 году, должны были покориться требованію короля. Конгрегація запретила всѣмъ членамъ ордена, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, предлагать, подъ какимъ бы то ни было видомъ, свои услуги инквизиціонному суди

лищу. Но, хотя орденъ и предоставилъ другимъ гнусное инквизиторское дѣло, тѣмъ не менѣе онъ усвоилъ себѣ доктрину насильственнаго обращенія еретиковъ. Салеллесъ, Тамбурини, Сантарелли, Эскобаръ и другіе проповѣдывали самые возмутительные принципы инквизиціи. «Еретикъ,—говоритъ Эскобаръ,—будетъ отлученъ отъ церкви, бракъ его будетъ расторгнутъ, его помѣстья, хотя-бы маіоратныя, будутъ конфискованы; у него будутъ отняты всѣ гражданскія права, а, въ случаѣ упорства, онъ будетъ преданъ смертной казни. Дѣти еретиковъ будутъ также подвергаемы наказаніямъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, если они донесутъ на своихъ родителей. Инквизиторы не должны содержать дѣтей еретика на доходы съ его конфискованнаго имущества». Въ другомъ мѣстѣ, Эскобаръ объявляетъ, что сынъ не долженъ содержать своего, впавшаго въ нищету отца, если этотъ отецъ пытался совратить его въ ересь. Онъ утверждаетъ далѣе, что не слѣдуетъ соблюдать ни одного изъ распоряженій свѣтскихъ государей, если эти распоряженія направлены къ ограниченію юрисдикціи инквизиціи; инквизиторы могутъ заставить королей отмѣнить эти декреты, запугавъ ихъ отлученіемъ отъ церкви. Свидѣтельскія показанія одного лица считаются достаточными, чтобы доказать виновность въ ереси и мотивировать примѣненіе пытки; противъ еретиковъ принимаются даже свидѣтельскія показанія лицъ, приговоренныхъ къ лишенію гражданскихъ правъ. Если въ судилище представлено нѣсколько еретиковъ, то пыткѣ подвергается прежде всего самый робкій изъ нихъ, такъ какъ у него скорѣе можно вынудить признаніе. Уставъ инквизиціи дозволялъ пытать беременныхъ женщинъ за шесть недѣль до ихъ разрѣшенія. Если еретику обѣщано прощеніе, чтобы вынудить у него признаніе, то послѣ признанія онъ все-таки долженъ быть наказанъ.

По свидѣтельству Аллоза, имущества дѣтей лицъ, осужденныхъ инквизиціей, подвергались конфискаціи, причемъ никто не былъ обязанъ содержать несчастныхъ малютокъ; но изъ чувства состраданія, инквизиція заботилась о нихъ по-своему; она отдавала дѣвочекъ на воспитаніе честнымъ женщинамъ, а мальчиковъ помѣщала къ мастеровымъ, а въ случаѣ ихъ болѣзни или немощи, давала имъ скудное содержаніе; закоснѣлые еретики всегда предавались смертной казни, а тѣмъ, кто оказывалъ еретикамъ гостепріимство, покровительство или какую-либо поддержку, грозили изгнаніе, тѣлесное наказаніе или ссылка на галеры; имущества ихъ также конфисковались.

По ученію Факундеса и Эскобара, «добрые христіане и католики должны доносить на своихъ родителей-еретиковъ, хотя бы они и знали, что за это имъ предстоитъ смертная казнь. Имъ дозволяется отказывать родителямъ въ пропитани, если родители пытаются отнять у нихъ вѣру. Мало того: если, для совращенія своихъ дѣтей въ ересь, родители прибѣгаютъ къ насилію, то дѣти имѣютъ право убить ихъ». Тамбурини проповѣдуетъ, что позволительно изгонять язычниковъ изъ ихъ собственнаго отечества единственно за то, что они язычники. Впрочемъ, имъ можно предоставить на выборъ: обратиться въ христіанство и остаться въ странѣ, или продать свои имущества и идти на всѣ четыре стороны.

Іезуитское сочиненіе «Ratio Studiorum» запрещаетъ приходящимъ воспитанникамъ коллегій посѣщать публичныя увеселенія и зрѣлища, но разрѣшаетъ имъ смотрѣть на казнь еретиковъ. Современные іезуиты прославляютъ инквизицію, какъ «высшую форму общественнаго совершенства», и считаютъ вызываемое ею всеобщее отвращеніе симптомомъ пагубнаго смѣшенія идей. Тотъ, кто не признаетъ за церковью права подвергать отщепенцевъ тѣлеснымъ наказаніямъ и приговаривать ихъ къ смертной казни, возстаетъ противъ самаго Бога. Іезуиты единогласно требовали самыхъ строгихъ наказаній—штрафовъ, тюремнаго заключенія и изгнанія для вѣроотступниковъ и еретиковъ; они ссылались, для подтвержденія своихъ мнѣній, на декреты вселенскихъ соборовъ и утверждали, что чисто духовныя наказанія не достигаютъ цѣли, потому что они недостаточно чувствительны. Іезуиты въ значительной степени способствовали распространенію вѣры въ магію и колдовство, и на нихъ падаетъ отвѣтственность за смерть многихъ тысячъ невинныхъ жертвъ инквизиціи. Книга Дель Ріо «Disquisitiones magicae», изданная, съ одобренія Іезуитскаго ордена въ 1599 году, дала новый толчекъ преслѣдованію колдовства. По словамъ Сольдана, Дель Ріо былъ самый опасный и хитрый врагъ колдуній; онъ критиковалъ одну изъ сторонъ суевѣрія, чтобы съ большимъ успѣхомъ внушить людямъ другую. Въ настоящее время, Гюри, излагая свои доктрины, утверждаетъ, что существуютъ магія и колдовство, что возможно наносить вредъ другому, съ помощью дьявола и толкуетъ о сношеніяхъ съ демономъ. Правда, іезуитъ Таннеръ вступился за колдуновъ и выступилъ въ пользу смягченія ихъ участи, но его чуть не заподозрили самого въ колдовствѣ. Слѣдуетъ признаться, что не іезуиты выдумали суевѣріе и не

они-же вызвали обусловленныя имъ гоненія; и то, и другое возникло въ средніе вѣка, по иниціативѣ папъ и ихъ богословъ, въ томъ числѣ и Ѳомы Аквинскаго. Въ 1484 году появилась знаменитая булла Иннокентія VIII о колдунахъ, а пять лѣтъ спустя инквизиторы Шпренгеръ и Институрисъ опубликовали знаменитую книгу «Malleus Maleficarum»; въ сравненіи съ этой книгой, элукубраціи Дель-Ріо кажутся весьма либеральными.

Своею доктриной объ отношеніи между благодатью и свободною волей, іезуиты стали въ открытую оппозицію съ Ѳомой Аквинскимъ и его школой. По ученію Августина, вслѣдствіе грѣха Адама, весь родъ людской преданъ вѣчному проклятію; но, въ своемъ милосердіи, Богъ спасаетъ нѣкоторыхъ отверженныхъ своею благодатью; другихъ-же Онъ предоставляетъ ихъ судьбѣ, въ силу своихъ неисповѣдимыхъ, но справедливыхъ, цѣлей. Божественное избраніе или отверженіе объясняется не свободною волею человѣка, а верховною волею Вседержителя міра. Благодать Божія вызываетъ въ человѣкѣ непреодолимую волю совершать добро и даетъ ему силы на это. Ѳома Аквинскій какъ будто смягчаетъ это ученіе, утверждая, что благодать вліяетъ на волю такимъ образомъ, что воля *свободно* подчиняется благодати, хотя и могла бы развиваться въ другую сторону. Божественная благодать является по отношенію къ волѣ тѣмъ-же самымъ, чѣмъ физическая причина къ своему слѣдствію; благодать неотразимо влечетъ волю къ тому дѣйствію, которое она должна совершить. Ѳома Аквинскій самъ сознавалъ внутреннее противорѣчіе этой гипотезы и назвалъ ее теоріей предопредѣленія. По примѣру Августина, Ѳома приписываетъ распредѣленіе благодати между людьми исключительно Божіей волѣ, которая не принимаетъ во вниманіе наклонности самого человѣка; но онъ еще болѣе обостряетъ доктрину Августина, преподавая, что для дѣйствія благодати необходимы различныя степени—самая высшая, занимаемая избранными, и самая низшая, занимаемая отверженными; это раздѣленіе необходимо, чтобы могли одинаково проявляться милосердіе и справедливость Божіи. Предвѣчное рѣшеніе Божіе раздѣлило людей на двѣ категоріи, и, въ силу незыблемаго основнаго нравственнаго закона, меньшинство людей предназначено къ вѣчному блаженству, а большинство осуждено на вѣчное проклятіе. Отъ этой доктрины одинъ только шагъ до доктрины Лютера, по которой человѣкъ

безсиленъ въ дѣлѣ собственнаго спасенія, и доктрины Кальвина о двойномъ и безусловномъ предопредѣленіи.

Энергичная борьба съ реформаціей заставила іезуитовъ проповѣдывать иную доктрину. Ихъ вліяніе рѣзко проявляется въ томъ рѣшеніи Тріентскаго собора, которое признаетъ за человѣкомъ свободную волю, данную ему Богомъ для собственнаго спасенія. Тріентскій соборъ отвергъ ученіе о полномъ безсиліи человѣка и его неспособности работать надъ собственнымъ спасеніемъ. Послѣ Тріентскаго собора, Михаилъ Баюсъ попытался возстановить ученіе Августина; онъ утверждалъ, что безъ Божіей благодати свободная воля человѣка имѣетъ силу лишь для грѣха: всѣ дѣла язычниковъ грѣховны, а добродѣтели языческихъ философовъ порочны. Пій V осудилъ это ученіе въ мягкой формѣ. Что-же касается іезуитовъ, то они создали ученіе, по которому человѣкъ сохраняетъ нѣкоторую долю независимости въ дѣлѣ собственнаго спасенія. Въ своей книгѣ «Censura de praecipuis doctrinae coelestis capitibus», изданной въ 1560 году, кёльнскіе іезуиты утверждали, что Божія благодать всегда готова помочь людямъ, сердца которыхъ открыты для ея воспріятія. Лувенскіе іезуиты прибавили къ этому, что Богъ, предвидѣвшій грѣхопаденіе Адама, рѣшилъ дать Адаму и его потомству достаточныя средства, чтобы побѣдить грѣхъ и достигнуть вѣчнаго блаженства. Слѣдовательно Богъ помогаетъ тому, кто хочетъ спастись. Это относится и къ невѣрнымъ. Если они дѣлаютъ добро, по мѣрѣ своихъ силъ, Богъ просвѣщаетъ ихъ и даетъ имъ возможность обратиться къ истинной вѣрѣ. Что-же касается тѣхъ, которые рѣшительно не знаютъ, что̀ такое вѣра, и придерживаются естественнаго закона, т. е. десяти заповѣдей, то Богъ помогаетъ имъ соблюдать ихъ. Это ученіе предполагаетъ, что люди спасшіеся были избраны Богомъ въ предвидѣніи ихъ добрыхъ дѣлъ и ихъ усилій сопротивляться грѣху. Число избранныхъ не опредѣлено заранѣе и прежде, чѣмъ Богъ предвидѣлъ дѣла людей. Молина развилъ эту систему въ сочиненіи: «Соотвѣтствіе свободной воли съ дарами благодати, Божественнымъ предвидѣніемъ, провидѣніемъ, предопредѣленіемъ и отверженіемъ» эта книга была издана въ Лиссабонѣ въ 1588 году. Молина говоритъ, что, по своей природѣ и съ Божіей помощью, человѣкъ можетъ возвыситься до познанія сверхъестественныхъ тайнъ христіанства, и что въ этомъ случаѣ Богъ даетъ ему благодать и вѣру, необходимыя для спасенія. Богъ готовъ также даровать вѣру и благодать праведнымъ

язычникамъ. Избраніе зависитъ по большей части отъ свободной воли избираемаго, потому что раціонально и естественно, что, въ своемъ милосердіи, Богъ призываетъ къ себѣ и поддерживаетъ того, кто готовъ воспринять истину, а не того, кто остается глухъ къ ней. Одною только силою своей свободной воли и при содѣйствіи Всевышняго, человѣкъ можетъ возвыситься до любви къ Богу и восторжествовать надъ искушеніями безъ особой Божіей помощи. Основнымъ пунктомъ этой системы является доктрина, что Богъ предвидитъ дѣйствія, проистекающія изъ извѣстныхъ условій, а слѣдовательно предвидитъ отношенія человѣка къ благодати. Если Богъ видитъ, что человѣкъ готовъ дѣйствовать согласно благодати, то она ниспосылается ему.

Іезуитскій орденъ такъ горячо высказался въ пользу этой доктрины, что вскорѣ она сдѣлалась его оффиціальною доктриной. Это ученіе вызвало энергичные протесты доминиканцевъ. Споръ вскорѣ до такой степени обострился, что папскій престолъ оказался вынужденнымъ вмѣшаться въ дѣло и представить обѣ противоположныя доктрины на разсмотрѣніе назначенной ad hoc конгрегаціи.

Іезуиты выпустили особое изданіе сочиненій Августина и исключили изъ нихъ всѣ мѣста, противорѣчившія ихъ мнѣнію, а другія мѣста передѣлали по-своему. Въ 1603 году Валенсіа объявилъ, въ присутствіи Климента VIII, что въ сочиненіяхъ Августина нѣтъ того мѣста, на которое ссылался доминиканецъ Лемосъ, въ подтвержденіе ученія своего ордена. Лемосъ потребовалъ сочиненія Августина. Валенсіа держалъ наготовѣ подложный экземпляръ и прочиталъ по подложному тексту совершенно противоположное тому, чего ожидалъ его противникъ. Изумленный Лемосъ потребовалъ, чтобы сочиненія Августина достали изъ папской библіотеки, и Климентъ VIII убѣдился собственными глазами, что цитата доминиканца была вѣрна. Подлогъ обнаружился въ полномъ блескѣ, и папа сказалъ Валенсіи: «Не стыдно-ли вамъ обманывать такимъ образомъ церковь Божію?» Валенсіа упалъ въ обморокъ и умеръ черезъ два дня.

Диспуты продолжались семь лѣтъ, и въ заключеніе получилась полная неопредѣленность. Римъ не рѣшался идти наперекоръ могущественному и полезному Іезуитскому ордену. Павелъ V рѣшился не осуждать ни одной изъ двухъ системъ, а только запретилъ обоимъ противникамъ обвинять другъ друга въ ереси.

Іезуиты вскорѣ отрѣшились отъ системы Молины и приняли новую теорію, выработанную Хуаресомъ, подъ именемъ «конгруизма». Въ 1613 году генералъ Аквавива издалъ декретъ, на основаніи котораго новая теорія была включена въ ученіе ордена. По этой теоріи существуютъ два рода благодати—спеціальная и общая. Первая приспособлена къ различнымъ личнымъ свойствамъ и положеніямъ человѣка; она начинаетъ дѣйствовать, когда сердце человѣка готово принять ее и отличается непреодолимой силой; готовность человѣка къ воспріятію благодати является сама по себѣ однимъ изъ результатовъ благодати. Благодать второго рода—общая, оказываетъ свое вліяніе всегда однимъ и тѣмъ-же способомъ; она не прибѣгаетъ къ необыкновеннымъ средствамъ, чтобы предрасположить человѣка къ подвигамъ; но если онъ принимаетъ благодать, то получаетъ отъ нея духовное возрожденіе. Благодать перваго рода ниспосылается Богомъ не за дѣйствія и намѣренія человѣка; она дается по неизреченному милосердію Господню и въ уваженіе къ заслугамъ Христа.

Между доктриной о благодати и крайнею нравственною распущенностью Іезуитскаго ордена несомнѣнно существуетъ тѣсная внутренняя связь. Средневѣковые богословы школы Дёнса—Скота и Ѳомы Аквинскаго были въ этомъ отношеніи предшественниками іезуитовъ, которые приняли отъ нихъ только извѣстное наслѣдство. Въ книгѣ францисканца Ангелуса «Summa casuum conscientiae» (1494 г.) и въ курсѣ доминиканца Франциска Викторія уже встрѣчается та гибельная казуистика, которая отыскиваетъ всевозможныя видоизмѣненія грѣха, описываетъ самыя безнравственныя его подробности, забываетъ сущность побужденій, принимая во вниманіе лишь внѣшнее дѣйствіе, прибѣгаетъ ко всевозможнымъ адвокатскимъ уловкамъ, чтобы умалить грѣхъ, старается обмануть Бога, но на самомъ дѣлѣ обманываетъ только виновнаго и убиваетъ въ самомъ зародышѣ стремленіе къ нравственному возрожденію. Эту систему развили генералъ доминиканскаго ордена Сильвестръ Пріеріасъ, Мартинъ Наварра, францисканецъ Антоній Кордуанскій, мадридскій священикъ Санціусъ, палермскій священникъ Антоній Діана, цистерціанецъ Кармуэль и другіе. Эта казуистика вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ пустымъ догматическимъ спорамъ, которые, со времени Дёнса Скота занимали многихъ богослововъ и клонились къ разрѣшенію совершенно праздныхъ вопросовъ.

Габріэль Васкезъ ввелъ въ ученіе Іезуитскаго ордена док-

трину «пробабилизма», которая нашла многихъ сторонниковъ и въ скоромъ времени получила самое широкое практическое примѣненіе. Генералъ Вителлески возсталъ противъ этой доктрины въ 1617 году, а XIII общая конгрегація, созванная въ 1687 году, сдѣлала слѣдующее заявленіе: «Узнавъ, что Общество Іисуса рѣшило почти единогласно отстаивать доктрину, по которой позволительно руководствоваться мнѣніемъ менѣе вѣроятнымъ, но болѣе удобнымъ для человѣческой свободы, отклоняясь при этомъ отъ установленныхъ правилъ нравственности, конгрегація постановила объявить, что Общество Іисуса не мѣшало и не мѣшаетъ желающимъ придерживаться иной доктрины». Однако, когда Тирсо Гонзалесъ опубликовалъ въ 1691 году, по желанію Иннокентія XI, особое сочиненіе противъ пробабилизма, то оказалось, что эта доктрина пустила глубокіе корни въ Іезуитскомъ орденѣ; Гонзалесъ встрѣтилъ съ его стороны самую энергичную оппозицію и, благодаря іезуитскимъ интригамъ, онъ чуть не былъ отрѣшенъ отъ должности. Іезуиты пустили въ ходъ всякія средства, чтобы помѣшать опубликованію этой книги, а когда она появилась, одинъ испанскій іезуитъ открылъ противъ нея сильнѣйшую полемику, подъ именемъ Франциска Переа (1697 г.). Незадолго до своей смерти, Гонзалесъ представилъ папѣ отчетъ о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергся со стороны своихъ подчиненныхъ, и заявилъ при этомъ, что «пробабилизмъ» сдѣлался основаніемъ іезуитскаго ученія. Въ послѣднее время, Гюри былъ однимъ изъ энергичнѣйшихъ защитниковъ этой доктрины.

Доктрина «пробабилизма» поучаетъ, что, въ сомнительныхъ случаяхъ, человѣкъ не долженъ непремѣнно придерживаться самаго вѣрнаго и правдоподобнаго мнѣнія; позволительно руководствоваться только правдоподобнымъ мнѣніемъ и даже предпочитать его болѣе правдоподобнымъ, если первое мнѣніе не подвергаетъ человѣка никакой опасности. «Правдоподобнымъ» признается всякое мнѣніе, основанное на важныхъ аргументахъ, а также всякое мнѣніе, въ пользу котораго говоритъ авторитетъ благочестиваго и ученаго духовнаго лица и «глубокомысленнаго» доктора. Если между казуистами возникаютъ разногласія по какому-нибудь вопросу, то каждый изъ нихъ можетъ придерживаться того мнѣнія, которое покажется ему наиболѣе удобнымъ. Казуистъ можетъ посовѣтовать руководствоваться мнѣніемъ, котораго онъ самъ не раздѣляетъ, лишь бы это мнѣніе было удобно для того, кто проситъ совѣта. Если

кающійся ссылается на правдоподобное мнѣніе, которымъ онъ руководствовался въ данномъ случаѣ, то духовникъ долженъ отпустить ему грѣхъ, даже если онъ придерживается другого мнѣнія. Мойя идетъ еще дальше: «Если кающійся требуетъ наиболѣе благопріятнаго мнѣнія,—пишетъ онъ,—то духовникъ совершаетъ грѣхъ, если отказывается исполнить его желаніе, хотя бы онъ самъ считалъ наиболѣе благопріятное мнѣніе—наиболѣе не правдоподобнымъ»! На практикѣ, «пробабилизмъ» заглушаетъ голосъ совѣсти, подъ софизмами слабой или злой воли. Это до такой степени несомнѣнно, что Бузенбаумъ совѣтуетъ заглушать голосъ слишкомъ чуткой совѣсти, руководствуясь наименѣе строгими мнѣніями, и никогда не признавать никакого дѣйствія смертнымъ грѣхомъ, если на это нѣтъ совершенно неопровержимыхъ доказательствъ.

Іезуитскіе казуисты довели изложенный нами принципъ до его крайнихъ и самыхъ гибельныхъ послѣдствій. Эскобаръ поучаетъ, что раскаяніе не необходимо даже въ моментъ смерти. Валенсіа идетъ еще дальше; по его ученію, полное раскаяніе не только не необходимо для надлежащаго дѣйствія таинства, а даже скорѣе является помѣхой этому дѣйствію. Изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ можетъ достигнуть вѣчнаго блаженства безъ любви къ Богу. Философія отвергаетъ этотъ принципъ и учитъ напротивъ того, что вѣчное блаженство проистекаетъ изъ истинно-нравственнаго настроенія сердца, которое тождественно съ чистою любовью къ добру.

Поставивъ вопросъ: когда слѣдуетъ любить Бога, Эскобаръ приводитъ цѣлый рядъ отвѣтовъ, заимствованныхъ у свѣтилъ Іезуитскаго ордена. Васкезъ находитъ, что любить Бога достаточно въ концѣ жизни, другіе утверждаютъ, что любовь къ Богу обязательна въ моментъ крещенія, или-же въ моментъ ниспосланія Божіей благодати или-же въ дни великихъ праздниковъ. Гуртардо де Мендоза утверждаетъ, что довольно любить Бога одинъ разъ въ годъ, но Конинхъ рекомендуетъ дѣлать это отъ трехъ до четырехъ разъ въ годъ. Филліутіусъ съ своей стороны находитъ, что такое требованіе слишкомъ обременительно, и полагаетъ, что любить Бога можно даже разъ въ пять лѣтъ; впрочемъ, онъ совѣтуетъ обращаться съ этимъ вопросомъ къ людямъ разсудительнымъ. Генрикесъ совѣтуетъ любить Бога три раза въ теченіи всей жизни: въ моментъ пробужденія разума, въ моментъ смерти и когда-нибудь втеченіи жизни. Эскобаръ придерживался этого ученія. Антоній Сирмондъ проповѣдывалъ еще

болѣе чудовищную нелѣпость: по его ученію, Богъ довольствуется нашимъ повиновеніемъ, не требуя нашей любви. «Нигдѣ не предписывается любить Бога, а только запрещается ненавидѣть Его»—пишетъ онъ. Арріага идетъ еще дальше и доказываетъ всевозможными софизмами, что ненависть къ Богу можетъ дать человѣку право на вѣчное блаженство (?!).

Боссюэ разсказываетъ, что представилъ разъ Людовику XIV сочиненіе, въ которомъ доказывалось, что любовь къ Богу составляетъ основу христіанской жизни. Прочитавъ это сочиненіе, король объявилъ: «Я никогда ничего не слышалъ объ этомъ; мнѣ никогда не говорили объ этомъ ни слова». Госпожа Ментенонъ разсказываетъ, что заговорила разъ съ патеромъ Ла-Шезомъ о любви къ Богу; патеръ постарался убѣдить ее, что страхъ Божій съ успѣхомъ можетъ замѣнить любовь.

Не менѣе опасны были мнѣнія іезуитовъ о философскомъ грѣхѣ: схоластики называли этимъ именемъ грѣхъ, проистекающій отъ полнаго невѣдѣнія требованій истиннаго разума. Не подлежитъ сомнѣнію, что грѣха нѣтъ въ томъ случаѣ, если человѣкъ не сознаетъ преступности дѣянія; но іезуиты до такой степени исказили этотъ вѣрный принципъ, что сдѣлали изъ него опасное орудіе оправданія всякихъ гнусностей. Іоаннъ Кастильскій объявляетъ, что не слѣдуетъ считать смертнымъ грѣхомъ кражу, совершенную не по зрѣло обдуманному плану: по его мнѣнію, есть люди, которые до такой степени привыкли красть, что хватаютъ какую-нибудь вещь, не обдумавъ заранѣе своего поступка. Жоржъ Родъ утверждаетъ, что если человѣкъ совершилъ убійство или прелюбодѣяніе, не сознавая важности своего дѣйствія, то его слѣдуетъ признать виновнымъ въ очень легкомъ грѣхѣ, хотя само по себѣ преступленіе весьма важно. Лайманъ находитъ, что преступное дѣяніе, совершенное подъ вліяніемъ страсти или дурной привычки, нельзя считать большимъ грѣхомъ, потому что какъ страсть, такъ и дурныя привычки тормозятъ дѣйствіе разума, участіе котораго необходимо для смертнаго грѣха. По мнѣнію Карнеди, богохульство и ложь разрѣшаются тому человѣку, который, по ошибкѣ, считаетъ эти поступки богоугодными; въ противоположность этому, всякій человѣкъ, убѣжденный въ томъ, что культъ Бога представляетъ собой нѣчто запрещенное, имѣетъ право воздерживаться отъ этого культа. Карнеди рѣшился даже утверждать, что есть много избранныхъ, которымъ Христосъ скажетъ въ день Страшнаго Суда: «Войдите въ Царствіе

Божіе, потому что вы убивали и богохульствовали съ полнымъ убѣжденіемъ, что таковъ вашъ нравственный долгъ».

Первые казуисты ордена, а именно Регинальдъ, Луго, Эскобаръ, Тамбурини и другіе, поддерживали эти мнѣнія съ большею или меньшею смѣлостью. Трахала извлекалъ только логическіе выводы изъ этихъ принциповъ, отвѣчая отрицательно на вопросъ, долженъ-ли духовникъ предостеречь своего духовнаго воспитанника, если тотъ, самъ того не сознавая, находится въ положеніи, близкомъ къ грѣху; по его мнѣнію, духовникъ не долженъ разоблачать истины, если сомнѣвается въ послушаніи своего питомца. Метода, которой іезуиты придерживались въ дѣлѣ руководства совѣстью, тѣсно связана съ вышеизложенными доктринами; эта метода учила совершать дурные поступки съ добрыми намѣреніями. Эскобаръ проповѣдуетъ, что можно желать смерти своего врага и радоваться этой смерти въ силу добра, которое можетъ произойти отъ этого. Мойя утверждаетъ, что позволительно принимать въ своемъ домѣ падшихъ женщинъ, лишь бы при этомъ не было задней мысли дать имъ возможность дѣлать зло. Факундезъ, Таннеръ и Гобатъ доказываютъ, что вполнѣ позволительно сыну убить отца въ пьяномъ видѣ и радоваться этому, если смерть отца принесла ему хорошее наслѣдство. Въ руководствѣ патера Мулле, появившемся въ Фрейбургѣ въ 1834 году, мы встрѣчаемъ слѣдующее оригинальное правило нравственности: «Если кто-нибудь имѣетъ интимныя отношенія къ замужней женщинѣ, не въ силу того, что она чужая жена, а въ силу ея красоты и независимо отъ факта ея брака, то въ этомъ нѣтъ грѣха прелюбодѣянія».

Доктрины, относящіяся къ двусмысленности въ выраженіи мыслей и къ такъ называемымъ «умственнымъ оговоркамъ», еще болѣе гибельны для истинной нравственности: и то и другое не только санкціонируетъ ложь и обманъ, но даже оправдываетъ ихъ. По мнѣнію Эскобара, человѣкъ не долженъ считать себя связаннымъ какимъ-либо обѣщаніемъ, если онъ не имѣлъ намѣренія связать себя. Кастро Паоло утверждаетъ, что можно безъ грѣха дать двусмысленную клятву, если имѣешь уважительную причину скрывать истину. Такимъ образомъ, если у человѣка спрашиваютъ чистую правду, то онъ можетъ дать двусмысленную клятву, потому что такая клятва не представляетъ собой грѣха. Примѣры двусмысленныхъ присягъ яркоосвѣщаютъ всю гнусность этой доктрины; такимъ образомъ преступникъ можетъ не признаваться судьѣ въ своемъ пре-

ступленіи, если признаніе принесетъ ему серьезный вредъ. Іезуитское ученіе дозволяетъ преступнику отпираться, прибавивъ только мысленно, что онъ дѣлаетъ это по необходимости, во время тюремнаго заключенія. Іезуитское ученіе разрѣшаетъ также нарушить обѣщаніе жениться, если это обѣщаніе дано, безъ намѣренія связать себя. Кредиторъ, требующій возвращенія своихъ денегъ, часть коихъ уже уплачена ему, можетъ показать подъ присягой, что ему еще ничего не платили, если онъ считаетъ это показаніе единственнымъ средствомъ получить всю сумму. Эта хитрость не дозволяется лишь въ томъ случаѣ, если можетъ нанести вредъ интересамъ другого кредитора, имѣющаго болѣе старыя права. Съ другой стороны, должникъ, съ котораго требуютъ излишекъ противъ его долга, можетъ отрицать не только этотъ излишекъ, но и самый долгъ, если онъ убѣжденъ, что его заставятъ заплатить больше, чѣмъ онъ долженъ. Филлуціусъ утверждаетъ, что человѣкъ, прибѣгающій къ двусмысленнымъ показаніямъ съ честною цѣлью, не совершаетъ никакого проступка. Основываясь на этихъ доктринахъ и прибѣгая къ пробабилизму, казуисты Іезуитскаго ордена легко устранили всѣ грѣхи и облегчили бремя всѣхъ проступковъ. Въ доказательство этого приводимъ слѣдующіе примѣры: Эскобаръ поучаетъ, что лицо или предметъ, рѣдко вводящіе человѣка въ грѣхъ, не представляютъ собой стимула къ искушенію ближняго: если человѣкъ живетъ съ другимъ лицомъ и имѣетъ съ нимъ преступныя отношенія только три-четыре раза въ годъ, то это лицо не можетъ считаться истиннымъ искусителемъ. Бони полагаетъ, что, если лица, живущія вмѣстѣ, нарушаютъ нравственный долгъ одинъ или два раза въ мѣсяцъ, и если они не могутъ разстаться безъ большаго вреда, то слѣдуетъ простить ихъ, лишь бы они обѣщали не дѣлать впредь того-же самаго. Мадридскій священникъ Санціусъ поучалъ также, что никто не долженъ избѣгать въ ущербъ самому себѣ удобнаго случая совершить грѣхъ; не слѣдуетъ изгонять изъ своего дома наложницу, если она помогаетъ человѣку въ его промышленномъ предпріятіи, если ея удаленіе повергнетъ человѣка въ глубочайшую меланхолію, если человѣкъ не можетъ обойтись безъ ея яствъ и если трудно замѣнить ее другою служанкою. Подобно многимъ ученымъ своего ордена, Эскобаръ утверждаетъ, что человѣкъ можетъ уступить своему другу собственную комнату для какой-либо предосудительной цѣли, если такимъ образомъ можно избѣжать большого скандала. Мулле говоритъ, что если кто-ни-

будь совершаетъ цѣлый рядъ неприличныхъ дѣйствій съ молодой дѣвушкой, не имѣя намѣренія обольстить ее, то онъ отягощаетъ себя нѣсколькими грѣхами; но тотъ, кто дѣлаетъ то-же самое съ цѣлью обольщенія, совершаетъ только одинъ грѣхъ, хотя бы цѣль и не была достигнута.

Вотъ нѣсколько правилъ, сформулированныхъ Аллозой: «Тотъ, кто по искреннему убѣжденію далъ ложное показаніе, долженъ исправить свою ошибку, если она подвергла опасности чужую жизнь и если исправленіе ошибки не будетъ опасно для самого лица, дающаго показаніе. Если человѣкъ, совершившій преступленіе, видитъ, что за него наказываютъ другого, но рѣшился не признаваться, то онъ не долженъ вознаградить невинную жертву. Честный человѣкъ, который съ трудомъ рѣшился бы просить милостыню, можетъ красть, чтобы пріобрѣсти необходимое для жизни». Мулле утверждаетъ, что обольститель не долженъ, по совѣсти, поправить свое преступленіе, если оно осталось втайнѣ. Лайманъ объявляетъ, что позволительно бросать на произволъ судьбы дѣтей, если это необходимо во избѣжаніе позора и для сокрытія преступленія. Бузенбаумъ оправдываетъ сообщничество въ преступленіи, если оно совершается при слѣдующихъ условіяхъ: если сообщничество ведетъ къ добру или если оно безразлично съ нравственной точки зрѣнія; если зло совершается съ хорошими намѣреніями и съ благою цѣлью, если нельзя помѣшать грѣху, и если на сообщникѣ не лежитъ нравственный долгъ отвращать отъ грѣха. Согласно этой теоріи, Бузенбаумъ разрѣшаетъ слугамъ помогать своимъ господамъ въ дѣлѣ обольщенія женщинъ и вообще оказывать имъ различныя неблаговидныя услуги, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда отказъ могъ бы навлечь на нихъ серьезныя непріятности. Лайманъ, Режинальдъ и другіе разрѣшаютъ слугамъ обкрадывать своихъ господъ, если они платятъ имъ недостаточно жалованья; но таковое воровство должно имѣть только характеръ вознагражденія. Филлуціусъ и Лессіусъ находятъ, что можно и не заплатить вознагражденіе, обѣщанное за дурное дѣло; но зато Лайманъ поучаетъ, что необходимо выплачивать обѣщанное вознагражденіе нанятому убійцѣ, если убійство принесло дѣйствительную пользу, и если убійца подвергалъ опасности собственную жизнь. Эскобаръ утверждаетъ, что купецъ, взявшій по ошибкѣ за какой-нибудь товаръ больше денегъ, чѣмъ слѣдовало, не долженъ возвращать ихъ по требованію покупателя. Онъ-же поучаетъ, что обанкротившійся купецъ имѣетъ нравственное право оставить

себѣ ту часть своего состоянія, которая необходима для него и его семьи. Мойя разрѣшаетъ всевозможные подлоги въ промышленности, лишь бы продаваемый товаръ не сдѣлался хуже того, который продается въ другихъ мѣстахъ. По мнѣнію Лессіуса позволительно отдѣлываться всякими подпольными и неблаговидными средствами отъ клеветниковъ, которые чернятъ человѣка въ глазахъ государей и судей. Молина прибавляетъ, что не слѣдуетъ останавливаться передъ мыслью, что, убивая клеветника, мы подвергаемъ его вѣчному проклятію. Молина и Эскобаръ даже дозволяютъ предотвращать клевету, убивая клеветника.

Іезуиты приноравливаютъ нравственность къ общественному положенію людей и отрицаютъ такимъ образомъ принципъ всеобщаго равенства передъ нравственнымъ закономъ. Убійство дозволяется, когда оно совершается съ цѣлью отомстить за оскорбленіе чести; но Эскобаръ прибавляетъ, что оно дозволяется только дворянамъ, такъ какъ пощечины и удары палками не оскорбляютъ честь плебея. Амикусъ провозглашаетъ, что убійство дозволено прежде всего священникамъ и монахамъ, если они не имѣютъ другого средства защититься отъ человѣка, угрожающаго взвести на нихъ ложное обвиненіе въ какомъ-нибудь преступленіи. На основаніи этого принципа, орденъ могъ отдѣлываться посредствомъ убійства не только отъ внѣшнихъ враговъ, но и отъ тѣхъ своихъ членовъ, которые намѣревались выйти изъ ордена, чтобы предаться обличеніямъ, и отъ тѣхъ, которыхъ подозрѣвали въ намѣреніи удалиться и открыть обличительную кампанію. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что орденъ имѣлъ право юрисдикціи надъ своими членами и что тѣ лица, которыя выходили изъ ордена противъ его воли, считались отлученными отъ церкви. Все это проливаетъ яркій свѣтъ на тотъ отрывокъ изъ сочиненія Маріанны, гдѣ онъ намекаетъ, что противъ нѣкоторыхъ членовъ ордена принимались строгія мѣры, которыя влекли за собою смерть.

Карамуэль, принадлежавшій къ ордену цистерціанъ, но воспитанный на іезуитскомъ богословіи, ссылается на приведенное нами мнѣніе Амикуса и спрашиваетъ: можетъ-ли членъ религіознаго ордена, бывшій въ связи съ женщиной изъ простонародья, убить свою любовницу, если она хвастаетъ этою связью и бросаетъ тѣнь на репутацію своего сообщника? «Я не могу рѣшить этого вопроса,—говоритъ Карамуэль,—но одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ патеровъ нашего ордена, профес-

соръ богословія, человѣкъ весьма даровитый и ученый, сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: «Амикусъ напрасно высказалъ свое положеніе, но такъ какъ оно уже напечатано, то мы скажемъ, съ своей стороны, что всякій монахъ имѣетъ право убить свою любовницу, чтобы она не запятнала его чести». Эта теорія послужила предлогомъ для многихъ преступленій; я приведу въ доказательство только исторію священника Франциска Салезія Ринбауэра. Ринбауэръ, воспитанный въ духѣ іезуитской нравственности, утверждалъ, что онъ убилъ обольщенную имъ дѣвушку лишь для того, чтобы предотвратить публичный скандалъ и многочисленные грѣхи и бѣдствія, которыя онъ повлекъ бы за собой; онъ хотѣлъ спасти честь духовенства и его престижъ. Такимъ образомъ,—говорилъ онъ,—убійство было лишь средствомъ къ достиженію похвальной цѣли. По признанію Ринбауэра, онъ руководствовался принципами, изложенными въ нравственномъ ученіи Штаттлера, по которому убійство клеветника—дѣло законное. Эскобаръ утверждаетъ, что не слѣдуетъ считать предателемъ того, кто заманиваетъ человѣка въ ловушку и убиваетъ его. «Предателемъ слѣдуетъ считать только того, который убиваетъ человѣка, не ожидающаго убійства; тотъ, кто убиваетъ врага, даже заманивши его въ ловушку, не можетъ быть названъ предателемъ». Эскобаръ идетъ еще дальше: «Если человѣкъ убиваетъ своего врага послѣ примиренія и торжественнаго обязательства не убивать его, то и тогда можно назвать его предателемъ лишь въ томъ случаѣ, если, послѣ примиренія, между обоими врагами установились узы дружбы. Тогда слѣдуетъ предположить, что ненависть превозмогла дружбу». Въ заключеніе, Эскобаръ совѣтуетъ молодымъ дѣвушкамъ, въ случаѣ беременности, производить искусственные выкидыши для спасенія своей жизни и чести.

Нельзя представить себѣ, до какого возмутительнаго цинизма доходили іезуиты въ области полового разврата. Разсужденія на эту тему, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ ордена, не поддаются никакому описанію. Между прочимъ, одинъ изъ іезуитскихъ писателей, Мойя, развилъ тему половыхъ излишествъ съ такимъ безпримѣрнымъ цинизмомъ, что Сорбонна осудила его книгу. Въ концѣ своего отзыва, факультетъ прибавилъ, что, приведенный въ ужасъ тѣми гнусностями, которыми переполнена книга и, руководствуясь требованіями нравственности и общественнаго приличія, онъ отказывается сформулировать

свой приговоръ до конца. Ѳома Санхезъ, въ своемъ трактатѣ «О бракѣ» (Генуя 1592 г.), съ особеннымъ наслажденіемъ описываетъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ всевозможныя видоизмѣненія плотскаго грѣха, а іезуитскіе казуисты руководствовались на исповѣди этимъ всеобщимъ каталогомъ всѣхъ формъ разврата. Для дополненія картины мы приведемъ нѣкоторые наименѣе скабрезные примѣры. Патеръ Бензи вызвалъ величайшій скандалъ своимъ заявленіемъ, что можно безъ особеннаго грѣха щупать грудь монахини. Когда доминиканцы напали на него, въ защиту его выступили іезуиты Фуръ и Турани; послѣдній попытался доказать, что Ѳома Аквинскій защищалъ тотъ-же самый принципъ, но это ему не удалось. По поводу этого мнѣнія, іезуитамъ дали въ насмѣшку прозвище «грудныхъ богослововъ».

Второго марта 1679 года, Иннокентій XI строго осудилъ слѣдующій тезисъ іезуитской нравственности: «Поллюція не запрещена естественнымъ закономъ; слѣдовательно, если бы Богъ не запретилъ ее, то она была бы часто не только полезна, но даже обязательна, какъ предупрежденіе смертнаго грѣха». Мойя считаетъ кражу 30 серебряныхъ монетъ болѣе серьезнымъ грѣхомъ, чѣмъ содомскій грѣхъ. Сеттлеръ и Руссело рекомендуютъ подвергать женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ искусному допросу, чтобы узнать, не предаются-ли онѣ противоестественному грѣху. Вопросы, которые они предписываютъ, таковы, что наводятъ допрашиваемыхъ лицъ на мысль о неизвѣстномъ имъ порокѣ. Приведенные нами примѣры іезуитской казуистики достаточно характеризуютъ ее. Въ своей книгѣ «Іезуитская Нравственность», Перро доказалъ, что іезуиты исказили во всѣхъ отношеніяхъ и подорвали христіанскую нравственность.

Изъ іезуитскаго устава видно, что ни одинъ изъ членовъ ордена не могъ опубликовать никакого сочиненія, безъ одобренія своего начальства; слѣдовательно, изложенныя нами доктрины должны считаться оффиціальнымъ ученіемъ іезуитовъ, за которое отвѣтственность падаетъ на весь орденъ.

Чѣмъ объяснить, что орденъ и нѣкоторые изъ его членовъ, отличавшіеся безукоризненною чистотою жизни, увлеклись гибельною страстью къ казуистикѣ? Великій противникъ ихъ Паскаль защищаетъ ихъ противъ обвиненія въ умышленномъ развращеніи нравовъ. Многія причины довели іезуитовъ до тѣхъ чудовищныхъ отклоненій отъ истины, которыя мы констатировали.

Прежде всего слѣдуетъ констатировать, что іезуиты имѣли предшественниковъ и вступили на путь, открытый за долго до ихъ появленія. Уже у Абеляра встрѣчаются сомнительные принципы, и самъ Герсонъ иногда поддерживалъ очень смѣлые и сомнительные тезисы. Казуистическая нравственность была основана въ XIII вѣкѣ Раймономъ де-Пеннафортомъ, который составилъ руководство къ практикѣ и дисциплинѣ исповѣдальни; въ XIV и XV вѣкахъ, число сочиненій такого рода постоянно увеличивалось. Въ нихъ описывались самые щекотливые случаи и разрѣшались самые деликатные вопросы, тѣмъ не менѣе въ нихъ преобладалъ нѣкоторое время духъ нравственной строгости. Мало-по-малу эта строгость исчезла подъ давленіемъ пустой діалектики, которая изощрялась въ неуловимыхъ тонкостяхъ и рискованныхъ тезисахъ, вмѣсто того, чтобы развивать здоровое нравственное чувство. Іезуиты тѣмъ легче вступили на этотъ путь, что имъ, по необходимости, приходилось упражняться въ полемикѣ съ противниками римско-католическаго догмата. Вскорѣ ихъ моралисты стали соперничать другъ съ другомъ въ искусствѣ защищать самые рискованные тезисы; они доводили до крайнихъ выводовъ мнѣнія, въ которыхъ заключалась лишь небольшая доля истины; предаваясь ослѣпительной діалектической игрѣ, іезуиты забыли истинныя нравственныя основы и совершенно отклонились отъ нихъ. Въ это время появился протестантизмъ, упразднившій исповѣдь передъ священникомъ: политика Іезуитскаго ордена, который хотѣлъ во что бы то ни стало возвратить весь міръ въ лоно римской церкви, стала требовать, чтобы бремя исповѣди было облегчено для сильныхъ міра и для господствующихъ классовъ, имѣя въ виду удержать ихъ въ повиновеніи церкви. Исторія реформаціи доказала, до какой степени сильно вліяніе государей и какъ легко они могутъ увлечь народы въ схизму.

Тамбурини говоритъ, что, исповѣдуя важное лицо, надо относиться къ нему гораздо снисходительнѣе, чѣмъ къ простому смертному, чтобы не внушить ему излишнею строгостью отвращеніе къ самому таинству. На основаніи этого принципа, Іезуитскій орденъ имѣлъ два способа исповѣдывать—одинъ болѣе строгій, другой болѣе снисходительный. Іезуиты приспособлялись къ людямъ, обстоятельствамъ и времени. Слывя снисходительными духовниками, іезуитскіе патеры закрѣпили за своимъ орденомъ важныя должности нравственныхъ руководителей королей и придворныхъ; вытѣснивъ все остальное

духовенство, они подчинили своему исключительному вліянію высшіе классы общества, внушивъ имъ увѣренность, что они всегда найдутъ прощеніе грѣховъ.

Сами іезуиты хвастаютъ своимъ необыкновеннымъ даромъ приспособленія. Книга «Imago primi soeculi» восхваляетъ благочестивыя и святыя хитрости, къ которымъ орденъ прибѣгаетъ для уловленія человѣческихъ душъ. «Общество Іисуса,— говорится въ этой книгѣ,—старается приноровиться къ нравамъ и обычаямъ, занять всѣ должности, ладить со всякими людьми и оказывать всѣмъ всякія услуги. Не слѣдуетъ однако подозрѣвать іезуитовъ въ порокѣ лести. Напротивъ, іезуиты обладаютъ тайной просвѣщенной любви, которая оказываетъ непреодолимое обаяніе на людей упорныхъ, очаровываетъ ихъ своею вкрадчивостью и возвращаетъ ихъ самимъ себѣ и Богу. Члены ордена становятся младенцами, когда имѣютъ дѣло съ дѣтьми, мужчинами, когда надо влiять на мужчинъ, солдатами, крестьянами и моряками, смотря по надобности. Религіозная мягкость ихъ нравовъ вызываетъ такія-же чувства въ тѣхъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Они улавливаютъ души въ золотыя сѣти; они умѣютъ быть любезными, умѣютъ нравиться и убѣждать. Они съ одинаковымъ искусствомъ то спускаются на самыя низшія ступени, то возносятся до самой недосягаемой высоты, то держатся на серединѣ, и всѣ ихъ старанія направлены къ тому, чтобы не отталкивать отъ себя людей эксцентричностью своей жизни и своихъ обычаевъ. Приспособляя свои нравы къ нравамъ свѣта, они стараются имѣть доступъ ко всѣмъ, завязываютъ прочныя отношенія, пріобрѣтаютъ симпатію и довѣріе, а затѣмъ и непреодолимую власть надъ душою и совѣстью людей. Для того, чтобы властвовать, надо умѣть плыть по вѣтру, изучить темпераменты людей, искусно внушить имъ любовь, когда это нужно, изучить до тонкости лесть, посредствомъ которой увлекаютъ людей, и сообразовать свою дѣятельность съ тѣми основными законами человѣчества, которымъ подчиняются души. Тотъ, кто хочетъ привести людей къ добродѣтели, не долженъ запугивать ихъ и внушать имъ ужасъ».

Страсть іезуитовъ къ казуистикѣ должна была рано или поздно привести къ скандалу и подвергнуть орденъ серьезнымъ опасностямъ. Для того, чтобы дать духовнику правила, которыми онъ могъ бы руководствоваться во всѣхъ случаяхъ, казуисты были вынуждены перечислить всевозможные грѣхи, а составляя такой каталогъ, они, по роковой необходимости,

должны были нарушить чувство стыдливости и нравственную чистоту. На свѣтскаго читателя, незнакомаго съ возмутительными тайнами конфессіонала, чтеніе подробнаго описанія всевозможныхъ грѣховъ производитъ самое тягостное впечатлѣніе. Іезуитская метода ставитъ для грѣха внѣшнія грубыя мѣрила; разсматривая внѣшнее проявленіе грѣха, она упускаетъ изъ виду самую сущность его, т. е. намѣреніе и побужденіе. Опредѣляя заранѣе важность грѣха и его характеръ, іезуитская метода какъ будто дозволяетъ то, что она, въ сущности, только прощаетъ или снисходительно караетъ.

Исповѣдь была въ значительной степени причиной того нравственнаго растлѣнія, которое мы констатировали въ теоріи и практикѣ іезуитской казуистики; она сдѣлалась подстрекательствомъ къ злу, вмѣсто того, чтобы быть орудіемъ борьбы съ грѣхомъ и средствомъ нравственнаго очищенія. Нравственное паденіе усилилось, благодаря тѣмъ правиламъ, которыя казуисты преподавали духовникамъ относительно ихъ обращенія съ кающимися. По этимъ правиламъ, духовникъ, убѣдившійся въ томъ, что кающійся находится, самъ того не сознавая, въ грѣховномъ состояніи, долженъ молчать, если онъ предвидитъ, что его увѣщанія не приведутъ къ благому результату, а напротивъ вызовутъ скандалъ; по мнѣнію казуистовъ, безсознательность извиняетъ грѣхъ кающагося. Таково правило Эскобара. Вотъ другое правило Амикуса и Филлуціуса: духовникъ не долженъ спрашивать кающагося о содѣянномъ имъ грѣхѣ, если кающійся считаетъ нужнымъ умолчать о немъ; онъ долженъ уважать причины, побуждающія кающагося умалчивать о своемъ грѣхѣ, духовникъ долженъ отпустить кающемуся его грѣхъ, хотя бы послѣдній отрицалъ этотъ грѣхъ. Бузенбаумъ идетъ еще дальше: онъ приглашаетъ кающагося не открывать духовникамъ такого грѣха, который можетъ повергнуть его въ смущеніе. Филлуціусъ, Эскобаръ и Тамбурини предписываютъ духовникамъ облегчать исповѣдь и дѣлать ее пріятною, особенно, когда они имѣютъ дѣло съ государями, принцами и купцами. «Самое поверхностное раскаяніе,—говоритъ Филлуціусъ,—достаточно, чтобы получить отпущеніе; довольно, если кающійся выразилъ раскаяніе, совершенно неопредѣленное или даже заявилъ о своемъ желаніи раскаяться». Эскобаръ дозволяетъ кающемуся отказаться отъ наложеннаго на него наказанія и потребовать, чтобы духовникъ смягчилъ его; онъ даже находитъ, что кающійся самъ можетъ выбрать себѣ наказаніе.

Удивительно-ли послѣ этого, что іезуиты были самими любимыми духовниками высшаго сословія? Число исповѣдниковъ и причастниковъ въ ихъ церквахъ было необыкновенно велико. Они искусно хвастали этимъ и заявляли во всеуслышаніе, что «у нихъ чрезвычайно быстро и успѣшно идетъ дѣло оптоваго отпущенія грѣховъ». Я приведу только одинъ примѣръ, заимствованный изъ статистики Іезуитскаго ордена: въ 1772 г., въ іезуитскихъ церквахъ Баваріи и Верхней Германіи число причастниковъ достигло колоссальной цифры 2.029,590.

Вмѣсто того, чтобы устраивать жизнь, согласно предписанію христіанской нравственности, іезуиты приноравливали эту нравственность къ низкому уровню житейскихъ требованій и человѣческихъ слабостей. Въ 1562 году, іезуитъ Лемуанъ издалъ книгу, озаглавленную: «Курсъ облегченнаго благочестія». Онъ изложилъ въ этомъ сочиненіи остроумный способъ соглашать требованія благочестія съ житейскими наслажденіями и излишествами, напр., съ кокетствомъ женщинъ и развратомъ мужчинъ. По его ученію, христіанское самоотреченіе вовсе не требуетъ, чтобы человѣкъ лишалъ себя какихъ-нибудь удовольствій, чтобы помочь бѣдному. Между прочимъ Лемуанъ весьма остроумно поучаетъ, что слѣдуетъ заинтересовать Бога въ карточной игрѣ, обѣщая пожертвовать бѣднымъ извѣстный процентъ съ выигрыша; такимъ образомъ можно разсчитывать на крупный выигрышъ, такъ какъ счастье зависитъ отъ Бога.

Составители книги «Imago» прославляютъ заслуги Іезуитскаго ордена, объявляя, что въ настоящее время тратится гораздо меньше времени на поправленіе зла, чѣмъ тратилось прежде на его совершеніе. Іезуитъ Гризель хвасталъ, что въ четверть часа столковался бы съ самимъ дьяволомъ въ исповѣдальнѣ. Что-же касается патера Бонни, то, своею казуистикой, онъ устранялъ почти всѣ грѣхи; о немъ говорили: «Вотъ агнецъ Божій, взимающій на себя всѣ грѣхи міра». Нечего и говорить, что іезуиты пользовались конфессіоналомъ, чтобы вывѣдывать тайны, которыя имъ необходимо было знать.

Климентъ VIII относился съ недовѣріемъ къ іезуитской исповѣди. «Любопытство побуждаетъ іезуитовъ проникать всюду, завладѣвать всѣмъ, а главнымъ образомъ конфессіоналомъ,—говорилъ названный папа. Посредствомъ исповѣди они разузнаютъ все, что дѣлается въ домѣ кающагося, все, что относится къ его дѣтямъ, слугамъ, знакомымъ и родственникамъ, и наконецъ къ жителямъ цѣлаго квартала. Іезуитъ, занимающій мѣсто духовника при государѣ или принцѣ, завладѣваетъ всѣмъ

его домомъ, старается даже завладѣть правленіемъ всего государства и внушаетъ государю мысль, что ему не удастся ни одно предпріятіе безъ вмѣшательства и помощи ордена». «Я очень желалъ бы знать,—говоритъ Климентъ VIII въ другомъ мѣстѣ,—что дѣлаютъ іезуиты по три-четыре часа въ день въ исповѣдальнѣ съ людьми, которые исповѣдуются ежедневно? Не могу отдѣлаться отъ мысли, что они пользуются исповѣдью, чтобы разузнать, что дѣлается въ свѣтѣ». Это предположеніе соотвѣтствуетъ мнѣнію, которое французскій посланникъ въ Венеціи де Капе высказалъ въ депешѣ къ Генриху IV, отъ 6 іюня 1606 года: «Іезуитскіе документы, захваченные въ Пергамѣ и Падуѣ, доказываютъ, что, посредствомъ исповѣди, іезуиты разузнаютъ о способностяхъ и образѣ жизни жителей, наводятъ справки о важнѣйшихъ дѣлахъ во всѣхъ городахъ, гдѣ они живутъ; они ведутъ всему этому такіе подробные списки, что превосходно знаютъ средства каждаго государства и каждаго семейства».

Изъ всѣхъ іезуитскихъ трактатовъ о нравственности самые популярные и распространенные—трактаты Эскобара и Бузенбаума; въ нихъ изложены самыя рискованныя и смѣлыя теоріи. Іезуитская нравственность дала ужасные результаты. Самъ Мёллеръ признается, что «эта нравственность отравила самый источникъ нравственной жизни». Іезуитскій орденъ какъ будто потерялъ сознаніе извращенности своей доктрины; лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что орденъ одобрилъ гнусную книгу Мойи. Іезуитскіе казуисты рекомендовали эту книгу за ея разностороннюю ученость и объявили, что она заслуживаетъ самаго широкаго распространенія и не заключаетъ въ себѣ ничего, противнаго католической религіи и хорошей нравственности.

ГЛАВА XVI.

Культъ Богородицы.—Іезуитскія поддѣлки по части исторіи Испаніи.—Біографія Игнатія Лойолы и его апоѳеозъ, написанный Рибаденейромъ.—Примѣры суевѣрія іезуитовъ.—Процессіи, паломничества и братства.—Марія Алакокъ и культъ Св. Сердца Іисуса.—Культъ Св. Сердца Богородицы.—Теоріи іезуитовъ о жизни блаженныхъ.

Одною изъ главныхъ причинъ деморализаціи и нравственнаго паденія былъ почти языческій культъ, который іезуиты воздавали Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Лойола посвятилъ себя рыцарскому служенію Богородицѣ. Культъ Маріи составлялъ основаніе его благочестивыхъ упражненій, и онъ завѣщалъ его ордену. Со временемъ, іезуиты до такой степени развили его, что, по мнѣнію многихъ богослововъ, онъ составлялъ основу ихъ религіи. Во всякомъ случаѣ, этотъ культъ былъ источникомъ всѣхъ суевѣрій ордена. Дѣва Марія считается покровительницею и второю основательницею Общества Іисуса. «Орденъ,—гласитъ «Imago»,—есть даръ благодати Дѣвы Маріи. Какъ ни былъ великъ Игнатій, онъ несомнѣнно былъ созданіемъ Маріи. Самъ Лойола былъ убѣжденъ, что написалъ свои «Духовныя Упражненія» подъ наитіемъ Богородицы. Одинъ іезуитъ видѣлъ, въ моментъ религіознаго экстаза, Дѣву Марію, прикрывающую орденъ своимъ плащемъ, въ знакъ особаго своего покровительства. Другой іезуитъ, Родригъ де-Гуа, былъ такъ восхищенъ неизреченною красотою Пресвятой Дѣвы, что парилъ въ воздухѣ. Одинъ послушникъ ордена, умершій въ Римѣ въ 1581 г., сподобился поддержки Дѣвы Маріи въ борьбѣ съ искушеніями дьявола; чтобы подкрѣпить его, она давала ему отъ времени до времени кровь своего Сына и позволяла ему вкушать сладость собственныхъ персей.»

Іезуиты включили въ свою догматику все, что было высказано для прославленія Дѣвы Маріи, съ момента, когда Эфес-

скій соборъ (431 г.) провозгласилъ ее Матерью Божіею. Они приняли доктрину Дёнса-Скота о безсѣмянномъ зачатіи; эта доктрина дала новый толчокъ культу Маріи и была развита до крайнихъ своихъ предѣловъ въ періодъ, предшествовавшій реформаціи. Въ книгѣ францисканца Бернардина Бустиса (1494 г.), мы встрѣчаемъ странный тезисъ: съ момента зачатія Христа, Богородица пріобрѣла извѣстную «юрисдикцію» и авторитетъ въ дѣлѣ распредѣленія благодати, такъ что, безъ ея посредства, никто не можетъ получить отъ Бога никакой милости или добродѣтели. Эразмъ оставилъ намъ сатирическое изображеніе культа Маріи въ его время. Въ IV вѣкѣ была сочинена сказка о Лоретскомъ домѣ, принесенномъ ангелами Палестины: іезуиты приняли эту легенду подъ свое покровительство и стали защищать ее. Канизій дошелъ до того, что сталъ даже распространять письма Дѣвы Маріи. Благодаря Іезуитскому ордену, въ Лоретто стали стекаться громадныя богатства. Іезуиты стали распространять всякія реликвіи Богородицы. Когда они завладѣли церковью Св. Михаила въ Мюнхенѣ, то стали выставлять для поклоненія клочки покрывала Богородицы, пряди ея волосъ, куски ея гребня и установили культъ предметамъ, будто бы принадлежавшимъ ей. Они сочинили на волосы Дѣвы Маріи кантату, которую пѣли еще въ прошломъ вѣкѣ, и въ которой встрѣчается слѣдующая строфа: «Помоги намъ во всѣхъ бѣдствіяхъ, накрой насъ своими волосами, поведи насъ своими кудрями въ жилище вѣчнаго блаженства». Этотъ культъ вскорѣ принялъ совершенно несоотвѣтствующій своему предмету, матеріальный, грубо-чувственный характеръ, которымъ отличаются между прочимъ кантаты патера Жака Понтануса: поэтъ не знаетъ ничего прекраснѣе «персей Дѣвы Маріи, ничего слаще ея молока, ничего совершеннѣе ея чрева».

Мало-по-малу культъ Дѣвы Маріи занялъ главное мѣсто въ іезуитскомъ богослуженіи; іезуиты оказались неутомимыми по части изобрѣтенія новыхъ религіозныхъ церемоній въ честь Дѣвы Маріи, и вскорѣ она заняла мѣсто Спасителя. Во всѣхъ своихъ проповѣдяхъ и книгахъ религіозно-нравственнаго содержанія, іезуиты доказывали, что трудно достигнуть спасенія черезъ Христа, а потому слѣдуетъ обращаться къ заступничеству Дѣвы Маріи. Хуаресъ поучалъ, что Богородица всемогуща и что Божественныя милости даруются черезъ ея посредство. Іезуитъ Іоаннъ Евсевій Нирембергъ, умершій въ 1658 году, былъ самымъ ревностнымъ поклонникомъ Пресвятой Дѣвы.

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ проповѣдуетъ слѣдующія доктрины: «Марія — самое любимое созданіе Божіе, и только одинъ Творецъ превосходитъ ее. Вся красота свѣта, ангеловъ, блескъ и свѣтъ солнца ничтожны, сравнительно съ ея красотой. Создавъ ее, какъ самый совершенный типъ красоты, какъ высшее доказательство своей безконечной мудрости и могущества, Богъ взираетъ съ благоволеніемъ на воздаваемый ей культъ. Тотъ, кто поклоняется Маріи, поклоняется въ то-же время и тремъ ипостасямъ Троицы. Троица долго помышляла о созданіи Маріи, самаго совершеннаго изъ существъ, и размышленіе объ этомъ намѣреніи преисполняло ее блаженствомъ и восторгомъ. Самыя совершенныя видѣнія ветхозавѣтныхъ временъ были лишь опытами Бога, посредствомъ которыхъ Вседержитель готовился къ созданію самаго совершеннаго существа. Красота ея лица, во время ея земной жизни, была уже такъ велика и несравненна, что Діонисій Ареопагитъ, увидавъ ее, почувствовалъ себя вознесеннымъ на небо; онъ принялъ бы Марію за Божество, если бы вѣра не подсказала ему противнаго. Марія—пріемная дочь Бога. Троица любитъ Божію Матерь не только потому, что Богъ-Отецъ считаетъ ее своею дочерью, Св. Духъ—своей невѣстою, а Богъ-Сынъ—своею Матерью, но потому, что всѣ ипостаси Троицы считаютъ Марію своимъ общимъ достояніемъ и раемъ, въ которомъ онѣ духовно освѣжаются и просвѣтляются. Три ипостаси Божества собираются въ лонѣ Маріи, чтобы рѣшать вопросъ о распредѣленіи сокровищъ Божественной благодати между людьми. Христосъ совѣтуется съ Маріей о распредѣленіи этихъ даровъ. Только самая чистая любовь побудила Марію дать Творцу неба и земли часть своей крови и своего естества для образованія тѣла Сына. Она дала ему свою кровь, какъ святая мученица, и съ этого момента Іисусъ даровалъ свое милосердіе и свою благодать всѣмъ тѣмъ, которые будутъ питать къ Маріи чистую и непоколебимую любовь. Іисусъ всегда слѣдуетъ совѣтамъ Маріи, и потому весь міръ долженъ питать къ Пресвятой Дѣвѣ такую-же любовь, какъ и къ ея сыну. Нисколько не умаляя должнаго уваженія къ Богу, можно сказать, что Марія равняется Богу въ распредѣленіи даровъ благодати». Тотъ-же іезуитъ написалъ книгу, озаглавленную: «Трофеи Маріи». Онъ разсказываетъ въ этой книгѣ о совершенныхъ Пресвятою Дѣвою чудесныхъ превращеніяхъ и о сверхъестественномъ покровительствѣ, которое она оказывала своимъ поклонникамъ во всемъ мірѣ, а главнымъ образомъ въ Испаніи и Португаліи.

Современники императора Сигизмунда разсказывали Нирембергу, что когда императоръ проѣзжалъ мимо одного мѣста, гдѣ много лѣтъ тому назадъ былъ убитъ одинъ солдатъ, онъ вдругъ услыхалъ жалобный, умоляющій голосъ. Императоръ приказалъ обыскать лѣсную чащу, и тамъ дѣйствительно нашли разложившійся трупъ, изъ котораго исходилъ жалобный голосъ. Голосъ произнесъ слѣдующее: «Нѣтъ-ли среди васъ священника? Я много лѣтъ служилъ въ императорской арміи и палъ здѣсь во время битвы, но такъ какъ я всегда служилъ Дѣвѣ Маріи, то Богъ взыскалъ меня своею милостью: Онъ оставилъ въ этомъ истлѣвшемъ тѣлѣ мою душу до тѣхъ поръ, пока я покаюсь въ своихъ смертныхъ грѣхахъ; послѣ исповѣди я тотчасъ умру и вступлю въ жилище вѣчнаго блаженства».—Далѣе Нирембергъ разсказываетъ слѣдующую легенду: за 105 лѣтъ до Евангельской проповѣди на Канарскихъ островахъ, на островѣ Тенерифѣ, появилась статуя, которая тотчасъ начала совершать чудеса. Ангелы спускались съ небесъ для поклоненія этой статуѣ, а дикари часто слышали вокругъ нея Божественное пѣніе и видѣли процессіи, которыя шествовали съ зажженными свѣчами отъ морского берега до мѣста, гдѣ стояла статуя; эти процессіи совершались главнымъ образомъ въ день Благовѣщенія, и на морскомъ берегу часто находили еще дымившіеся огарки восковыхъ свѣчей. Въ другихъ мѣстахъ изображеніе Пресвятой Дѣвы было также изваяно въ скалахъ или вырѣзано на стволахъ деревьевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по ученію іезуитовъ, есть даже храмы, воздвигавшіеся сами собой или построенные Пресвятою Дѣвою. Даже животныя уважаютъ эти храмы. У одного святого былъ ягненокъ, котораго онъ училъ молиться во время богослуженія. Однажды этотъ ягненокъ вошелъ въ храмъ, упалъ на колѣни и сталъ блѣять передъ алтаремъ Дѣвы Маріи, будто желая обратиться къ ней съ мольбой. Нирембергъ приводитъ цѣлый списокъ чудотворныхъ иконъ Дѣвы Маріи и различныхъ храмовъ, гдѣ она совершаетъ чудеса. Онъ насчитываетъ болѣе сотни такихъ изображеній Мадонны; на однихъ появляется кровавый потъ, у другихъ течетъ кровь, если пронзить имъ бокъ, а тѣ изображенія, которыя переносятъ въ часовни или церкви изъ дупловъ деревьевъ, возвращаются сами на свое прежнее мѣсто.

Патеръ Барри написалъ сочиненіе: «Рай, отверстый Филлагію за поклоненіе Божіей Матери». Въ этой книгѣ онъ доказываетъ, что способъ вступленія въ рай безразличенъ, лишь

бы только вступить въ рай; онъ перечисляетъ цѣлый рядъ внѣшнихъ обрядовъ, посвященныхъ Дѣвѣ Маріи, и утверждаетъ, что они навѣрное открываютъ врата неба. Онъ поучаетъ, что для достиженія вѣчнаго блаженства слѣдуетъ привѣтствовать Дѣву Марію каждое утро и каждый вечеръ, передавать ей привѣтствія черезъ ангеловъ, выражать желаніе, построить ей больше церквей, чѣмъ построили всѣ государи вмѣстѣ, носить днемъ и ночью четки, въ видѣ браслета, или икону Пресвятой Дѣвы и т. д. Этихъ обрядовъ достаточно, чтобы обезпечить намъ спасеніе души, а если послѣ нашей смерти дьяволъ предъявитъ права на нашу душу, то ему скажутъ, что Дѣва Марія поручилась за насъ и что ему слѣдуетъ обратиться къ ней. Президентъ конгрегаціи мюнхенскихъ ученыхъ, патеръ Пембль, составилъ по этому шаблону свою книгу о ежедневномъ поклоненіи Дѣвѣ Маріи. Въ этомъ сочиненіи (1764 г.) заключаются слѣдующія предписанія: «слѣдуетъ бичевать себя и просить Дѣву Марію, чтобы она довела до свѣдѣнія Бога о нашихъ добродѣтельныхъ страданіяхъ; вырѣзать ножемъ на груди святое имя Маріи; стыдливо укрываться ночью, чтобы чистые взоры Пресвятой Дѣвы не были оскорблены; говорить Пресвятой Дѣвѣ, что мы охотно уступили бы ей свое мѣсто въ раю, если бы она не имѣла своего; желать, чтобы мы не родились, или, чтобы мы пошли въ адъ, если бы не было Пресвятой Дѣвы; не ѣсть яблокъ, потому что Дѣва Марія никогда не вкушала этого плода». «Марія,—говоритъ благочестивый патеръ,—ключникъ Пресвятой Троицы, потому что она раздаетъ людямъ вино Св. Духа».

Альфонсъ Лигори, основатель ордена редемптористовъ, тоже горячо рекомендовалъ культъ Маріи въ своей книгѣ «О славѣ Пресвятой Дѣвы», онъ даже старался превзойти іезуитовъ своимъ усердіемъ. Въ своей книгѣ онъ провозглашаетъ принципъ, что люди достигаютъ спасенія только черезъ Пресвятую Дѣву. Между прочимъ, Лигори описываетъ одно видѣніе папы Льва: онъ видѣлъ двѣ лѣстницы: одну красную, другую бѣлую; у верхняго конца первой стоялъ Христосъ, а у верхняго конца другой—Марія; тѣ, которые совершали восхожденіе по первой, безпрестанно падали назадъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока таинственный голосъ крикнулъ имъ чтобы они шли по бѣлой лѣстницѣ; они наконецъ взобрались наверхъ, потому что Марія протягивала имъ руки и вводила ихъ въ рай. «Всѣ люди,—говоритъ Лигори,—служащіе Богу, и подчиненные ему на небѣ и на землѣ, должны точно также

служить Маріи и подчиняться ей. Если Богъ далъ Христу власть судить и карать, то онъ далъ Маріи силу состраданія къ несчастнымъ и разрѣшилъ ей оказывать имъ помощь. Всѣ милости ниспосылаются при посредствѣ Дѣвы Маріи; всѣ служатъ ей, даже и самъ Богъ. Поклонникъ Маріи ни въ какомъ случаѣ не можетъ погибнуть, точно такъ-же, какъ ни одинъ грѣшникъ не можетъ спастись безъ ея помощи. Тѣ, которыхъ не можетъ спасти Божественная благодать, могутъ получить вѣчное блаженство, благодаря предстательству и неистощимому милосердію Маріи». Въ доказательство своей теоріи, Лигори приводитъ множество примѣровъ, что отъявленные негодяи, убійцы, развратники самаго низшаго разбора и прелюбодѣи удостоились спасенія души, продолжая до конца дней свою преступную жизнь. Изъ этой-то коллекціи примѣровъ, заимствованныхъ по большей части у іезуитовъ, редемптористы и члены Общества Іисуса почерпали темы для своихъ проповѣдей. «Слава Дѣвы Маріи» составляетъ особенное чтеніе низшихъ классовъ итальянскаго народа, и, слѣдуетъ замѣтить, что эта книга отравляетъ самый источникъ нравственной и религіозной жизни и извращаетъ религіозное чувство. Итальянскій народъ проникнутъ ученіемъ патера Лигори. Итальянскіе разбойники, убійцы и грабители носятъ на шляпахъ или на груди маленькіе образки Пресвятой Дѣвы и искренно вѣрятъ, что будутъ спасены, несмотря на свои преступленія. Григорій XVI причислилъ Лигори къ лику святыхъ и одобрилъ спеціальнымъ декретомъ его книгу о «Славѣ Маріи»; Пій IX пошелъ еще дальше: онъ призналъ Лигори «докторомъ церкви» и такимъ образомъ придалъ его сочиненіямъ высшій авторитетъ въ римской церкви. Іезуиты открыли множество мѣстъ, въ которыхъ Дѣва Марія совершала чудеса.

Въ 1673 году баварскій іезуитъ Гумпенбергъ, уже описывалъ 1,200 чудотворныхъ иконъ Богородицы; половина изъ нихъ находилась въ Германіи. Онъ объявляетъ, что издалъ свое сочиненіе «Atlas Marianus» для того, чтобы всѣ знали, что Дѣва Марія представляетъ собою Атласъ всего міра; въ видѣ высшей награды, онъ проситъ у Бога только, чтобы ему было дозволено «жить въ Пресвятой Дѣвѣ и быть всецѣло поглощеннымъ ею». Въ 1650 году Мараччи называетъ въ своей «Библіотекѣ Маріи» болѣе 300 іезуитовъ, которые рекомендовали культъ Пресвятой Дѣвы въ особыхъ сочиненіяхъ. Что-же касается Эскобара, то онъ посвятилъ Дѣвѣ Маріи всѣ свои сочиненія.

Какъ мы уже сказали, іезуиты съ самаго начала склоня-

лись къ доктринѣ иммакулатнаго зачатія; они стали защищать эту доктрину единственно изъ-за своей оппозиціи доминиканцамъ, которые вели по этому вопросу борьбу съ францисканцами. Въ Испаніи самыми вліятельными и могущественными соперниками іезуитовъ были доминиканцы, которые стояли во главѣ инквизиціи и руководили совѣстью королей. Доминиканцы не только возставали на публичныхъ диспутахъ противъ іезуитскаго ученія о благодати, но и преслѣдовали это ученіе посредствомъ инквизиціи. Іезуиты пришли въ негодованіе и вступили въ союзъ съ францисканцами, чтобы вытѣснить своихъ соперниковъ. Желая во что бы то ни стало имѣть въ пользу иммакулатнаго зачатія какое-нибудь авторитетное свидѣтельство, извлеченное изъ Писанія, и не находя достовѣрныхъ документовъ, францисканцы стали прибѣгать къ подлогамъ. Въ 1588 г. землекопы, работавшіе въ окрестностяхъ Гранады, нашли жестяную коробку, заключавшую въ себѣ исписанный съ обѣихъ сторонъ пергаментъ, кусочки полотна и маленькую кость. На этомъ пергаментѣ св. Патрикій повѣствовалъ, что спряталъ коробку во времена апостоловъ; реликвіи, данныя святому Цецилію святымъ Діонисіемъ, состояли изъ куска берцовой кости св. Стефана и половины платка, которымъ Богородица вытирала слезы подъ крестомъ Спасителя. Извѣстіе объ этой находкѣ привело въ восторгъ архіепископа Гранадскаго; онъ приказалъ дѣлать новыя раскопки въ томъже холмѣ, и вскорѣ тамъ нашли эпитафіи: св. Гистія, мнимаго ученика апостола Іакова, и его учениковъ, святыхъ Турилла, Паннунція и Центулія. Эпитафіи гласили, что всѣ эти святые были сожжены на холмѣ, а останки ихъ зарыты въ немъ. Въ 1595 году была сдѣлана новая находка: на этотъ разъ нашли свинцовую дощечку съ надписью, что на этомъ мѣстѣ, въ правленіе цезаря Нерона, умеръ мученическою смертью ученикъ апостола Іакова—Тезифонъ, зарывшій неподалеку свою книгу «Объ основаніи церкви». Съ нимъ приняли мученическую кончину его ученики Максиминъ и Лупарій, останки коихъ вмѣстѣ съ книгою находятся въ подземныхъ пещерахъ холма. Начались новыя раскопки, и дѣйствительно, въ одной изъ подземныхъ пещеръ была найдена цѣлая груда костей и жестяная коробка съ различными рукописями. Самою замѣчательною изъ нихъ былъ трактатъ св. Цецилія «О храмѣ славы и о храмѣ мученій»; въ этой рукописи оказались интересныя свѣдѣнія о временахъ апостольскихъ, а главнымъ образомъ доктрина, по которой Дѣва Марія была освобождена отъ

первороднаго грѣха, что̀ удостовѣрилъ апостольскій соборъ. Тотъ, кто отказывался отъ этой доктрины, предавался отлученію отъ церкви и вѣчному проклятію.

Къ великому отчаянію доминиканцевъ, все это было признано непреложною истиной, и они напрасно старались доказать, что церковныя власти были обмануты самымъ грубымъ подлогомъ. Климентъ VIII созвалъ собраніе епископовъ и богослововъ, которое постановило, что слѣдуетъ считать святыми реликвіями найденныя кости и платокъ Богородицы, а холмъ, въ которомъ все это было сокрыто, былъ признанъ священною землею. Собраніе не высказалось на счетъ подлинности рукописей, но тѣмъ не менѣе ихъ стали считать подлинными. Іезуиты, конечно, всѣми силами поддерживали свой подлогъ. Въ 1599 г. Жеромъ Романъ де-ла-Хигуера опубликовалъ очень древнюю хронику, приписанную Флавію Декстеру, современнику св. Іереміи, въ которой повѣствуется, что праздникъ Благовѣщенія празднуется въ Испаніи со времени проповѣди св. Іакова. Онъ опубликовалъ затѣмъ второй документъ, приписанный Марку Максиму, епископу Сарагосскому, въ которой также находились свидѣтельства въ пользу иммакулатнаго зачатія. Наконецъ, тотъже іезуитскій патеръ опубликовалъ хронику Луитпранда, относящуюся къ X вѣку, въ которой также подтверждалось, что этой доктринѣ вѣрили въ весьма отдаленныя времена. Всѣ эти документы были подложные. Посредствомъ этого религіознаго шарлатанства, посредствомъ чудесъ, празднествъ, различныхъ сочиненій и проповѣдей, іезуитамъ и ихъ союзникамъ— францисканцамъ, — удалось до такой степени озлобить народъ противъ доминиканцевъ, что послѣдніе чуть не были побиты камнями, а изображеніе св. Ѳомы подверглось публичному осмѣянію во время одной процессіи.

Лойола высказалъ убѣжденіе, что, при причастіи, вѣрующій питается не только тѣломъ Христа, но и тѣломъ Его Матери; различные богословы ордена развили этотъ тезисъ въ духѣ самой возмутительной чувственности. Еще недавно, іезуитскій патеръ Освальдъ, профессоръ богословія въ Падерборнѣ, преподавалъ, въ видѣ тайной доктрины, будто, въ видѣ награды за свою дѣвственность, духовныя лица получаютъ въ Евхаристіи не только тѣло Христово, но и тѣло и молоко Дѣвы Маріи. Быть можетъ въ скоромъ времени этотъ тезисъ будетъ возведенъ въ одинъ изъ членовъ символа вѣры. Когда, въ своемъ трактатѣ «О добродѣтеляхъ св. Анны», іезуитскій патеръ называлъ Мать Дѣвы Маріи Анну бабушкой Бога и тещей Св. Духа,

ему возражали съ негодованіемъ; въ настоящее время, епископъ брюггскій, Малу поучаетъ, съ одобренія непогрѣшимаго папы, что Марія носитъ тройную діадему, потому что она дочь Отца, Мать Сына и невѣста Св. Духа. Будучи матерью, дочерью и невѣстой Бога, она до нѣкоторой степени равна Отцу, имѣетъ превосходство надъ Сыномъ и является повѣренною Св. Духа. Она содѣйствовала Богу-Отцу при рожденіи Бого-Человѣка, она въ извѣстной мѣрѣ исполняетъ функціи Божественнаго существа и соединена естествомъ съ Троицей. Гилью, въ книгѣ «О мѣсяцѣ Маріи», одобренной четырьмя епископами, объявляетъ, что быть матерью Бога значитъ быть всемогущею и пользоваться нѣкоторою властью надъ самимъ Богомъ. Богъ обязанъ исполнять по отношенію къ Маріи сыновній долгъ. Августъ Николаи утверждаетъ, что Богородица дополняетъ Троицу, создавая въ ея средѣ новыя отношенія. Она дополняетъ Отца, потому что съ момента, когда она согласилась на воплощеніе, Сынъ, благодаря человѣческому естеству, которое дала Ему Марія, сдѣлался подчиненнымъ и поклонникомъ Отца. Она — супруга Отца, Мать Сына, святилище Св. Духа и дочь Троицы. Она была не только первою повѣренною и сотрудницею Троицы, но и самою чистою ея представительницею. Безъ Дѣвы Маріи, Богъ не былъ бы въ состояніи создать міръ, потому что, если бы она не приняла благовѣстія архангела Гавріила, то Сынъ не могъ бы сдѣлаться человѣкомъ, слѣдовательно человѣчество не было бы спасено и Богъ не создалъ бы вселенную, чтобы не отдать проклятію весь человѣческій родъ. По іезуитскому ученію, Марія является главнымъ дѣятелемъ христіанства.

Поклоненіе святымъ, иконамъ и реликвіямъ имѣло въ лицѣ іезуитовъ самыхъ усердныхъ проповѣдниковъ и защитниковъ. «Благочестивый обманъ» составлялъ одно изъ главныхъ средствъ іезуитской системы. Іезуиты старались дѣйствовать на довѣрчивый народъ посредствомъ подложныхъ чудесъ, реликвій, и талисмановъ и учили народъ возлагать свои надежды на фетишей. Не было того грубаго, темнаго и отвратительнаго суевѣрія, которому іезуиты не покровительствовали бы. Они были первыми защитниками позорной торговли индульгенціями. Беллярминъ утверждаетъ, что всякій, совершившій грѣхъ, въ виду близкаго церковнаго празднества и связаннаго съ нимъ прощенія грѣховъ, пользуется фактически всѣми преимуществами индульгенцій. На Тріентскомъ соборѣ, архіепископъ Ланціанскій объявилъ, что иконамъ слѣдуетъ поклоняться лишь изъ уваженія къ тому, что на нихъ изображено; Лаинесъ воз-

разилъ на это, что культъ долженъ быть воздаваемъ самимъ иконамъ, потому что онѣ обладаютъ особою чудотворною силою; по этому ученію, дерево и камень могутъ сдѣлаться сами по себѣ предметами культа. Эскобаръ высказался на этотъ счетъ съ полною откровенностью: по его ученію, «агнцамъ Господнимъ» («agnus Dei») слѣдуетъ воздавать такое-же поклоненіе, какъ и самому Іисусу.

Лойола подалъ своему ордену примѣръ поклоненія иконамъ и реликвіямъ; онъ особенно чтилъ реликвіи 11,000 дѣвъ. Іезуиты, умѣвшіе эксплуатировать довѣрчивость баварскихъ государей, открыли въ Мюнхенѣ останки 11,000 дѣвъ и ихъ духовниковъ, останки тѣлъ апостоловъ, клочки ихъ одежды, ногу трехъ восточныхъ волхвовъ, ногу св. Христофора, того великана, который носилъ младенца Іисуса, одинъ изъ пальцевъ этого великана, одинъ позвонокъ изъ его спины и т. д. Еще недавно, одинъ іезуитскій патеръ руководилъ раскопками въ катакомбахъ и, составляя каталогъ, называлъ именемъ какого-нибудь святого или мученика каждую изъ добываемыхъ костей.

Способъ, къ которому прибѣгали іезуиты, фабрикуя исторіи святыхъ, проявляется уже въ біографіи Игнатія Лойолы, написанной Рибаденейрой. Въ двухъ первыхъ изданіяхъ этой книги, авторъ не разсказываетъ никакихъ чудесъ; онъ даже старается доказать, что такой святой, какъ Лойола, не нуждается въ чудесахъ. Въ третьемъ изданіи, опубликованномъ въ то время, когда подготовлялось причисленіе Лойолы къ лику святыхъ, Рибаденейра разсказываетъ множество чудесъ, совершенныхъ Игнатіемъ. Первоначальная наивность автора біографіи навлекла на него, кажется, неудовольствіе его собратій. Съ тѣхъ поръ чудеса, изобрѣтенныя въ честь Лойолы, размножились до невѣроятныхъ размѣровъ. Августинскій монахъ Бальдерама, доминиканцы Деза и Ребуллоза,—всѣ три соотечественники Лойолы,—посвятили ему, по случаю его причисленія къ лику святыхъ, самый фантастическій апоѳеозъ. «Общество Іисуса,—восклицаетъ Бальдерама,—существовало съ момента чудеснаго зачатія Спасителя, когда Онъ соединилъ въ одномъ лицѣ человѣческое естество съ Божескимъ. Это было первое общество, основанное Богомъ среди людей, а мѣстомъ его собраній было лоно Пресвятой Дѣвы. Къ Лойолѣ можно примѣнить слова псалма: «Какъ имя Твое, о Боже, распространяется до границъ земли, также и слава Твоя распространяется до

границъ вселенной и десница Твоя полна справедливости». Имя «Игнатій» означаетъ святого, созданнаго изъ огня; это одно изъ именъ Бога, потому что Онъ есть всепожирающій огонь. Съ другой стороны, я вижу, что на правой рукѣ его написано имя Іисуса, въ которомъ соединяется вся справедливость и вся святость вселенной.—Какъ Іисусъ, съ момента своего рожденія до смерти, заботился только о нашемъ спасеніи, точно также и нашъ Игнатій посвятилъ всю свою жизнь спасенію душъ. Подвиги его являются отраженіемъ жизни Іисуса, и онъ самъ превратился въ того, который далъ свое имя нашему обществу. Игнатій совершилъ больше чудесъ, чѣмъ Моисей, и столько-же, сколько всѣ апостолы, вмѣстѣ взятые. Онъ помогаетъ родильницамъ; и стоитъ только дать будущему младенцу имя Игнатія, чтобы роды имѣли благополучный исходъ. Имя Игнатія возвращаетъ зрѣніе слѣпымъ, исцѣляетъ калѣкъ и изгоняетъ бѣсовъ. Въ могилѣ Лойолы раздавались самыя сладостныя пѣснопѣнія, такъ что казалось, будто силы небесныя переселились въ эту могилу; сонмы ангеловъ спускались съ небесъ, чтобы устроить этотъ дивный концертъ. Во время жизни Игнатія, къ нему не являлся ни одинъ ангелъ; съ нимъ произошло то, что происходитъ при жизни съ великимя царями: къ нимъ имѣютъ доступъ лишь высшіе сановники, а простой народъ держится въ сторонѣ, но послѣ смерти всѣ сбѣгаются смотрѣть на усопшаго. При жизни Игнатія, его посѣщали только папы, св. Петръ, императрица, т. е. Матерь Божія, и царь царей—Богъ-Отецъ и Богъ-Сынъ; послѣ его смерти всѣ сонмы небесные—ангелы, архангелы, херувимы и серафимы сошли на землю, чтобы видѣть его». Деза утверждалъ, что Богъ бесѣдовалъ съ людьми устами сына своего Игнатія, котораго Онъ сдѣлалъ наслѣдникомъ всего міра и для славы котораго недоставало только одного: «Слова, которымъ Богъ создалъ вселенную».

Апоѳеоза Игнатія Лойолы была столь-же нелѣпа, какъ и восхваленіе Франциска Асизскаго, въ которомъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поклонниковъ его осмѣлился сказать, что, если-бы съ него сняли монашескую одежду, то онъ оказался бы самимъ Христомъ. «Imago» повѣствуетъ, что, при жизни и послѣ своей смерти, Игнатій, своею особой и своимъ изображеніемъ, прекращалъ пожары, исцѣлялъ чуму, воскрешалъ мертвыхъ, изгонялъ бѣсовъ, укрощалъ бури, отвращалъ общественныя бѣдствія, возвращалъ зрѣніе слѣпымъ и излечивалъ

всевозможные недуги и немощи. «Юбилейная книга» Іезуитскаго ордена приписываетъ тѣ-же самыя чудеса и Франциску Ксаверію; авторъ этой книги прибавляетъ, что Францискъ Ксаверій говорилъ на различныхъ языкахъ, которымъ никогда не учился, а когда онъ говорилъ на одномъ языкѣ, то его понимали люди всѣхъ странъ; онъ превращалъ морскую воду въ прѣсную и останавливалъ солнце. Іезуиты до сихъ поръ эксплуатируютъ довѣріе народа и внушаютъ ему убѣжденіе, что основатель ихъ ордена былъ одаренъ сверхъестественной силой.

Въ 1600 году одинъ іезуитъ помогъ молодой женщинѣ 24 лѣтъ, которая никакъ не могла родить и напрасно прибѣгала ко всевозможнымъ амулетамъ: онъ послалъ ей уставъ ордена, и черезъ 3 часа она произвела на свѣтъ совершенно здороваго мальчика.

Въ шестидесятыхъ годахъ іезуитъ Тервекоренъ напечаталъ сочиненіе «О святой водѣ св. Игнатія», которая будто бы помогаетъ отъ всѣхъ недуговъ, тѣлесныхъ и душевныхъ. Предполагалось издать эту книгу въ Вѣнѣ на нѣмецкомъ языкѣ, но изданіе не состоялось, такъ какъ патеры поняли, что книга произведетъ скандалъ. Іезуиты уже давно фабрикуютъ воду св. Игнатія. Они погружаютъ въ воду реликвіи или медальку съ изображеніемъ Игнатія и три раза крестообразно проводятъ этими предметами по водѣ, произнося слѣдующія слова: «Всеблагій Боже, сообщи этой водѣ силу исцѣлять душу и тѣло и удалять всѣ бѣдствія отъ этихъ мѣстъ и ихъ жителей». Тервекоренъ утверждаетъ, что чудесное дѣйствіе этой воды превосходитъ всякія ожиданія: она предохраняетъ отъ чумы, излѣчиваетъ самыя застарѣлыя болѣзни и отвращаетъ всѣ бѣдствія сельской жизни. Въ своей неизреченной милости, іезуитскіе патеры изготовляютъ эту воду цѣлыми бочками и раздаютъ ее вѣрующимъ, которые жадно накидываются на нее. Въ шестидесятыхъ годахъ, громадныя массы этой воды были потреблены въ Швейцаріи, Бельгіи и Франціи; ее употребляли главнымъ образомъ какъ самое дѣйствительное средство противъ холеры; іезуиты утверждаютъ, что ни одинъ изъ холериковъ, пившихъ эту воду, не умиралъ. Мало того, эпидемія внезапно прекращалась въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ жители употребляли воду св. Игнатія. Въ 1839 году спросъ на эту чудесную воду былъ такъ великъ, что ее пришлось фабриковать по 50 бочекъ въ недѣлю. Когда холера свирѣпствовала

въ Гентѣ, то въ два мѣсяца разошлось 10,000 бутылокъ, и болѣе 50,000 жителей города и окрестностей прибѣгали къ этому чудотворному средству. Въ Римѣ эту воду употребляютъ постоянно, и она совершаетъ столько чудесъ, что ихъ будто бы и невозможно перечислить. Вода св. Игнатія совершаетъ также чудеса въ нравственномъ мірѣ: одинъ грѣшникъ, не бывшій у исповѣди 10 лѣтъ, выпилъ этой воды, самъ того не зная, и тотчасъ-же пошелъ исповѣдываться. Простые рабочіе, бѣдствующіе со своими семьями, получаютъ внезапную помощь, лишь только выпьютъ этой воды; потому-то многія семьи постоянно держатъ наготовѣ это чудесное средство, и стоитъ только выпить глотокъ, какъ всякая бѣда исчезаетъ. По свидѣтельству Тервикорена, вода св. Игнатія воскрешаетъ мертвыхъ.

Мы уже говорили, что іезуиты всѣми силами поддерживали вѣру въ дьявола, въ сверхъестественныя видѣнія и колдовство. Въ книгѣ, изданной съ разрѣшенія іезуитскаго начальства, Дель-Ріо поучаетъ, что бѣсы доставляютъ людямъ самыя разнообразныя чувственныя наслажденія; вслѣдствіе этого являются на свѣтъ дѣти, которыя, по естеству, не имѣютъ ничего общаго со своими родителями. Отправляясь на шабашъ, колдуньи усыпляютъ своихъ мужей, чтобы они не замѣчали ихъ отсутствія, и кладутъ на свое мѣсто кучу соломы, зеркало или бѣса, которыхъ мужъ, проснувшись, принимаетъ за свою жену. Дель-Ріо твердо убѣжденъ, что дѣвушки могутъ быть превращены въ юношей, и сообщаетъ намъ, что такое превращеніе совершается посредствомъ слишкомъ разнузданной пляски. Колдуны обладаютъ умѣньемъ заставить говорить животныхъ и неодушевленные предметы, но не понимаютъ ихъ языка. Іезуиты часто прибѣгали къ заклинаніямъ, чтобы отбить у дьявола его жертву. Приведемъ одинъ примѣръ изъ тысячи. Въ 1583 году, по приказанію императора и епископа, іезуиты изгоняли бѣсовъ изъ одной молодой дѣвушки въ Вѣнѣ. Они готовились къ этой трудной задачѣ бичеваніемъ и другими благочестивыми подвигами, къ которымъ дьяволъ питаетъ отвращеніе. Борьба дьявола съ благочестивыми патерами отличалась большимъ упорствомъ и продолжалась нѣсколько недѣль; наконецъ, патеры одержали побѣду и выгнали изъ тѣла одержимой 12,500 бѣсовъ. Мы встрѣчаемъ чрезвычайно комичный примѣръ такого суевѣрія въ лицѣ патера Коттона, духовника Генриха IV. Сюлли разсказываетъ по этому поводу слѣдующій анекдотъ: листъ бумаги, исписанный почеркомъ Коттона, по-

палъ случайно въ руки одного лица, для котораго онъ не предназначался. Ко всеобщему удивленію, на этомъ листѣ былъ написанъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые патеръ предлагалъ дьяволу, изгоняя бѣсовъ изъ одержимой Адріэнны де-Френъ, которая въ то время пользовалась большою извѣстностью. Коттонъ разспрашивалъ дьявола о тайнахъ короля и королевы, о придворныхъ интригахъ, требовалъ у него разъясненія нѣкоторыхъ запутанныхъ богословскихъ вопросовъ, освѣдомлялся о войнѣ съ Испаніей и противъ еретиковъ, о средствахъ обращенія короля, о его здоровьи, совѣтовался съ дьяволомъ, какъ ухитриться произвести наибольшій эффектъ проповѣдями, какъ обратить въ католицизмъ придворныхъ протестантовъ, просилъ объясненій нѣкоторыхъ мѣстъ св. Писанія, задавалъ вопросы о власти, достоинствѣ и могуществѣ папы, и спрашивалъ, равенъ-ли онъ апостолу Петру. Почтенный патеръ собирался кромѣ того побесѣдовать съ дьяволомъ по душѣ о богословскомъ значеніи змія во время грѣхопаденія; патера больше всего интересовалъ вопросъ о томъ, какъ двигался искуситель по раю: ходилъ-ли онъ или пресмыкался. Наконецъ, онъ наводилъ справки на счетъ собственной будущности и спрашивалъ дьявола, откроются-ли со временемъ его (патера Коттона) мощи и будутъ-ли онѣ предметомъ особаго культа со стороны вѣрующихъ?

Іезуиты были неутомимы по части изобрѣтенія религіозныхъ братствъ, процессій, паломничествъ и праздниковъ, дѣйствовавшихъ самымъ грубымъ образомъ на народное воображеніе. Не было того шарлатанскаго пріема, къ которому они не прибѣгали бы въ области религіи. Благодаря стараніямъ іезуитовъ, вездѣ появлялись божественныя видѣнія, совершались чудеса, открывались статуи, вращавшія глазами и покрывавшіяся кровавымъ потомъ. Процессіи, устраиваемыя іезуитами,—своего рода театральныя представленія, которыя, для большаго эффекта, ставятся даже ночью. Трирская хроника описываетъ слѣдующимъ образомъ іезуитскую процессію 1719 года: «Въ среду и пятницу были устроены процессіи покаянія, во время которыхъ болѣе 1,000 духовныхъ и свѣтскихъ лицъ бичевали себя. Іезуитскіе патеры, послушники и другіе шли съ зажженными свѣчами, съ мертвыми головами и скелетами, обвязавъ тѣло веревками или желѣзными цѣпями и возложивъ на обнаженныя головы терновые вѣнцы. Обѣ эти процессіи продолжались съ 8 часовъ вечера до 1 часа ночи». Авторъ хроники прибавляетъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

«Невозможно сказать навѣрное, сколько кражъ было совершено во время ихъ процессій; въ Эбергардъ-Клаузенѣ изъ церквей были похищены священные сосуды, а въ самомъ Трирѣ множество мелочныхъ и галантерейныхъ лавокъ было ограблено со взломомъ».

Патеры съ особеннымъ усердіемъ побуждали своихъ учениковъ къ хожденію по святымъ мѣстамъ и къ участію въ торжественныхъ процессіяхъ. Они заставляли ихъ бичевать себя всенародно, въ знакъ христіанскаго смиренія. Въ своихъ проповѣдяхъ, іезуиты прибѣгали къ грубымъ эффектамъ, чтобы растрогать сердца: они приносили съ собой кости мертвецовъ и показывали ихъ своимъ слушателямъ, въ доказательство бренности человѣческаго существованія. Іезуиты старались опутать весь свѣтъ сѣтями своихъ братствъ и подчинить себѣ и католической церкви всѣ народы и всѣ классы общества. При Піи IX въ Римѣ, они вели пропаганду безъ всякихъ стѣсненій, и въ концѣ концовъ не осталось ни одного класса, ни одной корпораціи, ни одной отрасли дѣятельности, которая не имѣла бы своего спеціальнаго братства. Въ Римѣ были учреждены религіозныя конгрегаціи для дворянства, для купечества, для финансовыхъ сферъ, для рабочихъ, для крестьянъ, для полицейскихъ агентовъ и даже для преступниковъ, приговоренныхъ къ тюремному заключенію и каторгѣ. Нечего и говорить, что іезуиты прежде всего завладѣвали женщинами высшаго, средняго и низшаго классовъ и распредѣлили ихъ по различнымъ братствамъ. Самые отъявленные ханжи изъ рабочаго сословія, слуги обоего пола и старухи изъ простонародія вошли въ составъ миссіонерскаго братства.

Изъ всѣхъ іезуитскихъ культовъ, культъ св. сердца Іисуса и св. сердца Маріи наиболѣе распространился въ народѣ и вызвалъ наибольшія симпатіи. Первый культъ созданъ, по крайней мѣрѣ, косвеннымъ образомъ, іезуитскимъ патеромъ. Патеръ Ла-Коломбьеръ былъ духовникомъ Маріи Алакокъ, монахини ордена визитокъ, которая жила въ монастырѣ Паре-ле-Моніаль. Марія Алакокъ, дѣвушка экзальтированная и болѣзненная, а быть можетъ и подверженная галлюцинаціямъ, объявила черезъ два года послѣ своего монашескаго обѣта, что Христосъ посѣтилъ ее въ человѣческомъ образѣ. Онъ преклонилъ голову къ ея груди и раскрылъ ей неисповѣдимыя тайны своего Божественнаго сердца, потомъ потребовалъ у нея ея сердце и помѣстилъ его въ своемъ. Она видѣла черезъ зіяющую рану въ боку Спасителя его сердце, подобное огнен-

ной пещи, въ которой ея собственное сердце исчезло, какъ легкій атомъ. Христосъ отдалъ ей сердце, обжигаемое пламенемъ, и сдѣлалъ ее наслѣдницей своего сердца въ земной жизни и въ вѣчности, разрѣшивъ ей располагать, по своему усмотрѣнію, сокровищами его собственнаго сердца. Монахиня повѣствовала кромѣ того, что ей являлись святые и ангелы, Богородица и три ипостаси Троицы и что Христосъ приказалъ ей основать культъ, посвященный его сердцу и открыть свое видѣніе духовнику Ла-Коломбьеру. Послѣ того, какъ Іисусъ отдалъ монахинѣ свое сердце, она чувствовала постоянную боль въ лѣвомъ боку и, по совѣту Христа, потребовала, чтобы ей пустили кровь; по ея желанію эта операція была повторена 192 раза. Епископъ Суассонскій Ланге опубликовалъ въ 1729 году біографію ясновидящей монахини, а Климентъ XIII одобрилъ культъ, изобрѣтенный монахинею и ея духовникомъ. Въ 1836 году началось слѣдствіе, съ цѣлью причисленія къ лику святыхъ женщины, которая удостоилась такой необыкновенной милости, а въ 1864 году, благодаря стараніямъ іезуитовъ, Марія Алакокъ дѣйствительно была признана святою. Нѣкоторыя изъ словъ, которыя монахиня будто бы слышала отъ Христа, достаточно объясняютъ происхожденіе ея видѣнія. Христосъ будто-бы сказалъ ей: «Ты должна принести въ жертву твоей настоятельницѣ не только твою волю, но и разумъ и все твое существо; я буду доволенъ тобою, если ты предпочтешь волю игуменьи моей волѣ, даже въ томъ случаѣ, если она запретитъ тебѣ повиноваться моему приказанію». Епископъ Ланге утверждаетъ, что Марія Алакокъ сдѣлалась невѣстою Христа. Въ мистическихъ фазахъ ея жизни, онъ строго отличаетъ періоды первыхъ обѣтовъ, обрученія и брака.

Въ 1794 году бывшій іезуитъ основалъ, подъ именемъ св. сердца Іисуса, религіозное братство, которому предстояло продолжать дѣло Іезуитскаго ордена. Въ 1800 году бывшіе іезуиты основали въ Парижѣ женское общество св. сердца Іисуса, которое папа Левъ XII утвердилъ въ 1826 году. Это общество рѣшило посвятить себя дѣлу воспитанія дѣвицъ; оно представляетъ собой лишь усовершенствованное возобновленіе женскаго Іезуитскаго ордена, упраздненнаго Урбаномъ VIII. Дамы, члены Общества св. сердца, играютъ роль агентовъ Іезуитскаго ордена; этотъ дамскій орденъ развился чрезвычайно быстро и въ началѣ 70-хъ годовъ онъ уже имѣлъ болѣе сотни заведеній въ Европѣ, Африкѣ и Америкѣ.

Культъ святого сердца Маріи былъ введенъ также мона-

хиней, Маріей де-Валессъ, которая умерла въ 1655 году. Она выдавала себя за посредницу между людьми и Христомъ и однажды увидала себя на алтарѣ, во время совершенія Таинства Евхаристіи. Въ 1646 году ей явился Христосъ и послалъ ее на небо привѣтствовать ангеловъ. Увидавъ, что они предаются сладостному отдыху, она спросила Бога, почему они не спускаются на землю, чтобы помогать людямъ? Она стала молиться ежедневно по три раза по четкамъ, и Богъ даровалъ ей власть освобождать ежедневно, отъ праздника Пасхи до Божьяго Тѣла, („Corpus Dei") по 34,000 душъ изъ чистилища. Между нею и Христомъ часто происходили споры. Однажды она попросила Христа впустить въ рай кардинала Ришельё, но Іисусъ отвѣчалъ ей на эту просьбу: «Нѣтъ, Марія, я не могу отворить рай для кардинала; всего недѣлю назадъ я впустилъ по твоей просьбѣ двухъ епископовъ; будь такъ добра, подожди и довольствуйся пока этимъ». Въ другой разъ Іисусъ сказалъ ей: «Если церковь предпишетъ тебѣ отречься отъ меня, то сдѣлай это безъ колебаній». Спаситель посвятилъ ее въ тайну культа св. сердца Маріи, а Пресвятая Богородица сама объявила ей, что настанетъ время, когда этотъ новый праздникъ будетъ чествоваться такъ-же, какъ праздникъ Божьяго Тѣла. Эта монахиня находилась подъ нравственнымъ руководствомъ нѣкоего патера Эда, который не принадлежалъ къ Іезуитскому ордену. Послѣ смерти Маріи де-Валессъ, онъ попросилъ разрѣшенія открыть ея тѣло и перенести его въ церковь своего прихода; въ своемъ слѣпомъ усердіи, онъ вырылъ тѣло сержанта, который былъ похороненъ по близости монахини; впрочемъ и тѣло сержанта стало творить чудеса отъ имени Маріи де-Валессъ. Эдъ составилъ затѣмъ богослуженіе, въ честь св. сердца Маріи, и включилъ въ него слѣдующія слова: «Благословенна ты, Марія, дщерь Бога-Отца!» Іезуитамъ не удалось приписать себѣ изобрѣтеніе этого новаго культа, но тѣмъ не менѣе они добросовѣстно распространяли его.

Шаткость нравственныхъ принциповъ, конфессіоналъ, культъ Маріи, считавшійся несомнѣннымъ средствомъ къ спасенію души, набожность, основанная исключительно на внѣшней обрядности—все это должно было привести къ самому грубому матеріализму въ области религіи. Къ этому прибавилось совершенно чувственное пониманіе будущей жизни, напоминающее рай Магомета; нѣкоторые писатели ордена изложили въ особыхъ сочиненіяхъ свои воззрѣнія на этотъ счетъ; между прочимъ, Энрикесъ написалъ трактатъ «О занятіяхъ святыхъ

на небѣ». Эта фантастическая элукубрація была напечатана въ 1631 году, съ разрѣшенія Де-Прадо, провинціала Кастиліи. Въ этой книгѣ мы читаемъ слѣдующее: «Каждый святой имѣетъ на небѣ свой домъ, а Христосъ имѣетъ роскошный дворецъ. На небѣ есть широкія улицы, большія площади и прекрасные дома, окруженные высокими стѣнами. Ангелы не имѣютъ постояннаго мѣста жительства и предпочитаютъ забавляться на просторѣ и бродить тамъ и сямъ. Улицы украшены прекрасными зелеными лужайками и цвѣточными коврами. Искусные скульпторы украсили стѣны домовъ и вырѣзали на нихъ всѣ извѣстія о земной жизни. Для смертнаго великое наслажденіе обнять тѣло кого-либо изъ блаженныхъ. Устроители небесныхъ жилищъ позаботились о томъ, чтобы устроить громадные бассейны, въ которыхъ блаженные купаются, не стыдясь другъ друга, и плаваютъ, какъ рыбы. Они поютъ, какъ жаворонки и соловьи. Женщины поютъ лучше мужчинъ и стараются увеличить блаженство послѣднихъ. Ангелы одѣваются въ женскія одежды и являются блаженнымъ съ завитыми волосами, широкими платьями, облеченные въ самые роскошные наряды. Мужчины и женщины забавляются устройствомъ маскарадовъ, банкетовъ и балетовъ. Женщины пробуждаются къ вѣчной жизни съ очень длинными волосами, и, точно такъ-же, какъ на землѣ, устраиваютъ себѣ самыя прихотливыя прически и завиваютъ волосы въ локоны. Въ обители вѣчнаго блаженства супруги осыпаютъ другъ друга земными ласками, цѣлуются, обнимаются и цѣлуютъ своихъ дѣтей».

Другой іезуитъ, Гавріилъ Генназъ издалъ два громадныхъ тома, подъ заглавіемъ «Эмпиреологія», или «Христіанская философія Эмпирея»; это сочиненіе было также одобрено провинціаломъ. Въ этой книгѣ мы читаемъ, что обитатели небесъ обладаютъ всѣми пятью чувствами, цѣлуются и могутъ прикасаться другъ къ другу; они ходятъ обыкновенно безъ всякой одежды, но наряжаются по праздникамъ для развлеченія. Тѣла ихъ распространяютъ самое роскошное благоуханіе; они не ѣдятъ и не пьютъ, но испытываютъ, по желанію, всевозможныя пріятныя ощущенія. Эти дикія фантазіи и галлюцинаціи не имѣютъ, конечно, никакого нравственнаго значенія. Они напоминаютъ гренландцевъ, которые надѣются найти въ загробной жизни свой излюбленный тресковый жиръ и своихъ тюленей.

ГЛАВА XVII.

Цѣль, духъ и метода обученія и воспитанія Іезуитскаго ордена.—Религіозный и церковный духъ педагогіи.—Автономія іезуитскихъ школъ.—Результаты ихъ педагогіи.—Дѣятельность іезуитовъ въ послѣднее время.—Ихъ сопротивленіе основанію университетовъ.

Лойола и его послѣдователи прекрасно знали, что будущность принадлежитъ тому, кто держитъ въ рукахъ молодое поколѣніе; поэтому они прежде всего постарались захватить воспитаніе юношества, чтобы обезпечить въ будущемъ авторитетъ католической церкви. Тотчасъ послѣ своего назначенія въ генералы, Лойола самъ началъ преподавать дѣтямъ главныя основанія религіи. Какъ мы уже видѣли, іезуиты даютъ обѣтъ заниматься воспитаніемъ дѣтей; въ началѣ своей дѣятельности, они повидимому серьезно думали объ исполненіи этого обѣта во-всемъ его объемѣ и намѣревались взять на себя первоначальное обученіе. Но затѣмъ высшія власти ордена отклонили эту задачу, подъ предлогомъ, что орденъ и безъ того обремененъ дѣлами и не имѣетъ персонала для обученія малолѣтнихъ. Съ одной стороны іезуиты знали, что духовное руководство народа обезпечено за ними тѣмъ вліяніемъ, которое они пріобрѣли въ средѣ церкви; съ другой стороны, они не были поклонниками народнаго образованія, потому что невѣжество массъ было для нихъ выгодно, такъ какъ оно усиливало ихъ вліяніе и могущество. Въ уставѣ ордена взглядъ его на народное образованіе сформулированъ слѣдующимъ образомъ: «Не желательно, чтобы простонародіе и прислуга умѣли читать и писать; тѣхъ-же изъ нихъ, которые уже обучены грамотѣ, не слѣдуетъ учить ничему большему; обученіемъ простонародія и прислуги не слѣдуетъ заниматься, безъ согласія генерала, потому что низшіе классы должны только, въ простотѣ душевной и съ полнымъ смиреніемъ, служить Господу Нашему Іисусу Христу». Іезуиты посвящаютъ всѣ свои силы высшему

преподаванію; они съ особеннымъ усердіемъ отдаются дѣлу воспитанія юныхъ аристократовъ, талантливыхъ юношей, имѣющихъ право, по своему происхожденію, занять вліятельное мѣсто въ церкви или въ государствѣ. Тотъ, кто оказывалъ вліяніе на высшіе классы общества, завоевывалъ этимъ самимъ и народную массу, привыкшую получать всякій импульсъ изъ высшихъ сферъ. Такъ какъ молодые аристократы цѣлыми массами стремились въ іезуитскія школы, то члены ордена могли изучить характеры и стремленія каждой личности и опутать своими сѣтями тѣхъ, которые могли принести имъ пользу. Кромѣ того іезуиты завладѣли большею частью духовныхъ семинарій, основанныхъ по предписаніямъ Тріентскаго собора, и образцовою римскою коллегіей, такъ что и духовенство очутилось вскорѣ подъ ихъ руководствомъ. Одной только педагогической дѣятельности было бы достаточно, чтобы сдѣлать Іезуитскій орденъ самою могущественною силою въ свѣтѣ.

Въ области педагогіи, орденъ выказалъ столь-же мало оригинальности и творческой силы, какъ и въ другихъ областяхъ. Вагеманнъ не безъ основанія говоритъ: «Іезуитскій орденъ не имѣлъ творческой идеи, которая была бы положена въ основаніе его дѣятельности; онъ не былъ представителемъ положительнаго принципа и даже не изобрѣлъ философской системы, которая была бы лучше прежнихъ».—«Первые члены ордена,—говоритъ Цирнгибль,—шли по стопамъ гуманистовъ, воздерживаясь отъ всякихъ нововведеній; они старались только усовершенствовать системы преподаванія гуманистовъ, устранить безполезный балластъ и увеличить количество полезныхъ предметовъ». Іезуиты придерживались, насколько возможно, средневѣковыхъ традицій, духа и формы схоластики и комбинировали ее внѣшнимъ образомъ съ гуманизмомъ; вслѣдствіе этого мертвый формализмъ долженъ былъ сдѣлаться главною характеристичною чертою іезуитскаго преподаванія.

Въ то время духъ независимости и пытливости едва только пробуждался въ школахъ; всѣ рабски слѣдовали авторитетамъ античнаго міра или церкви; имъ слѣпо подражали и старались только сохранить ихъ во всей неприкосновенности; при такихъ условіяхъ, свободная критика и самостоятельный анализъ оказывались почти невозможными, и человѣческому разуму было крайне трудно освободиться. Тогда дѣло шло лишь о томъ, чтобы принять готовый матеріалъ, переданный по традиціи, усвоить себѣ фактическія знанія, выдрессировать себя для какой-нибудь спеціальности и укрѣпиться въ вѣрѣ нѣк

торымъ догматамъ; о развитіи творческой самодѣятельности ума, о его освобожденіи и о пробужденіи индивидуальной мысли и иниціативы никто даже и не думалъ. Въ тѣ времена упражняли память, но не развивали разумъ. Даже самъ Штурмъ не успѣлъ освободиться отъ оковъ этой методы; онъ придавалъ первостепенную важность упражненію памяти и находилъ, что гораздо важнѣе навостриться читать и писать по-латыни, чѣмъ понимать духъ классическихъ писателей и античной культуры. Онъ оставилъ въ сторонѣ естественныя науки и пренебрегъ изученіемъ исторіи. Іезуиты усвоили себѣ методу Штурма, которая господствовала въ моментъ основанія ихъ ордена; они даже видоизмѣнили ее въ духѣ схоластики, которая требовала, чтобы вся наука проникалась законами церкви, исключая изученіе естественныхъ наукъ и исторіи и выдвигая на первый планъ діалектику и риторику. Поэтому іезуитское преподаваніе не могло пріобрѣсти прочной славы, а результаты его имѣли лишь весьма относительное достоинство. Основная тенденція ихъ педагогической системы заключалась въ томъ, чтобы внушить воспитанникамъ преданность даже не къ религіи, а къ церкви, и вся ихъ программа была приноровлена къ этой главной цѣли. Многія внѣшнія подробности іезуитской системы—диспуты, драматическія представленія и т. д.—живо напоминаютъ средніе вѣка, и дѣйствительно іезуитскія коллегіи были только сколкомъ со средневѣковыхъ школъ.

Въ четвертой части «Устава» помѣщенъ очеркъ плана преподаванія іезуитовъ. Онъ былъ разработанъ Аквавивой, по приказанію общей конгрегаціи. Первая забота ордена заключалась въ томъ, чтобы образовать будущихъ своихъ членовъ, а предписанія о другихъ ученикахъ занимали лишь второстепенное мѣсто. Для составленія программы, въ 1584 году была созвана особая комиссія, которая и составила втеченіи года руководство къ преподаванію, озаглавленное «Ratio atque Institutio studiorum Societatis Jesu». Орденъ одобрилъ этотъ трудъ, но когда Филиппъ II передалъ первое изданіе на разсмотрѣніе инквизиціи, то ея судилище объявило книгу «опасною», дерзкою и полною самомнѣнія, вслѣдствіе чего Сикстъ V запретилъ изданіе руководства въ этой первой редакціи.

Слѣдующія общія конгрегаціи измѣнили лишь нѣкоторыя подробности первоначальной программы, которою іезуиты и руководствуются до настоящаго времени. Первая общая конгрегація, созванная послѣ возстановленія ордена, постановила

не дѣлать никакихъ существенныхъ измѣненій въ «Ratio Studiorum», а ввести въ это руководство лишь тѣ усовершенствованія, которыя оказались необходимыми въ виду развитія человѣческихъ знаній. Въ 1832 году была дѣйствительно издана слегка видоизмѣненная программа. Передаемъ ее въ главныхъ чертахъ.

Первые классы, вводящіе ученика въ храмъ науки,—три грамматическихъ класса; первый изъ нихъ можетъ быть подраздѣленъ на два класса. Въ первомъ грамматическомъ классѣ преподаются основныя правила латинскаго синтаксиса, и для этого употребляются самыя легкія изъ писемъ Цицерона. За тѣмъ учениковъ обучаютъ чтенію и письму, имъ преподаютъ начала греческаго языка и объясняютъ катехизисъ. Во второмъ грамматическомъ классѣ проходится, правда, нѣсколько поверхностно, вся латинская грамматика, причемъ читаютъ «Посланія къ друзьямъ» Цицерона и самыя легкія стихотворенія Овидія, и объясняютъ греческій катехизисъ или таблицу Цебеса. Въ третьемъ изъ низшихъ классовъ кончается изученіе латинской грамматики и началъ греческой; въ этомъ-же классѣ читаются «Посланія» Цицерона къ Аттику, къ Квинктусу, трактаты о «Дружбѣ» и о «Старости», элегіи и посланія Овидія, избранныя сочиненія Катулла, Проперція, «Эклоги» и другія легкія произведенія Виргилія, напр. IV книга «Георгикъ», V и VII книги Энеиды; кромѣ того читаютъ Іоанна Златоуста, Эзопа и Агапета.

Второй классъ—филологическій—подготовляетъ къ наукѣ «посредствомъ изученія языковъ и краткихъ правилъ риторики». Изъ латинской литературы изучаютъ нравственно-философскія сочиненія Цицерона, изъ историковъ—Цезаря, Саллюстія, Тита-Ливія и Квинта Курція, изъ поэтовъ—Виргилія (за исключеніемъ Эклогъ и IV книги Энеиды), избранныя оды Горація, элегіи, эпиграммы и другіе избранные отрывки изъ древнихъ поэтовъ. «Изученіе исторіи,—гласитъ программа,—слѣдуетъ вести умѣренно; оно должно отъ времени до времени шевелить умъ, но не мѣшать изученію языковъ». Изъ греческаго языка преподается синтаксисъ, причемъ учениковъ обучаютъ бѣглому чтенію авторовъ и греческому писанію. Въ этомъ-же классѣ объясняютъ и нѣкоторыя рѣчи Исократа, Златоуста или Василія, нѣкоторыя посланія Платона и Синезія, избранные отрывки изъ Плутарха или изъ поэтовъ Фокилида, Ѳеогниза, Григорія Назіанзина, Синезія и другихъ. При этихъ

чтеніяхъ преподаватели имѣютъ больше въ виду знакомство съ языкомъ, чѣмъ истинную ученость.

Въ третьемъ риторическомъ классѣ преподаются краснорѣчіе, ораторское искусство и поэзія. Съ этою цѣлью изучаются законы риторики, по Цицерону и Аристотелю, а въ случаѣ необходимости и поэтическое искусство Аристотеля; Цицеронъ служитъ образцомъ для выработки слога. Наконецъ, приступаютъ къ изученію исторіи, нравовъ различнымъ народовъ и различныхъ доктринъ; курсъ располагается прогрессивно и приспособляется къ умственному уровню воспитанниковъ. Въ этомъ классѣ курсы раздѣлены на двѣ категоріи: въ однихъ преподаются искусство и правила краснорѣчія, другіе посвящены стилю и объясненію рѣчей. Греческій курсъ, посвященный изученію ораторовъ, историковъ и поэтовъ, ограничивается классиками — Демосѳеномъ, Платономъ; Ѳукидидомъ, Гомеромъ, Гезіодомъ и Пиндаромъ, къ числу классиковъ отнесены и Григорій Назіанзинъ, Василій Великій и Златоустъ. Само собою разумѣется, что въ двухъ высшихъ классахъ преподавалась христіанская религія, а основаніемъ этого преподаванія служила книга Канизія «Изложеніе христіанской доктрины». Извлеченіе изъ этой книги служило темой преподаванія въ первомъ классѣ. Удивительно то, что въ іезуитскихъ коллегіяхъ преподаванію религіи отводилось весьма мало мѣста. Одинъ писатель, посвященный во всѣ тайны іезуитскаго преподаванія, утверждаетъ, что изложенію христіанской доктрины посвящался лишь одинъ урокъ въ недѣлю, а именно по пятницамъ. Этотъ урокъ не всегда продолжался полный часъ. По субботамъ латинское и греческое Евангеліе объяснялось втеченіи получаса. Зато вся іезуитская педагогія была основана на благочестивыхъ обрядахъ. Схоластики ордена должны были провести два года въ риторическомъ классѣ. Высшіе классы начинались съ философскаго. Курсъ философіи продолжается для схоластиковъ три года и раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы: 1) философія въ буквальномъ смыслѣ этого слова, основанная на теоріи Аристотеля. Втеченіи перваго года излагается логика: втеченіи втораго—восемь книгъ физики, книги «О небѣ», и первая книга о «Размноженіи человѣческаго рода»; втеченіи третьяго года объясняются: вторая книга о «Размноженіи человѣческаго рода», книга «О душѣ» и метафизика. 2) Нравственная философія, основаніемъ которой служитъ «Этика» Аристотеля. 3) Курсъ математики; въ этомъ курсѣ преподаются «приблизительно» математическіе

правила Эвклида. Этому предмету посвящаются два мѣсяца, а за тѣмъ воспитаннику даются нѣкоторыя понятія о географіи. Всѣ кандидаты философіи обязаны проходить на второй годъ курсъ математики.

Главною наукою іезуиты считали богословіе; ему посвящается четырехлѣтній курсъ, который раздѣленъ слѣдующимъ образомъ: изученіе св. Писанія и древне-еврейскаго языка; схоластическое богословіе, основанное на ученіи Ѳомы Аквинскаго, и казуистика. Курсъ св. Писанія продолжается три года, но втеченіи перваго года изучается спеціально еврейскій языкъ. Іезуиты требовали, чтобы профессоръ еврейскаго языка зналъ и языки: греческій, халдейскій и сирійскій; въ случаѣ необходимости преподавались также языки: халдейскій, арабскій и индійскій. Курсъ схоластическаго богословія продолжается четыре года, причемъ преподаваніе сообразуется съ сочиненіями Ѳомы Аквинскаго. Изученію казуистики посвящаются два года. Схоластики, отличающіеся добродѣтелями или дарованіями, посвящаютъ изученію богословія два лишнихъ года, послѣ чего нѣкоторые изъ нихъ получаютъ, съ согласія генерала, степень доктора или учителя. Только послѣдователямъ Ѳомы Аквинскаго разрѣшается занимать богословскія каѳедры. Совокупность всѣхъ этихъ классовъ и факультетовъ составляетъ коллегію. Во всѣхъ университетахъ, принадлежавшихъ ордену, курсъ ученія раздѣляется на двѣ части — на средній курсъ, который проходился въ коллегіяхъ, и на университетскій курсъ. Пять низшихъ классовъ составляли коллегію, а курсы философіи и богословія составляли университетъ.

Педагогическій и административный персоналъ іезуитскихъ учебныхъ заведеній состоялъ изъ провинціала, ректора, префектовъ высшихъ и низшихъ курсовъ, профессоровъ высшихъ факультетовъ, профессоровъ низшихъ факультетовъ или учителей и ихъ помощниковъ, или классныхъ наставниковъ. Преподаваніе профессоровъ каждой категоріи было подчинено самымъ строгимъ правиламъ до мельчайшихъ подробностей, причемъ заранѣе были установлены какъ тема, такъ и форма лекцій.

Ученики раздѣлялись на три категоріи: 1) схоластики готовились вступить въ орденъ, а потому жили въ коллегіяхъ съ профессорами и учителями; 2) сыновья богатыхъ или аристократическихъ семействъ жили въ пансіонахъ или общежитіяхъ, гдѣ пользовались, за умѣренную плату, помѣщеніемъ, пищей, надзоромъ и ученіемъ; 3) приходящіе только присут-

ствовали на лекціяхъ и взносили за это небольшую плату. Обученіе продолжалось всего 190 дней въ году, а все остальное время было посвящено отдыху и каникуламъ. Управленіе учебнымъ заведеніемъ было возложено на ректора, который, съ помощью префектовъ, руководилъ обученіемъ и всѣми научными упражненіями. Помощники профессоровъ или классные наставники должны были слѣдить за порядкомъ и завѣдывали хозяйственною частью.

Особое учрежденіе, называемое академіей, заключаетъ въ себѣ студентовъ, избранныхъ изъ всѣхъ классовъ. Они проходятъ особый курсъ подъ руководствомъ префекта, избраннаго изъ схоластиковъ и отличающагося добродѣтелью, умомъ и ученостью. У префекта есть помощникъ, избранный ректоромъ изъ числа учителей и схоластиковъ, которые выдержали экзаменъ. Кромѣ диспутовъ, репетицій, рѣчей и декламацій, устраиваются торжественные акты, на которые приглашаютъ постороннихъ лицъ. Членамъ академіи раздаются награды, а въ академію допускаются только члены конгрегаціи Маріи. Профессорамъ низшихъ классовъ вмѣняется въ обязанность добиваться отъ воспитанниковъ послушанія, посредствомъ обѣщанія наградъ; они должны дѣйствовать на питомцевъ нравственными средствами, а не страхомъ и побоями. Преподаватели прежде всего стараются пробудить въ воспитанникахъ чувство соревнованія и самолюбія, обѣщая имъ за усердіе всевозможныя отличія. Имъ не только раздаютъ награды на публичныхъ актахъ, но назначаютъ и мелкія частныя награды, въ знакъ ихъ превосходства надъ другими. Въ классахъ имъ назначаютъ почетныя мѣста, и въ отличіе имъ присваиваются имена греческихъ и римскихъ героевъ. Изъ среды учениковъ выбираются преторы и цензоры, на которыхъ возлагается надзоръ за другими, главные и второстепенные начальники, декуріоны (десятники) и т. д. Классы раздѣлены на партіи; во главѣ каждой изъ нихъ стоятъ воспитанники, соперничающіе другъ съ другомъ. Каждая партія имѣетъ своихъ старшинъ и начальниковъ, которые ежемѣсячно баллотируются. Чтобы отличить дурныхъ учениковъ отъ хорошихъ, въ серединѣ или въ какомъ-нибудь углу школы была устроена особая позорная скамейка, исписанная именами людей, прославившихся дурными дѣлами.

Педагогическій уставъ іезуитовъ предписываетъ наставникамъ не быть слишкомъ строгими и не назначать слишкомъ поспѣшно наказанія. Имъ, напротивъ того, вмѣнялось въ

обязанность скрывать по возможности проступки учениковъ, если это не причиняло никому вреда. Если тѣлесное наказаніе признавалось необходимымъ, то исполненіе экзекуціи поручалось такъ называемому корректору; наставникамъ было строго запрещено оскорблять учениковъ словами или дѣйствіями и называть ихъ какими-нибудь оскорбительными именами. Наказанія замѣнялись иногда дополнительными уроками. Важныя наказанія назначались префектами за проступки, совершенные за предѣлами школы старшими воспитанниками. Корректоръ, подвергающій воспитанниковъ тѣлесному наказанію, не долженъ принадлежать къ ордену. Если въ заведеніи нѣтъ корректора, то одному изъ воспитанниковъ поручается наказаніе провинившагося товарища. Если воспитанникъ, подлежащій тѣлесному наказанію, уже не молодъ, то наказаніе замѣняется исключеніемъ изъ заведенія. Разговоры на родномъ языкѣ строго запрещались, а если кто-нибудь нарушалъ это правило, то онъ могъ получить прощеніе, доказавъ свидѣтельскими показаніями, что его товарищъ совершилъ въ тотъ-же день тотъ-же самый проступокъ. Это правило, разумѣется, развивало доносы и уничтожало между воспитанниками всякую товарищескую связь. Въ программѣ іезуитской школы въ Ландсгутѣ преподавателямъ ставится на видъ, что ничтожные ученики могутъ со временемъ пріобрѣсти высокое положеніе и власть, такъ что въ нихъ придется заискивать; поэтому наставникамъ вмѣняется въ обязанность стараться привязать къ себѣ всѣхъ учениковъ. Профессора должны обращаться со всѣми учениками одинаково, не входя въ интимныя отношенія ни съ кѣмъ и не отдавая предпочтенія одному передъ другимъ; они должны одинаково заниматься бѣдными и богатыми. Внѣ школьныхъ занятій, они должны бесѣдовать съ учениками только о серьезныхъ предметахъ, воздерживаясь при этомъ отъ слишкомъ продолжительныхъ разговоровъ. Переходъ изъ класса въ классъ зависитъ отъ успѣшно выдержанныхъ экзаменовъ.

Нравственная жизнь воспитанниковъ подчинена строгому надзору, а вся метода воспитанія клонится къ тому, чтобы добиться отъ нихъ пассивной покорности. Отношенія воспитанниковъ другъ къ другу и къ внѣшнему міру строго контролируются всевозможными средствами. Схоластики ордена должны бесѣдовать съ экстернами лишь о научныхъ предметахъ, развивающихъ умъ. Воспитанникамъ запрещается читать безнрав-

ственныя книги, посѣщать общественныя зрѣлища и казни, за исключеніемъ казни еретиковъ. Однако, несмотря на всѣ эти предосторожности, воспитанники іезуитовъ предавались самому разнузданному разврату и совершали въ высшей степени безнравственные поступки.

Воспитаніе и преподаваніе іезуитовъ проникнуты строго церковнымъ духомъ. Педагогическій уставъ («Ratio Studiorum») напоминаетъ на каждомъ шагу, что наука преподается людямъ для того, чтобы научить ихъ любви къ Творцу и Спасителю. Ректоръ долженъ стремиться къ тому, чтобы достигнуть конечной цѣли воспитанія, а именно прогресса въ познаніяхъ и добродѣтели. Профессорамъ всѣхъ классовъ предписывается пробуждать въ душѣ воспитанниковъ любовь къ Богу, служить имъ примѣромъ набожности и добродѣтели, увѣщевать ихъ къ ежедневному изслѣдованію собственной совѣсти, побуждать ихъ къ частому принятію Св. Таинствъ, заставлять ихъ ходить ежедневно къ обѣднѣ и слушать проповѣди по воскресеньямъ и праздникамъ, внушать имъ отвращеніе къ пороку и любовь къ добродѣтели. Наставники должны наблюдать, чтобы воспитанники предавались культу Маріи, читали христіанскія легенды и исповѣдывались каждый мѣсяцъ. Всѣмъ этимъ правиламъ должны подчиняться не только схоластики и пенсіонеры заведеній, но и экстерны. Схоластики должны искать въ наукѣ только славы Божіей и спасенія своей души. Въ своихъ молитвахъ они должны испрашивать у Бога милости, преуспѣвать въ познаніи христіанскаго ученія, дабы удостоиться со временемъ воздѣлывать вертоградъ Господень. «Въ нашихъ школахъ не должны быть терпимы сочиненія поэтовъ и другихъ писателей, которые могутъ повредить нравамъ; ихъ можно допустить лишь послѣ предварительнаго очищенія; но такіе писатели, какъ Теренцій, которые не поддаются очищенію, должны быть безусловно изгнаны». Наставникамъ и воспитанникамъ предписываются различныя правила, клонящіяся къ огражденію религіозныхъ вѣрованій отъ всякихъ сомнѣній. Префектъ, завѣдывающій преподаваніемъ, предоставляетъ въ распоряженіе слушателей философскихъ и богословскихъ курсовъ лишь нѣкоторыя книги, одобренныя ректоромъ—сочиненія св. Ѳомы, Аристотеля и избранные комментаріи. Богословамъ разрѣшается читать, кромѣ декретовъ Тріентскаго собора, и Библію. Въ библіотекѣ германской коллегіи шкафъ съ еретическими книгами назывался адомъ, и эти книги брали лишь для того, чтобы приводить изъ нихъ какія-нибудь цитаты.

Главная задача іезуитскаго преподаванія заключалась въ томъ, чтобы затормозить свободное развитіе умовъ и вполнѣ подчинить ихъ церкви; поэтому необходимо было принимать всевозможныя мѣры къ изгнанію сомнѣній, которыя могли зародиться въ душахъ. «Ratio Studiorum» заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ предписаній на этотъ счетъ; одно изъ нихъ гласитъ слѣдующее: «Никто не долженъ, безъ предварительнаго разрѣшенія старшихъ, возбуждать новые вопросы или высказывать мнѣнія, не санкціонированныя авторитетными авторами. Это относится даже къ предметамъ, не затрогивающимъ непосредственно вѣру и благочестіе; никому не дозволяется высказывать доктрины, противорѣчащія аксіомамъ свѣтилъ науки и обиходнымъ мнѣніямъ, господствующимъ въ школахъ. Всѣмъ вмѣняется въ обязанность руководствоваться мнѣніями самыхъ авторитетныхъ докторовъ и доктринами, установленными въ католическихъ академіяхъ. Никому не дозволяется высказывать мнѣнія неосновательныя, устарѣлыя, противныя здравому смыслу и ложныя; никто не долженъ ни цитировать, ни опровергать ихъ».

Іезуитское преподаваніе подчиняетъ философію одновременно и христіанской догматикѣ, и Аристотелю; подъ руководствомъ іезуитовъ, она остается тѣмъ-же, чѣмъ была въ средніе вѣка— рабою богословія. Профессора философіи излагаютъ свою науку такъ, чтобы подготовить своихъ слушателей къ богословію, а главнымъ образомъ къ познанію Творца. Они не только должны прослушать полный курсъ богословія, но пройти еще и двухлѣтній дополнительный курсъ, чтобы ихъ доктрина была совершенно несомнѣнна и служила богословію. Тѣ изъ профессоровъ, которые обнаруживали наклонность къ нововведеніямъ и отличались излишнею свободою мыслей, изгонялись изъ коллегій. Профессоръ имѣлъ право отклоняться отъ ученія Аристотеля лишь въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ оно идетъ въ разрѣзъ съ католицизмомъ. Ему вмѣнялось въ обязанность обходить молчаніемъ нѣкоторыя главы метафизики, которыя находятся въ слишкомъ близкой связи съ основами христіанскаго ученія объ откровеніи. Что-же касается комментаторовъ Аристотеля, которые, подобно Аверроэсу, относились не совсѣмъ почтительно къ христіанству, то профессоръ долженъ сдѣлать тщательный выборъ изъ ихъ сочиненій и постараться, чтобы ученики не увлекались ими. Преподавателямъ св. Писанія и еврейскаго языка предписывалось слѣдующее: 1) истолковывать

св. Писаніе въ буквальномъ смыслѣ; 2) защищать переводъ, одобренный церковью; 3) защищать смыслъ, приданный какому-нибудь отрывку Писанія папскими и соборными постановленіями; 4) выбирать изъ комментаріевъ отцовъ церкви тѣ, которые уже давно одобрены церковью; 5) не опровергать отцовъ церкви и богослововъ, если они утверждали, что какое-нибудь правило вѣры основано на Писаніи; 6) если профессоръ заимствуетъ изъ сочиненій какого-нибудь раввина фактъ, соотвѣтствующій Вульгатѣ или католическому догмату, то онъ долженъ цитировать его такъ, чтобы воспитанники не прониклись симпатіями къ раввинамъ и не увлеклись ихъ ученіемъ. Наконецъ, профессора схоластическаго богословія вынуждены придерживаться почти исключительно сочиненій Ѳомы Аквинскаго. Спеціальный каталогъ вопросовъ перечисляетъ пункты, которыхъ не слѣдуетъ касаться или которые слѣдуетъ изучать по другимъ источникамъ. По тѣмъ вопросамъ, которыхъ Ѳома Аквинскій не касался, профессоръ долженъ преподавать только то, что согласно съ ученіемъ церкви и съ ея традиціями и можетъ утвердить воспитанниковъ въ благочестіи; онъ долженъ опровергать главныя клеветы еретиковъ, приводя противъ нихъ болѣе вѣскіе аргументы. Наконецъ, профессоръ долженъ приноравливаться къ мнѣніямъ, установленнымъ въ странѣ, гдѣ онъ преподаетъ; онъ долженъ тщательно воздерживаться отъ изложенія и защиты доктринъ—у какого бы автора онѣ ни были заимствованы — которыя, по его убѣжденію, могутъ оскорбить католиковъ какой-нибудь провинціи или академіи.

Въ педагогической программѣ іезуитовъ поражаетъ почти полное исключеніе точныхъ наукъ. Въ низшихъ классахъ исторія преподается лишь самымъ поверхностнымъ образомъ, а въ высшихъ она блистаетъ своимъ отсутствіемъ. На богословскомъ факультетѣ не преподается даже исторія церкви. Математика находится въ полномъ пренебреженіи, а естественныя науки совсѣмъ не преподаются: по части физики, іезуиты остановились на старыхъ теоріяхъ Аристотеля. Медицина и правовѣдѣніе систематически исключены. Все это доказываетъ, что іезуитское преподаваніе не можетъ удовлетворять требованіямъ нашего времени, такъ какъ все болѣе и болѣе ощущается необходимость положительныхъ знаній.

На высшихъ курсахъ всѣ лекціи читаются на латинскомъ языкѣ; наставники диктуютъ свои записки, а потомъ объясняютъ ихъ. Воспитанники, понимающіе латинскій языкъ,

должны всѣ говорить на немъ; схоластикамъ позволяется говорить на другихъ языкахъ въ праздничные дни и во время каникулъ, но во время учебнаго года разговорнымъ языкомъ для нихъ долженъ быть латинскій. Схоластикамъ вмѣняется въ обязанность читать продиктованныя записки, вникать въ нихъ и провѣрять ихъ. Они должны дѣлать самимъ себѣ возраженія и стараться опровергать ихъ. Нѣсколько болѣе широкая умственная дѣятельность позволяется тѣмъ, которые проходятъ двухлѣтній дополнительный курсъ; имъ разрѣшаютъ анализировать противоположныя мнѣнія и обсуждать ихъ съ точки зрѣнія идей св. Ѳомы. Воспитанники предавались съ особеннымъ усердіемъ диспутамъ, которые устраивались весьма торжественно. Въ курсъ преподаванія входили сочиненія, рѣчи, декламація цѣлыхъ отрывковъ изъ классиковъ и поэтовъ и театральныя представленія. Вообще іезуитская педагогія обращала большое вниманіе на внѣшнія формы. Іезуитъ Карнова говоритъ на этотъ счетъ слѣдующее: „театральныя представленія пріучаютъ молодыхъ людей къ хорошимъ манерамъ и помогаютъ имъ усвоить себѣ изящныя формы, которыя, въ большинствѣ случаевъ, служатъ лучшею рекомендаціей; благодаря театральнымъ представленіямъ, молодежь отдѣлывается отъ той робости и застѣнчивости, которыя иногда до такой степени парализуютъ человѣка, что онъ нѣмѣетъ и становится неловкимъ въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ и въ публичныхъ собраніяхъ; разыгрываемыя комедіи и трагедіи должны быть написаны на латинскомъ языкѣ, а женщины и даже женскіе костюмы безусловно исключены». Впрочемъ, эти театральныя представленія, напоминающія по большей части средневѣковыя мистеріи, давались въ Баваріи и Австріи, при пышной обстановкѣ придворныхъ балетовъ, но часто принимали характеръ самыхъ грубыхъ зрѣлищъ. Въ 1786 году Гёте присутствовалъ на театральномъ представленіи, данномъ учениками іезуитской коллегіи въ Регенсбургѣ; онъ говоритъ объ этомъ представленіи слѣдующее: «Воспитанники оказались не хуже труппы дебютирующихъ актеровъ; костюмы ихъ были очень красивы, можно сказать даже почти слишкомъ богаты. Это зрѣлище послужило для меня новымъ доказательствомъ необыкновенной ловкости іезуитовъ. Они не пренебрегаютъ ничѣмъ, что можетъ произвести на публику впечатлѣніе, и ловко эксплуатируютъ все эффектное. Въ этомъ религіозномъ братствѣ есть не только всякіе мастеровые,—скульпторы, позолотчики, фабриканты органовъ,—но и спеціалисты, занимающіеся театромъ, по призванію;

точно такъ-же, какъ іезуитскія церкви отличаются роскошной обстановкой, которая производитъ на массу сильное впечатлѣніе, такъ и въ дѣлѣ театральныхъ представленій люди интеллигентные дѣйствуютъ на свѣтское общество чувственными наслажденіями». Іезуиты заботились также о сохраненіи и укрѣпленіи здоровья своихъ воспитанниковъ: они не обременяли ихъ умственными занятіями, боясь задержать ихъ физическое развитіе. Схоластикамъ было запрещено заниматься какимъ-нибудь усидчивымъ трудомъ болѣе двухъ часовъ подъ рядъ, не прерывая его короткимъ отдыхомъ. Уставъ предписываетъ учителямъ строго наблюдать, чтобы воспитанники не занимались науками въ часы, назначенные для отдыха и сна, и не вредили такимъ образомъ своему здоровью. «Работая умѣренно, съ соблюденіемъ равновѣсія силъ,—гласитъ уставъ,—человѣкъ будетъ въ состояніи трудиться болѣе долгое время во славу Божію».

Каникулярное время посвящалось всевозможнымъ увеселеніямъ и поѣздкамъ на дачи ордена. Воспитанники занимались фехтованіемъ, верховой ѣздой, катались въ саняхъ и на конькахъ, упражнялись въ плаваніи и занимались играми, которыя придавали тѣлу гибкость и силу. Болѣе всего была въ ходу билліардная игра—любимая игра Лойолы. Кромѣ того ученики занимались инструментальной и вокальной музыкой, а игра въ карты и кости была безусловно запрещена. Когда слишкомъ затягивались игры, требующія слишкомъ большого умственнаго напряженія, то наставники прерывали ихъ. Коллегіи и пансіоны отличались прекраснымъ и здоровымъ мѣстоположеніемъ и безукоризненною чистотою; воспитанники помѣщались въ громадныхъ залахъ, отдѣланныхъ иногда съ поразительною роскошью, и пользовались не только здоровымъ, но и утонченнымъ столомъ.

Орденъ съ одинаковою заботливостью формировалъ для себя не только профессоровъ для высшаго обученія, но и учителей для среднихъ учебныхъ заведеній (гимназій или лицеевъ). Провинціалъ заботился о томъ, чтобы въ каждой провинціи было два или три блестящихъ профессора литературы и элоквенціи и возможно большее число учителей грамматики и риторики. Схоластики, предназначавшіе себя для этого преподаванія, готовились къ нему въ частной академіи. Восьмая общая конгрегація предписала основательное изученіе греческаго языка и учрежденіе нормальныхъ школъ, которыя должны были выпускать учителей.

Въ 1832 году генералъ Ротанъ ввелъ усовершенствованную программу преподаванія. Въ виду усилившагося скептицизма, онъ предписалъ внушить ученикамъ истинное религіозное ученіе, подтверждая его вѣскими аргументами; онъ счелъ нужнымъ посвятить больше времени изученію физики и математики, усилить въ низшихъ классахъ преподаваніе литературы и родного языка, отводя впрочемъ наибольшее количество времени на изученіе греческой и латинской литературы. Эта новая программа освободила профессоровъ философіи отъ рабскаго подчиненія ученію Аристотеля, а профессоровъ богословія—отъ ученія св. Ѳомы. Въ виду миссіонерской задачи іезуитовъ, было предписано посвятить болѣе серьезное вниманіе восточнымъ языкамъ.

Кромѣ того, новая программа ввела преподаваніе исторіи церкви и вмѣнила профессорамъ въ обязанность подвергать сомнительныхъ авторовъ и сомнительные документы умѣренной, справедливой и безпристрастной критикѣ. Отъ профессоровъ философіи требовалось, чтобы они пріучили воспитанниковъ дѣлать во время диспутовъ лишь серьезныя возраженія, выражаться ясно и точно и избѣгать всякихъ казуистическихъ хитросплетеній. Профессоръ нравственной философіи долженъ излагать также и общіе принципы права. Физика и естественныя науки, первоначально присоединенныя къ философіи, были возведены на степень самостоятельныхъ предметовъ преподаванія. Новая программа рекомендовала обратить особенное вниманіе на изученіе родного языка, на точность переводовъ и на упражненія въ чтеніи въ слухъ. Эти правила не имѣли почти никакого практическаго результата. Авторъ новой программы былъ проникнутъ духомъ стараго «Ratio Studiorum», когда утверждалъ, что изученіе древнихъ писателей имѣетъ лишь второстепенную цѣль, а именно выработку слога. Что-же касается исторіи, то онъ наивно утверждаетъ, что эта наука губитъ того, кто ее изучаетъ. Въ сущности, всѣ предложенныя нововведенія нисколько не измѣнили основного характера старой программы. Это видно изъ письма, которое патеръ Бэксъ, бывшій генераломъ ордена во второй половинѣ нашего вѣка, писалъ въ 1854 году къ австрійскому министру народнаго просвѣщенія. Онъ указывалъ на «Ratio Studiorum», какъ на незыблемый законъ, которому орденъ обязанъ слѣдовать и которому дѣйствительно слѣдуетъ; по словамъ патера Бэкса, эту программу можно измѣнять лишь въ мелкихъ подробностяхъ, въ угоду требованіямъ времени. Патеръ Бэксъ

категорически объявляетъ, что главная задача филологіи заключается въ томъ, чтобы дать уму чисто формальное образованіе: поэтому онъ рѣшительно сопротивляется слишкомъ большому расширенію программы точныхъ наукъ въ гимназіяхъ (лицеяхъ). «Гимназіи,—говоритъ онъ,—должны остаться вѣрны своему назначенію: въ нихъ должна даваться уму извѣстная гимнастика, состоящая не въ усвоеніи различныхъ реальныхъ познаній, а въ чисто внѣшней культурѣ».

Съ самаго начала своей дѣятельности, Іезуитскій орденъ управлялъ своими воспитательными заведеніями совершенно независимо отъ государства и города. Въ эпоху, когда другія школы были рѣдкостью, а іезуитскія имѣли громадный успѣхъ, имъ было легко пріобрѣсти такое независимое автономное положеніе. Въ настоящее время (70-е года) орденъ предъявляетъ тѣ-же самыя требованія. Въ только что приведенномъ письмѣ, Бэксъ настоятельно требуетъ, чтобы руководство гимназіями Іезуитскаго общества было исключительно предоставлено начальству ордена; іезуиты соглашаются на государственный контроль ихъ методы, но требуютъ для ордена права назначать безъ предварительнаго экзамена директоровъ, ректоровъ, префектовъ и профессоровъ, смѣщать и замѣщать ихъ, по своему усмотрѣнію, другими, сообразуясь, въ дѣлѣ преподаванія, съ предписаніями «Ratio Studiorum», которое составляетъ нераздѣльное цѣлое съ уставомъ. Что-же касается измѣненій программы, то они возможны лишь настолько, насколько не противорѣчатъ духу и основнымъ принципамъ общей программы.

Педагогическая дѣятельность іезуитовъ имѣла быстрый, постоянно возраставшій, успѣхъ. Въ 1600 году они имѣли 200 школъ, въ 1710—612 школъ, 137 пансіоновъ или нормальныхъ школъ и множество университетовъ, въ которыхъ патеры давали ученыя степени. Каждое изъ этихъ заведеній имѣло громадное число учениковъ. Въ 1651 году клермонская коллегія имѣла 200 учениковъ, а въ 1675 г. это число возросло до 3,000. Втеченіи 1750 года число іезуитскихъ школъ увеличилось во Франціи на нѣсколько сотенъ. Такъ какъ Іезуитскій орденъ пренебрегалъ первоначальнымъ образованіемъ, то, для пополненія этого пробѣла, аббатъ Лазалль основалъ конгрегацію «братьевъ христіанскихъ школъ» или «игнорантинцевъ». Эта конгрегація, основанная въ 1724 году, давала безплатное образованіе и имѣла во Франціи самое обширное поле дѣятельности.

Историкъ Ранке утверждаетъ, что, подъ вліяніемъ іезуитовъ, Ингольштадтскій университетъ вскорѣ сдѣлался для католицизма тѣмъ-же, чѣмъ были для протестантизма Виттенбергъ и Женева. Публика убѣдилась, что у іезуитовъ воспитанники проходили въ полгода то самое, на что въ другихъ мѣстахъ тратили два года; даже протестанты брали своихъ сыновей изъ отдаленныхъ гимназій и поручали ихъ іезуитамъ. Карлъ Шмидтъ совершенно основательно затѣтилъ, что втеченіи почти двухъ вѣковъ іезуиты руководили образованіемъ всей католической Европы.

Но изъ среды самаго ордена очень рано стали раздаваться горькія жалобы на положеніе образованія. Понтанусъ, префектъ и профессоръ аугсбургской коллегіи, пользовавшійся большимъ авторитетомъ, изобразилъ въ концѣ XVI вѣка весьма печальную картину іезуитскихъ учебныхъ заведеній и потребовалъ радикальныхъ реформъ. Онъ главнымъ образомъ порицаетъ необыкновенную поспѣшность, съ которою ведется дѣло образованія схоластиковъ, слишкомъ поверхностное изученіе литературъ и исторіи, скупость въ дѣлѣ покупки книгъ и нарушеніе равенства въ дѣлѣ дисциплины и въ распредѣленіи наказаній. Даже послѣ расширенія программы преподаванія, Маріанна сѣтуетъ на научную безплодность заведеній ордена и на недостатокъ хорошихъ проповѣдниковъ, выдающихся богослововъ и хорошихъ преподавателей языковъ. Онъ утверждаетъ, что въ его время хуже понимаютъ латинскій языкъ, чѣмъ 50 лѣтъ назадъ, и приписываетъ это варварское невѣжество дѣятельности своего ордена. «Если бы люди поняли, какое зло мы приносимъ,—говоритъ онъ,—то, конечно, насъ изгнали бы декретами изъ общественныхъ школъ». Въ сочиненіи іезуита Штрейхера (Diarium itineris indici), появившемся въ прошломъ вѣкѣ, встрѣчаются также весьма характеристичныя признанія. Ректоръ севильской коллегіи не зналъ ни слова по-латыни, а профессора элоквенціи и риторики безобразнѣйшимъ образомъ искажали этотъ языкъ. Весьма вѣроятно, говоритъ Штрейхеръ, что многіе не понимаютъ обѣдни, и навѣрное никто не понимаетъ требника. Однажды, одинъ изъ іезуитскихъ профессоровъ наивно спросилъ у Штрейхера, заговорившаго съ нимъ о Плавтѣ: «Кто этотъ богословъ?» Когда Штрейхеръ пожелалъ узнать, почему въ іезуитскихъ школахъ не преподаютъ математику, то ему отвѣчали, что «испанцы считаютъ эту науку слишкомъ легкою и ничтожною».

Сравнительныя достоинства іезуитскаго преподаванія стали

уменьшаться по мѣрѣ того, какъ методы воспитанія и образованія развивались, на основаніи болѣе широкой и глубокой идеи о человѣчествѣ. Бокль сказалъ не безъ основанія: «Іезуиты теряли почву по мѣрѣ развитія цивилизаціи; это произошло не вслѣдствіе ихъ собственнаго нравственнаго паденія, а вслѣдствіе перемѣны настроенія окружавшаго ихъ общества. Ученыя заведенія, вполнѣ приспособленныя къ предыдущей общественной формѣ, перестали соотвѣтствовать тому-же обществу въ эпоху его сравнительной зрѣлости. Въ XVI вѣкѣ іезуиты были передовыми людьми своего времени, а въ XVIII они уже отстали отъ него».

Одинъ изъ воспитанниковъ іезуитовъ, графъ Францъ Деймъ, сообщаетъ намъ самыя точныя свѣдѣнія о жалкомъ состояніи преподаванія въ іезуитскихъ коллегіяхъ въ половинѣ нынѣшняго вѣка. На основаніи собственнаго опыта, онъ утверждаетъ, что іезуитскіе учителя не имѣютъ даже тѣхъ спеціальныхъ знаній, которыми обладаютъ учителя самыхъ плохихъ лицеевъ; они не въ состояніи преподавать даже самые элементарные предметы. Желаніе ихъ ускользнуть отъ непосредственнаго государственнаго контроля объясняется самою сущностью ихъ преподаванія. Въ программу преподаванія входятъ почти тѣже самые предметы, которые преподаются въ государственныхъ гимназіяхъ, но способъ преподаванія гораздо менѣе полезенъ. Лучшіе ученики іезуитовъ рѣшительно не въ состояніи бороться съ учениками другихъ заведеній. Деймъ порицаетъ механическій характеръ и совершенно ненужное изобиліе религіозныхъ обрядовъ; онъ говоритъ, что способъ преподаванія развиваетъ въ ученикахъ разсѣянность и лѣнь, потому что умъ не въ состояніи работать съ тѣмъ напряженіемъ, которое отъ него требуется, а іезуитскіе педагоги запрещаютъ всякое серьезное чтеніе, способствующее развитію ума и служащее отдыхомъ. Въ низшихъ классахъ всѣ предметы преподаются однимъ учителемъ; время школьныхъ занятій всецѣло посвящается вопросамъ, которые учитель задаетъ ученикамъ; имъ крайне рѣдко даются объясненія, а если это случается, то учитель читаетъ эти объясненія по книгѣ, такъ какъ онъ не въ состояніи дать ихъ устно. Вопросы, задаваемые ученикамъ, имѣютъ формальный характеръ и никогда не касаются смысла и сущности вещей. Предметы преподаванія не имѣютъ между собой никакой логической связи. Древніе языки и литературы изучаются лишь съ единственною цѣлью преподать ученику извѣстныя выраженія и классическіе обороты рѣчи. Деймъ

говоритъ, что, во все время своего ученія, онъ ни разу не присутствовалъ на урокѣ исторіи. Даже религія преподается самымъ поверхностнымъ образомъ, и никто изъ преподавателей не старается посвятить ученика въ ея внутреннюю сущность. И въ этомъ случаѣ внѣшняя форма играетъ важную роль. Къ математикѣ примѣняется тотъ-же способъ преподаванія: правила заучиваются наизусть, и учитель не старается растолковать ученику ихъ внутреннюю связь и объяснить ихъ живыми примѣрами. Для этой науки, какъ и для всѣхъ другихъ, спеціальные профессора существуютъ лишь въ высшихъ классахъ. Естественныя науки, которымъ посвящается лишь нѣсколько часовъ въ высшихъ классахъ, преподаются въ видѣ сухой классификаціи, которая заучивается на память. Нѣмецкая литература преподается ученикамъ лишь въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, и это поверхностное знаніе не оживляется никакою критикой, никакой общей идеей; лучшіе поэты и писатели считаются чуть не еретиками, вредными для нравственности молодежи. Такъ напр., изученіе шиллеровской «Маріи Стюартъ» считается преступленіемъ, за которое ученикъ исключается изъ заведенія. Такая метода, разумѣется, задерживаетъ умственное развитіе и, упражняя только память, совершенно механизируетъ ученика и лишаетъ его возможности, даже впослѣдствіи, усваивать что-либо, кромѣ словъ.

Деймъ описываетъ также, какимъ образомъ іезуиты обманываютъ инспекторовъ, присылаемыхъ правительствомъ съ предписаніемъ экзаменовать воспитанниковъ. Онъ сѣтуетъ на іезуитовъ за то, что они стараются задушить въ своихъ ученикахъ всякое проявленіе индивидуальности и всякій проблескъ умственнаго развитія. Какъ студенты 20 лѣтъ, такъ и восьмилѣтніе ученики подчинены строжайшему надзору, такъ что все заведеніе похоже скорѣе на исправительный пріютъ, чѣмъ на храмъ науки. Іезуиты стараются систематически задушить всякое проявленіе взаимнаго довѣрія между учениками. Деймъ энергично порицаетъ отсутствіе всякой умственной связи между наставниками и воспитанниками, унизительное употребленіе тѣлесныхъ наказаній, систематически развиваемый духъ шпіонства и доносъ и цензуру писемъ, въ которыхъ патеры извращаютъ чувства и мысли учениковъ, уничтожая въ то-же время всѣ письма, въ которыхъ заключаются жалобы на заведеніе. «Тотъ, кто захотѣлъ бы возвысить іезуитскаго воспитанника до умственнаго и нравственнаго уровня его сверстника, воспитаннаго въ какомъ-либо другомъ заведеніи, дол-

женъ былъ бы потратить на него цѣлые годы самаго упорнаго и добросовѣстнаго труда. При менѣе благопріятныхъ условіяхъ, іезуитскій воспитанникъ будетъ существомъ апатичнымъ, безполезнымъ для себя и для общества. Въ большинствѣ случаевъ, онъ остается тѣмъ, чѣмъ сдѣлали его наставники—существомъ ограниченнымъ, неразвитымъ, лишеннымъ всякой личной иниціативы и неспособнымъ обходиться безъ отеческаго руководства іезуитизма».

Въ виду важныхъ упрековъ, сыпавшихся со всѣхъ сторонъ на іезуитскую педагогію, орденъ не разъ указывалъ на цѣлый рядъ великихъ людей, вышедшихъ изъ его заведеній, и на благопріятные отзывы самихъ его воспитанниковъ. Во Франціи, іезуиты дѣйствительно съ успѣхомъ соперничали нѣкоторое время съ университетами, и коллегіи ордена давали своимъ воспитанникамъ болѣе разнообразныя знанія. Величайшіе герои, какъ Конде, Булліонъ, Роганъ, Люксенбургъ, Монморанси, Вилларъ, Брольи, самые замѣчательные прелаты, какъ Флешье, Боссюе, Флёри, Тансенъ, величайшіе легисты Ламуаньонъ, Сегье, д'Аржансонъ, Талонъ, Потье, Монтескье, Моле, Гено, наконецъ такіе писатели и мыслители, какъ Декартъ, Корнель, Фонтенелль, Мольеръ и даже Вольтеръ вышли изъ іезуитскихъ школъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что эти великіе люди достигли славы, благодаря іезуитскому воспитанію. Одаренные отъ природы исключительными способностями, эти геніальные умы пробили бы себѣ дорогу и безъ іезуитскаго воспитанія, и во всякомъ случаѣ они вышли на поприще своей блестящей дѣятельности, сбросивъ съ себя предварительно оковы этого воспитанія. Съ другой стороны, никто не знаетъ числа тѣхъ жертвъ, умственное развитіе которыхъ было задержано, парализовано и убито педагогіей Іезуитскаго ордена. Впрочемъ, надо признать, что, до послѣдняго времени, іезуиты имѣли воспитанниковъ, которые всю жизнь питали къ нимъ глубочайшее уваженіе и искреннюю преданность. Въ 1846 году, когда Тьеръ публично возсталъ противъ іезуитской педагогіи, 600 человѣкъ, занимавшихъ во Франціи самыя различныя положенія, выступили со всѣхъ сторонъ въ защиту своихъ бывшихъ воспитателей и сдѣлали слѣдующее заявленіе: «Наши наставники воспитывали насъ, черпая изъ самыхъ чистыхъ источниковъ пищу для нашихъ душъ. Исторія, философія, языки, литература, науки—все достигало до насъ, пройдя предварительно черезъ горнило очищенія. Наши наставники внушили намъ, что Богъ и основанная Имъ религія просвѣ-

щаютъ разумъ, господствуютъ надъ нимъ и руководятъ совѣстью; что всѣ люди равны передъ Богомъ и должны быть равны передъ закономъ, который представляетъ собой его образъ, что государственная власть создана для народовъ, а не народы для нея; что всякій гражданинъ, каково бы ни было его общественное положеніе, долженъ жертвовать собою отечеству, долженъ отдавать ему, въ случаѣ необходимости, свое состояніе и жизнь; что измѣна отечеству и тиранія—преступленія противъ Бога и общества. Мы хотимъ, чтобы вся Франція узнала истину: это воспитаніе (іезуитское), на которое такъ много клеветали, проникнуто духомъ католицизма, а соединяя религіозное чувство съ преданностью отечеству, мы становимся лучшими гражданами и истинными защитниками нашей свободы и гражданскихъ правъ».

Этотъ благопріятный отзывъ, прямо противорѣчащій описанію Дейма, свидѣтельствуетъ, правда, о личныхъ впечатлѣніяхъ своихъ авторовъ, и мы не станемъ отрицать, что среди іезуитовъ были люди благородные и высоко-даровитые, посвящавшіе себя дѣлу воспитанія. Но все это не можетъ однако служить достаточнымъ противовѣсомъ тѣмъ недостаткамъ, которые проявлялись теоретически и практически въ дѣлѣ іезуитскаго воспитанія и преподаванія.

При Наполеонѣ III дѣятельность іезуитовъ снова усилилась во Франціи. Въ 1864 году они имѣли 11 коллегій съ 4,240 воспитанниками. Въ то-же самое время у нихъ было въ Бельгіи 11 коллегій съ 3,085 учениками. До своего изгнанія, они открыли въ Швейцаріи коллегію во Фрейбургѣ, гдѣ собрали 800 учениковъ. Въ 1863 году римская коллегія имѣла 1,921 учениковъ, въ числѣ коихъ было 654 иностранца. Въ 1860 году іезуитская коллегія въ Палермо имѣла 1,000 учениковъ, а коллегія въ Стенигёрстѣ, въ Англіи, вмѣщала около 300 учениковъ. Въ Америкѣ есть іезуитскія школы, которыя посѣщаютъ даже протестанты. Въ Парижѣ іезуиты основали приготовительное учебное заведеніе, изъ котораго воспитанники поступаютъ въ высшія военныя школы и въ Политехническую; въ 1864 году этотъ пансіонъ имѣлъ 330 воспитанниковъ, а 120 человѣкамъ было отказано въ пріемѣ по недостатку мѣста; 51 изъ воспитанниковъ поступили въ Сенъ-Сирскую военную школу. Іезуиты хвастаютъ этими цифрами, но франко-прусская война доказала, что образованіе, которое они давали французскимъ офицерамъ, было далеко не совершенное.

Мы имѣемъ положительныя доказательства, что іезуиты

умышленно и злостно тормозили народное образованіе и препятствовали развитію наукъ и искусствъ. Когда Лейбницъ задумалъ основать въ Вѣнѣ Академію Наукъ, іезуиты воспрепятствовали осуществленію этого плана; они пустили также въ ходъ тайныя интриги и публичную полемику, чтобы помѣшать Максимиліану-Іосифу III основать Академію Наукъ въ Мюнхенѣ. Изъ германскихъ государствъ—Австрія и Баварія дольше всѣхъ несли иго іезуитской опеки, и оба государства еще понынѣ испытываютъ горькіе результаты іезуитскаго режима. Вестенрадеръ характеризуетъ печальное положеніе, въ которомъ находилось народное образованіе въ Баваріи до начала 70-хъ годовъ: «Въ общемъ итогѣ,—говоритъ онъ,—учителя знаютъ не больше учениковъ и ничего не скрываютъ отъ нихъ; напротивъ, они преподаютъ имъ то немногое, что сами узнали отъ своихъ наставниковъ».

ГЛАВА XVIII.

Іезуиты въ университетахъ: Ингольштадтскомъ, Вѣнскомъ, Пражскомъ, Фрейбургскомъ (въ Брисгау), Гейдельбергскомъ, Бреславльскомъ и Вюрцбургскомъ. — Катехизисъ Фоглера.—Іезуиты въ области богословія и науки.— Борьба съ университетами.--Литература ордена.--Іезуитскіе богословы и историки церкви, философы и историки ордена, математики, астрономы и военные писатели.— Автобіографія Беллармина. — Поэты, архитекторы скульпторы и живописцы ордена.

Разсмотримъ теперь вліяніе Іезуитскаго ордена на нѣкоторые университеты, которые были отданы въ его руки. Ингольштадтскій университетъ никогда не былъ іезуитскимъ въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ ордену была отдана сперва лишь часть богословскаго факультета; затѣмъ, послѣ продолжительной борьбы, орденъ завоевалъ для себя каѳедры философіи и, наконецъ, каѳедру каноническаго права. Въ 1550 году, Канизій былъ выбранъ ректоромъ, съ явнымъ нарушеніемъ университетскаго устава; кромѣ того въ Ингольштадтѣ мы встрѣчаемъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ знаменитыхъ профессоровъ ордена—Грецера, Кирхера, Шрейнера и другихъ. Лишь только іезуиты проникли въ филологическій факультетъ, онъ сталъ падать съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Въ 1611 году совѣтники герцога были призваны разсмотрѣть ссоры между профессорами университета и іезуитами. Они объявили, что университетъ имѣетъ полное основаніе жаловаться на іезуитовъ, такъ какъ читаемый ими курсъ философіи проникнутъ богословскимъ духомъ. Со времени вторженія іезуитовъ, преподаваніе риторики, поэзіи, исторіи и математики совсѣмъ прекратилось или-же было поручено молодымъ людямъ, знавшимъ не больше своихъ учениковъ. Среди множества профессоровъ ордена, было лишь весьма немного писателей, имѣвшихъ какія-либо ученыя заслуги. Но ихъ недочеты по научной части пополнялись тѣмъ,

что съ 1663 года іезуиты обязали всѣхъ профессоровъ торжественно заявлять, что они признаютъ догматъ иммакулатнаго зачатія.

Въ 1558 году іезуиты получили двѣ богословскія каѳедры въ Вѣнскомъ университетѣ. Всѣ остальные члены профессорской корпораціи склонялись къ протестантизму, а потому іезуиты были сильно стѣснены и вскорѣ у нихъ были отняты тѣ милости, которыя они успѣли пріобрѣсти вначалѣ. Въ концѣ XIII вѣка, натянутыя отношенія между профессорами и іезуитами превратились въ открытую борьбу. Въ 1570 году эрцгерцогъ Карлъ разрѣшилъ іезуитамъ читать въ его коллегіи курсы изящныхъ искусствъ и богословія, но университетъ признавалъ недѣйствительнымъ курсъ наукъ, пройденный у іезуитовъ. Однако это не помѣшало громадному успѣху патеровъ. Въ 1588 году они имѣли болѣе 800 учениковъ, тогда какъ во всемъ университетѣ была едва десятая доля этой цифры. Изъ-за этого происходили безпрестанныя столкновенія. Боясь, что его совершенно покинутъ, университетъ обратился въ 1593 г. съ жалобой къ эрцгерцогу Матвѣю, который только что принялъ на себя управленіе австрійскими землями. Въ жалобѣ было заявлено, что іезуиты имѣютъ около 1000 учениковъ, тогда какъ въ университетѣ ихъ едва насчитывается 200, а если правительство не поможетъ бѣдѣ, то университетъ окончательно погибнетъ. Вслѣдствіе этой жалобы, правительство разрѣшило іезуитамъ читать курсы философіи и богословія въ университетѣ; въ 1594 году имъ было дано пять каѳедръ, но правительство запретило имъ читать курсы философіи въ ихъ коллегіи. Черезъ два года эта мѣра была отмѣнена, и іезуиты снова открыли курсы въ своей коллегіи. Въ 1622 году Фердинандъ II снова разрѣшилъ ордену преподавать въ университетѣ философію, богословіе и классическіе языки, но съ условіемъ, чтобы на богословскій факультетъ допускались и другіе профессора. Доминиканцы выдержали борьбу съ іезуитами втеченіи цѣлыхъ 30 лѣтъ; но зато іезуиты утвердили свое исключительное господство на филологическомъ факультетѣ. Компромиссъ или прагматическая санкція Фердинанда II отдала Вѣнскій университетъ въ руки іезуитовъ, и съ тѣхъ поръ они играли преобладающую роль въ исторіи этой ученой коллегіи. Всѣ не католическіе элементы были удалены, и церковный духъ пріобрѣлъ полное господство. Въ 1649 году іезуиты добились отъ Фердинанда II того, что онъ обязалъ профессоровъ приносить присягу въ своей вѣрѣ

въ иммакулатное зачатіе. Такъ какъ доминиканцы не могли и не хотѣли приносить эту присягу, то іезуиты потребовали, чтобы они навсегда были лишены права занимать должность декановъ. Со времени вторженія іезуитовъ, научныя открытія Вѣнскаго университета пали до самаго низкаго уровня. Когда при Карлѣ VI былъ поднятъ вопросъ о преобразованіи университета, правительство напало на мысль, что іезуиты являются главными виновниками паденія наукъ въ этомъ университетѣ. Государство поставило университету въ упрекъ, что онъ совершенно пренебрегаетъ преподаваніемъ нѣмецкаго языка и литературы, что латинскій языкъ преподается весьма недостаточно, что на каѳедры назначаются люди слишкомъ молодые, что профессоровъ слишкомъ часто переводятъ и, наконецъ, что преподаваніе философіи не прогрессируетъ соотвѣтственно духу времени, а вращается въ заколдованномъ кругу отвлеченныхъ хитросплетеній. Государство потребовало изложенія философіи Декарта и назначенія профессора исторіи, а кромѣ того рѣшило подчинить университетъ своему контролю. Наконецъ, когда Ванъ-Свитенъ взялся, при Маріи-Терезіи, за преобразованіе университета, онъ задумалъ изгнать іезуитовъ. Онъ обвинилъ ихъ въ томъ, что они погубили всѣ университеты, въ которыхъ достигли преобладающаго вліянія, а въ доказательство сослался на примѣры университетовъ Грацскаго, Ольмюцскаго и Тырновскаго. Въ 1759 году спеціальная комиссія по народному образованію единогласно признала, что іезуиты виновники преждевременнаго паденія Вѣнскаго университета. Въ томъ-же году вѣнскій архіепископъ Мигацци писалъ въ Римъ кардиналу Кривелли о жалкомъ положеніи преподаванія философіи и гуманныхъ наукъ и жаловался, что въ этомъ виновны іезуиты. Онъ признавался въ то-же время, что нравственность воспитанниковъ оставляетъ желать столь-же многаго, какъ и ихъ образованіе. Онъ сообщаетъ кардиналу, что увѣщевалъ провинціала и директора іезуитской коллегіи произвести необходимыя реформы и поправить сдѣланное зло, но ему дали воды св. Игнатія, массу прекрасныхъ обѣщаній, и дѣло осталось въ прежнемъ положеніи. Почти до самаго упраздненія ордена, іезуиты оставались въ Австріи исключительными руководителями гимназій (лицеевъ) и факультетовъ богословія и филологіи.

Вліяніе іезуитовъ въ Чехіи, а главнымъ образомъ на Пражскій университетъ было не менѣе гибельно. Для того,

чтобы охарактеризовать крайнее узкоуміе іезуитовъ, достаточно напомнить, что они изгнали изъ своихъ школъ и отняли у учениковъ всѣ купленные до нихъ экземпляры книги Эразма «De copia verborum». Мѣра эта была принята единственно потому, что, съ точки зрѣнія іезуитовъ, Эразмъ Роттердамскій былъ истиннымъ предшественникомъ протестантской ереси. Историкъ Пражскаго университета Томекъ рѣзко упрекаетъ іезуитовъ въ томъ, что они возбуждаютъ воображеніе своихъ воспитанниковъ ложными идеями и внушаютъ имъ убѣжденіе, что сверхъ-естественныя существа оказываютъ вліяніе на человѣческую жизнь. Томекъ приводитъ многочисленные разсказы изъ записокъ іезуитскихъ патеровъ, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что воспитанники видѣли среди бѣлаго дня, въ церкви, на улицѣ и въ коллегіи явленія ангеловъ, святыхъ и злыхъ духовъ. Какъ мы уже упоминали, Фердинандъ II хотѣлъ отдать университеты всецѣло въ руки іезуитовъ; архіепископъ Гаррахъ протестовалъ противъ этого, а Фердинандъ III отнялъ у патеровъ по крайней мѣрѣ часть захваченной ими добычи. Въ 1654 году былъ подписанъ компромиссъ, на основаніи котораго іезуиты должны были занять факультеты богословія и филологіи. Ихъ вліяніе ускорило паденіе Пражскаго университета. Имъ удалось добиться, что всѣмъ профессорамъ, ректорамъ, деканамъ и докторантамъ было предписано признавать и защищать догматы иммакулатнаго зачатія. Они даже учредили спеціальный религіозный праздникъ, въ который всѣ члены университетской корпораціи ежегодно повторяли присягу вышеупомянутому догмату.

Въ 1752 году правительство Маріи-Терезіи издало декретъ о преобразованіи богословскаго и философскаго преподаванія въ Пражскомъ университетѣ. На основаніи этого декрета, авторитетъ Аристотеля былъ упраздненъ разъ навсегда въ области философіи; профессорамъ было вмѣнено въ обязанность обращать надлежащее вниманіе на новѣйшія системы, освободить физику отъ метафизическихъ принциповъ, которыми объяснялись явленія природы, и излагать физику, какъ науку экспериментальную; кромѣ того было строго запрещено прибѣгать къ тѣмъ софизмамъ, посредствомъ которыхъ профессора приводили до тѣхъ поръ въ соотвѣтствіе естественныя науки съ Библіей. Іезуиты оказали этимъ нововведеніямъ энергичное, но безполезное, сопротивленіе. Положеніе ихъ еще болѣе пошатнулось, когда Марія-Терезія назначила, кромѣ двухъ іезуитскихъ профессоровъ догматики, двухъ другихъ профессоровъ

изъ орденовъ доминиканскаго и августинскаго, и предписала имъ преподавать богословіе на основаніи принциповъ св. Августина и Ѳомы Аквинскаго. Сопротивленіе іезуитовъ привело лишь къ одному: оно убѣдило правительство, что ихъ программа преподаванія не допускаетъ никакого усовершенствованія. Вмѣстѣ съ орденомъ исчезло послѣднее препятствіе къ преобразованію университетскаго преподаванія въ Чехіи.

Іезуиты продержались во Фрейбургскомъ университетѣ (въ Брисгау) съ 1620 до 1673 года. Они обнаружили стремленіе захватить въ свои руки всѣ университетскія должности. Историкъ Шрейберъ утверждаетъ, что, кромѣ своихъ именъ, они не оставили въ университетѣ никакихъ научныхъ воспоминаній.

Испытавъ въ Гейдельбергѣ цѣлый рядъ всевозможныхъ превратностей, іезуиты были нѣсколько разъ изгоняемы и возвращаемы и, наконецъ, основали въ 1703 году коллегію, а въ 1712 году церковь въ этомъ городѣ. Іезуитъ Услебенъ, профессоръ каноническаго права, вызвалъ въ 1715 году большой скандалъ, защищая публично слѣдующіе тезисы: 1) ни одинъ добрый католикъ не долженъ находиться въ дружескихъ отношеніяхъ съ еретиками, къ числу коихъ относятся и кальвинисты; 2) еретиковъ можно безнаказанно лишать всякихъ должностей и можно даже убивать ихъ, потому что они стоятъ внѣ закона; 3) тѣ государи, которые не повинуются увѣщаніямъ церкви и не истребляютъ еретиковъ, должны быть низвергнуты съ престола, а государство ихъ должно быть передано добрымъ католикамъ.—Узнавъ о содержаніи публичнаго диспута, профессора-протестанты подали на іезуитовъ жалобу и просили правительство запретить диспутъ; но тѣмъ не менѣе диспутъ состоялся, а Услебенъ остался въ Гейдельбергѣ, подъ покровительствомъ принца Іоганна-Вильгельма.—Въ 1728 году Іоганнъ-Мартинъ Лауберъ утверждалъ, что лютеранамъ и кальвинистамъ не слѣдуетъ воздавать посмертныхъ почестей, а напротивъ слѣдуетъ предавать ихъ сожженію и конфисковать ихъ имущества. Правда, что со времени Вестфальскаго мира гоненія на еретиковъ прекратились, но такъ какъ Иннокентій X никогда не признавалъ этого мира, то еретики не могли пользоваться полною безопасностью въ римской имперіи.—До упраздненія своего ордена іезуиты оказывали громадное вліяніе на Гейдельбергскій университетъ. Въ 1715 году у нихъ причащалось и исповѣдывалось 10,000 чел., а въ 1759 г. эта цифра возрасла до 38,000. Они съумѣли подчи-

нить народъ своему господству посредствомъ процессій, миссій и хожденія къ святымъ мѣстамъ. Даже послѣ упраздненія ордена принцъ Карлъ-Теодоръ оставилъ іезуитамъ нѣсколько каѳедръ въ университетѣ и въ гимназіи.

Бреславльскій университетъ былъ созданъ іезуитами; его основатель, патеръ Вольфъ, отличался необыкновеннымъ умомъ; но и въ этомъ университетѣ научное преподаваніе отличалось крайнимъ несовершенствомъ, и вскорѣ университетъ палъ. Патеры излагали только философію Аристотеля; что-же касается естественныхъ наукъ, то о нихъ почти не было рѣчи. Съ 1702 до 1773 года Іезуитскій орденъ доставилъ университету 203 профессора; изъ этого числа 133 человѣка не издали ни одного сочиненія, и лишь немногіе напечатали свои академическія рѣчи; изъ остальныхъ 70 человѣкъ только нѣкоторые опубликовали тезисы, сочиненія духовно-нравственнаго содержанія и полемическія статьи. Историческія сочиненія іезуитскихъ профессоровъ Бреславльскаго университета ни въ какомъ отношеніи не соотвѣтствуютъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялись въ XVIII вѣкѣ къ такого рода сочиненіямъ. Вообще, іезуиты не подвинули впередъ ни одну изъ отраслей науки въ этомъ университетѣ. Іезуиты даже не всегда располагали необходимымъ персоналомъ для соотвѣтственнаго замѣщенія каѳедръ богословія и филологіи. Преподаваніе на послѣднемъ факультетѣ осталось крайне несовершеннымъ подъ ихъ руководствомъ.

Епископъ Юлій Меспельбруннъ отдалъ іезуитамъ каѳедры философіи и богословія въ Вюрцбургѣ; въ ихъ рукахъ оба факультета въ скоромъ времени пали самымъ жалкимъ образомъ. Іезуиты закрыли университетъ для обновляющаго теченія XVIII вѣка, желая сохранить въ полной неприкосновенности не только чистоту христіанской доктрины, но и свой собственный авторитетъ. Самые выдающіеся изъ ихъ учениковъ — Шмидтъ, Обертюръ, Онимусъ и Бергъ — возстали противъ нихъ и отвергли съ негодованіемъ ихъ методу преподаванія и воспитанія. Религіозное обученіе іезуитовъ было поверхностно: оно имѣло цѣлью сохранить мертвящія формы католицизма, убить всякое проявленіе живой мысли, добиться отъ воспитанниковъ слѣпого повиновенія декретамъ церкви и распространить внѣшніе механическіе обряды, грубое суевѣріе и пустой культъ, основанный на формализмѣ. Катехизисъ патера Фоглера даетъ по этой части весьма поучительные примѣры. Мы находимъ въ немъ отдѣлъ, озаглавленный «Дѣтскія игры» и заключаю-

щій въ себѣ главу «Забавы съ младенцемъ Іисусомъ». Выписываемъ изъ этой главы слѣдующій діалогъ: «Позволяются-ли игры въ вашемъ орденѣ?—Мы играемъ и забавляемся цѣлый день.—Играете-ли вы въ карты и кости?—Въ эти игры играютъ только негодяи и пустыя головы. — Играете-ли вы въ снѣжки и бросаете ли вы другъ въ друга пескомъ?—Такъ могутъ забавляться только неблаговоспитанныя дѣти, лакеи и конюхи.—Позволяется ли вамъ бороться другъ съ другомъ, возиться и кататься по землѣ?—Младенецъ Іисусъ не терпитъ въ своемъ обществѣ бодающихся козловъ. — Во что-же вы играете?—Мы устраиваемъ маленькіе алтари, ходимъ къ святымъ мѣстамъ, носимъ кресты, посѣщаемъ церкви и гробницы святыхъ, поемъ псалмы и вечерню; мы играемъ въ мячъ и куклы.—Когда-же вы играете въ куклы?—Не только когда я украшаю мой маленькій алтарь, но и тогда, когда помѣщаю возлѣ себя обожаемаго младенца Іисуса и моего маленькаго ангела-хранителя—въ школѣ и за столомъ.—Какіе шары бросаетъ вамъ Младенецъ Іисусъ?—Это два большихъ, прекрасныхъ шара—небо и земля; я бросаю ихъ Младенцу Іисусу, когда употребляю ихъ во славу и честь его.—Какъ вы ѣздите верхомъ на палкахъ?—Мы садимся верхомъ на древко креста, поемъ и отправляемся на небо».

Очевидно, такая метода была создана, чтобы систематически дрессировать людей и внушать имъ внѣшнюю набожность. Эта метода примѣнялась не только къ простонародью, но и къ дѣтямъ изъ высшихъ сословій. Въ этомъ можно убѣдиться изъ книги «Юный Іосифъ», написанной іезуитомъ Цезаремъ Калини, въ духѣ катехизиса Фоглера. Богословское и религіозное преподаваніе клонилось лишь къ тому, чтобы воспитать людей, простодушныхъ и наивныхъ, какъ дѣти. Безсмысленное отношеніе іезуитовъ къ наукѣ проявляется съ поразительною ясностью въ нелѣпыхъ вопросахъ, которые они предлагали докторантамъ на разрѣшеніе. Въ Фрейбургѣ (въ Брисгау) ставились слѣдующіе вопросы: «Какой ученый мужъ далъ докторскую степень Дѣвѣ Маріи?—Какимъ плащемъ покрываетъ Она вѣрующихъ—философскимъ или реальнымъ?—Какимъ образомъ Симмахъ ухитрился явиться въ головѣ жареной рыбы королю Теодорику, который приказалъ умертвить его?—Какимъ образомъ Боэцій могъ отнести въ собственныхъ рукахъ въ ближайшую церковь, разговаривая по дорогѣ, свою голову, отрубленную тѣмъ-же королемъ?—Гдѣ находится ходъ въ адъ?—Съ помощью какихъ ухищреній дьяволы принимаютъ видъ

кентавровъ, сатировъ и т. д., къ великому ужасу обитателей ада?—Все-ли суета въ мірѣ и до какой степени?—Можетъ-ли оружейная мазь (unguentum armarium) излечить, посредствомъ естественной симпатіи, раны отсутствующихъ людей?—Почему кровь убитаго начинаетъ кипѣть при приближеніи убійцы?»

Въ Бреславлѣ для диспутовъ выбирались тезисы, вродѣ слѣдующаго: «Міръ былъ созданъ весной; фактъ, что, тотчасъ послѣ грѣхопаденія, Адамъ прикрылся звѣриной шкурой, не доказываетъ, что міръ былъ созданъ осенью». Въ 1700 году въ Вюрцбургѣ, подъ предсѣдательствомъ патера Цинка, былъ назначенъ диспутъ на тезисъ о дѣйствіи аметистовъ на угаръ и на пьянство. Іезуитъ Шоттъ разсказываетъ, что въ Шотландіи, на Гебридскихъ островахъ и въ нѣкоторыхъ странахъ Индіи утки и птицы различныхъ породъ ростутъ на деревьяхъ, какъ листья, потомъ округляются, придерживаясь клювомъ за вѣтку, наконецъ, отрываются и улетаютъ. Въ Вюрцбургѣ былъ также опубликованъ тезисъ, что въ загробной жизни всѣ избранные будутъ имѣть 6 футовъ вышины, потому что, по показаніямъ историковъ и отцовъ церкви, таковъ былъ ростъ Христа. Современные университеты внушаютъ іезуитамъ величайшее отвращеніе и ненависть; по ихъ отзывамъ университеты представляютъ собой не только изсохшіе, но и смрадные скелеты; они распространяютъ доктрины, дѣйствующія на души, какъ смертельная зараза.

Іезуиты задались цѣлью уничтожить германскіе факультеты католическаго богословія; они боялись, что въ этихъ факультетахъ проявится истинно научный духъ свободнаго изслѣдованія. Первый свой ударъ они нанесли факультету Гиссенскому: въ 1851 году епископъ Кеттелеръ упразднилъ его, перенесъ центръ богословскаго преподаванія въ Майнцъ, въ тамошнюю іезуитскую семинарію. Съ этихъ поръ, а именно со времени Ватиканскаго собора, всѣ германско-католическіе богословскіе факультеты, профессора коихъ не признавали іезуитскихъ догматовъ, были упразднены или ослаблены. Іезуиты не пощадили даже епископскаго университета въ Лувенѣ, который поставилъ себѣ задачею подчинить католическому духу всю культуру Бельгіи; вражда ихъ къ этому независимому учрежденію дошла до того, что они предписали своимъ воспитанникамъ слушать курсы въ государственныхъ университетахъ Люттихскомъ и Гентскомъ; вслѣдствіе этого Лувенскій универ-

ситетъ ежегодно теряетъ около 110 слушателей, изъ коихъ 90 уходятъ въ ряды либеральной или антиклерикальной партіи.

Братья Августинъ и Алоисій Бекеръ насчитываютъ до 9.000 писателей Іезуитскаго ордена. Іезуитская литература охватываетъ всѣ отрасли человѣческаго знанія, но число выдающихся авторовъ исчезаетъ въ цѣлой толпѣ писателей, не имѣющихъ никакого значенія. Ла-Шалоте не безъ основанія спрашиваетъ: «Что слѣдуетъ думать о научномъ учрежденіи, которое нуждается въ приказаніи генерала или общей конгрегаціи, чтобы принять новое руководство грамматики или новую систему физики или астрономіи? Какое значеніе можетъ имѣть учрежденіе, въ которомъ на 50,000 профессоровъ философіи, нѣтъ ни одного, сколько-нибудь замѣчательнаго, и которое, при такомъ-же количествѣ профессоровъ литературы, дало такъ мало хорошихъ литературныхъ произведеній, не давъ ни одного математика, при 2,000 профессоровъ этой науки?»

Іезуиты считали богословіе первою изъ наукъ и занимались имъ съ величайшимъ усердіемъ. Они развили главнымъ образомъ догматику въ формѣ полемики и нравственное ученіе—въ формѣ казуистики. Во главѣ казуистовъ блещутъ Беллярминъ со своимъ знаменитымъ сочиненіемъ «Диспуты о принципахъ вѣры», Таннеръ, Грецеръ, Фуръ, Валенсіа, Коттонъ и др. Мёлеръ говоритъ, что, благодаря іезуитамъ, догматика превратилась въ схему сухихъ, безплодныхъ знаній, тогда какъ на этику они оказали особенно гибельное вліяніе. Что-же касается изученія Библіи, то іезуиты всегда пренебрегали имъ и никогда не вносили въ эту область свѣточа исторической критики. На этой почвѣ изъ ордена вышелъ только одинъ истинный ученый—испанецъ Мальдона, которому даже протестанты отдали надлежащую справедливость. Онъ издалъ замѣчательные комментаріи объ Евангеліи и пророкахъ. Но, какъ человѣкъ съ слишкомъ независимымъ умомъ, Мальдона пришелся не по сердцу Іезуитскому ордену. Патеры коллегіи въ Понъ-Муссонѣ получили послѣ его смерти предписаніе издать его комментаріи къ четыремъ Евангеліямъ: они исказили это сочиненіе и сдѣлали въ немъ массу подлоговъ.

Іезуиты относились съ отвращеніемъ къ идеѣ переводить Библію на національные языки: они не хотѣли, чтобы Библія попадала въ руки народа. Но когда во Франціи развилось стремленіе къ чтенію Библіи, они принялись поневолѣ издавать переводы Новаго Завѣта и комментаріи къ нему; этими трудами занимались, между прочимъ, Бугуръ и Лаллеманъ.

Но іезуиты воздвигли истинное гоненіе на переводъ Новаго Завѣта, напечатанный въ Монсѣ учеными Поръ-Ройаля и выхлопотали у папы бреве объ уничтоженіи этого изданія. Іезуиты дѣлали множество попытокъ исказить исторію церкви. Капитальное сочиненіе «Дѣянія Святыхъ» слѣдуетъ читать съ большою осторожностью, зная заранѣе, что тамъ встрѣчается масса подлоговъ. Іезуитскій генералъ Паллавичини написалъ исторію Тріентскаго собора съ явною цѣлью защищать интересы Рима и опровергнуть ученіе Сарпи. Извѣстный ученый Сирмонтъ опубликовалъ сборникъ соборныхъ постановленій и сочиненія нѣсколькихъ церковныхъ писателей. Другой сборникъ соборныхъ постановленій былъ изданъ Гардуэномъ, который утверждалъ, что всѣ сочиненія древнихъ авторовъ, за исключеніемъ Цицерона, естественной исторіи Плинія, «Георгикъ» Вергилія, сатиръ и посланій Горація, были поддѣланы въ XIII вѣкѣ. Онъ утверждалъ также, что всѣ сочиненія, приписываемыя отцамъ церкви, были сочинены въ XIII вѣкѣ обществомъ атеистовъ. Члены Іезуитскаго ордена потребовали, чтобы онъ отрекся отъ своего рискованнаго утвержденія, онъ повиновался для вида, но въ душѣ остался при своихъ странныхъ убѣжденіяхъ. Изданныя Гардуэномъ соборныя постановленія появились въ Парижѣ въ 1715 году; но парламентъ запретилъ ихъ продажу, такъ какъ издатель совершилъ множество подлоговъ въ пользу системы папской власти. Число философскихъ писателей Іезуитскаго ордена довольно значительно, но при стѣснительной опекѣ, которой была подчинена эта наука, и при инстинктивной ненависти іезуитовъ къ свободному мышленію, философія была еще болѣе стѣснена въ своемъ развитіи, чѣмъ всѣ другія отрасли человѣческаго знанія. Мы охарактеризуемъ сразу философскіе труды ордена, если скажемъ, что они представляютъ собой нѣчто вродѣ post-scriptum схоластики и воспроизведеніе метафизическихъ умствованій среднихъ вѣковъ. Только въ области естественнаго права іезуиты создали независимые труды, проникнутые до нѣкоторой степени либеральнымъ духомъ. По этой части слѣдуетъ назвать шеститомное сочиненіе Молины, озаглавленное «О справедливости и правѣ».

Изъ всѣхъ философскихъ писателей ордена Франицискъ Хуаресъ Гранадскій (1548—1617) составилъ себѣ наиболѣе извѣстное имя. Въ венеціанскомъ изданіи 1740 года, его сочиненія составляютъ 23 фоліанта. Собственно говоря, и Хуаресъ не болѣе, какъ схоластикъ, онъ не открылъ человѣче-

скому уму новыхъ путей, а ограничился лишь тѣмъ, что подтверждалъ новыми научными доказательствами церковную систему и защищалъ ее отъ всякихъ возраженій. Въ этомъ отношеніи онъ вдохновлялся сочиненіями Ѳомы Аквинскаго. Впрочемъ, слѣдуетъ признаться, что онъ обнаружилъ весьма проницательный умъ, изыскивалъ новые аргументы и, посредствомъ тонкой діалектики, успѣлъ избѣжать многихъ, неблагопріятныхъ для него, выводовъ изъ доктринъ его учителя Ѳомы Аквинскаго. Философія Вольфа вполнѣ соотвѣтствовала сухой и безплодной схоластикѣ іезуитовъ, а потому эта философія и была введена во всѣ коллегіи ордена, даже въ Римѣ. Въ 1850 году въ Неаполѣ было основано іезуитами періодическое изданіе «Civilta cattólica», имѣвшее характеръ литературнаго, политическаго и философскаго журнала. Редакція вскорѣ была перенесена въ Римъ. Она объявила, что считаетъ своею задачею возвратить цивилизацію къ идеямъ и тенденціямъ католической церкви, отъ которыхъ она отклонилась втеченіи послѣднихъ трехъ вѣковъ. Брешіани сталъ печатать въ новомъ изданіи повѣсти; Таппарелли д'Азеліо, братъ Массимо д'Азеліо, помѣщалъ трактаты о гражданскомъ и каноническомъ правѣ, а Либераторе—статьи по умозрительной философіи. Между прочимъ онъ написалъ «Этюдъ о знаніяхъ», проникнутый духомъ Ѳомы Аквинскаго и схоластики. Эти послѣдніе философскіе труды ордена имѣютъ менѣе значенія, чѣмъ предыдущіе, и въ наше время не заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

Іезуиты были положительно неспособны писать историческіе трактаты, проникнутые любовью къ истинѣ. Отзывъ цензоровъ ордена объ исторіи Баваріи патера Берво доказываетъ, что іезуиты не могли писать правду, потому что были вынуждены считаться съ авторитетомъ папскаго престола и милостями государей, а кромѣ того имъ приходилось оправдывать гоненія на еретиковъ; они не ограничивались точнымъ воспроизведеніемъ прошлаго, а совершали подлоги, умалчивали обо многомъ, что было имъ неудобно, и придавали событіямъ извѣстную политическую окраску, чтобы не лишиться милости папъ и католическихъ государей. Когда имъ приходилось разсказывать о столкновеніяхъ между католическими государствами, они ловко лавировали, чтобы не оскорбить ни одного изъ нихъ. Первый цензоръ ордена находитъ, что правдивый разсказъ о царствованіи императора Людовика Баварскаго долженъ былъ бы выставить многіе факты, которые не сдѣлали бы чести ни

папѣ, ни императору и навлекли бы на нихъ насмѣшки еретиковъ; поэтому надо было бы обойти эти факты молчаніемъ или резюмировать ихъ, вмѣсто того, чтобы разсказать ихъ подробно. Правдивый разсказъ о пораженіяхъ во время 30 лѣтней войны омрачилъ бы славу Баварскаго Дома и былъ бы опасенъ для іезуитовъ, потому что отвѣтственность за эти пораженія падаетъ на вѣнценосцевъ; поэтому іезуиты считали нужнымъ прикрасить неумолимую правду или умолчать о ней. Второй цензоръ находитъ, что интересы ордена и его обязательства по отношенію къ самымъ могущественнымъ государямъ Европы не позволяютъ ему излагать многія главы этой исторіи въ ихъ истинномъ видѣ и публиковать всѣ сочиненія подъ именемъ Іезуитскаго ордена; для вящшаго прославленія Баварскаго курфюрста, онъ предлагаетъ весьма существенныя измѣненія. Третій цензоръ указываетъ на положительные факты, которые могли бы оскорбить высшія сферы, и рекомендуетъ выпустить нѣкоторыя главы: онъ также находитъ, что сочиненіе не можетъ быть издано подъ именемъ члена Іезуитскаго ордена: Орденъ не долженъ разсказывать о войнахъ между христіанскими государями, а тѣмъ болѣе о войнахъ нашего вѣка. Кромѣ того Берво имѣлъ несчастье разсказать множество фактовъ, которые сами по себѣ неопровержимы, но бросаютъ тѣнь на образъ дѣйствій императора и самыхъ могущественныхъ государей; такъ напр., невозможно защищать по нѣкоторымъ пунктамъ Максимиліана, не порицая императора. Въ силу всего этого іезуитскій генералъ Госвинъ Никель писалъ къ аугсбургскому провинціалу Шпейзеру, что трудъ патера Берво или совсѣмъ не будетъ изданъ, или будетъ изданъ безъ имени автора. Въ послѣднемъ случаѣ, изъ его сочиненія будетъ исключено все, что могло бы оскорбить государей или дать понять, что книга написана членомъ Іезуитскаго ордена. Въ письмѣ къ аугсбургскому провинціалу Вельбелину, генералъ говоритъ, что, если, несмотря на сопротивленіе ордена, курфюрстъ будетъ требовать, чтобы трудъ патера Берво былъ изданъ, то его придется предварительно послать на цензуру въ Римъ, такъ какъ VIII общая конгрегація обѣщала папѣ посылать въ Римъ на цензуру всѣ сомнительныя сочиненія. Іезуитъ Андрей Бруннеръ сдѣлалъ слѣдующее признаніе въ своемъ письмѣ отъ 4 іюля 1636 года къ Ильѣ Эгингеру: «Іезуитскій орденъ ни въ какомъ случаѣ не допуститъ свободнаго изслѣдованія, если бы кто-нибудь изъ членовъ ордена и захотѣлъ предаться ему». Орденъ запретилъ

Бруннеру издать свою «Исторію Людовика Баварскаго» и конфисковалъ «Исторію Баваріи» Радера, потому что авторъ защищалъ Людовика Баварскаго и порицалъ незаконныя притязанія папства.

Учебная программа іезуитской коллегіи въ Ландсгутѣ, изданная въ 1833 году, предписываетъ руководствоваться въ дѣлѣ преподаванія исторіи въ гимназіяхъ жалкимъ сочиненіемъ XIII вѣка «Rudimenta historica», которая наполнена баснями и самыми грубыми вымыслами, приноровленными къ вящшему прославленію папства. Ненависть къ еретикамъ, а главнымъ образомъ къ Лютеру, проявляется тамъ въ полномъ блескѣ. Авторъ книги пресерьезно разсказываетъ, что въ 1518 году императоръ Максимиліанъ видѣлъ въ Аугсбургѣ самого дьявола, сидѣвшаго верхомъ на Лютерѣ. Женитьба Лютера называется «богохульственнымъ дѣяніемъ разврата» и «преступленіемъ, достойнымъ смертной казни», а аугсбургское вѣроисповѣданіе—«ересью, сшитою бѣлыми нитками изъ всевозможной лжи, богохульства и обмана». По словамъ автора, протестантская ересь представляетъ собой «наказаніе, ниспосланное Богомъ сѣвернымъ народамъ за ихъ гнусные пороки». Чрезвычайно интересны также въ анализируемой нами книгѣ чудесныя сказки, которыя авторъ выдаетъ за историческіе факты. Въ день праздника св. Климента море разступилось на двѣ стороны, чтобы открыть христіанамъ свободный доступъ къ гробницѣ святого, сооруженной на днѣ морскомъ. Григорій, прославившійся своими чудесами, передвинулъ своими молитвами горы, которыя мѣшали сооруженію церкви, а въ силу молитвы святого отшельника Гюнтера жареный павлинъ взвился съ блюда и улетѣлъ въ небеса со стола короля Стефана Венгерскаго. Тонъ, которымъ авторъ «Rudimenta historica» говоритъ о Лютерѣ, составляетъ общее достояніе всѣхъ оффиціальныхъ историковъ Іезуитскаго ордена. Такъ напр. Орландини разсказываетъ слѣдующимъ образомъ о смерти реформатора: «Богъ стеръ съ лица земли этого гнуснаго гада, этого сѣятеля всевозможныхъ золъ, этого антихриста. Я не могу рѣшиться назвать это чудовище его настоящимъ именемъ. Этотъ ренегатъ католической вѣры, этотъ бѣглый монахъ, этотъ провозвѣстникъ всяческихъ ересей, этотъ негодяй, ненавистный Богу и людямъ, былъ застигнутъ внезапно ночью страшною болѣзнью и умеръ послѣ самой гнусной оргіи и своихъ обычныхъ богохульственныхъ рѣчей. Проклятая душа была предназначена сатанѣ, чрево котораго утучняется такою пищею».

Дель-Ріо разсказываетъ въ свою очередь, что бѣсы бросили одержимыхъ въ Бельгіи и съ ликованіемъ понеслись на похороны Лютера. Слѣдуетъ замѣтить, что іезуитскіе историки заимствовали свои стилистическія украшенія изъ папскихъ буллъ. Въ приговорѣ, произнесенномъ надъ Лютеромъ и утвержденномъ Карломъ V въ Вормсѣ, 8 мая 1521 года, мы дѣйствительно читаемъ, что «Лютеръ не человѣкъ, а самъ дьяволъ во плоти, который, принявъ человѣческій образъ, собралъ и бросилъ въ помойную яму всѣ нечистоты уже давно осужденныхъ ересей, чтобы разрушить миръ и евангельскую любовь, подъ личиной евангельской проповѣди». Изъ всего вышесказаннаго видно, что слѣдуетъ относиться скептически ко всякому историческому сочиненію, написанному іезуитомъ, потому что орденъ подчиняетъ исторію своей политикѣ. Общество не только позволяло себѣ подлоги и искаженіе исторіи: оно даже отрицало самые достовѣрные историческіе документы и замѣняло ихъ новыми, собственной фабрикаціи. Такъ напр., іезуитъ Юхоферъ выдумалъ, въ своихъ церковныхъ лѣтописяхъ Венгріи, буллу Сильвестра II, съ цѣлью доказать, что Венгрія была совершенно независима отъ папскаго престола. Съ другой стороны, Дамбергъ отрицаетъ подлинность документовъ, компрометтирующихъ папъ, между прочимъ писемъ, писанныхъ Мартиномъ IV во время его борьбы съ Петромъ Аррагонскимъ. Лейбницъ совершенно основательно совѣтовалъ никогда не поручать іезуитамъ управленіе библіотеками или архивами, изъ опасенія подлоговъ и уничтоженія того, что было бы для нихъ обличительнымъ документомъ.

Самъ Іезуитскій орденъ взялъ на себя трудъ написать свою собственную исторію. Первый томъ, заключающій въ себѣ разсказъ объ основаніи ордена, былъ редактированъ патеромъ Орландини; Саккини написалъ томы второй, третій, четвертый и половину пятаго; въ нихъ излагается исторія ордена при генералахъ Лаинесѣ, Борджіа, Меркуріанѣ и Аквавивѣ. Вторую часть пятаго тома написалъ Жуванси. Послѣдній томъ редактировалъ Кордара. Саккини обошелъ молчаніемъ все, что ему не понравилось, и, посредствомъ ловкаго сопоставленія фактовъ, создалъ апологію Іезуитскаго ордена.

Среди немногихъ замѣчательныхъ историковъ ордена выдвигается на первый планъ Маріанна, авторъ «Исторіи Испаніи»; это дѣйствительно научное сочиненіе, проникнутое любовью къ истинѣ; слѣдуетъ также упомянуть объ «Исторіи Франціи» Гавріила Даніэля. Впрочемъ, герцогъ Сенъ-Симонъ

говоритъ, что знатоки относятся скептически къ этому сочиненію. Авторъ его задался цѣлью доказать, что большая часть королей первой династіи (Меровингской), многіе короли второй (Карловингской) и нѣкоторые изъ королей третьей династіи (Бурбонской) были незаконныя дѣти, рожденныя отъ простого и двойного прелюбодѣянія, но что это природное пятно не отняло у нихъ права на престолъ. Даніэль хотѣлъ, во что бы то ни стало, открыть путь къ престолу побочнымъ сыновьямъ Людовика XIV, въ то время, когда умерли одинъ за другимъ дофинъ и его старшій сынъ, и было основаніе опасаться, что у короля не будетъ законныхъ наслѣдниковъ. Король назначилъ ловкому іезуиту за его сочиненія 2,000 фр. ежегодной пенсіи, и, пользуясь полнымъ благоденствіемъ, онъ относился совершенно равнодушно къ насмѣшкамъ надъ своимъ сочиненіемъ. Даніэль написалъ также «Исторію французской милиціи», которую тактикъ Фоларъ считаетъ лучшимъ сочиненіемъ въ этомъ родѣ. Самымъ замѣчательнымъ историкомъ ордена является нидерландецъ Папеброхъ (1628—1714), который написалъ въ 14 фоліантахъ «Acta sanctorum» за мѣсяцы мартъ, апрѣль, май и іюнь. Онъ обнаружилъ независимый критическій умъ и открыто заявлялъ, что предпочтетъ ничего не писать, чѣмъ писать не правду; онъ настаивалъ на исключеніи всѣхъ сказокъ, помѣщенныхъ въ требникахъ и «Мартирологѣ». Эта откровенность навлекла на него ненависть испанской инквизиціи, которая осудила его сочиненія, подъ предлогомъ, что они заключаютъ въ себѣ ереси. Папеброхъ произнесъ строгій приговоръ надъ своими собратьями, историками Іезуитскаго ордена, и ихъ историческимъ методомъ.

«Исторія народа Божія» Беррюйе—чрезвычайно странное сочиненіе. Въ первой части библейскому тексту придана романическая окраска, патріархи изображены Селадонами, а библейскія женщины—Астреями; эротическіе эпизоды разсказаны съ величайшими подробностями и изображены самыми живыми красками, какъ напр., сцена между Іосифомъ и женой Пентефрія и обольщеніе Олоферна Юдиѳью. Въ исторіи Новаго Завѣта пылкое воображеніе Беррюйе нашло менѣе обильный матеріалъ. Книга произвела сильнѣйшій скандалъ, что повергло генерала въ ужасъ; двое папъ—Венедиктъ XIV и Климентъ XIII—осудили ее самимъ рѣзкимъ образомъ. Болѣе 300 іезуитовъ написали грамматики и руководства къ изученію живыхъ и мертвыхъ языковъ. Іезуиты преподавали болѣе 95 языковъ, а патеръ Адлеръ составилъ руковод-

ство, извѣстное подъ именемъ «Gradus ad Parnassum». Въ области математики и естественныхъ наукъ мы встрѣчаемъ первоклассныхъ ученыхъ, принадлежавшихъ іезуитскому обществу; но орденъ часто напрягалъ всѣ свои усилія для борьбы съ великими открытіями, которыя грозили разрушить его догматы. Беллармин былъ душою преслѣдованія Галлилея. Патеръ Шейнеръ, профессоръ математики въ Ингольштдатѣ, былъ вынужденъ выступить противъ Коперника и опровергать его. Этотъ астрономъ открылъ въ 1575 году спутниковъ Юпитера и пятна на солнцѣ. Разсказываютъ, что Шейнеръ признался патеру Бюссе, что самъ наблюдалъ, съ помощью телескопа, пятна, находившіяся на солнцѣ. Бюссе вознегодовалъ на него и обвинилъ его въ ереси. «Я читалъ Аристотеля,—объявилъ Бюссе,—и не нашелъ въ немъ ничего подобнаго; стало быть, ты можешь быть увѣренъ, что то, что́ ты видѣлъ—иллюзія твоихъ чувствъ или ошибка телескопа». Патеръ Жанъ-Батистъ Риччіоли тоже занимаетъ почетное мѣсто среди замѣчательнѣйшихъ астрономовъ XVII вѣка; орденъ предписалъ ему опровергать ученіе Коперника. Риччіоли приводилъ противъ него всевозможные аргументы, но велъ дѣло такъ, что его можно было подозрѣвать въ желаніи доставить торжество своему противнику. По его глубочайшему убѣжденію, система Коперника была самая простая, самая совершенная и самая раціональная изъ всѣхъ существующихъ; но начальство заставляло его защищать нелѣпое ученіе о вращеніи солнца вокругъ земли. Въ 1727 году іезуиты еще защищали съ величайшимъ упорствомъ и энтузіазмомъ нелѣпую идею, что солнце движется въ центрѣ неба, какъ король среди своего королевства или какъ отецъ среди своей семьи.

Изъ числа знаменитыхъ математиковъ, физиковъ и астрономовъ ордена слѣдуетъ еще назвать: Христофора Кальвіуса, которому Григорій XIII поручилъ исправленіе календаря, Цукки, который далъ первыя указанія къ сооруженію катадіоптрическихъ телескоповъ, Эскинарди, который открылъ знаменитую комету 1668 года и составилъ планъ прорытія Суэзскаго перешейка, Франциска-Марію Гримальди, который сдѣлалъ важныя открытія въ области теоріи свѣта, и Рожера Жозефа Босковича. Послѣдній сдѣлалъ важныя астрономическія открытія, написалъ нѣсколько сочиненій объ оптикѣ, изыскалъ средства къ предотвращенію паденія храма св. Петра въ Римѣ и къ осушенію Понтійскихъ болотъ, написалъ въ 1758 году сочиненіе «Теорія натуральной философіи, которое сдѣлалось

исходной точкой трудовъ многихъ математиковъ. Наконецъ, остается упомянуть еще о Францискѣ Вико, который открылъ нѣсколько кометъ, обоихъ ближайшихъ спутниковъ Сатурна, множество звѣздъ и расширилъ наши познанія объ атмосферѣ Сатурна. Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить и Анджело Секи, одного изъ лучшихъ физиковъ, математиковъ и астрономовъ нашего времени. Іезуиты устроили значительное количество обсерваторій и съ успѣхомъ управляли ими.

Іезуитъ Гусмао изобрѣлъ воздушный шаръ, но это изобрѣтеніе не принесло ему счастья. Когда въ Лиссабонѣ состоялся полетъ перваго воздушнаго шара, инквизиція обвинила Гусмао въ колдовствѣ и волшебствѣ и приговорила его къ тюремному заключенію. Члены ордена освободили его и увезли въ Испанію, но онъ вскорѣ умеръ отъ горя. Лана Терци изобрѣлъ сѣялку, систему обученія глухо-нѣмыхъ и способъ, съ помощью котораго слѣпорожденные передаютъ свои впечатлѣнія. Іезуиты занимались также и военнымъ искусствомъ. Остъ и Карлъ Борго особенно выдвинулись въ этой области: первый написалъ замѣчательное сочиненіе о постройкѣ военныхъ судовъ, а второй—объ укрѣпленіи и защитѣ крѣпостей; Борго посвятилъ свой трудъ Фридриху Великому, который пришелъ въ восторгъ и произвелъ автора въ почетные подполковники инженерныхъ войскъ. Съ 1710 года іезуиты стали издавать «Записки Треву», нѣчто въ родѣ энциклопедіи исторіи наукъ и искусствъ. Когда Дидро приступилъ къ составленію своей энциклопедіи, іезуиты постарались навязать ему свои услуги, но онѣ были отвергнуты.

Знаменитый іезуитъ Белларминъ написалъ свою автобіографію, проникнутую величайшимъ поклоненіемъ своей собственной особѣ, будто бы одаренной сверхъестественными силами. Онъ утверждаетъ, что написалъ свое сочиненіе по просьбѣ одного друга, но изъ самой автобіографіи видно, что она составлена съ задней мыслью и съ цѣлью добиться причисленія къ лику святыхъ. Эта книга заключаетъ въ себѣ многія указанія, характеризующія духъ и практическую дѣятельность іезуитовъ. Белларминъ разсказываетъ, что ему поручили излагать сочиненія Демосѳена и Цицерона въ коллегіи Мондови, тогда какъ онъ зналъ изъ греческаго языка только одну азбуку. Онъ объявилъ своимъ ученикамъ, что начнетъ съ элементарнаго преподаванія, а потомъ перейдетъ къ Демосѳену, и такимъ образомъ, онъ съ великимъ трудомъ выучился самъ тому, что долженъ былъ преподавать другимъ. Белларминъ превозно-

ситъ свои успѣхи въ качествѣ профессора и проповѣдника, и его самовосхваленіе проливаетъ яркій свѣтъ на іезуитскую скромность. Онъ разсказываетъ, что однажды, послѣ его проповѣди, каноники воскликнули: «Въ другой разъ вы сами произнесете проповѣдь, а сегодня это сдѣлалъ ангелъ небесный». Беллармінъ постоянно говоритъ въ своей книгѣ о своихъ сверхъестественныхъ дарахъ и небесныхъ вдохновеніяхъ. Въ 1589 году онъ предсказываетъ, что Сикстъ V умретъ въ этотъ самый годъ, и предсказываетъ также день смерти Климента VIII. Онъ признается въ одномъ мѣстѣ, что занимался астрологіей въ коллегіи Мондови. Беллармінъ упоминаетъ въ своей автобіографіи съ величайшимъ удовольствіемъ объ особенной услугѣ, которую онъ оказалъ Сиксту V и которая помѣшала осуществленію самаго задушевнаго его желанія. Въ 1591 году Григорій XIV недоумѣвалъ, что́ дѣлать съ Библіей Сикста V, въ которой многія мѣста были неудачно исправлены. Нѣкоторые компетентные люди подали папѣ совѣтъ публично запретить ее. Беллармінъ доказалъ папѣ, что будетъ лучше пересмотрѣть, исправить и снова издать ее для его прославленія. Поэтому надо было какъ можно скорѣе исключить всѣ подложныя мѣста, снова издать Библію подъ именемъ Сикста V и оговорить въ предисловіи, что въ первое изданіе вкрались многія опечатки, по небрежности типографщиковъ. Это предложеніе понравилось папѣ и было исполнено. На Беллармина была возложена корректура, и Библія была опубликована Климентомъ VIII съ іезуитскимъ предисловіемъ; она появилась послѣ смерти Григорія XIV и Иннокентія IX, подъ именемъ Сикста V. Самъ Беллармінъ разоблачилъ этотъ набожный обманъ, совершенный во имя принципа папской непогрѣшимости; Беллармінъ открылъ его, чтобы превознести себя въ ущербъ папѣ. Нарушеніе этой тайны помѣшало причисленію Беллармина къ лику святыхъ; этого требовалъ и Іезуитскій орденъ, намѣревавшійся поставить его, въ качествѣ «незапятнаннаго доктора» рядомъ съ Ѳомой Аквинскимъ, «ангелоподобнымъ докторомъ». Беллармінъ прославляетъ свою хитрость, какъ исключительный подвигъ, потому что онъ воздалъ такимъ образомъ добромъ за зло Сиксту, который запретилъ его книгу «О верховномъ первосвященникѣ». Но столь очевидная ложь не соотвѣтствовала характеру святого римской церкви, а потому іезуиты и употребили всѣ усилія, чтобы истребить автобіографію Беллармина. Беллармінъ разсказываетъ, кромѣ того, что имѣлъ много шансовъ сдѣлаться папой, но самъ добровольно отка-

зался отъ этого сана. Какимъ образомъ согласить съ этимъ заявленіемъ его-же собственныя слова, что онъ не питаетъ ненависти къ тѣмъ, которые воспрепятствовали его избранію, и не сожалѣетъ о неудачѣ своей кандидатуры, такъ какъ должность папы самая опасная изъ всѣхъ? Онъ утверждаетъ также, что его стараніямъ орденъ обязанъ причисленіемъ Лойолы къ лику святыхъ. Въ концѣ своей автобіографіи, Беллармнъ, завидуя тѣмъ почестямъ, которыя воздавались памяти Лойолы, говоритъ, что умолчалъ о своихъ добродѣтеляхъ, не зная, обладалъ-ли онъ таковыми; что-же касается пороковъ, то они такъ ничтожны, что о нихъ не стоило упоминать.

Іезуиты не оказали никакого вліянія на германскую литературу XVIII вѣка. Бальде, не лишенный поэтическаго чувства, утверждалъ, что нѣмецкій языкъ не годится для версификаціи. Одно изъ своихъ сочиненій онъ посвятилъ сатирѣ на современныхъ ему нѣмецкихъ поэтовъ. Анджелусъ Силезіусъ и Фридрихъ Шпе писали стихи на нѣмецкомъ языкѣ. Силезіусъ, полный мистическаго духа Экгарта и Таулера, развилъ въ своемъ херувимскомъ путешествіи глубокую теософическую систему, въ которой сказывается предшественникъ современныхъ пантеистическихъ философовъ. Затѣмъ онъ написалъ «Святую радость души или Божественныя кантаты», изъ коихъ многія приняты протестантскою церковью. Силезіусъ написалъ кромѣ того «Созерцаніе четырехъ конечныхъ принциповъ», съ цѣлью отвратить людей отъ грѣха живой картиной адскихъ мученій и привлечь къ добродѣтели матеріальнымъ описаніемъ небесныхъ радостей. Трудно представить себѣ что-нибудь грубѣе и отвратительнѣе этой картины адскихъ мученій и что-нибудь чувственнѣе описанія райскихъ радостей. Фридрихъ Шпе написалъ сборникъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Соперникъ соловья»; это заглавіе означаетъ, что, по мнѣнію автора, его пѣсни должны были соперничать съ пѣніемъ соловья; эти пѣсни отличаются глубокою любовью къ природѣ и сильнымъ религіознымъ чувствомъ, выраженными изящнымъ и гибкимъ языкомъ.

Іезуиты ничего не пріобрѣли по части стиля въ области архитектуры и связанныхъ съ нею декоративныхъ искусствъ; но они способствовали распространенію главныхъ формъ, существовавшихъ въ ихъ время. Со второй половины XVI вѣка до XVIII, они распространяли стиль послѣдняго періода Воз-

рожденія и работали въ этой области съ такимъ усердіемъ, что этотъ стиль получилъ названіе «Іезуитскаго». Они перенесли этотъ стиль на сѣверъ, акклиматизировали его тамъ и ввели въ скульптуру и живопись.

Въ 1575 году они предприняли въ Римѣ сооруженіе образцовой церкви—церкви Іисуса. Кардиналъ Александръ Фарнезе поручилъ знаменитому архитектору Виньола составить планы и руководить постройкою, которую окончилъ ученикъ Виньолы, Джакомо делла Порта. Виньола былъ одинъ изъ представителей строгаго направленія архитектуры Возрожденія, и онъ примѣнилъ свои принципы къ нѣсколькимъ церковнымъ и общественнымъ зданіямъ. Но вскорѣ іезуиты испортили строгій стиль перваго періода Возрожденія, обременивъ его слишкомъ обильными украшеніями, вслѣдствіе чего самая архитектура сдѣлалась лишь фономъ для скульптурныхъ и живописныхъ аксессуаровъ; однимъ словомъ самая постройка и архитектурный планъ стушевывались передъ массою декоративныхъ деталей. Этотъ новый стиль былъ введенъ въ Италіи архитекторомъ Борромини въ концѣ XVI вѣка и преобладалъ до 1780 года въ самой Италіи, Франціи, Испаніи и Германіи. Поццо создалъ цѣлую декоративную систему, которая сдѣлалась общимъ правиломъ въ постройкахъ большинства церквей Іезуитскаго ордена. Своими совѣтами и трудами по части архитектуры и живописи, Поццо игралъ выдающуюся роль въ сооруженіи главныхъ памятниковъ ордена; его эстампы распространились по всему свѣту, а живописцамъ и скульпторамъ оставалось только подражать его образцамъ, чтобы привлекать публику. Ломанныя линіи и выпуклыя формы фасадовъ, скульптурныя украшенія надъ дверьми и окнами, лѣпныя фрески испещряли все зданіе, а ихъ эффектъ еще усиливался облицовками изъ настоящаго и искусственнаго мрамора и инкрустаціями. Лапись-лазурь и яшма служили въ болѣе богатыхъ церквахъ для украшенія алтарей и поражали взоръ прихотливыми переливами красокъ и игрою свѣта. Столица Баваріи отличалась, въ царствованіе Максимиліана I, фабрикаціей искусственнаго мрамора различныхъ цвѣтовъ, а занимавшійся этимъ дѣломъ придворный художникъ пріобрѣлъ такую славу, что былъ призванъ къ испанскому королю. Всѣ церкви старались превзойти другъ друга великолѣпіемъ своихъ украшеній, а Іезуитскій орденъ, обладавшій громадными средствами, былъ неистощимъ по части изобрѣтенія новыхъ орнаментовъ. Роскошныя гробницы Лойолы и Франциска Ксаверія, выставленныя у обоихъ боко-

выхъ алтарей храма Іисуса въ Римѣ, дали первый толчокъ къ украшенію ракъ святыхъ драгоцѣнными камнями, и блескъ этихъ камней, соединяясь съ переливами разноцвѣтнаго мрамора, съ лѣпными украшеніями и яркими картинами производилъ на зрителей самое сильное впечатлѣніе. Прежде всего іезуиты стали пользоваться металлами и бронзой для украшенія своихъ церквей. Бронзовый жертвенникъ, воздвигнутый патеромъ Лоренцо Бернини у главнаго алтаря св. Петра въ Римѣ, послужилъ началомъ къ изготовленію такихъ-же предметовъ. Истинное искусство не прибѣгаетъ къ эффектамъ, а неотразимо дѣйствуетъ на зрителей своей благородной простотой; оно не возбуждаетъ чувственность и пренебрегаетъ матеріальными эффектами. Искусство іезуитовъ отличалось діаметрально-противоположнымъ характеромъ: съ ихъ точки зрѣнія, великолѣпіе и ослѣпительное богатство деталей должны были служить внѣшней эмблемой духовнаго могущества церкви и ея торжества надъ всѣми враждебными элементами. Само собою разумѣется, что во всемъ этомъ блескѣ выражалась лишь кажущаяся сила и что искусство іезуитовъ не соотвѣтствовало глубокимъ и интимнымъ потребностямъ человѣческой души и не удовлетворяло ихъ. Безчисленныя картины, покрывающія стѣны, куполы и алтари, скульптурныя изображенія надъ дверями и порталами почти всегда представляютъ побѣду церкви надъ ересью и безвѣріемъ и подвиги Іезуитскаго ордена, увѣковѣченные въ историческихъ и легендарныхъ сценахъ, въ аллегоріяхъ и видѣніяхъ, а главнымъ образомъ въ символическомъ изображеніи Архистратига Михаила, побѣждающаго сатану и его аггеловъ. Вездѣ на первомъ планѣ красуется эмблема ордена, окруженная сіяніемъ. Алтари, жертвенники, порталы, часовни, церкви и раки съ мощами свидѣтельствовали о торжествѣ ордена, отождествлявшаго себя съ церковью. Всѣмъ извѣстна колоссальная бронзовая фигура, изображающая архангела, повергшаго въ прахъ сатану, и картина такого-же содержанія, находящаяся въ іезуитской церкви въ Мюнхенѣ. Іезуиты изображали и Богородицу, побѣждающую ересь; такова статуя Дѣвы-Маріи, находящаяся тоже въ Мюнхенѣ.

Рубенсъ написалъ множество картинъ для іезуитскихъ церквей. По заказу герцога Вольфганга Вильгельма Нейбургскаго, онъ написалъ «Страшный судъ» для новой іезуитской церкви въ Нейбургѣ; эта картина находится нынѣ въ мюн-

хенской Пинакотекѣ. Большія картины Рубенса, находящіяся нынѣ въ вѣнскомъ Бельведерѣ, изображаютъ сцены изъ жизни Лойолы и Франциска Ксаверія: оба іезуитскіе святые изображены въ священническомъ орнатѣ и совершаютъ чудеса, одинъ передъ алтаремъ, а другой на паперти храма. Знаменитый ученикъ Рубенса, Антоній Ванъ-Дикъ и вся группа его учениковъ также работали для іезуитовъ: они писали для нихъ большія картины и дѣлали маленькіе рисунки для гравюръ, которыя орденъ распространялъ въ громадномъ количествѣ. Іезуиты иллюстрировали не только молитвенники и различныя духовно-нравственныя книги, но даже тезисы, выставлявшіеся передъ публичными диспутами. Эти послѣднія картинки изображали обыкновенно аллегоріи—вѣру, науку, добродѣтель и т. д.

Изъ числа художниковъ, принадлежавшихъ къ ордену, лишь немногіе возвысились надъ среднимъ уровнемъ. Одни изъ нихъ подражали Пьетро да Кортона, прозванному Береттини, а другіе Рубенсу. Къ первой группѣ принадлежалъ Жакъ Куртуа, родившійся въ Франшъ-Конте въ 1621 году и прозванный итальянцами Боргоньоне; онъ былъ членомъ Іезуитскаго ордена и другомъ художниковъ Гвидо Рени и Черквоцци, и пріобрѣлъ большую извѣстность, какъ баталистъ. Его любимыми сюжетами были библейскія сраженія. Въ его картинахъ проявляется чрезвычайно пылкое воображеніе; маленькія картины отличаются теплымъ колоритомъ, но въ большихъ колоритъ значительно слабѣе. Куртуа, очевидно, писалъ свои картины чрезвычайно поспѣшно и никогда не придавалъ имъ окончательной отдѣлки. Сраженія эрцгерцога Матвѣя и арбельское сраженіе принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ изъ его произведеній. Его картины имѣются въ галлереяхъ мюнхенской и дрезденской и въ петербургскомъ эрмитажѣ. Его религіозная живопись гораздо ниже батальной. Другой художникъ школы Кортона, Октавіанъ Дандини, былъ также членомъ Іезуитскаго ордена. Самая большая его картина находится въ церкви св. Магдалины въ Пеши. Іезуитъ Пьетро Латри выбиралъ такіе-же сюжеты для картинъ, которыя писалъ для главной церкви ордена въ Римѣ. Джузеппе Валеріани д'Аквила старался подражать Себастіану Піомбо, но его усилія не увѣнчались успѣхомъ. Впрочемъ, его картина «Благовѣщенія» въ римской церкви св. Духа и картина такого-же рода въ римской церкви Іисуса свидѣтельствуютъ о добросовѣстномъ изученіи природы. Двѣ картины Джузеппе Касти-

ліоне въ іезуитской церкви въ Женевѣ свидѣтельствуютъ о глубокомъ паденіи итальянскаго искусства въ XVIII вѣкѣ. Даніилъ Цеегерсъ, художникъ школы Рубенса, быть можетъ одинъ изъ лучшихъ живописцевъ Іезуитскаго ордена; онъ былъ спеціалистъ по части изображенія цвѣтовъ и окружилъ нѣкоторыя картины Рубенса и Ванъ-Дика гирляндами, которыя поражаютъ свѣжестью и живостью. Такая гирлянда красуется вокругъ картины Рубенса, изображающей Дѣву-Марію съ Младенцемъ Іисусомъ; эта картина находится въ антверпенской церкви іезуитовъ.

Эрнестъ Фальке охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ искусство іезуитовъ: «Они старались дѣйствовать на чувственность и въ этомъ отношеніи шли объ руку съ преобладавшимъ въ то время направленіемъ, которое они, съ своей стороны, развили до крайнихъ предѣловъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ ихъ церкви. Они распространили это направленіе по всей землѣ и внесли его даже въ Китай, гдѣ испортили мѣстное искусство, полное оригинальности. Наконецъ, явился одинъ изъ членовъ ордена, патеръ Андрей Поццо, который развилъ новую систему, возвелъ ее въ теорію и внесъ порядокъ и методу въ безумную погоню за эффектами».

ГЛАВА XIX.

Высокомѣріе Іезуитскаго ордена, его грѣхи передъ церковью и обществомъ. — Доктрина Янсеніуса о благодати.—Книга Янсеніуса о святомъ Августинѣ.—Поръ-Роялъ и мать Анжелика. — Сенъ - Сиранъ и Ришелье.— Отшельники Поръ - Рояля.—Антоній Арно и его книга о частомъ причастіи.—Нападки на него и Поръ - Роялъ.— Чудо св. шипа.—Интриги іезуитовъ противъ книги Янсеніуса.—Приговоръ надъ пятью тезисами.—Арно и непогрѣшимость папы.—Отличіе между фактомъ и правомъ.

Въ 1607 году было опубликовано папское постановленіе, которое положило конецъ препирательствамъ сторонниковъ Ѳомы Аквинскаго съ іезуитами объ ученіи о благодати. Павелъ V приказалъ (1611) обѣимъ сторонамъ прекратить полемику и отказаться отъ борьбы; но не прошло и 30 лѣтъ, какъ іезуиты возобновили споръ, по случаю изданія посмертнаго сочиненія Янсеніуса, ипрскаго епископа, о святомъ Августинѣ; споръ кончился въ пользу іезуитовъ, благодаря цѣлому ряду ихъ интригъ и насилій. Результатомъ возобновленной борьбы было не только осужденіе римскою церковью ученія Августина и Ѳомы о благодати, но и пораженіе галликанской церкви съ ея древними привилегіями и признаніе догмата непогрѣшимости папъ—непогрѣшимости, на основаніи которой за ними признавалось право разрѣшать всѣ спорные вопросы объ откровеніи и даже всѣ историческіе споры. Но эта побѣда Іезуитскаго ордена надъ галликанской церковью была куплена дорогой цѣной: противники ордена нанесли ему непоправимыя нравственныя пораженія, а онъ самъ погубилъ себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія своими излишествами, возбудилъ сильнѣйшее негодованіе въ лучшихъ представителяхъ католицизма и заставилъ самыхъ ученыхъ богослововъ выступить въ защиту христіанства и католицизма противъ іезуитскаго ученія. Іезуиты сами вызвали въ средѣ церкви

сильную оппозицію, которая была подавлена на время, но тѣмъ не менѣе продолжала существовать и, наконецъ, вызвала цѣлую бурю. Когда на сторону этой оппозиціи сталъ духъ просвѣтительной эпохи и раціонализма, то паденіе ордена совершилось само собой.

Исторія Іезуитскаго ордена производитъ впечатлѣніе истинной трагедіи. Великія заслуги, которыя онъ оказалъ папству, развили его гордость до размѣровъ дерзости; опьяненный своими успѣхами, онъ стремится къ господству надъ церковью, старается навязать ей свое ученіе и подчинить себѣ папскую власть; орденъ старается уничтожить традиціонный строй церкви, притѣсняетъ всѣ другіе ордена, наноситъ имъ всевозможныя оскорбленія и, съ непримиримою ненавистью, старается искоренить всѣ тенденціи, уничтожить всѣ авторитеты, противные его доктринамъ. Онъ искажаетъ и извращаетъ древнюю вѣру, портитъ чистоту нравственнаго ученія и оказываетъ разлагающее вліяніе на духовную жизнь своего времени; онъ защищаетъ абсолютизмъ папской власти, механическую централизацію церкви и доставляетъ имъ торжество надъ каноническимъ правомъ; онъ распространяетъ самыя грубыя, самыя нелѣпыя суевѣрія и проповѣдуетъ самую внѣшнюю, мертвую нравственность; стараясь задушить въ самомъ зародышѣ независимую самодѣятельность разума, онъ не только замыкаетъ католическую церковь передъ вѣяніями реформаціи, но и убиваетъ въ ней всякую жизнь, доводитъ ее до летаргическаго состоянія, благодаря которому она становится неспособною къ воспріятію какихъ-либо обновляющихъ попытокъ. Внеся такимъ образомъ нравственное разложеніе въ область церкви, Іезуитскій орденъ подрѣзалъ тѣ корни, которые она пустила въ сердцѣ общества, и, поддерживая внѣшнимъ образомъ ея господство, онъ подорвалъ самыя глубокія ея основы. Не слѣдуетъ однако забывать, что еще раньше Іезуитскаго ордена папство совершало такія-же покушенія противъ независимости церкви и человѣческаго духа и, что часть отвѣтственности за вредъ, принесенный іезуитами, падаетъ на римскую курію, такъ какъ, въ концѣ концовъ, іезуиты были только ея духовною милиціей.

Янсеніусъ посвятилъ значительную часть своей жизни изученію сочиненій св. Августина, съ цѣлью распространить въ ея истинномъ видѣ доктрину великаго отца церкви о благодати и замѣнить іезуитскую казуистику первобытнымъ и чистымъ нравственнымъ ученіемъ христіанства. Въ трехъ пер-

выхъ частяхъ своего сочиненія Янсеніусъ доказываетъ съ послѣднею очевидностью, что ученіе іезуитовъ противорѣчитъ ученію Августина. Благодать Божія, говоритъ ипрскій епископъ, производитъ добрую волю и даетъ силу совершать добро, а чтобы дѣлать добро, надо любить справедливость, которая представляетъ нераздѣльное цѣлое съ Богомъ. Эта любовь невозможна для человѣка, на которомъ лежитъ печать первороднаго грѣха; человѣкъ можетъ противостоять нѣкоторымъ грѣхамъ, но онъ не въ состояніи избавиться отъ грѣха вообще. Даже сами ангелы и человѣкъ, до своего грѣхопаденія, нуждались въ благодати для сохраненія своей чистоты, но они могли совершить зло въ силу своей свободной воли. Благодать предупреждаетъ волю человѣка и оказываетъ на нее непреодолимое вліяніе; она сперва пробуждаетъ, а потомъ укрѣпляетъ ее. Вѣра служитъ началомъ доброй воли, которая совершенствуется посредствомъ чистой, безкорыстной любви къ Богу: мы должны любить Бога не ради награды, а напротивъ любить награду, потому что она ниспосылается самимъ Богомъ. Воля нуждается въ твердости и устойчивости, которыя представляютъ собой даръ Божій. Богъ ниспосылаетъ благодать, которая исцѣляетъ и избавляетъ, не потому, что мы заслужили ее или готовы дѣйствовать по ея указаніямъ; она представляетъ собой таинственный даръ его святой воли и зависитъ единственно отъ его святого рѣшенія. Богъ ниспосылаетъ свою благодать лишь немногимъ избраннымъ. Боязнь ада уже представляетъ собой дѣйствіе общей благодати и начало премудрости; истинная благодать та, которая даетъ любовь къ Богу. Раскаяніе и исповѣдь недостаточны для справданія и примиренія съ Богомъ; только тотъ будетъ освобожденъ отъ грѣха, кто любитъ Бога.

Іезуиты уже давно возненавидѣли Янсеніуса, когда онъ былъ профессоромъ богословія въ Лувенскомъ университетѣ; этотъ университетъ посылалъ его два раза въ Испанію, въ качествѣ защитника своихъ правъ отъ посягательства іезуитовъ, которые хотѣли завладѣть нѣсколькими каѳедрами. Оба раза миссіи Янсеніуса имѣли полнѣйшій успѣхъ. Онъ не могъ издать самъ свое сочиненіе, которое хотѣлъ было посвятить папѣ Урбану VIII: онъ умеръ отъ чумы въ 1638 году. Его душеприказчики Фромонъ и Каленусъ порѣшили напечатать его книгу послѣ его смерти, но іезуиты узнали ея содержаніе во время печатанія и ухитрились достать ее въ корректурныхъ листахъ. Еще до выхода книги въ свѣтъ, они обратились къ папскому нунцію

въ Брюсселѣ, а черезъ его посредство въ Римъ, чтобы помѣшать изданію книги; они ссылались на декретъ Павла V, на основаніи котораго нельзя было ничего писать о благодати, безъ разрѣшенія папскаго престола. Римская курія дѣйствительно запретила книгу до ея появленія, но лувенскіе богословы не отказались отъ задуманнаго дѣла. Книга Янсеніуса появилась въ 1640 году подъ покровительствомъ трехъ лицъ— кардинала-инфанта, губернатора Нидерландовъ и испанскаго короля; она имѣла громадный успѣхъ не только въ отечествѣ автора, но и въ Парижѣ, гдѣ вскорѣ появилось новое изданіе. Въ 1641 году появился декретъ конгрегаціи Индекса, который осудилъ и запретилъ книгу Янсеніуса объ Августинѣ, умалчивая о доктринахъ автора; тѣмъ-же декретомъ осужденія были, впрочемъ, запрещены всѣ тезисы и сочиненія о благодати, изданныя іезуитами безъ разрѣшенія папскаго престола. Вслѣдъ затѣмъ, испанскій король приказалъ собрать мнѣнія компетентныхъ лицъ о сочиненіи Янсеніуса — и его одобрили болѣе 50 богослововъ различныхъ орденовъ. Мало того, въ собраніи римскихъ кардиналовъ произошелъ диспутъ, на которомъ книгу Янсеніуса защищали въ присутствіи Урбана VIII. Но, несмотря на это, противъ этой книги была опубликована въ 1642 году громоносная булла. Сторонники Янсеніуса утверждаютъ, что іезуиты, своими смѣлыми интригами, выманили эту буллу у папы, который первоначально хотѣлъ ограничиться возобновленіемъ декрета Пія V противъ Байюса. Во Франціи и Нидерландахъ возникла оппозиція противъ папской буллы, а университеты Лувенскій и Парижскій отказались принять ее. Но Ришелье, раздраженный противъ Янсеніуса его рѣзкими отзывами о политикѣ Франціи (въ книгѣ «Mars gallicus»), запретилъ его книгу объ Августинѣ. Покойный авторъ имѣлъ во Франціи значительное количество ученыхъ и восторженныхъ поклонниковъ, отличавшихся горячею вѣрою, искреннею набожностью и чистотою жизни; они не побоялись выступить въ защиту Янсеніуса, котораго они считали представителемъ религіозной истины. Мужской и женскій персоналъ Поръ - Рояля (Port-Royal) сталъ во главѣ сильной оппозиціи противъ папскаго господства и іезуитизма въ церкви; эта оппозиція старалась освободить церковь отъ двойного ига папы и іезуитовъ и возвратить ее къ первоначальнымъ основамъ въ области догмата и нравственности, внѣшняго строя и дисциплины.

Женскій монастырь Бернардинскаго ордена, «Port Royal des champs», находившійся въ 6 миляхъ отъ Парижа, въ

чрезвычайно живописной мѣстности, былъ основанъ въ началѣ XIII вѣка; папы даровали ему множество привилегій и освободили его во многихъ отношеніяхъ отъ епископской юрисдикціи. Монастырь этотъ пользовался, между прочимъ, правомъ давать убѣжище свѣтскимъ людямъ, не желающимъ связывать себя обѣтами какого-либо религіознаго ордена. Исторія Поръ-Рояля не представляетъ ничего замѣчательнаго до конца XVI вѣка. Въ началѣ XVII вѣка, въ игуменьи монастыря была назначена Анжелика Арно, дочь знаменитаго парламентскаго адвоката, Антонія Арно, непримиримаго противника іезуитовъ; она преобразовала монастырь и возстановила въ немъ истинное религіозное чувство и строгіе принципы нравственности. Поръ-Рояль повидимому долженъ былъ сдѣлаться центромъ обновленія и преобразованія церкви. Анжелика почерпнула для своего дѣла новыя силы въ своихъ отношеніяхъ къ Франциску Салезскому и къ матери Францискѣ-де-Шанталь. Вскорѣ послѣ своего назначенія въ игуменьи, Анжелика основала въ Парижѣ отдѣленіе своего монастыря (Port Royal de Paris), а вслѣдъ затѣмъ многіе женскіе монастыри Бернардинскаго ордена стали приглашать изъ Поръ-Рояля монахинь, чтобы преобразовать свои общежитія по его образцу. Но Анжелика вскорѣ убѣдилась, что уставъ ордена тормозитъ всякое радикальное преобразованіе; вслѣдствіе этого она рѣшилась отказаться отъ своей должности и выйти изъ монастыря. Между тѣмъ, епископъ лангрскій Заметъ основалъ женскую общину постояннаго поклоненія святымъ дарамъ и убѣдилъ Анжелику прислать ему нѣсколько монахинь изъ ея монастыря. Новый орденъ былъ утвержденъ папой въ 1633 году, и тогда епископъ упросилъ Анжелику принять въ монастырѣ должность игуменьи и поселиться въ Парижѣ. Анжелика вскорѣ убѣдилась, что новый орденъ, задавшійся цѣлью соединить внѣшній блескъ со строгою внутренней дисциплиной, не имѣетъ будущности. Сестра Анжелики, Агнеса, поступившая въ новый орденъ, написала о немъ маленькій критическій этюдъ, который случайно попалъ въ руки архіепископа Сансскаго и вызвалъ его неудовольствіе. По этому поводу возникла полемика, и споръ былъ представленъ на разрѣшеніе папы. Въ Римѣ не нашли ничего вреднаго въ сочиненіи Агнесы, но тѣмъ не менѣе запретили его, во избѣжаніе дальнѣйшихъ препирательствъ. Епископъ Заметъ обратился къ аббату Сенъ-Сирану, который, подъ покровомъ псевдонима, защищалъ сочиненіе Агнесы, съ просьбой принять должность настоятеля и духовника въ общинѣ св. При-

частія. Сенъ-Сиранъ, близкій другъ Янсеніуса, который также одобрялъ мнѣнія Агнесы, уступилъ настояніямъ епископа, но вскорѣ объявилъ, что монастырь нуждается въ радикальныхъ преобразованіяхъ. Онъ дѣйствительно ввелъ нѣкоторыя реформы и пріобрѣлъ этимъ глубокое уваженіе и преданность монахини. Епископъ Лангрскій сталъ завидовать его популярности, воздвигъ гоненіе на свое собственное учрежденіе и, присоединившись къ врагамъ Сенъ-Сирана, еще болѣе возстановилъ противъ него Ришелье; всемогущій кардиналъ возненавидѣлъ Сенъ-Сирана за то, что тотъ не одобрилъ его Люсонскій катехизисъ. Анжелика, бывшая преданнымъ другомъ Сенъ-Сирана, была вынуждена отказаться отъ своей должности и удалиться въ парижскій Поръ-Рояль.

Сенъ-Сиранъ глубоко оскорбилъ Ришелье, высказавшись противъ брака герцога Орлеанскаго съ принцессой Лотарингской, несмотря на то, что расторженіе брака было постановлено общимъ собраніемъ французскаго духовенства. Онъ разстроилъ политическіе планы министра категорическимъ заявленіемъ о нерасторжимости браковъ въ католической церкви. Съ другой стороны, аббатъ навлекъ на себя ненависть іезуитовъ анонимнымъ изданіемъ своей книги «Petrus Aurelius», въ которой онъ опровергалъ ихъ нападки на епископскую власть и на обрядъ конфирмаціи. Іезуиты узнали, что Сенъ-Сиранъ авторъ этой книги, и публично обвинили его въ ереси. На основаніи этого обвиненія, Ришелье заключилъ его въ Венсенскую тюрьму, откуда онъ былъ освобожденъ лишь послѣ смерти кардинала и умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Парижскій Поръ-Рояль высказался въ пользу плѣнника, котораго весь монастырь уважалъ и считалъ мученикомъ.

Покинутый монахинями, Поръ-Рояль полевой вскорѣ сдѣлался убѣжищемъ страннаго братства набожныхъ и ученыхъ отшельниковъ. Прежде всего туда удалился членъ государственнаго совѣта, Антоній Леметръ, племянникъ Антонія Арно и Анжелики. На 29 году своей жизни, онъ отказался отъ блестящаго поприща и удалился отъ свѣта, слѣдуя своему духовному призванію. Вскорѣ къ нему присоединились Симонъ Серикуръ и Исаакъ де Саси, за которыми вскорѣ послѣдовали братья Анжелики, Робертъ Андильи и Антоній Арно. По ихъ примѣру, въ братство поступили другія выдающіяся лица, каковы: Сенъ-Мартъ, Сенгленъ, Гамонъ, Расинъ, цѣлый рядъ представителей дворянства, въ томъ числѣ герцогъ и герцогиня де Люйнъ, ученые и духовныя лица, какъ Николь и Тил-

лемонъ. Всѣ эти отшельники, сторонники доктрины Августина, вели аскетическую жизнь, занимались научными и литературными трудами, воздѣлывали сады и поля и сами работали для удовлетворенія своихъ потребностей. Мужчины открыли школы и пансіоны, въ которые принимали мальчиковъ, а монахини, вернувшіяся въ покинутый монастырь, открыли женскія учебныя заведенія, которыя вскорѣ прославились. Въ 1648 году, большинство монахинь возвратилось въ Поръ-Рояль полевой, и сестра Анжелика снова была выбрана въ игуменьи. Между монахинями и отшельниками вскорѣ установилось живое духовное общеніе. Антоній Арно пожертвовалъ все свое состояніе монастырю, въ которомъ было 13 членовъ его семейства—его мать, шесть сестеръ и шесть племянницъ; семейство Арно считало монастырь своею собственностью. Арно былъ извѣстенъ, какъ горячій сторонникъ Янсеніуса и рѣшительный противникъ іезуитовъ. До публикованія книги Янсеніуса, онъ защищалъ то-же самое ученіе о благодати, а по приглашенію Сенъ-Сирана, онъ напечаталъ въ 1643 году нѣсколько сочиненій въ пользу ипрскаго епископа, котораго преслѣдовали даже за гробомъ. Онъ напечаталъ также книгу, подъ заглавіемъ «О частомъ причастіи»; онъ доказывалъ въ ней, что церковная дисциплина ослабѣла и что необходимо возвратиться къ строгому строю первобытной церкви, т. е. къ церкви независимыхъ епископовъ и патріарховъ—Василія, Амвросія и Августина. Если вѣрующіе рѣшаются принимать причастіе столь-же часто, какъ первые христіане, т. е. каждый день, то они должны подражать и чистотѣ ихъ жизни. Для того, чтобы достигнуть прощенія грѣховъ посредствомъ Таинства, надо прежде испросить у Бога благодати для искренняго покаянія. Духовникъ не долженъ забывать, что отвѣтственъ передъ Богомъ за исполненіе своихъ обязанностей, а потому онъ долженъ исполнять ихъ съ надлежащею строгостью и серьезностью. Въ предисловіи къ своей книгѣ Арно высказалъ мнѣніе, что, такъ какъ святые Павелъ и Петръ оба основали авторитетъ римской церкви, то они совершенно равны между собой. Эта книга, не безъ основанія, считается какъ бы предисловіемъ къ «Письмамъ къ провинціалу» Паскаля, потому что въ ней также говорится объ общихъ принципахъ христіанской нравственности.

Въ своей книгѣ Арно мѣтилъ на іезуитовъ; они дѣйствительно проповѣдывали принципъ, что чѣмъ болѣе человѣкъ погруженъ въ суету свѣтской жизни, преданъ эгоизму и лишенъ

благодати, тѣмъ чаще онъ долженъ ходить къ причастію. Гнѣвъ іезуитовъ противъ ихъ противника не зналъ предѣловъ и, втеченіи всего Великаго Поста 1644 года, они громили Арно со всѣхъ амвоновъ Франціи. Но его книгу одобрили 16 епископовъ, 24 доктора Сорбонны и все архіепископство охское съ 10 епископами. Регентша, испуганная бурною полемикой, приказала Арно защитить свое ученіе въ Римѣ. Сорбонна, парламентъ и нѣсколько духовныхъ лицъ выступили въ пользу обвиненнаго, а епископы, одобрившіе его книгу, стали защищать ее въ письмахъ къ Урбану VIII и Иннокентію X. Римская инквизиція сама не нашла въ книгѣ ничего предосудительнаго, кромѣ отрывка, въ которомъ доказывалось равенство апостоловъ. Іезуитъ Ингоферъ, одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей своего ордена, также высказался въ пользу Арно.

Ненависть іезуитовъ къ Арно и Янсеніусу обратилась на Поръ-Рояль полевой, который сдѣлался центромъ оппозиціи противъ папы и іезуитизма. Патеры говорили, что въ этой маленькой общинѣ 40 прекрасныхъ перьевъ, очиненныхъ рукою Арно и всегда готовыхъ защищать ученіе своихъ наставниковъ противъ всего свѣта. Іезуиты стали распространять всевозможные пасквили, въ которыхъ обвиняли монахинь не только въ ереси, но даже въ развратѣ; они утверждали, чть Арно и Сенъ-Сиранъ составили заговоръ съ цѣлью уничтожито христіанство и замѣнить его деизмомъ. Ненависть іезуитовъ дошла до крайнихъ предѣловъ, подъ вліяніемъ страха, что учебныя заведенія Поръ-Рояля повредятъ заведеніямъ Ордена. Проповѣди и печатная полемика іезуитовъ произвели меньшее дѣйствіе, чѣмъ клеветы, систематически распространяемыя въ придворныхъ сферахъ, гдѣ патеры играли роль духовныхъ руководителей. Они обвинили отшельниковъ въ заговорахъ противъ правительства, а монахинь въ томъ, что онѣ помогаютъ имъ и вмѣшиваются въ богословскіе вопросы. Въ 1656 году, регентша приказала закрыть всѣ учебныя заведенія монастыря и разсѣять отшельниковъ и ихъ учениковъ. Монахини были спасены чудеснымъ исцѣленіемъ Маргариты Перье, племянницы Паскаля. Дѣвочка страдала втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ фистулою слезнаго мѣшка, а врачи, боясь дурныхъ послѣдствій, намѣревались сдѣлать ей болѣзненную операцію. Она исцѣлилась, дотронувшись до одного изъ шиповъ терноваго вѣнца Спасителя, въ парижской церкви Поръ-Рояля. Это событіе было истолковано, какъ Божій приговоръ въ пользу Поръ-Рояля; общественное мнѣніе взволно-

валось, и многочисленныя процессіи двинулись къ святынѣ, которая совершила еще много чудесъ. Регентша отмѣнила начатыя преслѣдованія. Іезуиты старались оспаривать чудо, но это имъ не удалось. Въ Поръ-Роялѣ снова водворился миръ, Сенгленъ былъ назначенъ настоятелемъ женскаго монастыря, а Арно вышелъ изъ своего убѣжища и возвратился въ Парижъ.

Между тѣмъ споръ о Янсеніусѣ и его ученіи о благодати вошелъ въ новую фазу. Въ іюлѣ 1649 года, бывшій іезуитъ Корне, синдикъ факультета, представилъ Сорбоннѣ, безъ указанія источниковъ, пять тезисовъ, заимствованныхъ изъ книги Янсеніуса. Когда нѣкоторые доктора узнали въ нихъ принципы ипрскаго епископа, Корне объявилъ, что не дѣлалъ никакихъ заимствованій изъ его сочиненій. Эти тезисы слѣдующаго содержанія: 1) Праведники не въ состояніи исполнить нѣкоторыя изъ заповѣдей Господнихъ; благодать, дающая силы для ихъ исполненія, всегда будетъ ниспослана имъ; 2) въ состояніи паденія, человѣкъ не въ силахъ сопротивляться благодати; 3) чтобы сдѣлать доброе или злое дѣло въ естественномъ состояніи, достаточно быть свободнымъ отъ всякаго стѣсненія; 4) пелагіанцы впадали въ ересь, утверждая, что человѣкъ можетъ, по собственной волѣ, воспринимать благодать или сопротивляться ей; 5) тотъ, кто утверждаетъ, что Христосъ умеръ за всѣхъ людей безъ исключенія, впадаетъ въ пелагіанскую ересь.

Благодаря интригамъ Корне, комиссія, которой было поручено разсматривать эти тезисы, была составлена изъ моленистовъ, которые произнесли надъ ними строгую цензуру; они впрочемъ не рѣшились опубликовать свою цензуру, потому что 60 докторовъ обжаловали ихъ образъ дѣйствій въ парламентѣ. Эти доктора заявили, что тезисы имѣютъ двойной смыслъ и что ихъ цензировать безъ подробнаго анализа нельзя, такъ какъ въ такомъ случаѣ можно осудить неоспоримыя религіозныя истины. Іезуиты послали папѣ Иннокентію X цензуру, задержанную парламентомъ; папа откровенно признался въ своемъ невѣжествѣ въ богословскихъ вопросахъ, но тѣмъ не менѣе склонялся на сторону іезуитовъ; но кардиналъ Сенъ-Клеманъ, принадлежавшій къ Доминиканскому ордену, помѣшалъ ему одобрить цензуру. Такимъ образомъ, первое нападеніе іезуитовъ на Янсеніуса не удалось. Впрочемъ, его сторонники признали, что пять тезисовъ могли быть истолкованы въ духѣ, противномъ церкви, и согласились отказаться отъ этого анти-

церковнаго толкованія. Эта уступка не удовлетворила іезуитовъ: они распространили во Франціи слухъ о появленіи новой секты Янсеніуса, которая будто бы проповѣдуетъ еретическое ученіе о благодати; за-одно со своими римскими собратьями они устроили громадную интригу, внесшую разладъ во французскую церковь. Римскіе іезуиты извѣстили французскихъ, что если французское духовенство обратится къ папѣ съ просьбой рѣшить вопросъ о пяти тезисахъ, то папа неминуемо осудитъ ихъ, потому что выжидаетъ только удобнаго случая, чтобы французскіе епископы признали его авторитетъ въ догматическихъ вопросахъ. Епископъ Аберъ изъявилъ готовность обратиться къ Иннокентію X съ адресомъ, гласящимъ, что Франція взволнована споромъ о пяти тезисахъ и проситъ папу покончить ихъ торжественнымъ приговоромъ. 85 епископовъ согласились подписать этотъ адресъ. Но духовное собраніе 1651 года отказалось признать его дѣйствительнымъ, а нѣкоторые епископы публично протестовали противъ него. Обѣ стороны—и іезуиты, и янсенисты—послали депутатовъ въ Римъ, и въ этомъ городѣ была созвана конгрегація, на которую было возложено разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣла. Іезуиты стали намекать папѣ, что онъ имѣетъ право произнести рѣшительный приговоръ, не выслушивая даже обѣихъ сторонъ. Иннокентій разсѣялъ опасенія сторонниковъ Янсеніуса, похваливъ ихъ ученость и вѣрность ихъ ученія, вслѣдствіе чего они были вполнѣ увѣрены, что папа осудитъ только то еретическое толкованіе тезисовъ, отъ котораго они сами готовы были отказаться. 31 мая была опубликована булла, осуждавшая четыре первыхъ тезиса. Тогда сторонники Янсеніуса замѣтили, что тезисамъ приписывается смыслъ, который они сами отвергаютъ: они поняли, что ихъ обманули и обманулъ самъ папа. Онъ увѣрилъ ихъ, что тезисы имѣютъ тройной смыслъ — кальвинистскій, пелагіанскій и чисто католическій, согласный съ ученіемъ Августина и Ѳомы. Осуждая тезисы, папа однако не анализировалъ въ своей буллѣ ихъ смыслъ. Булла гласила между прочимъ, что государственная власть будетъ призвана, въ случаѣ необходимости, привести въ исполненіе папскій приговоръ. Она была принята во Франціи, благодаря вмѣшательству Мазарини и іезуита Анната.

Сторонники Янсеніуса объявили, что тезисы ихъ наставника не имѣли того еретическаго смысла, который былъ приданъ имъ противниками. Придворные епископы выхлопотали у папы бреве, которое утверждало противное; затѣмъ было опуб-

ликовано заявленіе, въ которомъ выражалась готовность подчиниться обоимъ папскимъ рѣшеніямъ и осудить «сердцемъ и устами доктрину пяти тезисовъ Янсеніуса, противорѣчащую ученію святаго Августина». Въ 1656 году, собраніе французскаго духовенства утвердило вышеупомянутое заявленіе и обратилось къ папѣ Александру VII съ адресомъ, въ которомъ заключалась просьба объявить, что тезисы осуждены въ томъ духѣ, какъ понималъ ихъ самъ Янсеніусъ.

Не многіе осмѣлились сопротивляться настроенію высшихъ церковныхъ сферъ; тѣмъ не менѣе Антоній Арно издалъ въ февралѣ 1655 года «Письмо къ высокопоставленному лицу», а въ іюлѣ того-же года второе письмо; онъ говорилъ, что истина можетъ быть на нѣкоторое время омрачена даже въ церкви, и что всякій папа можетъ ошибиться на счетъ историческаго факта, какъ ошибся Гонорій III; лица, сочувствующія ученію Янсеніуса, не могутъ подписать епископское заявленіе, но могутъ молчать, что́ тоже представляетъ собою извѣстный способъ повиновенія. Арно развилъ идею различія между *фактомъ* и *правомъ*. Фактическій вопросъ сводился, по его мнѣнію, къ тому, чтобы удостовѣрить, дѣйствительно-ли осужденные тезисы заключаются въ книгѣ Янсеніуса; вопросъ о правѣ заключался въ томъ, изложены-ли эти тезисы въ томъ смыслѣ, въ какомъ они были осуждены. Арно заявлялъ, что папа является высшимъ авторитетомъ въ вопросѣ, согласны-ли какія-либо доктрины съ откровеніемъ; но онъ не можетъ быть признанъ непогрѣшимымъ въ фактическихъ вопросахъ. Отказываясь допустить это различіе, іезуиты становятся въ противорѣчіе съ самими собой, потому что въ спорѣ изъ-за китайскихъ обрядовъ и изъ-за молинизма они сами утверждали, что папа можетъ ошибаться въ вопросѣ вѣры. Точка зрѣнія, на которую становились римская курія и іезуиты, осуждая Арно, заставляла допустить, что, если человѣкъ утверждаетъ, что папа невѣрно понимаетъ его мысли, то папа лучше знаетъ его мысли, чѣмъ онъ самъ. Такимъ путемъ можно дойти до нелѣпаго ученія Беллармина, что если папа прикажетъ, то слѣдуетъ считать черное бѣлымъ и наоборотъ. Многіе друзья Арно удалились изъ Сорбонны, которая всецѣло стала на сторону папъ, заявивъ, что послѣ его приговора было бы неприлично провѣрять, дѣйствительно-ли осужденная доктрина находится въ книгѣ Янсеніуса. Сорбонна энергично возстала противъ Арно за его заявленія, что вѣра апостола Петра и его преемниковъ

можетъ ослабѣть; она объявила этотъ тезисъ дерзкимъ, еретическимъ и богохульнымъ, прибавивъ, что тѣ, которые не признаютъ этого приговора, будутъ исключены изъ богословской корпораціи. Арно обратился къ папѣ и скрылся, чтобы избѣжать новыхъ преслѣдованій. Въ 1656 году онъ написалъ къ Сорбоннѣ письмо, въ которомъ увѣрялъ, что не сталъ бы высказываться въ такомъ духѣ о тезисахъ Янсеніуса, если бы предвидѣлъ, что это будетъ вмѣнено ему въ преступленіе; онъ выражалъ сожалѣніе по поводу написанныхъ имъ писемъ и просилъ прощенія у папы и епископовъ. Сорбонна отвергла его покаяніе и исключила его изъ своей среды.

ГЛАВА XX.

Паскаль и его „Письма къ провинціалу“.—Новое осужденіе книги Янсеніуса.—Людовикъ XIV и янсенизмъ.—Формула вѣры.—Мѣры противъ Поръ-Рояля.—Компромиссъ при Климентѣ IX.—Новыя преслѣдованія и закрытіе полевого Поръ-Рояля.—Булла „Unigenitus“.—Оппозиція противъ буллы и Людовика XIV.—Бѣдственныя послѣдствія господства іезуитовъ во Франціи.

Преслѣдуемое ученіе нашло новаго защитника, въ лицѣ Паскаля. Въ 1655 году онъ послѣдовалъ за своей сестрой Жакелиной въ монастырь Поръ-Рояля и сталъ дѣлить труды и богословскія занятія тамошнихъ отшельниковъ. Когда Арно написалъ свою оправдательную записку къ Сорбоннѣ, Паскаль имѣлъ свиданіе съ нимъ и нѣкоторыми его друзьями въ замкѣ Бомюрье, близъ Поръ-Рояля полевого; они пригласили его написать что-нибудь популярное въ защиту праваго дѣла. Паскаль написалъ такъ называемыя «Письма къ провинціалу», въ которыхъ обличалъ вредную дѣятельность іезуитовъ и обвинялъ ихъ въ потрясеніи всѣхъ нравственныхъ основъ. Литературная полемика, возникшая изъ за этихъ «Писемъ», продолжалась съ 23 января 1656 года до 24 марта 1657 г.; она сильно взволновала Францію и привела іезуитовъ въ отчаяніе. «Письма» Паскаля печатались тайкомъ и распространялись безплатно въ громадномъ количествѣ. Въ трехъ первыхъ письмахъ, Паскаль доказываетъ, что доктрина Арно вполнѣ соотвѣтствуетъ ученію Августина и Златоуста; «Письма» отъ четвертаго до десятаго посвящены страстной полемикѣ съ іезуитами и анализу ихъ казуистки; восемь послѣднихъ писемъ заключаютъ въ себѣ отвѣтъ Паскаля на нападки іезуитовъ; въ этихъ письмахъ онъ не только возражаетъ на обвиненія въ кальвинизмѣ и деизмѣ и въ подтасовкѣ текста іезуитскихъ писателей: онъ подвергаетъ строжайшей критикѣ нравственность ордена и произноситъ надъ нею самый строгій приговоръ. Два послѣднихъ письма

направлены противъ іезуита Анната и опровергаютъ его клеветы на сторонниковъ Янсеніуса и монахинь Поръ-Рояля. Эти письма произвели сильнѣйшее впечатлѣніе: они были страшнѣйшею, вполнѣ заслуженною карою іезуитства. Нѣкоторые изъ отшельниковъ Поръ - Рояля не одобрили этого остроумнаго, сатирическаго способа борьбы съ врагомъ, вслѣдствіе чего между нимъ и Паскалемъ произошло нѣкоторое охлажденіе. Но это не повредило успѣху его писемъ, которыя были переведены на нѣсколько языковъ. Николь изложилъ ихъ содержаніе на латинскомъ языкѣ и издалъ ихъ съ комментаріями, подъ именемъ Вильгельма Вендрока. Арно, Николь и другіе доставляли Паскалю матерьялы. Онъ самъ признался за годъ до смерти, что не имѣлъ возможности перечитать всѣ книги, на которыя указалъ, но тѣмъ не менѣе старался убѣдиться, вѣрно-ли сдѣланы имъ выписки и точно-ли онъ понимаетъ ихъ смыслъ. Что-же касается Эскобара, то Паскаль два раза прочиталъ его сочиненія съ начала до конца, и только въ одномъ или двухъ мѣстахъ у него вкрались ошибки. Іезуиты подняли невѣроятную агитацію, чтобы осудить письма Паскаля и дѣйствительно добились постановленія парламента, на основаніи котораго письма были сожжены рукою палача въ Э (Aix) и въ Парижѣ, въ 1657 и въ 1660 годахъ. Тотчасъ послѣ появленія первыхъ писемъ Паскаля, надъ Поръ - Роялемъ разразилась гроза. На вышеупомянутый адресъ французскаго духовенства, папа Александръ VII отвѣчалъ не пересмотромъ книги Янсеніуса, а опубликованіемъ буллы 16 октября 1656 года. Булла объявляла нарушителями общественнаго порядка и исчадіями дьявола всѣхъ тѣхъ, которые осмѣлились бы утверждать, что осужденные тезисы не находятся въ книгѣ Янсеніуса и осуждены не правильно. Бесѣда папы съ профессоромъ Лувенскаго университета Лупусомъ обнаружила, что ему было представлено подложное изданіе книги Янсеніуса, въ которой дѣйствительно находились осужденныя доктрины.

Собраніе французскаго духовенства, состоявшееся въ Парижѣ, постановило принять новый папскій декретъ, пригласило всѣ епархіи привести его въ исполненіе и составило новую формулу вѣры, по которой «всякій истинный католикъ обязывался искренно подчиниться приговорамъ папъ Иннокентія X и Александра VII и осудить пять тезисовъ Янсеніуса, дѣйствительно находящихся въ его книгѣ объ Августинѣ и противорѣчащихъ истинному ученію этого отца церкви».

Всѣ епископы опубликовали буллу Александра VII, но ни одинъ изъ нихъ не потребовалъ отъ приходскихъ священниковъ, чтобы они подписали новую формулу вѣры. Самъ Мазарини смотрѣлъ на это дѣло сквозь пальцы, и такимъ образомъ никто не преслѣдовалъ упорствующихъ до конца 1660 года. Такая терпимость не входила въ разсчеты папы, который желалъ, чтобы Арно былъ заключенъ въ тюрьму. Онъ даже писалъ своему нунцію въ Парижѣ, что, если удастся отдѣлаться отъ этого коновода партіи и закрыть Поръ-Рояль, то янсенизмъ будетъ навсегда уничтоженъ. Александръ VII сталъ систематически подстрекать къ насильственнымъ мѣрамъ. Іезуитъ Аннатъ, духовникъ Людовика XIV, убѣдилъ короля, что янсенисты стараются возобновить религіозныя агитаціи прошлаго вѣка и что Поръ-Рояль устраиваетъ заговоры противъ безопасности государства. Вслѣдствіе этого Людовикъ XIV предписалъ собранію епископовъ уничтожать янсенизмъ ради славы и блага короля и его народа. Собраніе тотчасъ составило заявленіе, осуждающее тезисы Янсеніуса и постановило обязать не только священниковъ и монаховъ, но и монахинь и учителей подписать это заявленіе, подъ страхомъ преслѣдованія за ересь и мятежъ. 13 апрѣля 1661 года, появился королевскій приказъ, подтверждавшій это рѣшеніе и приглашавшій всѣхъ французскихъ епископовъ принять мѣры къ его исполненію.

Парижскіе викаріи первые опубликовали распоряженіе, вмѣнявшее въ обязанность подписать вышеупомянутое заявленіе. Значительная часть сторонниковъ Янсеніуса уступила этому давленію, но Арно остался вѣренъ тѣмъ доктринамъ, которыя столь энергично защищалъ. Въ то время, какъ мужчины шли на компромиссы съ совѣстью, оправдывая свою измѣну разными уловками, монахини Поръ-Рояля, и во главѣ ихъ мать Анжелика, выказали необыкновенную смѣлость и твердость.

Королевскій приказъ отнялъ у монастыря его послушницъ и воспитанницъ; затѣмъ его стали подвергать строжайшимъ обыскамъ, при которыхъ не было открыто ничего предосудительнаго. Анжелика лежала на смертномъ одрѣ во время одного изъ обысковъ, но выказала по истинѣ геройское хладнокровіе и покорность волѣ Божіей; она умерла 6 августа 1661 года, а сестра Агнеса пошла по ея стопамъ и отказалась выдать семь послушницъ, которыя только что поступили въ монастырь: ихъ увезли насильственно. Такъ какъ обыскъ обнаружилъ полную благонадежность монастыря, то Агнеса стала умолять

короля возвратить ей похищенныхъ послушницъ и воспитанницъ; но Людовикъ XIV отказался возстановить монастырь до тѣхъ поръ, пока монахини не подпишутъ извѣстную формулу вѣры. По убѣжденію Арно, онѣ покорились по необходимости, но Жакелина умерла отъ отчаянія черезъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Она была первою жертвою гоненія на Поръ - Рояль. Наконецъ монахини сдѣлали слѣдующее заявленіе: «По незнанію всего того, что̀ не доступно нашему полу и положенію, мы можемъ лишь заявить о чистотѣ нашей вѣры. Поэтому мы охотно удостовѣряемъ нашею подписью, что питаемъ глубочайшее уваженіе къ нашему святѣйшему отцу, ибо вѣра составляетъ наше драгоцѣннѣйшее достояніе; мы объявляемъ, что искренно подчиняемся рѣшеніямъ папъ Александра VII и Иннокентія X и отвергаемъ всѣ осужденныя ими заблужденія».

Арно старался успокоить Паскаля, установивъ различіе между двумя смыслами тезисовъ Янсеніуса, — истиннымъ, согласнымъ съ католицизмомъ и доктриною Августина, и тѣмъ, который папа нашелъ по ошибкѣ и осудилъ за сходство съ еретическимъ ученіемъ Кальвина. По толкованію Арно, послѣдователи Янсеніуса, подписавшіе новую формулу вѣры, осудили только второй смыслъ; онъ одобрялъ ихъ образъ дѣйствій, потому что, подписавъ формулу, они прекратили споръ изъ-за словъ и соблазнъ, который могъ вызвать расколъ въ средѣ церкви. Но Паскаль продолжалъ утверждать, что не слѣдуетъ позволять себѣ никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, и что преступно отрицать, хотя бы для вида, дѣйствіе Божественной благодати. Онъ говорилъ, что слѣдуетъ отстаивать истину средствами, достойными ея самой, не боясь при этомъ ни людей, ни какой бы то ни было свѣтской власти, даже самого папы, потому что, «папа человѣкъ, а слѣдовательно способенъ заблуждаться, какъ и всѣ люди». Паскаль отвергъ всякіе компромиссы и не подписалъ никакой формулы, но ему не удалось увлечь своимъ примѣромъ другихъ, менѣе твердыхъ и рѣшительныхъ. Онъ позволилъ монахинямъ подписать формулу, съ условіемъ исключить изъ приговора тотъ смыслъ, который самъ Янсеніусъ хотѣлъ придать своимъ тезисамъ, а также ученіе объ активной благодати. Что-же касается богослововъ Поръ - Рояля, которыхъ онъ упрекалъ въ слабости, то онъ выразилъ сожалѣніе, что работалъ съ ними и удалился отъ нихъ навсегда. Когда Арно и Николь старались оправдать свое поведеніе въ его присутствіи, то онъ упалъ въ обморокъ отъ негодованія и скорби. На разспросы о причинѣ этого обмо-

рока, онъ отвѣчалъ: «когда я увидалъ колебанія и слабость этихъ людей, призванныхъ Богомъ къ защитѣ истины, я не могъ подавить свою скорбь и отдался ей всецѣло». Послѣ этого случая, Паскаль имѣлъ лишь внѣшнія отношенія къ Поръ-Роялю и умеръ 19 августа 1662 года.

Условное отреченіе монахинь было признано недостаточнымъ, и отъ нихъ потребовали полной покорности: онѣ остались непоколебимыми, не испугались никакихъ угрозъ и стали спокойно ожидать новыхъ преслѣдованій. Впрочемъ, Людовикъ XIV не тотчасъ началъ гоненіе на Поръ-Рояль: онъ повздорилъ съ папой и не хотѣлъ угождать ему. Но тотчасъ послѣ примиренья новый парижскій архіепископъ Перефиксъ сталъ требовать отъ монахинь покорности. Съ помощью величайшихъ притѣсненій, прелатъ успѣлъ склонить лишь немногихъ, а большинство устояло до 1669 года. Когда Климентъ IX допустилъ кажущуюся двусмысленность, монахини, а вслѣдъ за ними и большинство янсенистовъ подписали формулу. Папа рѣшился сдѣлать уступку въ виду оппозиціи французскихъ епископовъ. Въ письмѣ на имя короля, епископы Анжерскій и Венсскій съ самаго начала высказались противъ подписанія формулы; епископъ Алесскій—Павильонъ—и епископъ Памье отказались подписать письмо, посланное папѣ собраніемъ 1656 года. Изучивъ вопросъ во всѣхъ подробностяхъ, Павильонъ объявилъ королю, что совѣсть и служебный долгъ не дозволяютъ ему ни подписать формулу, ни понуждать другихъ къ ея подписанію. Онъ даже наложилъ публичную епитимью на тѣхъ священниковъ своей епархіи, которые подписали формулу въ присутствіи судей. По настоянію французскаго двора, Александръ VII опубликовалъ въ февралѣ 1665 года новую, но еще болѣе строгую формулу, осуждавшую тезисы, которые приписывались Янсеніусу. Король приказалъ подписать эту формулу, но епископы Алесскій, Памьесскій, Бовесскій и Анжерскій заявили въ своихъ предписаніяхъ по епархіи, что внутренняя, духовная покорность требуется лишь по вопросу юридическому; что-же касается вопроса фактическаго, то его можно обойти почтительнымъ молчаніемъ. Продолжительный богословскій споръ начиналъ утомлять Людовика XIV, и онъ уже желалъ примиренія, да къ тому-же въ самомъ Римѣ какъ будто проявлялось болѣе мягкое настроеніе; но іезуиты помѣшали окончанію раздора, который столь сильно волновалъ и потрясалъ галликанскую церковь. Въ февралѣ 1666 года появилось папское бреве, требовавшее отъ четырехъ епископовъ, чтобы они отмѣнили

свои вышеупомянутыя предписанія, а въ 1667 году два новыхъ папскихъ декрета оповѣстили имъ, что они будутъ преданы суду, если не исполнятъ приказаній папъ.

Вслѣдъ за этимъ начались все болѣе и болѣе ожесточенныя гоненія на тѣхъ, которые раздѣляли взгляды четырехъ прелатовъ и соглашались подписать новую формулу лишь съ вышеупомянутыми оговорками. Все, что преслѣдуемые печатали въ свое оправданіе, сжигалось рукою палача, а авторовъ тщательно розыскивали. Дѣятели Поръ-Руаяля, дѣлавшіе всевозможныя уступки ради примиренія съ римской куріей, были вынуждены прятаться, какъ преступники; Саси былъ схваченъ и заключенъ въ Бастилію. Онъ посвятилъ свое пребываніе въ тюрьмѣ переводу Библіи, который кончилъ въ день своего освобожденія. Въ это время умеръ Александръ VII, а преемникъ его, Климентъ IX тѣмъ охотнѣе вступилъ на путь примиренія, что 19 французскихъ епископовъ стали на сторону своихъ преслѣдуемыхъ товарищей и написали къ папѣ и королю письма, одобренныя всѣмъ духовенствомъ. Новый папа одобрилъ различіе между фактомъ и правомъ и удовлетворился, относительно факта, почтительнымъ молчаніемъ. Іезуиты интриговали до послѣдней минуты въ Римѣ и Парижѣ противъ дѣла мира. Папскій нунцій въ Парижѣ живо интересовался примиреніемъ, но іезуитъ Аннатъ сталъ угрожать ему ненавистью своею и всего ордена и горько упрекалъ его въ томъ, что своею мимолетною слабостью онъ чуть не погубилъ результатъ 20 лѣтнихъ усилій и борьбы. Когда онъ намекнулъ королю, что компромиссъ погубитъ религію и государство, Людовикъ XIV отвѣчалъ ему холодно: «Спасать религію—дѣло папы; если онъ доволенъ тѣмъ, что происходитъ, то и мы съ вами должны быть довольны; что-же касается моего государства, то совѣтую вамъ не заботиться о немъ; я самъ знаю, что нужно для его блага». Съ этого момента положеніе измѣнилось: Арно и его друзья вышли изъ своего убѣжища, король благосклонно принялъ ихъ въ аудіенціи, и весь дворъ осыпалъ ихъ ласками и любезностями. Многіе изъ отшельниковъ возвратились въ Поръ-Рояль, куда, въ 1669 году, прибылъ и Арно, и монастырь снова получилъ разрѣшеніе принимать послушницъ и воспитанницъ. Впрочемъ, какъ доказали дальнѣйшія событія, этотъ миръ былъ только внѣшній—нѣчто вродѣ примиренія партій. Прежде, чѣмъ продолжать эту исторію, мы должны сказать нѣсколько словъ о другой борьбѣ, которую

іезуиты вели со своими противниками. Эта борьба происходила изъ-за нравственнаго ученія ордена.

Въ одномъ изъ своихъ анонимныхъ сочиненій, опубликованномъ въ 1643 году, Арно указалъ на опасность іезуитскаго ученія. Въ 1642 году Сорбонна осудила нѣкоторые отрывки, извлеченные изъ сочиненій патера Бони, а на слѣдующій годъ общее собраніе духовенства осудило его «Ученіе о казуистикѣ», запрещенное и въ Римѣ; въ 1644 г. парижскій факультетъ произнесъ строгую цензуру надъ ученіемъ патера Эро. Въ 1653 и 1657 годахъ лувенскій богословскій факультетъ высказался противъ 14 правилъ іезуитскаго ученія, а архіепископы Мехельнскій и Гентскій утвердили этотъ приговоръ. Затѣмъ знаменитыя «Письма» Паскаля вызвали цѣлую бурю негодованія противъ іезуитской казуистики. Французское духовенство захотѣло удостовѣриться въ подлинности отрывковъ, на которые ссылался Паскаль. Духовенство руанской епархіи первое провѣрило цитаты Паскаля и обратилось къ архіепископу съ энергичнымъ протестомъ противъ іезуитской казуистики; оно просило архіепископа искоренить вредныя плевелы, пустившія глубокіе корни въ его епархіи. Архіепископъ рѣшилъ обратиться по этому дѣлу къ общему собранію французскаго духовенства, а духовенство руанской епархіи пригласило духовное сословіе всей Франціи дѣйствовать съ нимъ за-одно. Парижскіе священники тотчасъ окликнулись на этотъ призывъ: они выбрали изъ іезуитскихъ сочиненій о нравственности нѣсколько опасныхъ тезисовъ и отдали ихъ на судъ собранія 1656 года. Епископъ Венсскій разсказываетъ, что чтеніе этихъ тезисовъ привело въ ужасъ все собраніе, и что многіе члены его затыкали уши, чтобы не слушать богохульственныхъ мнѣній. Всѣ члены собранія другъ передъ другомъ высказали самое рѣзкое порицаніе дерзкимъ писателямъ, которые проповѣдывали нравственность, худшую, чѣмъ турецкая и языческая. Собраніе поручило комиссіи епископовъ начать судебное преслѣдованіе противъ іезуитскихъ писателей; оно покончило свою дѣятельность прежде, чѣмъ комиссія исполнила возложенное на нее порученіе, и рекомендовало, въ видѣ противоядія противъ іезуитской нравственности, инструкціи, которыя Карлъ Борромей далъ въ свое время духовникамъ.

Іезуиты тотчасъ-же подготовили свою защиту. Въ 1657 году патеръ Пиро опубликовалъ, подъ покровомъ анонима, апологію Іезуитскаго ордена; но эта книга скомпрометтировала тѣхъ, которыхъ должна была спасти, потому что парижскіе священ-

ники открыли въ ней не только уже осужденныя доктрины, но и еще болѣе опасные тезисы. Они поручили парижскимъ викаріямъ осудить эту апологію и опубликовали сочиненіе, озаглавленное «Factum», долженствовавшее открыть антиіезуитскую кампанію. Іезуиты очутились въ весьма затруднительномъ положеніи и объявили, что апологія написана не членомъ ихъ ордена. Они обмѣнялись съ парижскими священниками нѣсколькими полемическими сочиненіями, въ которыхъ старались доказать, что даже отцы и доктора церкви проповѣдывали такія-же доктрины, какъ и іезуитскія. Парижскіе священники стали упрекать іезуитовъ въ подлогахъ и ложныхъ толкованіяхъ отцовъ церкви, которыхъ они извращали, чтобы оправдать свою казуистику. Руанское духовенство возстало и обвинило іезуитовъ передъ парламентомъ этого города въ распространеніи принциповъ, вредныхъ для государства. Король поручилъ Сорбоннѣ разсмотрѣть апологію іезуитскаго ордена, и черезъ пять мѣсяцевъ Сорбонна осудила нѣкоторыя мѣста книги, объявивъ ихъ «ложными, дерзкими, противными вѣрѣ и противорѣчащими божественному и каноническому праву».

Іезуиты предупредили опубликованіе этого приговора торжественнымъ заявленіемъ, что они не одобряютъ и не защищаютъ мнѣній, высказанныхъ авторомъ апологіи; но съ другой стороны они сочли неудобнымъ и осудить эти мнѣнія. Не только Сорбонна, но и 8 французскихъ епископовъ и парижскіе викаріи строго осудили апологію. Епископъ Орлеанскій говоритъ въ своемъ отзывѣ: «Усилія сатаны разрушить принципы Евангелія нынѣ сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ стремится превратить законъ любви и святости, данный намъ Христомъ, въ безбожное и безнравственное ученіе, превосходящее своею гнусностью все худшее, что оставила намъ языческая философія. Въ числѣ отвратительныхъ сочиненій, направленныхъ къ этой цѣли, особенно замѣчательно одно, появившееся въ нашей епархіи: оно до такой степени переполнено безнравственными принципами, что мы были бы виновны въ богоотступничествѣ, если бы не осудили его самымъ строгимъ образомъ за растлѣвающее вліяніе на общественные нравы». Архіепископъ Сенскій объявилъ, что апологія отрицаетъ вѣчный божескій законъ и человѣческую совѣсть. Другіе епископы одобрили эти приговоры. Іезуиты обратились къ римской куріи за поддержкой; но конгрегація инквизиціи тоже осудила, въ присутствіи Александра VII, вышеупомяну-

тую книгу, и папа приказалъ уничтожить ее въ августѣ 1659 года. Іезуиты вздумали отомстить своимъ противникамъ и потребовали отъ Бордосскаго парламента уничтоженія труда Николя о письмахъ Паскаля. Парламентъ поручилъ Бордосскому богословскому факультету разсмотрѣть это дѣло, и факультетъ одобрилъ книгу Николя. За то особая комиссія, учрежденная королемъ въ Парижѣ, усмотрѣла въ замѣткахъ Николя янсенистскую ересь и предписала сжечь книгу рукою палача.

Въ 1664 году патеръ Мойя, духовникъ испанской королевы, опубликовалъ подъ псевдонимомъ Амедея Гвименія де-Ломара, маленькую книгу «Opusculum» въ защиту іезуитской казуистики. Это сочиненіе проникнуто безпримѣрнымъ цинизмомъ. Половой развратъ разсматривается въ немъ съ такимъ безпримѣрнымъ безстыдствомъ, что Сорбонна, цензировавшая его въ 1665 году, не рѣшилась привести цитаты, боясь оскорбить общественную нравственность. Черезъ нѣсколько времени, Александръ VII осудилъ цензуру Сорбонны, а также и одинъ отзывъ парижскаго богословскаго факультета, который защищалъ права галликанской церкви отъ ультрапапистскихъ теорій кармелита Вернана. Папа нашелъ, что такіе отзывы потрясаютъ авторитетъ папскаго престола и оживляютъ угасающій янсенизмъ; онъ потребовалъ отъ Сорбонны и богословскаго факультета отмѣны ихъ отзывовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Сорбонна осудила тезисъ Мойи, что папа не можетъ заблуждаться ни въ вопросахъ вѣры, ни въ вопросахъ нравственности.

Людовикъ XIV оставилъ отзывы Сорбонны безъ вниманія, но папа отмѣнилъ и осудилъ ихъ въ буллѣ 1665 года, не мотивируя своего рѣшенія. Парижскій парламентъ объявилъ эту буллу недѣйствительною и предписалъ уничтожить ее. Желая смягчить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное его буллою, Александръ VII опубликовалъ нѣсколько декретовъ противъ цѣлаго ряда безнравственныхъ сочиненій. По примѣру своего предшественника, Иннокентій XI осудилъ въ 1779 году 65 опасныхъ казуистическихъ тезисовъ, сформулированныхъ частью іезуитами, частью доминиканцами и другими. Несмотря на все это, іезуиты продолжали распространять свое ученіе, вслѣдствіе чего Александръ VIII осудилъ въ 1690 году нѣкоторыя ихъ положенія; впрочемъ, въ другомъ декретѣ онъ отвергъ также значительное число янсенистскихъ тезисовъ. На-

конецъ, общее собраніе французскаго духовенства осудило въ 1700 году главные принципы іезуитской казуистики.

Іезуиты недовольствовались защитою патеровъ Пиро и Мойи. Коссенъ и Лемуанъ пытались опровергнуть книгу Арно о іезуитской нравственности, напечатанную безъ имени автора въ 1643 году. Аннатъ де-Шанъ, Даніэль и другіе защищали орденъ отъ нападеній Паскаля и Николя. Іезуиты прежде всего отрицали основательность нападеній, направленныхъ противъ ихъ казуистики; потомъ, когда основательность этихъ нападеній была доказана фактами, они начинали утверждать, что мнѣнія, противъ которыхъ возставали ихъ противники, принадлежатъ не всему ордену, а нѣкоторымъ изъ его членовъ. Когда имъ напоминали, что, по уставу ордена, ни одна книга не можетъ быть опубликована, безъ одобренія высшаго начальства, они старались доказать, что возбуждавшіе полемику тезисы искажены и ложно поняты. Наконецъ, когда и послѣдній способъ не удавался, они начинали утверждать, что такіеже тезисы встрѣчаются и у отцовъ церкви, и у великихъ богослововъ среднихъ вѣковъ, и у казуистовъ другихъ орденовъ.

Тотчасъ послѣ заключенія временнаго мира между папскимъ престоломъ и янсенистами, послѣднимъ пришлось вести новую борьбу съ іезуитами. Подобно римской куріи и іезуиты находили, что не осторожно давать народу Библію. Дѣятели Поръ - Рояля, напротивъ того, хотѣли популяризировать Священное Писаніе, чтобы дать народу возможность возвыситься отъ чисто-внѣшней обрядности до разумнаго пониманія религіи. Во время своего заключенія въ Бастиліи, Саси перевелъ всю Библію и, съ помощью своихъ друзей, прибавилъ къ ней прекрасное толкованіе. Арно и нѣкоторые изъ его друзей издали въ Монсѣ Новый Завѣтъ, и появленіе этого перевода вызвало цѣлую бурю негодованія въ рядахъ противниковъ янсенизма. Успѣхъ новой книги привелъ іезуитовъ въ изступленіе, и они рѣшили, во что бы то ни стало, погубить дѣло янсенистовъ. Патеръ Менбургъ осыпалъ переводчика оскорбленіями, сталъ громить его съ амвона и утверждалъ, что онъ издалъ Библію, съ цѣлью поддержать кальвинистскую ересь. Іезуитамъ удалось добиться отъ парижскаго архіепископа и двухъ епископовъ запрещенія переведенной Библіи. Арно и его друзья поспѣшили оправдаться передъ королемъ отъ возведеннаго на нихъ обвиненія въ мятежѣ и ереси. По этому случаю король сталъ до нѣкоторой степени понимать іезуитскія интриги и сдѣлался болѣе благосклоннымъ къ тѣмъ, кого іезуиты хотѣли

погубить въ его глазахъ. Благодаря преслѣдованію, переведенная Библія стала расходиться въ громадномъ числѣ экземпляровъ. Въ это время іезуиты потребовали отъ Александра VII бреве противъ комментаріевъ къ Библіи; но когда они добились его, обстоятельства приняли неблагопріятный для нихъ оборотъ, и папское распоряженіе не могло быть опубликовано ни во Франціи, ни въ Нидерландахъ.

Но судьба преслѣдовала Арно, и ему не удалось спокойно дожить свой вѣкъ. Его непримиримые враги преслѣдовали его тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ, что онъ постоянно громилъ ихъ доктрины и тенденціи. Благодаря агитаціи Арно, папа осудилъ нѣкоторые тезисы іезуитской казуистки. Въ ссорѣ Иннокентія XI съ Людовикомъ XIV изъ-за регаліи, которой король хотѣлъ подчинить всѣ епархіи, епископы Алосскій и Памьесскій стали на сторону папы. Регалія предоставляла королю право взимать доходы съ вакантной епархіи и замѣщать по своему усмотрѣнію зависѣвшія отъ епископа должности до тѣхъ поръ, пока новый епископъ не приметъ присягу въ вѣрности. Арно обвиняли въ томъ, что онъ подстрекнулъ обоихъ прелатовъ къ оппозиціи, и такимъ образомъ враги его нашли новый способъ очернить его передъ королемъ, представивъ его человѣкомъ опаснымъ, недостаточно преданнымъ престолу и желающимъ нарушить церковный миръ. Людовикъ XIV снова ополчился противъ янсенизма и былъ сильно оскорбленъ образомъ дѣйствій Арно, который бѣжалъ въ Нидерланды, но и тамъ не нашелъ желаннаго спокойствія. Онъ умеръ въ 1694 году, издавъ нѣсколько сочиненій о королевской регаліи.

Возродившаяся ненависть короля къ янсенистамъ выразилась въ декретѣ 1676 года, въ которомъ онъ высказался въ пользу священниковъ Анжерской епархіи: они хотѣли, противъ воли епископа, подписать формулу вѣры, безъ всякихъ оговорокъ, не дѣлая различія между *фактомъ* и правомъ. Незадолго передъ бѣгствомъ Арно, въ маѣ 1679 года, монахинямъ Поръ-Рояля было приказано, отъ имени короля, распустить послушницъ и воспитанницъ, и кромѣ того число монахинь было ограничено. Іезуиты внушили королю мысль уничтожить этотъ разсадникъ янсенизма. Но Поръ-Рояль не покорился смертному приговору такъ пассивно, какъ ожидали его враги, а сталъ готовиться къ новой, рѣшительной борьбѣ.

Въ 1695 году Ноайль, епископъ шалонскій, одобрилъ и рекомендовалъ въ своей епархіи изданный Кенелемъ Монсскій переводъ Новаго Завѣта Саси. По ходатайству г-жи де-Мен-

тенонъ, Ноайль былъ назначенъ на Парижскую архіепископскую каѳедру; іезуиты тотчасъ-же стали интриговать противъ него, чтобы уронить его въ глазахъ короля и новой паствы. Вступая въ должность, Ноайль, кажется, имѣлъ неосторожность заявить, что готовъ быть другомъ іезуитовъ, но никогда не унизится до роли ихъ слуги. Покровительство, которое онъ оказалъ переводу Библіи, послужило іезуитамъ первымъ поводомъ къ нападенію на него. Не прошло и года съ назначенія Ноайля на парижскую каѳедру, какъ іезуиты заставили его осудить книгу аббата Баркоса «Изложеніе Вѣры». Ноайль попался въ ловушку, и вскорѣ послѣ его приговора надъ книгой Баркоса появился внушенный іезуитами памфлетъ «Церковная Загадка». Анонимный авторъ спрашивалъ, кому слѣдуетъ вѣрить: епископу-ли Шалонскому, который въ 1695 году одобрилъ комментаріи Кенеля къ Новому Завѣту, или архіепископу Парижскому, который въ 1696 г. осудилъ однородную съ комментаріями Кенеля книгу «Изложеніе Вѣры». Авторъ памфлета доказывалъ, что книга Кенеля заключала въ себѣ тѣ же самыя доктрины, какъ и «Изложеніе Вѣры»,—слѣдовательно Ноайль противорѣчилъ самому себѣ и не заслуживалъ довѣрія своей паствы. Памфлетъ вызвалъ сильнѣйшее неудовольствіе и былъ сожженъ рукою палача. Но Ноайль былъ вынужденъ подвергнуть книгу Кенеля новому, тщательному просмотру и исключить изъ нея все, что походило на новшество.

Въ 1702 году Сорбоннѣ былъ представленъ на разсмотрѣніе вопросъ: что думать о человѣкѣ, который подпишетъ формулу вѣры, не считая доказаннымъ фактъ, въ которомъ обвиняли Янсеніуса, и не вѣря, что церковь имѣетъ право предписывать религіозныя убѣжденія? Сорокъ докторовъ рѣшили, что совѣсть такого человѣка чиста, что ему слѣдуетъ отпустить грѣхи и допустить къ Таинствамъ. Ноайль, назначенный въ это время на парижскую каѳедру, осудилъ это рѣшеніе, какъ потворство двуличности, лицемѣрію и клятвопреступленію, и заставилъ большинство докторовъ отказаться отъ него. По мнѣнію Нойаля, не слѣдовало принимать за догматъ вѣры то, что церковь удостовѣрила фактъ ложности доктрины, изложенной Янсеніусомъ, такъ какъ церковь не можетъ считаться непогрѣшимою въ дѣлѣ констатированія фактовъ; онъ утверждалъ, что слѣдуетъ только вѣрить достовѣрности факта, изъ уваженія къ авторитету церкви. Климентъ IX осудилъ рѣшеніе французскихъ епископовъ по вопросу о янсенизмѣ; тѣ изъ епископовъ, которые стали на сторону папы и іезуитовъ, стали

ходатайствовать передъ королемъ, чтобы онъ испросилъ у папы буллу, постановляющую, что недостаточно обходить почтительнымъ молчаніемъ удостовѣренные церковью факты, а необходимо соглашаться съ ея рѣшеніями. Въ своей буллѣ «Vineam Domini», папа объявилъ, что почтительное молчаніе представляетъ собой неуваженіе къ святѣйшему престолу. Онъ прибавилъ, что Янсеніусъ придалъ извѣстнымъ тезисамъ еретическій смыслъ и энергично высказался противъ тѣхъ, которые упорствовали въ своихъ заблужденіяхъ, подъ покровомъ почтительнаго молчанія. Созванный въ Парижѣ синодъ, подъ предсѣдательствомъ Ноайля, принялъ бумагу, но категорически заявилъ, что, по закону Божескому, епископы являются судьями въ вопросахъ вѣры, а папскія рѣшенія получаютъ законную силу лишь въ томъ случаѣ, если всѣ доктора богословія утвердятъ ихъ, послѣ зрѣлаго обсужденія. Климентъ XI не простилъ парижскому архіепископу его образъ дѣйствій; онъ пригласилъ короля не допускать такихъ неприличныхъ вольностей. Булла была опубликована по приказанію короля, но ни папы, ни епископы не потребовали ея подписи; съ этимъ требованіемъ духовныя власти обратились только къ монахинямъ Поръ - Рояля. Послѣднія объявили, что подпишутъ бумагу, но останутся при томъ убѣжденіи, которое высказали въ моментъ заключенія мира при Климентѣ IX. Эта оговорка возбудила сильнѣйшій гнѣвъ придворныхъ сферъ. По наущенію своего новаго духовника, іезуита Летеллье, король исходатайствовалъ у папы буллу, предписывавшую закрытіе полевого Поръ-Рояля, подъ предлогомъ, что монахини не признаютъ авторитета папской и королевской власти. Ноайль былъ назначенъ комиссаромъ римской куріи и получилъ приказаніе исполнить папскій приговоръ. Полевой Поръ - Рояль былъ упраздненъ 11 іюля 1709 года, а имущество его передано парижскому монастырю того-же имени. Монахинь разослали по разнымъ монастырямъ и лишили таинствъ до тѣхъ поръ, пока онѣ подпишутъ папскую буллу безъ всякихъ оговорокъ. Онѣ спокойно и съ достоинствомъ покорились приговору; большая часть изъ нихъ исполнили волю папы и короля, благодаря различнымъ ухищреніямъ властей; но нѣкоторые отказались отъ таинствъ и умерли непобѣжденными 22 января 1710 года былъ отданъ приказъ разрушить церковь и монастырь, отъ которыхъ вскорѣ не осталось камня на камнѣ. Ненависть враговъ направилась даже на могилы, изъ которыхъ стали вырывать трупы.

Климентъ XI не благоволилъ къ Ноайлю, а потому іезуиты рѣшили, что настало время отомстить ему. Кардиналъ Фаброни, вождь римскихъ іезуитовъ и личный врагъ Ноайля, сталъ нашептывать папѣ, что въ комментаріяхъ Кенеля къ Библіи можно найти достаточный обвинительный матерьялъ противъ парижскаго архіепископа и заставить его раскаяться въ его образѣ дѣйствій въ парижскомъ синодѣ. Папа назначилъ для разсмотрѣнія книги Кенеля особую комиссію подъ предсѣдательствомъ Фаброни. Изъ числа ея членовъ одни не знали французскаго языка, а другіе ненавидѣли Ноайля за его защиту правъ галликанской церкви. Летеллье съумѣлъ внушить королю необходимость осужденія книги Кенеля и послалъ патера Добантона въ Римъ, чтобы повліять на папу въ томъ-же духѣ. Послѣдній, узнавъ о собиравшейся надъ его головой грозѣ, обратился къ папѣ съ почтительной просьбой не осуждать его заочно и выслушать его самого на счетъ приписываемыхъ ему заблужденій: онъ выразилъ готовность дать всякія объясненія, которыхъ отъ него потребуютъ. Папа отнесся благосклонно къ первому его письму, но второго кардиналъ Феррари не осмѣлился представить, боясь, что и его сочтутъ янсенистомъ. Въ 1708 году появилось бреве Климента XI, осуждавшее и запрещавшее книгу Кенеля, которую онъ еще недавно читалъ съ удовольствіемъ, восхваляя ея достоинства. Іезуиты пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы заставить епископовъ подписать папское бреве и рекомендовать его къ подписи подвѣдомственному имъ духовенству. Ноайль энергично возсталъ противъ іезуитовъ и лишилъ ихъ права исповѣдывать вѣрующихъ въ предѣлахъ его епархіи. Летеллье не удовольствовался приговоромъ папы и захотѣлъ придать ему еще большую торжественность: онъ убѣдилъ короля исходатайствовать у папы осужденія нѣкоторыхъ отрывковъ, которые онъ самъ выбралъ изъ Новаго Завѣта Кенеля. Коварный іезуитъ съумѣлъ повліять и на папу, убѣдивъ его, что осужденіе книги Кенеля нанесетъ смертельный ударъ галликанской церкви. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Климентъ XI опубликовалъ буллу «Unigenitus», въ которой отвергалъ 101 тезисъ, извлеченный изъ книги Кенеля. Въ числѣ этихъ тезисовъ были такіе, которые слово въ слово встрѣчаются въ Библіи или-же заимствованы у св. Августина и другихъ отцовъ церкви. Такъ какъ въ буллѣ не было сказано, въ какомъ смыслѣ эти тезисы признаются ложными, то получилось такое впечатлѣніе, будто папа осуждаетъ Библію и отцовъ церкви. Ле-

теллье сталъ преслѣдовать короля днемъ и ночью своими настоятельными требованіями на счетъ строжайшаго исполненія буллы и ускорилъ его смерть постояннымъ нравственнымъ гнетомъ.

Булла была представлена на разсмотрѣніе собранія французскаго духовенства, и большинство утвердило ее послѣ трехмѣсячныхъ преній. Изъ 49 епископовъ только 9 осмѣлились возстать противъ нея, и во главѣ этихъ девяти человѣкъ стоялъ Ноайль. Послѣ опубликованія бреве 1708 года, парижскій архіепископъ продолжалъ энергично защищать книгу Кенеля, а Летелье пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы погубить противника своего ордена, но ему все-таки не удалось добиться отъ короля отставки Ноайля. По приказанію короля, парламентъ внесъ буллу въ списки законовъ, но заявилъ при этомъ, что заключавшіяся въ ней правила объ отлученіи отъ церкви не должны нарушать присягу въ вѣрности королю. Въ Сорбоннѣ мнѣнія раздѣлились: нѣкоторые изъ ея выдающихся свѣтилъ стали въ ряды оппозиціи и были вынуждены удалиться изъ Парижа. Церковная борьба продолжалась во Франціи и послѣ смерти Людовика XIV.

Людовикъ XIV ненавидѣлъ янсенизмъ до глубины души: чистота и строгость нравовъ сторонниковъ этого ученія служили живымъ укоромъ распущенности двора; къ тому-же іезуиты постарались представить королю янсенизмъ, какъ ересь, болѣе опасную, чѣмъ кальвинизмъ и атеизмъ. Даже самому Боссюэту стоило большого труда очиститься въ глазахъ короля отъ подозрѣнія въ склонности къ этому ненавистному ученію. Въ письмѣ отъ 10 октября 1719 года, принцесса Елисавета Шарлотта разсказываетъ, что стоило только сказать королю: «Этотъ человѣкъ гугенотъ или янсенистъ»,—чтобы навѣки погубить его въ его глазахъ. «Мой сынъ,—повѣствуетъ она далѣе,—хотѣлъ взять къ себѣ на службу одного молодого дворянина, мать котораго была ревностная янсенистка. Желая надѣлать моему сыну непріятностей, іезуиты донесли королю, что мой сынъ собирается взять къ себѣ янсениста. Король призвалъ его и сказалъ ему: «Какъ вы смѣете даже помышлять пользоваться услугами янсениста?» «У меня ничего подобнаго и въ умѣ не было», отвѣчалъ мой сынъ. «До меня дошли слухи,—возразилъ король,—что вы наняли сына отъявленной янсенистки». Мой сынъ расхохотался и сказалъ: «Могу увѣрить ваше величество, что онъ самъ далеко не янсенистъ; можно скорѣе опасаться, что онъ даже и въ Бога

не вѣритъ». «О, воскликнулъ король, это конечно пустяки, и если вы поручитесь мнѣ, что онъ не янсенистъ, то я разрѣшаю вамъ нанять его».

Желая сохранить симпатіи Людовика XIV, іезуиты потворствовали его слабостямъ и абсолютистскимъ тенденціямъ; они приносили ему въ жертву не только нравственность, но и авторитетъ папы. Это угодничество проявилось сперва въ спорѣ о королевской регаліи, а потомъ въ вопросѣ о преимуществахъ галликанской церкви, изъ-за которыхъ іезуиты ратовали гораздо усерднѣе другихъ французскихъ богослововъ. Правда, въ первомъ дѣлѣ была затронута ненависть іезуитовъ къ янсенистскимъ епископамъ. Понимая это, епископъ Памье писалъ къ патеру Лашезу слѣдующее: «Становится стыдно, когда видишь, что христіанинъ, да къ тому-же членъ религіознаго ордена, жертвуетъ интересами церкви мелкимъ дрязгамъ своего братства и мститъ епископу, нарушая этимъ права епископата».

Послѣ смерти Людовика XIV, противники папскихъ буллъ вздохнули нѣсколько свободнѣе. Принцъ-регентъ не особенно любилъ всемогущій орденъ и назначилъ въ духовники къ молодому королю не іезуита, а благочестиваго Флёри: всѣ лица, заключенныя въ тюрьму за оппозицію папскимъ предписаніямъ, были освобождены, изгнанные доктора богословія возвратились въ отечество, нѣкоторые изъ священниковъ, молчавшіе отъ страха, возвысили голосъ, и вскорѣ появился цѣлый рядъ сочиненій о незаконности папскихъ буллъ, а покорившіеся епископы потребовали у папы объясненій. Считая Ноайля вождемъ оппозиціи, Климентъ XI сталъ грозить ему лишеніемъ кардинальскаго сана и отлученіемъ отъ церкви. Но въ рядахъ оппозиціи очутились всѣ тѣ, которыхъ возмущала безпримѣрная дерзость іезуитовъ, не признававшихъ ни правъ епископата, ни законовъ страны. Папа относился совершенно равнодушно къ постоянно возраставшему броженію и отлучалъ отъ церкви всѣхъ, которые отказывались признать буллу «Unigenitus»; вслѣдствіе этого, болѣе 20 епископовъ, съ Ноайлемъ во главѣ, Сорбонна, два другихъ богословскихъ факультета и значительное число духовенства объявили буллу «Unigenitus» противною католическому догмату и нравственности и потребовали созванія вселенскаго собора, ставя его авторитетъ выше папскаго. Эта партія получила названіе «аппелянтовъ», въ противополож-

ность римской партіи, которая именовалась «акцептантами» или «конституціонистами».

Эта борьба, наконецъ, утомила герцога Орлеанскаго. Его всесильный временщикъ Дюбуа, возненавидѣвшій Ноайля за отказъ посвятить его въ архіепископы Камбре, захотѣлъ во что бы то ни стало добиться кардинальской шляпы. Для этой цѣли онъ вошелъ въ сношенія съ іезуитами, а черезъ ихъ посредство и съ папой. По настоянію Дюбуа, регентъ убѣдилъ Ноайля подписать буллу въ связи съ цѣлою системою выработанныхъ имъ доктринъ и съ условіемъ, чтобы парламентъ утвердилъ этотъ компромиссъ. Парламентъ былъ также вынужденъ уступить, а епископы послѣдовали его примѣру, стараясь впрочемъ успокоить свою совѣсть всякими оговорками и заявленіями. Тогда былъ составленъ законъ, предписывавшій всѣмъ подписать буллу и всю систему доктринъ Дюбуа, точно такъ-же, какъ это сдѣлалъ Ноайль—безъ всякихъ протестовъ и дальнѣйшихъ препирательствъ. Наиболѣе суровые изъ «аппелянтовъ», которые, вопреки запрещенію, затѣяли полемику противъ Ноайля, были наказаны. Но Иннокентій XIII объявилъ компромиссъ недѣйствительнымъ и потребовалъ болѣе строгихъ мѣръ противъ упорствующихъ. И дѣйствительно, преслѣдованіе началось съ воцаренія Людовика XV. Кардиналъ Флёри, очень расположенный къ іезуитамъ, задумалъ воспользоваться церковнымъ раздоромъ, чтобы сломить парламентскую вольницу и утвердить абсолютизмъ короля. Лишь только онъ захватилъ въ руки бразды правленія, какъ на «аппелянтовъ» было воздвигнуто сильнѣйшее гоненіе. Ноайль былъ вынужденъ подписать буллу «Unigenitus» безъ всякихъ условій. Когда орденъ ораторьянцевъ отказался послѣдовать примѣру парижскаго архіепископа, то правительство закрыло его учебныя заведенія, и такимъ образомъ іезуиты были освобождены отъ весьма опасной конкуренціи. Парламентъ былъ вынужденъ утвердить декретъ, на основаніи котораго отрѣшался отъ должности всякій священникъ, отказавшійся признать папскую буллу, а тотъ, кто рѣшился бы протестовать, объявлялся мятежникомъ. Нѣкоторые ораторьянцы бѣжали въ Нидерланды. Архіепископство Утрехтское съ епископами Гарлемскимъ и Девентерскимъ, рѣшительно отвергло буллу «Unigenitus», стало защищать традиціонное каноническое право отъ римской куріи и папской непогрѣшимости, и стало отстаивать принципъ, что римскій первосвященникъ долженъ подчиняться постановленіямъ вселенскихъ соборовъ.

Старо-католическая Утрехтская церковь существуетъ и понынѣ. Она признаетъ папу примасомъ, посылаетъ каждому вновь избранному папѣ поздравительное посланіе и представляетъ на его утвержденіе вновь назначаемыхъ епископовъ; папа отвѣчаетъ отлученіемъ отъ церкви.

Въ Парижѣ, на Сенъ-Медарскомъ кладбищѣ, на могилѣ дьякона Франциска Пари, который принадлежалъ къ партіи «аппелянтовъ», вскорѣ стали совершаться чудеса. «Аппелянты» объявили, что эти чудеса и необыкновенныя исцѣленія представляютъ собой судъ Божій въ ихъ пользу и противъ буллы «Unigenitus». Іезуиты очутились въ самомъ затруднительномъ положеніи. Опровергать чудеса они не могли, такъ какъ это значило бы надорвать вѣру въ церковь и отречься отъ собственнаго ученія. Они стали приписывать чудеса дьявольскому навожденію, и утверждали, что чудеса не могутъ служить доказательствомъ истины доктрины. Въ 1731 г. начались новыя явленія, экстатическія конвульсіи паломниковъ на могилѣ св. Пари; паломники начали произносить проповѣди противъ буллы и пророчествовать. Въ 1732 году Флёри приказалъ запереть и занять войсками домъ, въ которомъ жилъ Пари, и Сенъ-Медарское кладбище, а одержимыхъ конвульсіями посадить въ тюрьму. Мистическіе эксцессы повредили дѣлу «аппелянтовъ»; обаянье новизны вскорѣ исчезло, и ясновидящіе сдѣлались предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ.

Флёри вскорѣ прекратилъ дальнѣйшія преслѣдованія тѣхъ, которые сопротивлялись буллѣ; броженіе, охватившее Францію, мало-по-малу успокоилось, и «аппелянты» стали спокойно доживать свой вѣкъ въ безвѣстности. Они имѣли своихъ священниковъ, которые совершали богослуженія и Таинства. Тѣ, которые хотѣли удостоиться церковнаго погребенія, должны были принять причастіе изъ рукъ утвержденнаго священника. Но когда Кристофъ Бомонъ былъ назначенъ на парижскую архіепископскую каѳедру, онъ, по наущенію іезуитовъ, запретилъ давать причастіе тѣмъ умирающимъ, которые не могли представить свидѣтельствъ объ исповѣди утвержденнаго священника. Когда одинъ священникъ исполнилъ это предписаніе, парламентъ возсталъ противъ него и объявилъ, что булла «Unigenitus» не имѣетъ ничего общаго съ догматами вѣры; кромѣ того онъ пригласилъ епископа дать отчетъ въ принятой имъ мѣрѣ, а когда архіепископъ не явился на вызовъ, то парламентъ наложилъ запрещеніе на его содержаніе. Король

и епископатъ высказались въ пользу архіепископа, а всѣ парламенты королевства стали на сторону парижскаго и рѣшились защищать права гражданъ отъ всякихъ притѣснительныхъ посягательствъ. Король запретилъ парламенту вмѣшиваться въ церковныя дѣла и изгналъ нѣкоторыхъ изъ его членовъ, но все было напрасно; въ 1754 году изгнанники были возвращены, король былъ вынужденъ уступить, а архіепископъ, отстаивавшій свое распоряженіе, былъ отправленъ въ ссылку. Епископатъ обратился къ Венедикту XIV съ просьбой разрѣшить спорный вопросъ; папа назначилъ особую комиссію, которая, желая устроить компромиссъ, постановила, чтобы священники отказывали въ таинствахъ лишь закоренѣлымъ грѣшникамъ или людямъ извѣстнымъ своею строптивостью. При этомъ случаѣ папа объявилъ, что булла «Unigenitus» должна имѣть въ церкви авторитетъ апостольскаго постановленія, и ни одинъ вѣрующій не могъ отказываться отъ соблюденія этого постановленія, безъ ущерба для спасенія собственной души.

Въ этотъ моментъ надъ Іезуитскимъ орденомъ начинала собираться гроза; она вызвала во Франціи страшнѣйшее волненіе, которое отодвинуло на задній планъ раздражающіе споры изъ-за янсенизма. Эта борьба, потрясавшая католическую церковь втеченіи 120 лѣтъ, сильно поколебала ея авторитетъ; она убила въ средѣ церкви духъ научнаго изслѣдованія и развратила какъ епископатъ, такъ и низшее духовенство. Всякій могъ сдѣлать блестящую духовную карьеру въ Парижѣ и въ Римѣ, выдавая себя за ревностнаго сторонника буллы «Unigenitus» и за неумолимаго противника аппелянтовъ. Вслѣдствіе этого во французской церкви появился цѣлый рядъ низкихъ и продажныхъ епископовъ, совершенно равнодушныхъ къ духовнымъ интересамъ своихъ епархій. Своими интригами іезуиты унизили французскую церковь, которая въ былое время славилась ученостью и благочестіемъ. Іезуиты содѣйствовали косвеннымъ образомъ развитію безвѣрія и атеизма, съ которыми развращенная церковь уже не была въ состояніи бороться. Но они не долго наслаждались своей побѣдой. Достигнувъ торжества, они пали жертвой собственнаго высокомѣрія и властолюбія.

ГЛАВА XXI.

Венедиктъ XIV и іезуиты.—Изгнаніе іезуитовъ изъ Португаліи.—Г-жа Помпадуръ и іезуиты.—Банкротство патера Лавалета.—Людовикъ XV и Шуазёль.—Изгнаніе іезуитовъ изъ Франціи.—Булла «Apostolicum pascendi».—Изгнаніе іезуитовъ изъ Испаніи.—Преслѣдованіе ихъ во Франціи и Португаліи.—Изгнаніе изъ королевства Обѣихъ Сицилій.—Ссоры съ герцогствомъ Пармскимъ и репрессаліи Бурбонскихъ дворовъ.—Смерть Климента XIII.

Въ началѣ и половинѣ XVIII вѣка Іезуитскій орденъ достигъ апогея своего могущества. Общество основало во всѣхъ частяхъ свѣта цвѣтущія заведенія, оно вездѣ захватило въ свои руки духовное руководство вѣрующими и воспитаніе юношества и пользовалось всемогущимъ вліяніемъ въ Римѣ и въ католическихъ государствахъ. Такъ какъ почти всѣ короли и принцы Европы имѣли іезуитскихъ духовниковъ, то орденъ господствовалъ въ этой части свѣта. Онъ располагалъ громадными богатствами, которыя постоянно увеличивались, благодаря новымъ дарамъ и обширной торговлѣ. Въ Южной Америкѣ іезуиты основали государство, зависѣвшее лишь формальнымъ образомъ отъ испанской короны. Они побѣдили всѣхъ своихъ противниковъ на церковной почвѣ—ѳомистовъ и янсенистовъ, галликанъ и защитниковъ епископской системы, а іезуитское ученіе было почти отождествлено съ церковнымъ. Но при Венедиктѣ XIV судьба ордена круто измѣнилась. Этотъ папа не былъ враждебно настроенъ противъ іезуитовъ, но отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ ихъ недостаткахъ и излишествахъ; онъ твердо рѣшилъ заставить ихъ преклониться передъ авторитетомъ папскаго престола и произвести въ орденѣ радикальную реформу. Онъ прежде всего попытался сломить сопротивленіе іезуитскихъ миссіонеровъ въ вопросѣ о китайскихъ и малабарскихъ обрядахъ и положить конецъ возмутительному рабству, въ которомъ миссіонеры держали индійцевъ Южной Америки.

21 декабря 1741 года папа обратился къ бразильскимъ епископамъ и португальскому королю съ буллой «Immensa pauperum», въ которой строго порицалъ іезуитовъ за то, что они держатъ въ рабствѣ и продаютъ, какъ невольниковъ въ Парагваѣ, Бразиліи и Ла-Платѣ не только язычниковъ, но и крещеныхъ индійцевъ, отнимая у нихъ имущество, разлучая ихъ съ женами и дѣтьми; папа ставилъ іезуитамъ на видъ, что жестокое обращеніе съ туземцами можетъ внушить имъ ненависть къ христіанству.

Венедиктъ XIV не любилъ доносовъ, ссоръ и преслѣдованій, которые іезуиты постоянно практиковали во Франціи, и старался всѣми силами установить миръ, не поступаясь авторитетомъ святѣйшаго престола. Онъ предвидѣлъ судьбу, которая должна постигнуть орденъ, и однажды сказалъ іезуитскому генералу Чентуріони: «Я увѣренъ, что у меня будетъ преемникъ, но у васъ едва-ли будетъ таковой».

Въ послѣдніе годы правленія Венедикта XIV, между орденомъ и коронами испанской и португальской произошли столкновенія изъ-за Парагвая. Наглость іезуитовъ дошла до такихъ размѣровъ, что они, на глазахъ у самого папы, издѣвались надъ его приказаніями. Такъ напр., въ 1756 году римскіе аптекаря обратились къ папѣ съ жалобой на іезуитовъ, отбивавшихъ у нихъ практику, вслѣдствіе чего онъ возобновилъ приказанія Урбана VIII, Иннокентія XIII и Климента XII, запрещавшія іезуитамъ заниматься аптекарскимъ ремесломъ. Въ отвѣтъ на это іезуиты расклеили на всѣхъ перекресткахъ слѣдующія объявленія: «Свойства и дѣйствіе философскихъ пилюль, изготовляемыхъ въ римской коллегіи, въ аптекѣ патеровъ общества Іисуса. Предупреждаемъ покупателей, что всякій, кто требуетъ настоящія и сильно дѣйствующія пилюли, долженъ проходить курсъ нашихъ коллегій и слушаться только членовъ нашего ордена. Каждая пилюля стоитъ въ римской коллегіи полъ-паола».

Преждевременная смерть помѣшала Венедикту XIV приступить къ преобразованію ордена. Когда онъ лежалъ на смертномъ одрѣ, отъ него потребовали отмѣны эдикта противъ португальскихъ іезуитовъ, но онъ отказалъ въ этомъ и сказалъ: «Не смотря на всю мою симпатію къ іезуитамъ, я не вижу никакой побудительной причины къ отмѣнѣ моихъ распоряженій».

Духъ новаго времени, задержанный, въ своемъ развитіи союзомъ абсолютной монархіи съ церковью и считавшій Іезуит-

скій орденъ самою могучею поддержкою существующаго порядка вещей; все болѣе и болѣе выяснявшаяся необходимость радикальной реформы въ области политики и народнаго образованія; стремленіе свѣтской власти къ освобожденію отъ всякой опеки; раздраженіе, вызванное въ рядахъ епископата и низшаго духовенства высокомѣріемъ, интригами и безмѣрнымъ властолюбіемъ Іезуитскаго ордена; сознаніе его внутренняго разложенія и тѣхъ опасностей, которымъ онъ подвергалъ церковь и государство—все это содѣйствовало паденію того громаднаго и величественнаго зданія, которое создалъ Лойола.

Первый ударъ былъ нанесенъ іезуитамъ въ той странѣ, въ которой они прежде всего утвердили свое господство и властвовали втеченіи двухъ вѣковъ, а именно въ Португаліи. Іезуитамъ объявилъ войну ихъ-же любимицъ, Себастіанъ Карвало, графъ Эирасъ, маркизъ Помбаль. Іезуитскій духовникъ короля, Мореира, провелъ его въ министры, а потому орденъ разсчитывалъ на него для осуществленія всѣхъ своихъ плановъ. Помбалю удалось перехитрить іезуитовъ: онъ съумѣлъ искусно поддерживать ихъ надежды и пользовался ихъ безграничнымъ довѣріемъ до тѣхъ поръ, пока насталъ удобный моментъ для открытой борьбы. Вражда его къ іезуитамъ происходила не отъ какихъ-либо личныхъ причинъ и мелкихъ эгоистическихъ побужденій; какъ истинный государственный человѣкъ, онъ сознавалъ то вредное вліяніе, которое орденъ оказывалъ на все государство. На Антильскихъ островахъ и въ большихъ приморскихъ портахъ Европы, іезуиты захватили въ свои руки всю торговлю и грозили убить всякую конкуренцію своими спекуляціями и крупными предпріятіями.

Занявъ въ 1752 году постъ министра иностранныхъ дѣлъ и президента кабинета, Помбаль употребилъ всѣ усилія, чтобы увеличить внѣшнее обаяніе португальской короны и усилить королевскую власть внутри государства; онъ преобразовалъ администрацію, старался развить и упорядочить государственные финансы, развить различныя отрасли промышленности и торговли и внушить дворянству и духовенству ясное сознаніе ихъ правъ и преимуществъ. Когда знаменитое землетрясеніе разрушило Лиссабонъ и погубило болѣе 30,000 чел., іезуиты, а главнымъ образомъ патеръ Малагрида, стали проповѣдывать, что катастрофа была карою небесною за безбожіе министровъ и ихъ покровителей. Они дошли до такого нахальства, что послали своихъ уполномоченныхъ въ Белемъ съ порученіемъ увѣщевать короля къ публичному покаянію. Король, человѣкъ ме-

ланхолическій, трусливый и подозрительный по характеру, легко поддавался чужому вліянію и вѣрилъ всякимъ клеветамъ; его преслѣдовала мысль, что всѣ составляютъ заговоры противъ него. Неосторожное поведеніе іезуитовъ возбудило его подозрѣніе, а Помбаль ловко воспользовался этимъ и внушилъ королю постоянный страхъ за свою жизнь. Въ это самое время, въ парагвайскихъ миссіяхъ іезуиты оказывали вооруженное сопротивленіе тому обмѣну провинцій между Испаніей и Португаліей, который былъ обусловленъ трактатомъ 13 января 175Q года. Подъ предводительствомъ іезуитовъ, которые наняли европейскихъ, а главнымъ образомъ французскихъ офицеровъ, индійцы храбро сражались съ испанскими и португальскими войсками. Въ первые годы обѣ арміи не одержали надъ своими противниками ни одной крупной побѣды. Въ 1756 г. война уже стоила Португаліи 3 мил. ф. стер. Помбаль былъ до крайности раздраженъ этимъ продолжительнымъ сопротивленіемъ, омрачавшимъ престижъ Португаліи, и рѣшился прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ, будучи заранѣе увѣренъ въ одобреніи короля. Въ ночь съ 19 на 20 сентября 1757 г. всѣ іезуиты, занимавшіе должности духовниковъ и наставниковъ при королѣ и молодыхъ принцахъ, были отведены подъ стражею въ домъ послушанія, послѣ чего всѣмъ членамъ ордена было запрещено являться ко двору безъ формальнаго приказанія короля. На всѣ ихъ прежнія должности при особахъ королевскаго дома были назначены францисканцы. Черезъ три недѣли спустя, Помбаль предписалъ португальскому посланнику въ Римѣ заявить папѣ, въ конфиденціальной бесѣдѣ, жалобу на іезуитовъ, указывая главнымъ образомъ на ихъ политическое честолюбіе и ненасытное любостяжаніе, настоятельно требуя отъ его святѣйшества самыхъ энергичныхъ мѣръ къ искорененію зла. Впрочемъ, министръ не ограничился этимъ первымъ шагомъ: онъ послалъ Венедикту XIV подробный отчетъ о дѣйствіяхъ іезуитовъ въ за-океанскихъ странахъ, о строптивости, обнаруженной ими въ Парагваѣ, о вызванной ими пограничной войнѣ, объ ихъ злоупотребленіяхъ въ торговой и экономической области и т. д. Вслѣдствіе этихъ представленій, папа поручилъ кардиналу Сальдана произвести слѣдствіе надъ дѣятельностью ордена въ королевствахъ Португаліи и Альгарвіи и во всѣхъ частяхъ восточной и западной Индіи, принадлежавшихъ португальской коронѣ. Венедиктъ XIV умеръ въ томъ-же году (2 мая 1758 г.). 15 мая кардиналъ объявилъ, что португальскіе іезуиты занимаются торговыми предпріятіями

банковыми дѣлами и даже контрабандою, «противною всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ»; все это было строго запрещено на будущее время. Черезъ нѣсколько недѣль, апостольскій викарій отрѣшилъ всѣхъ іезуитскихъ патеровъ отъ всѣхъ духовныхъ и педагогическихъ должностей въ предѣлахъ своего патріархата. Ко всеобщему удивленію, викарій умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ подписалъ декретъ, а наканунѣ его смерти кардиналъ Реццонико былъ избранъ въ папы, подъ именемъ Клемента XIII. Избраніе новаго папы было дѣломъ іезуитовъ, которые сдѣлали изъ него орудіе своихъ интересовъ и втянули его въ продолжительную и тяжелую борьбу. Генералъ ордена вскорѣ представилъ Клименту XIII отчетъ, въ которомъ категорически заявлялъ, что іезуиты сдѣлались жертвой гнусной клеветы и что произведенное имъ самимъ слѣдствіе не открыло тѣхъ злоупотребленій, которыя приписывались членамъ ордена. Въ то-же время онъ просилъ папу произвести въ Римѣ слѣдствіе о реформахъ, предпринятыхъ въ португальскомъ отдѣлѣ ордена, такъ какъ слѣдствіе, произведенное на мѣстѣ, вызвало бы серьезные волненія и безпорядки.

Вскорѣ послѣ того, какъ Помбаль началъ свою реформаторскую дѣятельность, на короля было совершено покушеніе. Когда онъ возвращался ночью отъ маркизы Тавора, на него напали убійцы и двумя выстрѣлами изъ ружей легко ранили его въ руку и бокъ. Сперва это происшествіе тщательно скрывали при дворѣ; король заперся и принималъ только Помбаля и своего врача. Но когда вѣсть о покушеніи распространилась, то подозрѣнія пали на герцога д'Авеиро и на стараго маркиза Тавора. Оба стояли во главѣ португальской аристократіи и были недовольны господствомъ и реформами Помбаля. Всемогущій министръ также ненавидѣлъ ихъ до глубины души, потому что маркизъ Тавора на-отрѣзъ отказался согласиться на бракъ своей падчерицы съ его сыномъ, а герцогъ Авеиро публично выказалъ ему свое презрѣніе. Лица, на которыхъ пало подозрѣніе въ покушеніи, были внезапно арестованы, а съ ними и все семейство Таворы, всѣ его родственники и друзья. Старая маркиза Тавора, гордая донна Элеонора, была схвачена ночью въ кровати и отвезена полу-обнаженная въ одинъ изъ Лиссабонскихъ монастырей; остальные члены семьи были заключены въ Белемскій звѣринецъ. Обвиненные были преданы суду и приговорены къ смертной казни, которая и была совершена 13 января. Герцогъ Авеиро, маркизъ Тавора, его жена, ихъ сынъ, юноша 19 лѣтъ, ихъ

зять и нѣсколько слугъ обоихъ семействъ погибли на эшафотѣ; тѣла ихъ были сожжены вмѣстѣ съ орудіемъ казни.

Въ день арестованія семейства Тавора, Помбаль оцѣпилъ военнымъ кордономъ домъ іезуитовъ въ Лиссабонѣ; ихъ главные начальники—Маттесъ, Александръ и Малагрида были отведены въ тюрьму, а остальные патеры арестованы въ собственномъ домѣ. Іезуиты были въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ казненными, и ихъ подозрѣвали въ участіи въ заговорѣ. Трое арестованныхъ патеровъ были обвинены въ прямомъ участіи въ покушеніи на жизнь короля, а прежде всего обвиненіе было взведено на духовника семьи Таворы, Малагриду: онъ будто бы писалъ за нѣсколько мѣсяцевъ до покушенія къ одной придворной дамѣ, что королю угрожаетъ какая-то невѣдомая опасность. Герцогъ Авеиро будто бы тоже проговаривался въ такомъ-же духѣ. Помбаль наводнилъ всю Европу воззваніями, въ которыхъ обвинялъ іезуитовъ въ отреченіи отъ принциповъ св. Игнатія. Онъ обратился въ Римъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи передать процессъ трехъ іезуитовъ на разсмотрѣніе особаго судилища, назначеннаго имъ самимъ ad hoc. По церковному уставу, духовныя лица подлежали суду папскаго нунція. Такъ какъ Климентъ XIII колебался и медлилъ отвѣтомъ, Помбаль принялъ новыя мѣры противъ всего ордена. Онъ предписалъ епископамъ отнять у него воспитаніе юношества и вытѣснить его членовъ изъ университетовъ и отовсюду. Наконецъ іезуиты были изгнаны изъ Португаліи и ея колоній въ Италію. Въ отвѣтъ на эти гоненія, папа приказалъ сжечь воззванія Помбаля на римской площади. Помбаль не остался въ долгу: онъ конфисковалъ всѣ имущества ордена, изгналъ нунція, который старался по возможности защищать права и интересы Ватикана и ордена, и отозвалъ изъ Рима португальскаго посланника Альмаду. Затѣмъ, всѣмъ португальскимъ подданнымъ—свѣтскимъ и духовнымъ—было запрещено, подъ страхомъ смертной казни, входить въ какія-либо сношенія съ папскимъ престоломъ. Разрывъ между Португаліей и Римомъ продолжался 10 лѣтъ. Послѣ четырехъ-лѣтняго заключенія, Малагрида былъ извлеченъ изъ тюрьмы и преданъ суду инквизиціи по обвиненію въ ереси. Малагрида уже впалъ въ идіотизмъ, и его слѣдовало вести не на эшафотъ, а въ сумасшедшій домъ. Онъ увѣрялъ, что имѣлъ всевозможныя видѣнія и откровенія отъ самого Бога, Богородицы, святыхъ и ангеловъ, и выдавалъ себя за пророка и ясновидящаго. Онъ хвасталъ, что исцѣлялъ своими молитвами всякія болѣзни и,

предстательствомъ своимъ предъ Дѣвой Маріей, побѣждалъ безплодіе у женщинъ. Онъ написалъ о матери Богородицы, Аннѣ, цѣлую книгу, въ которой доказывалъ, что, подобно Дѣвѣ Маріи, и Анна была освящена въ утробѣ своей матери, что еще до своего рожденія, она почитала, любила и знала Бога, и принесла Троицѣ три обѣта—Богу-Отцу — обѣтъ бѣдности, Сыну — обѣтъ послушанія, а Духу Святому — обѣтъ чистоты. Малагрида утверждалъ, что самъ Христосъ, бесѣдуя съ нимъ, не находилъ словъ, чтобы описать ему дары, которыми Онъ осыпалъ Анну, и что ея вздохи вызвали въ сердцѣ Бога «взрывъ новой, дотолѣ неизвѣданной любви». Малагрида разсказывалъ въ своей книгѣ столь-же фантастическія вещи и о Дѣвѣ Маріи и объ антихристѣ.

Инквизиція признала его лже-пророкомъ и еретикомъ и выдала его гражданскимъ властямъ. Судъ приговорилъ Малагриду къ повѣшенію и сожженію его трупа. Малагрида отказался просить помилованія, утверждалъ до конца, что невиненъ, и пошелъ на казнь съ полнѣйшимъ спокойствіемъ. Казнью его были возмущены даже тѣ, которые вѣрили въ виновность іезуитовъ; впрочемъ, виновность ихъ до сихъ поръ не доказана. Французскій посланникъ, графъ Мерле, не питавшій особенной симпатіи къ Помбалю, писалъ 22 мая герцогу Шуазёлю: «Нѣтъ достовѣрныхъ доказательствъ прямого участія іезуитовъ въ заговорѣ противъ особы короля. Весьма возможно, что они отзывались крайне дерзко о правительствѣ и королѣ. Но, по мнѣнію лицъ, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ, гибель іезуитовъ была вызвана ихъ необыкновенною властью и вліяніемъ въ Парагваѣ. Кромѣ того они посылали своему генералу слишкомъ свободные отчеты о происшествіяхъ въ Лиссабонѣ. Правительство перехватило нѣсколько отчетовъ и нашло въ нихъ принципы, противорѣчащіе повиновенію монарху». Черезъ годъ послѣ покушенія на жизнь короля, графъ Мерле разсказывалъ, что Помбаль увѣрялъ его, будто имѣетъ въ рукахъ доказательства виновности іезуитовъ, которымъ принадлежала иниціатива заговора. Но, какъ видно изъ отчета посланника, онъ не повѣрилъ Помбалю.

Событія въ Португаліи ободрили враговъ ордена во Франціи. Придворная интрига подготовила паденіе іезуитовъ, которое совершилось вслѣдствіе публичнаго скандала. Духовникъ Людовика XV, патеръ Перюссо, сталъ интриговать противъ г-жи Помпадуръ, чтобы лишить ее ея положенія при дворѣ: іезуитъ угрожалъ королю отлученіемъ отъ таинствъ, если онъ

не согласится удалить свою возлюбленную. Король отвѣчалъ, что она уже не является для него источникомъ грѣха, а потому было бы безполезно удалять ее отъ двора, но духовникъ остался непоколебимъ. Подъ вліяніемъ раскаянія, г-жа Помпадуръ, не желавшая оставить короля, послала въ Римъ агента съ приказаніемъ умилостивить папу. Она вручила агенту собственноручную инструкцію, въ которой описывала текущія событія и утверждала, что ея пребываніе при дворѣ необходимо для счастья короля и блага государства, такъ какъ она имѣетъ смѣлость говорить правду; если ее удалятъ, писала она, то весьма вѣроятно, что король предастся еще большему развратy, чѣмъ теперь. Людовикъ XV питалъ къ ней будто бы только дружбу и довѣріе, безъ всякой примѣси какой-нибудь нечистой страсти.

Г-жа Помпадуръ не простила іезуитамъ ихъ преслѣдованій, а когда счастье повернулось противъ нихъ, то она вступила въ союзъ съ ихъ врагами. Предлогомъ къ изгнанію ордена былъ скандалъ съ патеромъ Лавалетомъ. Іезуиты вели оптовую торговлю на французскихъ островахъ Вестъ-Индіи—въ Мартиникѣ и С. Доминго; и эта торговля значительно развилась съ тѣхъ поръ, какъ патеръ Лавалетъ былъ назначенъ генеральнымъ прокуроромъ миссіи. Подъ его управленіемъ въ Мартиникѣ возникло множество магазиновъ и фабрикъ, и между островомъ и всѣми приморскими портами Европы развилась дѣятельная торговля. Благодаря своему громадному кредиту, Лавалетъ получалъ по векселямъ огромныя суммы отъ главныхъ торговыхъ домовъ Марселя, съ которыми онъ расплачивался колоніальными товарами. Такимъ образомъ онъ получилъ отъ Марсельскаго торговаго дома Ливоне и Гуфье сумму въ 2.400,000 ливровъ; чтобы уплатить эти деньги, онъ нагрузилъ колоніальными товарами нѣсколько судовъ и отправилъ ихъ во Францію въ 1756 году, въ моментъ, когда между Франціей и Англіей вспыхнула война. Эти суда были захвачены англичанами, торговля Лавалета была убита, а Марсельскій домъ оказался вынужденнымъ прекратить свои платежи. Мерсельскіе негоціанты и другіе кредиторы Лавалета потребовали отъ ордена уплаты его долга, а потомъ, получивъ отказъ, обратились къ судамъ: торговыя письма свидѣтельствовали о томъ, что орденъ поручился за Лавалета. Но орденъ упорствовалъ и вмѣсто денегъ предложилъ свои молитвы за разоренныхъ. Іезуиты легко могли заплатить за Лавалета, потому что имѣли въ самой Мартиникѣ громадныя недвижимыя

имущества, представлявшія собой капиталъ въ 4 мил. фр.; но они были увѣрены въ своемъ вліяніи при дворѣ и издѣвались надъ общественнымъ мнѣніемъ. Имъ дѣйствительно удалось выхлопотать кабинетный указъ, разрѣшившій имъ представить всѣ исковыя жалобы на орденъ въ судебное отдѣленіе парижскаго парламента; но они ошиблись въ своихъ разсчетахъ, и имъ не удалось потушить скандальное дѣло. Напротивъ, скандалы были обнаружены, и орденъ, въ лицѣ своего генерала, былъ приговоренъ къ уплатѣ по всѣмъ векселямъ, къ покрытію судебныхъ издержекъ и къ большому денежному штрафу. Въ то-же время парламентъ постановилъ декретомъ 17 апрѣля 1761 года разсмотрѣть уставъ ордена и тотчасъ запретить іезуитамъ созывать собранія и продолжать ту религіозную практику, которая была установлена въ коллегіяхъ для воспитанниковъ и вѣрующихъ. Парламентъ и король назначили особую комиссію для изученія устава ордена. 8 іюля того-же года генеральный адвокатъ прочиталъ свое заключеніе въ соединенномъ собраніи всѣхъ отдѣленій парламента. Это заключеніе гласило, что уставъ ордена идетъ въ разрѣзъ съ законами королевства и нарушаетъ права народа, что существованіе ордена во Франціи не законно, и что, такъ какъ орденъ пользуется только терпимостью, то онъ можетъ быть изгнанъ въ каждый данный моментъ. Генеральный адвокатъ требовалъ измѣненія устава для французскихъ іезуитовъ и назначенія во Франціи начальника, который былъ бы до нѣкоторой степени независимъ отъ генерала.

Хотя Людовикъ XV и былъ воспитанъ въ глубочайшемъ уваженіи къ іезуитамъ, тѣмъ не менѣе, со времени покушенія Дамьена, въ 1757 году, онъ боялся заговоровъ противъ царствующихъ лицъ. Онъ надѣялся обезпечить себя отъ такого рода заговора, пригласивъ въ духовники іезуита; онъ смертельно боялся всякаго столкновенія съ могущественнымъ орденомъ. Его религіозныя воззрѣнія были столь-же узки, какъ и воззрѣнія его дѣда; онъ былъ глубоко убѣжденъ, что спасетъ душу, если будетъ поддерживать католицизмъ. Отъ такого короля трудно было добиться какихъ-либо мѣръ противъ іезуитовъ; однако ихъ усилія расторгнуть его связь съ г-жей Помпадуръ побудили его перейти постепенно на сторону парламента.

Людовикъ XV нуждался въ деньгахъ для вооруженій противъ Англіи; парламентъ не далъ ему ни гроша до тѣхъ поръ, пока онъ не согласился на уступки въ дѣлѣ іезуитовъ. Король

всячески старался спасти орденъ, но парламентъ становился смѣлѣе съ каждымъ днемъ. Нравственное ученіе іезуитовъ было публично осуждено; одинъ изъ совѣтниковъ парламента, Терре, осудилъ всѣ сочиненія іезуитскихъ казуистовъ, богослововъ и правовѣдовъ, ихъ фоліанты были разорваны въ клочки и сожжены рукою палача во дворѣ парламента. Затѣмъ было приказано конфисковать всѣ іезуитскія сочиненія; 18 іюля 1761 г. 80 іезуитскихъ коллегій были закрыты, а французамъ было запрещено отдавать своихъ дѣтей на воспитаніе патерамъ. Въ заключеніе парламентъ объявилъ, что существованіе ордена несовмѣстимо съ духомъ христіанскихъ государствъ и подрываетъ авторитетъ государей и духовныхъ властей. Король пригласилъ созванное въ Парижѣ епископское собраніе составить заключеніе по вопросу о іезуитахъ. Въ рядахъ французскаго епископата было мало рѣшительныхъ противниковъ ордена. Происшествія въ Португаліи снова привлекли къ іезуитамъ утраченныя ими общественныя симпатіи. Многіе епископы возвысили голосъ въ ихъ пользу, а 45 чел. категорически заявили о необходимости сохранить орденъ въ полной его неприкосновенности. Между тѣмъ іезуиты съ своей стороны пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы успокоить умы и смягчить всеобщее броженіе. Они даже подписали четыре основныхъ статьи галликанской церкви, опубликованныя въ 1682 году, а въ письмѣ къ епископамъ провинціалъ объявилъ, что французскіе іезуиты возстанутъ противъ своего генерала, если онъ будетъ сопротивляться ихъ заявленію въ пользу названныхъ статей. Сорбонна, въ свою очередь, вмѣшалась въ дѣло, опубликовавъ строгую цензуру «Исторіи народа Божія» Берруйе. Король очутился въ самомъ затруднительномъ положеніи: ему предстояло выбрать одно изъ двухъ — или распустить парламентъ, или одобрить его мѣру противъ іезуитовъ. Послѣднее рѣшеніе показалось ему наиболѣе легкимъ; къ тому-же ему разъяснили, что, такъ какъ христіанство существовало 15 вѣковъ безъ іезуитовъ, то оно не погибнетъ отъ ихъ изгнанія; чтобы оказать на него еще болѣе сильное давленіе, ему представили іезуитскіе тезисы о цареубійствѣ. Болѣе утомленный, чѣмъ убѣжденный, Людовикъ XV, наконецъ, уступилъ. Но онъ желалъ не упраздненія, а преобразованія ордена. 17 января 1762 года онъ послалъ чрезвычайнаго курьера къ французскому посланнику въ Римѣ, кардиналу Рошешуару, съ предписаніемъ выхлопотать у іезуитскаго генерала немедленный отвѣтъ на постановленія епископской конференціи. Въ этомъ постановленіи

было сформулировано требованіе, чтобы для французскихъ іезуитовъ былъ назначенъ генеральный викарій, облеченный, въ предѣлахъ Франціи, такою-же властью, какую генералъ имѣлъ надъ всѣмъ орденомъ. Посредствомъ этой мѣры, король надѣялся положить конецъ борьбѣ парламента съ орденомъ; онъ приказалъ предупредить римскую курію, что назначеніе викарія является единственнымъ средствомъ спасти орденъ во Франціи. Климентъ XIII отвергъ это ходатайство и объявилъ королю, что такое измѣненіе устава было бы противно духу и самому существованію ордена.

Послѣ этого король и его министры лишились всякой возможности спасти іезуитовъ. Противъ нихъ появилась цѣлая масса сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны: «Выдержки изъ опасныхъ и вредныхъ іезуитскихъ правилъ» и «Лѣтописи Іезуитскаго Общества», заключающія въ себѣ множество документовъ объ исторіи іезуитовъ до 1668 года; первое сочиненіе было разослано всѣмъ епископамъ и судебнымъ инстанціямъ Франціи. Затѣмъ были опубликованы обвинительные акты Шалоте, Монклара и Дидона, генеральныхъ прокуроровъ Бретани, Прованса и Бордо. 1 апрѣля 1762 года, парламентъ закрылъ 84 іезуитскихъ коллегій, а 6 августа тогоже года постановилъ упразднить Іезуитскій орденъ во Франціи. Папы и епископатъ напрасно старались спасти орденъ. Климентъ XIII написалъ высшимъ церковнымъ сановникамъ Франціи нѣсколько трогательныхъ писемъ, въ которыхъ умолялъ ихъ спасти іезуитовъ. Въ отвѣтъ на эти письма, епископъ Суассонскій, Фицъ-Джемсъ, обвинявшій іезуитовъ въ гибели своихъ предковъ—Стюартовъ, возсталъ противъ ордена въ знаменитомъ пастырскомъ посланіи отъ 27 сентября 1762 г. Онъ строго осудилъ доктрины іезуитскихъ казуистовъ и доказалъ, что вся дѣятельность ордена наноситъ величайшій вредъ церкви и государству. Къ нему примкнули три епископа; почти всѣ остальные, съ парижскимъ архіепископомъ во главѣ, возвысили голосъ въ защиту ордена. Пастырское посланіе архіепископа вызвало сильнѣйшее негодованіе парламента, который постановилъ сжечь его рукой палача; самъ архіепископъ очутился въ такомъ опасномъ положеніи, что король былъ вынужденъ удалить его изъ Парижа.

14 іюня 1763 года, король издалъ декретъ о конфискаціи имуществъ Іезуитскаго ордена, съ условіемъ, что они будутъ употреблены въ пользу церкви. Большинство членовъ ордена продолжало жить въ общежитіяхъ, соблюдая свой уставъ. По

27 февраля 1764 года парламентъ потребовалъ отъ іезуитовъ присяги, обязывавшей ихъ отрѣшиться отъ принциповъ устава и не имѣть никакихъ сношеній съ генераломъ. Этому требованію подчинились лишь немногіе, а всѣ остальные были вынуждены оставить Францію. Въ ноябрѣ 1764 года король навсегда упразднилъ Іезуитскій орденъ въ своемъ государствѣ, возвратилъ парижскаго архіепископа изъ изгнанія, приказалъ прекратить всѣ процессы противъ іезуитовъ, положилъ конецъ раздорамъ партій и разрѣшилъ изгнаннымъ іезуитамъ возвратиться во Францію, чтобы занять должности приходскихъ священниковъ. Климентъ XIII сдѣлалъ еще одно послѣднее усиліе, чтобы спасти орденъ не только во Франціи, но и во всей Европѣ. 7 января 1765 года онъ опубликовалъ знаменитый уставъ «Apostolicum pascendi», снова утвердилъ орденъ и, выступивъ въ защиту его, провозгласилъ его святость передъ лицомъ всего христіанскаго міра. Эта булла была составлена въ глубочайшей тайнѣ; даже кардинальская коллегія ничего не знала о ней, а государственный секретарь и повѣренный папы, кардиналъ Торреджіани, не подозрѣвалъ о ея существованіи до момента, когда она была сдана въ печать. Ее редактировали іезуитскій генералъ Риччи и нѣсколько преданныхъ ему прелатовъ, которые тщательно скрывали все дѣло. Самъ папа былъ застигнутъ врасплохъ и согласился подписать булу, лишь послѣ продолжительнаго сопротивленія. Климентъ разослалъ новый уставъ всѣмъ апостольскимъ нунціямъ христіанскаго міра, въ надеждѣ укротить бушующую бурю. Но только 23 епископа—13 испанскихъ, два французскихъ, семь итальянскихъ и архіепископъ пражскій—поблагодарили его за защиту ордена, прибавивъ однако, что въ ихъ епархіяхъ іезуиты имѣютъ весьма многочисленныхъ враговъ.

Папа вскорѣ понялъ, что поступилъ крайне неосторожно. Всѣ нунціи отвѣчали ему, что булла въ высшей степени не своевременна и только обострила давно накипѣвшее озлобленіе противъ іезуитовъ. Въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій опубликованіе буллы было строго воспрещено; кромѣ того тамошнее правительство начало судебныя преслѣдованія противъ Іезуитскаго ордена, и его уставъ былъ признанъ несовмѣстнымъ съ законами государства. Венеціанская республика также запретила опубликованіе буллы и издала на этотъ счетъ эдиктъ, оскорбительный для папскаго престола и Іезуитскаго ордена; типографщикамъ и книгопродавцамъ было запрещено, подъ страхомъ смертной казни, печатать и распространять папскую

буллу. Миланскій губернаторъ, графъ Фирменъ, запретилъ буллу въ Ломбардіи, и то-же самое сдѣлалъ парижскій парламентъ, а парламенты Нормандіи и Э приказали сжечь ее рукой палача. Архіепископъ Руанскій угрожалъ интердиктомъ всякому, кто осмѣлился бы распространять ее. Португалія объявила, что булла была насильственно вынуждена у папы и что она нарушаетъ права короны и подвергаетъ опасности внутренній міръ королевства и церкви. Правительство предписало выдать всѣ экземпляры буллы и объявило при этомъ, что всѣ тѣ, которые сохранятъ ее или будутъ уличены въ ея чтеніи, будутъ признаны виновными въ оскорбленіи величества и понесутъ наказаніе, соотвѣтственное этому преступленію.

Въ Германіи и на сѣверѣ Европы булла была встрѣчена съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Всѣ католическія державы сочли ее за вызовъ и прибѣгли къ репрессаліямъ противъ папскаго престола. Онѣ издали цѣлый рядъ стѣснительныхъ законовъ, направленныхъ противъ папскихъ эдиктовъ, установили строжайшій государственный контроль надъ всѣми папскими распоряженіями, даже надъ индульгенціями, и подчинили полицейскому надзору сношенія епископовъ съ римской куріей. Черезъ два года и въ Испаніи начались гоненія на іезуитовъ.

Въ 1762 году, Карлъ III сдѣлалъ попытку стѣснить привилегіи религіозныхъ учрежденій посредствомъ прагматической санкціи; но когда папа сдѣлалъ ему представленіе на этотъ счетъ, то онъ отмѣнилъ новый законъ. Лишь незначительное число испанскихъ епископовъ было предано дѣлу іезуитовъ. Когда изгнанные изъ Франціи члены ордена стали искать убѣжища въ Наваррѣ, Каталоніи и Арагоніи, то нѣкоторые епископы отказались принять ихъ и запретили имъ занимать духовныя должности. Въ Испаніи господствовало убѣжденіе, что булла «Apostolicum pascendi» была вынуждена у папы іезуитами, а потому во всей странѣ кипѣло негодованіе противъ ихъ гнета. Недовѣріе Карла III къ ордену возрастало съ каждымъ днемъ. Онъ запретилъ іезуитамъ отправлять богослуженіе и сталъ постепенно удалять ихъ друзей и учениковъ изъ высшихъ сферъ церкви и государства. Власть ордена постепенно исчезала. Кампоманесъ, ученый юрисконсультъ кастильскаго двора, превосходно выяснилъ всѣ недостатки іезуитской системы воспитанія; онъ предложилъ королю преобразо-

вать народное образованіе въ Испаніи, отнять его у іезуитовъ и довѣрить свѣтскому духовенству.

Іезуиты стали защищаться и наводнили Испанію цѣлой массой напыщенныхъ апологій, въ которыя включили, по крайнему своему высокомѣрію и нахальству, ироническія замѣчанія на счетъ преобразовательныхъ попытокъ короля въ научной и политической области; въ анонимныхъ памфлетахъ, написанныхъ прозою и стихами, они издѣвались надъ королемъ и его реформаторскою дѣятельностью и старались втянуть духовенство въ полемику противъ высшей государственной власти. Благодаря іезуитскимъ агитаціямъ, въ Испаніи началось глухое броженіе, которое вызвало въ 1766 году сильный взрывъ. Мятежъ продолжался нѣсколько дней. Предлогомъ послужилъ королевскій приказъ объ отмѣнѣ особыхъ шляпъ, которыя носили въ Мадридѣ, и длинныхъ плащей, въ которые куталисъ наемные убійцы. Народная ярость обратилась прежде всего на министра Сквилларе, котораго ненавидѣли за его неаполитанское происхожденіе. Народъ разрушилъ его домъ, послѣ формальной осады, а министръ былъ вынужденъ бѣжать, для спасенія своей жизни. Король напрасно увѣщевалъ народъ съ балкона своего дворца; ему не удалось успокоить взволнованную толпу, и войска тоже оказались безсильными для усмиренія мятежа. Іезуиты-же, напротивъ того, такъ быстро и легко возстановили порядокъ, что на нихъ пало подозрѣніе въ подстрекательствѣ толпы. Король раздѣлялъ всеобщее убѣжденіе, а министры Аранда и Рода воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобы внушить ему глубочайшую ненависть къ Іезуитскому ордену.

Суды начали преслѣдовать съ величайшею строгостью авторовъ возмутительныхъ памфлетовъ и пасквилей; начались обыски у духовныхъ и свѣтскихъ членовъ ордена въ общежитіяхъ всѣхъ религіозныхъ братствъ. У іезуитовъ дѣйствительно нашли множество компрометтирующихъ документовъ. Правительство представило Карлу III такую ужасающую картину іезуитскихъ интригъ и агитацій, что онъ былъ глубоко потрясенъ и рѣшилъ изгнать орденъ изъ королевства. Ко всеобщему удивленію, 2 апрѣля 1767 года появился королевскій декретъ объ уничтоженіи Іезуитскаго ордена. Король рѣшилъ отправить въ Церковную область всѣхъ іезуитовъ, произнесшихъ монашескій обѣтъ; тѣмъ, которые уже были посвящены во священство, назначалась пенсія въ 500 фр., а другимъ въ 450 фр. Послушникамъ было предписано возвратиться

въ свои семьи, а тѣмъ, которые еще не успѣли связать себя какимъ-либо обѣтомъ, разрѣшалось остаться въ Испаніи. Было объявлено, что всякій іезуитъ, который подастъ поводъ къ какому-либо неудовольствію или самовольно выѣдетъ изъ Церковной области, будетъ лишенъ пенсіи. Членамъ ордена запрещались всякія сношенія съ Испаніей, подъ страхомъ самыхъ строгихъ наказаній. Безъ разрѣшенія короля, ни одинъ іезуитъ, даже вышедшій изъ ордена съ согласія папы, не могъ возвратиться въ Испанію. Съ тѣхъ іезуитовъ, которымъ удалось-бы получить разрѣшеніе возвратиться въ Испанію, бралась торжественная клятва не имѣть никакихъ сношеній ни съ членами ордена, ни съ его генералами. Въ предѣлахъ испанскихъ владѣній было запрещено писать что-либо объ этомъ декретѣ; всякіе споры и критическіе отзывы о немъ считались государственнымъ преступленіемъ и оскорбленіемъ величества. Карлъ III увѣдомилъ папу частнымъ письмомъ о своихъ мѣрахъ противъ іезуитовъ. Папа настоятельно просилъ его отмѣнить эти мѣры, но дѣло было рѣшено безповоротно. Въ тотъ день и часъ, когда королевскій декретъ появился въ Мадридѣ, губернаторы провинцій и алкады городовъ Испаніи, Африки, Азіи, Америки и острововъ, принадлежащихъ монархіи, получили приказаніе вступить съ вооруженною стражею въ іезуитскія общежитія, арестовать членовъ ордена, отвести ихъ втеченіи сутокъ въ назначенный заранѣе портъ, посадить на суда и опечатать всѣ ихъ бумаги Цѣлыя тысячи духовныхъ лицъ всякаго возраста, больные и дряхлые старики были погружены цѣлыми массами на корабли и вывезены въ открытое море; они не знали, куда ихъ везутъ, и никто не отвѣчалъ на ихъ разспросы. Послѣ продолжительнаго плаванія, они прибыли въ Чивита-Веккію, но имъ не дали высадиться, а напротивъ встрѣтили стрѣльбою изъ орудій. Эта мѣра была принята по приказанію генерала, который очень холодно принялъ португальскихъ и французскихъ эмигрантовъ, а теперь рѣшился пожертвовать нѣсколькими членами, для спасенія всего ордена.

Іезуиты пришли въ неописанное негодованіе противъ своего генерала. Что-же касается испанскаго капитана, то онъ легко могъ-бы преодолѣть слабое сопротивленіе, оказанное ему на римскомъ берегу, но онъ не захотѣлъ прибѣгать къ насилію и отправился въ Ливорно и Геную; но и тамъ высадка не удалась, такъ что осталось только искать убѣжища въ Кор-

сикѣ. Карлъ III самъ просилъ французскаго министра Шуазёля открыть этотъ островъ бѣглецамъ. Но пришлось еще преодолѣть сопротивленія французскаго губернатора, который отказывался принять изгнанниковъ, потому что на островѣ не возможно было найти достаточнаго количества продовольствія для цѣлой колоніи новыхъ обитателей, тѣмъ болѣе, что даже для войскъ продовольствіе привозилось изъ-за границы. Тѣмъ не менѣе Шуазёлю удалось устроить несчастныхъ изгнанниковъ: они скитались по морю втеченіи цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, вынося всевозможныя лишенія, бѣдствія и болѣзни. Наконецъ имъ дали пріютъ въ казематахъ острова. Черезъ нѣсколько времени, разсчитывая на реакцію въ общественномъ мнѣніи, нѣкоторые іезуиты возвратились въ Испанію; но ихъ появленіе вызвало всеобщее негодованіе. Король объявилъ особымъ декретомъ, что за самовольное возвращеніе въ Испанію всякій свѣтскій членъ ордена будетъ казненъ, а всякій священникъ—приговоренъ къ пожизненному тюремному заключенію.

Испанскій народъ относился совершенно пассивно къ совершавшимся событіямъ; упраздненіе ордена не произвело въ Мадридѣ никакого впечатлѣнія. Недовольное дворянство, симпатизировавшее іезуитамъ, замкнулось въ своихъ дворцахъ. Друзья іезуитовъ разсчитывали на твердость и энергію папы; но Климентъ XIII не шевельнулъ пальцемъ и только проливалъ обильныя слезы. Іезуиты стали обвинять доминиканцевъ въ томъ, что они, своими интригами, будто-бы подстрекнули короля къ преслѣдованію ордена, Доминиканцы дѣйствительно не любили іезуитовъ, а духовникъ короля, Осма, ненавидѣлъ ихъ до глубины души. Доминиканцы безъ сомнѣнія развивали антипатію короля къ іезуитамъ, но они одни не были-бы въ состояніи воздвигнуть столь ожесточенное гоненіе. Нѣкоторые историки разсказываютъ, что Карлу III показали письмо съ подложною подписью іезуитскаго генерала Риччи, въ которомъ послѣдній называлъ короля незаконнымъ сыномъ Альберони, а дона Луи — законнымъ наслѣдникомъ престола; это письмо глубоко оскорбило короля. Но вся эта исторія далеко не удостовѣрена. Всего вѣрнѣе предположеніе, что Карлъ III возненавидѣлъ іезуитовъ за то, что они препятствовали причисленію къ лику святыхъ епископа Палафокса и писали на короля самые оскорбительные пасквили и памфлеты.

Самъ Карлъ III увѣрялъ французскаго посланника, что никогда не былъ врагомъ іезуитовъ, и отвергалъ взводимыя

на него обвиненія. Но мятежъ 1767 года открылъ ему глаза, и ему были доставлены несомнѣнныя доказательства, что этотъ мятежъ устроили іезуиты. Въ то время были арестованы нѣкоторые члены ордена, раздававшіе народу деньги. Возбудивъ мѣщанское сословіе своими клеветами, іезуиты ждали только удобнаго случая, чтобы подать сигналъ къ возстанію. Заговорщики не хотѣли убить короля, но хотѣли заставить его принять нѣкоторыя условія. Въ бесѣдѣ съ французскимъ посланникомъ, король признавался, что можетъ упрекнуть себя лишь въ слишкомъ продолжительной терпимости къ столь опасному обществу, какъ іезуитское.

Ободренный событіями въ Испаніи, парижскій парламентъ счелъ невозможнымъ довольствоваться тѣми мѣрами, которыя были приняты до тѣхъ поръ противъ французскихъ іезуитовъ. 29 апрѣля 1767 года онъ рѣшилъ изгнать всѣхъ іезуитовъ втеченіи двухъ недѣль. Было постановлено, что пенсіи и жалованіе будутъ выдаваться имъ лишь въ томъ случаѣ, если они докажутъ, что избрали себѣ мѣста жительства за границей. Провинціальные парламенты послѣдовали примѣру парижскаго; Эсскій парламентъ выразилъ въ то-же время желаніе, чтобы іезуиты были изгнаны изъ Авиньонскихъ владѣній и Венессена. Въ случаѣ сопротивленія папы, парламентъ предлагалъ присоединить названныя владѣнія къ Франціи и такимъ образомъ заставить папу навѣки упразднить Іезуитскій орденъ на всемъ мірѣ.

Съ начала 1764 года, король Іосифъ пытался возобновить сношенія Португаліи съ римской куріей, но Климентъ XIII поставилъ главнымъ условіемъ примиренія возвращеніе іезуитовъ въ Португалію. Вслѣдствіе этого Помбаль составилъ планъ союза Испаніи, Франціи и Португаліи противъ папскаго престола. Если папа не исполнитъ требованія трехъ союзныхъ государствъ на счетъ упраздненія Іезуитскаго ордена, то они должны добиваться созванія Вселенскаго собора. Помбаль не отступалъ даже передъ возможностью вызвать схизму и съ этою цѣлью вступилъ въ переписку съ утрехтскою церковью. Такъ какъ король Іосифъ и его министры приписали неудачу переговоровъ съ Римомъ интригамъ іезуитовъ, то противъ нихъ снова начались гоненія въ 1767 году. Климентъ XIII слишкомъ поздно понялъ свою ошибку; онъ старался умиротворить короля, но послѣдній категорически объявилъ, что

примирится съ папскимъ престоломъ лишь послѣ упраздненія Іезуитскаго ордена.

Въ ноябрѣ того-же года, король Обѣихъ Сицилій выгналъ іезуитовъ изъ своихъ владѣній и приказалъ отвезти своего министра Тануччи на римскую территорію. 3 ноября 1767 г. въ полночь всѣ іезуитскія учрежденія Неаполитанскаго королевства были оцѣплены войсками и королевскими чиновниками; всѣ двери были отворены или взломаны, стража вторгалась въ каждую келью, а въ заключеніе, члены ордена, служители и ученики были собраны въ одну залу. Оставивъ имъ только одежду, ихъ схватили и отвезли въ сосѣдній портъ, гдѣ они были посажены на суда, которыя тотчасъ-же отплыли. Только дряхлымъ старикамъ и больнымъ было разрѣшено остаться на мѣстѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, гросмейстеръ ордена іоаннитовъ выгналъ іезуитовъ съ острова Мальты. Лучшіе друзья іезуитовъ признали секуляризацію ордена единственнымъ средствомъ къ его спасенію: секуляризація состояла въ освобожденіи членовъ отъ ихъ обѣта, послѣ чего они должны были войти въ составъ свѣтскаго духовенства. Но генералъ ордена Риччи энергично возсталъ противъ этой комбинаціи и подалъ папѣ докладную записку, въ которой доказывалъ, что святѣйшій отецъ не имѣетъ права соглашаться на такую реформу; кромѣ того Риччи объявилъ папѣ, что, если онъ предприметъ преобразованіе ордена, то безвозвратно погубитъ свою душу. Приближенные генерала настаивали, напротивъ того, на необходимости секуляризаціи ордена.

Вскорѣ послѣ этого возникли столкновенія съ герцогствомъ Пармскимъ. Молодой герцогъ издалъ нѣсколько эдиктовъ, которыми старался ограничить громадное скопленіе недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ церкви. Онъ нарушилъ церковныя привилегіи, взимая налоги съ недавно пріобрѣтенныхъ церковныхъ имуществъ и ограничивая церковную юрисдикцію; кромѣ того онъ подвергъ всѣ папскіе декреты строжайшей государственной цензурѣ. Поддерживая верховныя права папскаго престола на герцогство, папа отмѣнилъ всѣ эдикты герцога, запретилъ исполнять ихъ, возстановилъ церковную юрисдикцію и пригрозилъ герцогу и его министрамъ отлученіемъ отъ церкви, въ случаѣ неповиновенія его распоряженіямъ. Рѣшительныя дѣйствія папы произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на всю Европу: всѣ правительства, а главнымъ образомъ Бурбонскіе государи—родственники герцога Пармскаго—сочли себя оскорбленными и приняли угрозы папы на свой счетъ. Карлъ III,

дядя герцога, сталъ во главѣ борьбы и сослался на семейный договоръ, заключенный въ 1761 году между Францій и Испаніей, съ цѣлью взаимной поддержки въ случаѣ войны, объявленной одному изъ двухъ государствъ. Общественное мнѣніе всей Европы приписало іезуитамъ агрессивный образъ дѣйствій папы противъ герцогства Пармскаго. Въ то-же время друзья іезуитовъ вызвали сильное неудовольствіе Испаніи: они стали утверждать, что орденъ будетъ вскорѣ возвращенъ, и стали распространять самыя оскорбительныя сатиры на Карла III. Начались новыя слѣдствія, которыя разоблачили новыя тайны и нанесли ордену новый ударъ. Вслѣдъ затѣмъ Людовикъ XV созвалъ чрезвычайное засѣданіе государственнаго совѣта для обсужденія вопроса о необходимости упразднить орденъ, а Карлъ III пригласилъ испанскихъ богослововъ представить свои заключенія по вопросу, имѣетъ-ли свѣтскій государь право объявить войну папѣ. Одно изъ этихъ заключеній рѣшило вопросъ утвердительно: оно было составлено іезуитами.

Всѣ католическіе дворы запретили публиковать папское бреве противъ герцога Пармскаго. Что-же касается самого герцога, то онъ приказалъ выселить 150 пармскихъ іезуитовъ въ Церковную область и конфисковать ихъ имущества. Короли испанскій, французскій и Обѣихъ Сицилій потребовали отъ папы отмѣны его бреве и упраздненія Іезуитскаго ордена, угрожая репрессаліями, въ случаѣ отказа. Іезуиты и ихъ сторонники, находившіеся въ кардинальской коллегіи и въ числѣ прелатовъ, систематически скрывали отъ папы возрастающую опасность. Тѣмъ не менѣе разумные друзья ордена посовѣтовали Клименту XIII исполнить требованіе союзныхъ королей. Но папа остался непоколебимымъ. У него отняли области Порте-Корво, Боневентъ, Авиньонъ и Венессенъ. Въ тайномъ засѣданіи консисторіи, Климентъ сообщилъ кардинальской коллегіи объ этихъ притѣсненіяхъ и написалъ Карлу III и Людовику XV нѣсколько трогательныхъ писемъ. Испанскій король попытался привлечь на свою сторону Марію-Терезію Австрійскую, но императрица отвѣчала ему: «Я не имѣю никакого основанія требовать отъ римской куріи упраздненія Іезуитскаго ордена; но если папа рѣшился на эту мѣру, то я не буду недовольна ею и не окажу ей никакого препятствія». Посланники трехъ Бурбонскихъ дворовъ представили папѣ, въ январѣ 1769 года, новую докладную записку, въ которой по-

требовали, отъ имени своихъ государей, отмѣны Іезуитскаго ордена. Наконецъ, папа понялъ, что дѣло іезуитовъ окончательно проиграно. Онъ невыносимо страдалъ и желалъ только, чтобы смерть освободила его отъ физическихъ и нравственныхъ мученій. Желаніе это наконецъ исполнилось въ ночь съ перваго на второе февраля 1769 года.

ГЛАВА XXII.

Начало правленія Климента XIV.—Интриги іезуитовъ.—Бреве объ упраздненіи ордена. — Фридрихъ Великій и іезуиты.—Ихъ отношенія къ папскому бреве.—Болѣзнь и смерть Климента XIV. — Былъ-ли онъ отравленъ? — Заключеніе генерала въ замокъ св. Ангела и его послѣдній протестъ.—Іезуиты при Піѣ VI и возстановленіе ордена Піемъ VII.

Тотчасъ послѣ смерти Климента XIII, посланники французскій и испанскій объявили, что только выборъ папы, угоднаго обоимъ дворамъ, можетъ предотвратить разрывъ Бурбонскаго дома съ Римомъ. Вслѣдствіе этого іезуиты употребили всѣ свои усилія, чтобы помѣшать избранію папы, враждебнаго ихъ ордену. Они не отступили ни передъ какими униженіями и осыпали щедрыми подарками римскихъ вельможъ и ихъ женъ. Риччи со слезами ползалъ на колѣняхъ передъ кардиналами, напоминалъ имъ заслуги ордена и внушалъ имъ, до какой степени унизительны для ихъ достоинства требованія посланниковъ. Онъ настоятельно умолялъ ихъ созвать конклавъ до прибытія въ Римъ кардиналовъ французскихъ и испанскихъ. Конклавъ единогласно избралъ въ папы Лоренцо Ганганелли, члена францисканскаго ордена. Его тотчасъ посвятили въ епископы, потому что онъ былъ только кардиналомъ-священникомъ. Онъ вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Климента XIV.

Новый папа слылъ тайнымъ сторонникомъ Іезуитскаго ордена, и поэтому кардиналъ Орсини энергично сопротивлялся его избранію. Дѣйствительно, во многихъ случаяхъ Ганганелли выказывалъ глубочайшее уваженіе къ Лойолѣ и восхвалялъ ученыя заслуги іезуитовъ. Онъ подготовилъ себѣ путь къ престолу св. Петра искреннимъ благочестіемъ, истинно христіанскимъ смиреніемъ и глубокою ученостью. Сдѣлавшись кардиналомъ и папой, онъ сохранилъ ту простоту нравовъ и смире-

ніе, которыми отличался подъ строгою рясою францисканскаго монаха. Климентъ XIV не безъ боязни принялъ на себя тяжелыя обязательства первосвященническаго сана: въ одномъ изъ своихъ писемъ, онъ жаловался на тяжелое бремя, которое на него возложили, а къ одному изъ своихъ друзей онъ писалъ слѣдующее: «Если вы считаете меня счастливымъ, то жестоко ошибаетесь. Проводя цѣлый день въ сильнѣйшемъ нервномъ возбужденіи, я часто просыпаюсь ночью и тяжко вздыхаю по моему монастырю, по моей кельѣ и по моимъ книгамъ. Я завидую вашей участи. Впрочемъ, я утѣшаю себя мыслью, что самъ Богъ возвелъ меня на престолъ св. Петра и избралъ меня орудіемъ великихъ дѣлъ, для которыхъ ниспошлетъ мнѣ надлежащую силу. Богу извѣстно, что я готовъ пролить всю свою кровь, до послѣдней капли, чтобы повсемѣстно водворить миръ, склонить къ преобразованіямъ тѣхъ, которые забыли свой долгъ, и устранить всякіе спорные вопросы».

Климентъ XIV изучалъ не только богословіе, но и философію, исторію, естественныя науки и поэзію; онъ самъ забавлялся иногда стихотворными опытами. Онъ не былъ сторонникомъ мрачнаго, фанатическаго благочестія; напротивъ, онъ говорилъ, что истинное благочестіе состоитъ въ любви къ Богу, безъ которой самыя благія дѣла не могутъ спасти нашу душу. Онъ сознавалъ необходимость многихъ реформъ въ области церкви и энергично возставалъ противъ различныхъ злоупотребленій. Въ области богословія онъ руководствовался ученіемъ св. Августина. По его мнѣнію, церковь должна быть проникнута Духомъ самаго Христа—духомъ смиренія, кротости, мира, милосердія, справедливости, самоотреченія, нравственной силы и истины. Въ своемъ трактатѣ «О христіанскомъ усердіи» онъ говоритъ, что только тотъ, кто проникнутъ любовью къ Богу, знаетъ истинный духъ христіанства. Духъ Христа исключаетъ стремленіе къ господству, а религіозный энтузіазмъ, соединенный съ суровостью, не можетъ никого привлечь.

Религіозный пылъ, соединенный съ нетерпимостью, заслуживаетъ только порицанія. Человѣкъ, преданный церкви, долженъ быть чуждъ заблужденій и равнодушія, но не долженъ поддаваться страсти или ненависти къ заблуждающимся. Онъ не одобрялъ излишней строгости въ примѣненіи церковнаго устава и рѣшительно порицалъ вступленіе въ монашествующіе ордена безъ истиннаго призванія; кромѣ того онъ не терпѣлъ вмѣшательства орденовъ въ свѣтскія дѣла. Климентъ XIV

имѣлъ очень высокое понятіе о духовномъ санѣ, о епископатѣ и папской власти. Онъ не хотѣлъ допускать никакихъ ограниченій правъ и преимуществъ папскаго престола и былъ противникомъ всякихъ уступокъ въ пользу епископской автономіи. Онъ задался цѣлью провозгласить догматъ иммакулатнаго зачатія, но прежде всего считалъ нужнымъ возстановить миръ въ католической церкви. Онъ написалъ самое примирительное письмо португальскому королю, возвелъ въ санъ кардинала одного изъ родственниковъ Помбаля, утвердилъ на епископской каѳедрѣ Переиру, сочиненія котораго были внесены въ индексъ, и выразилъ королю удовольствіе по поводу его назначенія въ епископы. Когда португальскій король выздоровѣлъ отъ очень опасной болѣзни, папа самъ отслужилъ торжественное, благодарственное молебствіе. Климентъ XIV старался также ублаготворить испанскаго короля, обѣщая ему причислить къ лику святыхъ епископа Палафокса. По желанію Маріи-Терезіи, онъ согласился уменьшить число праздничныхъ дней и поспѣшилъ облегчить бракъ Іосифа II, устранивъ препятствія, происходившія отъ близкаго родства. Однако, не смотря на всѣ эти уступки, Бурбоны не возвратили папскому престолу его захваченныхъ владѣній, а упраздненіе Іезуитскаго ордена оставалось по-прежнему злобою дня и неотложною необходимостью. Климентъ XIV повидимому призналъ ее съ самаго начала правленія, но онъ хранилъ въ тайнѣ свои рѣшенія на этотъ счетъ. Этотъ шагъ долженъ былъ повести за собой чрезвычайно серьезныя послѣдствія, а потому его надо было серьезно обдумать и войти въ предварительное соглашеніе со всѣми католическими государями. Марія-Терезія оказала наиболѣе упорное сопротивленіе. Но однажды, аббатъ св. Доротеи явился къ императрицѣ и представилъ ей записку ея духовника, іезуита Кампмюллера, заключавшую въ себѣ краткое резюме ея послѣдней исповѣди. Разоблаченіе тайнъ конфессіонала возмутило императрицу, и она тотчасъ согласилась на упраздненіе Іезуитскаго ордена. Какъ говорятъ, она написала папѣ, что на ея рѣшеніе повліяло то, что іезуиты злоупотребляютъ тайной исповѣди.

Для спасенія своего ордена, іезуиты прибѣгли къ цѣлому ряду довольно неосторожныхъ интригъ. Они стали распространять слухи о томъ, что къ нимъ благоволятъ Марія-Терезія, Сардинскій король и великій герцогъ Тосканскій, въ то-же время они распространили цѣлый рядъ пасквилей и памфлетовъ противъ Бурбонскихъ дворовъ. 18 сентября 1769 года

посланники этихъ дворовъ вручили папѣ докладную записку, требующую упраздненія ордена, а папа отвѣчалъ конфиденціальнымъ письмомъ на имя французскаго короля и обѣщалъ въ скоромъ времени исполнить это требованіе. Черезъ нѣсколько недѣль, іезуиты постарались изгладить впечатлѣніе, произведенное папскимъ письмомъ, и напечатали подложное письмо въ итальянскихъ и французскихъ газетахъ. Въ этомъ апокрифическомъ письмѣ, папа категорически заявлялъ, что не можетъ ни порицать, ни уничтожать учрежденіе, которое восхваляли и утверждали 19 его предшественниковъ; ему тѣмъ менѣе принадлежитъ право порицать орденъ, такъ какъ святой Тріентскій соборъ утвердилъ его, а по основному принципу галликанской церкви вселенскій соборъ стоитъ выше папы. Только соборъ можетъ разрѣшить вопросъ объ упраздненіи ордена, но онъ долженъ предварительно выслушать защиту самихъ іезуитовъ. Папа долженъ оказать справедливость іезуитамъ, какъ и всѣмъ другимъ религіознымъ орденамъ. Императоръ и короли сардинскій и прусскій писали къ папѣ и вступались за Іезуитскій орденъ, а потому онъ не можетъ упразднить его, такъ какъ это значило бы раздражить однихъ государей, чтобы угодить другимъ.

Этотъ дерзкій подлогъ привелъ Климента XIV въ крайнее негодованіе. Въ 1770 году онъ запретилъ распространеніе папской буллы «о св. Причастіи», потому что готовился измѣнить ея редакцію; іезуиты распространили ее въ цѣлыхъ тысячахъ экземпляровъ въ Римѣ и Парижѣ. Въ 1771 году они распространили въ Парижѣ слухъ о предстоящемъ возстановленіи ордена во Франціи; въ слѣдующемъ году они издали въ Венеціи гравюру, изображавшую страшный судъ, на которомъ Карлъ III находился среди отверженныхъ. Возмущенный всѣми этими поступками, Климентъ XIV обѣщалъ королямъ испанскому и португальскому упразднить орденъ. Въ началѣ 1770 года на португальскаго короля было снова совершено покушеніе, и правительство признало іезуитовъ единственными виновниками заговора. Португальскій посланникъ при римской куріи, Альмада, сталъ настоятельно требовать исполненія столь давно обѣщанной мѣры, а не получая отвѣта, онъ уговорилъ французскаго посланника, кардинала Берни, составить докладную записку, въ которой снова было изложено требованіе, чтобы папа разрѣшилъ наконецъ жгучій вопросъ о существованіи ордена; эту докладную записку подписали всѣ состоящіе при папѣ представители Бурбонскихъ дворовъ.

Іезуитамъ былъ нанесенъ страшнѣйшій ударъ, когда испанскіе епископы обратились въ свою очередь къ папѣ съ требованіемъ упразднить орденъ. Это ходатайство придало папѣ новую бодрость. 12 февраля 1770 года, папа отнялъ у іезуитовъ семинарію въ Фраскати и поручилъ ее завѣдыванію свѣтскаго духовенства. Чѣмъ болѣе іезуиты тревожились за свою судьбу, тѣмъ больше они стали совершать подлоговъ, съ цѣлью запугать папу. Въ 1771 году, появилась въ Валентанскомъ монастырѣ, близъ Витербо, новая пресрочица-доминиканка— Марія-Тереза, принадлежавшая къ братству Св. Сердца Іисуса. Іезуиты завладѣли экзальтированною монахиней и сдѣлали ее орудіемъ своихъ плановъ. Несмѣтныя толпы вѣрующихъ стали стекаться въ монастырь, чтобы разспрашивать пророчицу о судьбахъ Іезуитскаго ордена, церкви и міра. Она вѣщала, что густой дымъ означаетъ имя Іисуса и клубится вокругъ него, но не можетъ окончательно заслонить его. Гербы Браганцскаго Дома (Португальская династія) также бросаютъ тѣнь на это священное имя, гербы Бурбонскаго дома настолько заслоняютъ его, что оно уже едва замѣтно, а папскій гербъ окончательно стеръ имя Іисуса Христа. Но вскорѣ эти гербы исчезали одинъ за другимъ, а имя Іисуса сіяло ярче, чѣмъ когда-либо. Вдохновенная ясновидящая прибавляла къ этому, что тотъ, кто осмѣлится упразднить Общество Іисуса, погибнетъ лютою смертью. Португальскій король будетъ удавленъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по его приказанію, были казнены семья Тавора и Авеиро. По ея предсказанію, короли Людовикъ XV и Карлъ III также должны были погибнуть насильственнымъ образомъ, тогда какъ королю прусскому предстояло обращеніе къ католицизму. Всѣ пророчества сводились къ скорой смерти Климента XIV и къ возстановленію Іезуитскаго ордена. Другая ясновидящая Ренци также имѣла галлюцинаціи; іезуиты выбивались изъ силъ, чтобы возможно лучше обставить свою шутовскую комедію.

Прошло четыре года, а папа все велъ слѣдствіе противъ іезуитовъ, между тѣмъ, какъ Бурбонскіе дворы все подстрекали его къ энергичнымъ дѣйствіямъ. Въ 1773 году Климентъ XIV счелъ нужнымъ подготовить общественное мнѣніе Европы и принялъ противъ іезуитовъ нѣкоторыя предварительныя мѣры. Онъ назначилъ главныхъ епископовъ церковной области апостольскими контролерами іезуитскихъ учрежденій и далъ имъ чрезвычайно обширныя полномочія и по части провѣрки администраціи ордена и секуляризаціи его членовъ.

Первый опытъ былъ произведенъ въ Болоньи. Папа возложилъ инспекцію на кардинала Мальвецци. Мѣра эта вызвала дальнѣйшее броженіе въ средѣ друзей іезуитовъ,—и Римъ точчасъ былъ наводненъ цѣлой массой возмутительныхъ памфлетовъ, подстрекавшихъ народъ къ возстанію.

Съ 28 мая 1773 года папа нѣсколько разъ удалялся въ уединенныя мѣста и готовился постомъ и молитвою къ великому дѣлу. Въ своемъ уединеніи, онъ редактировалъ, съ кардиналомъ Зеладой, бреве объ упраздненіи ордена, по плану, составленному еще въ 1772 году, и 21 іюля 1773 года онъ съ величайшимъ душевнымъ спокойствіемъ подписалъ этотъ эпохальный документъ, не сообщивъ никому о своемъ рѣшеніи. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ рѣшился на эту крайнюю мѣру не безъ сильной и мучительной душевной борьбы. Но тѣмъ не менѣе іезуиты лгутъ, утверждая, что Климентъ XIV подписалъ знаменитое бреве «Dominus ac Redemptor noster» въ припадкахъ душевной болѣзни, а затѣмъ впалъ тотчасъ-же въ отчаяніе и временно лишился разума. Іезуиты старались также внушить всѣмъ преемникамъ Климента XIV, что испанскій посланникъ вынудилъ у папы грубымъ насиліемъ подписаніе вышеупомянутаго бреве. Это тоже дерзкая ложь и историческій подлогъ. Пакка разсказываетъ однако, что Пій VII вѣрилъ этой сказкѣ и въ 1814 году, будучи въ плѣну въ Фонтенебло, воскликнулъ: «Меня доведутъ до съумасшествія и уморятъ, какъ Климента XIV».

Передъ самымъ опубликованіемъ бреве, 6 августа, папа призвалъ къ себѣ 5 кардиналовъ и двухъ прелатовъ, сообщилъ имъ о своемъ рѣшеніи и объяснилъ тѣ побудительныя причины, которыми руководствовался. Избранные имъ совѣтники одобрили его рѣшеніе, послѣ чего папа возложилъ исполненіе своего декрета на конгрегацію, состоящую изъ семи вышеупомянутыхъ церковныхъ сановниковъ. Онъ назначилъ имъ въ помощники двухъ богослововъ и далъ имъ полномочія относительно всякихъ мѣръ, необходимыхъ для упраздненія ордена. Въ то-же время папа взялъ съ нихъ обѣтъ строжайшаго молчанія, за нарушеніе котораго грозилъ отлученіемъ отъ церкви.

Черезъ три дня послѣ учрежденія конгрегаціи, 16 августа 1773 года, съ наступленіемъ ночи, всѣ іезуитскія коллегіи были заняты войсками. Домъ проповѣдниковъ, въ которомъ жилъ генералъ Риччи, былъ также оцѣпленъ войсками и муниципальной стражей. Пять кардиналовъ конгрегаціи и съ ними

прелатъ Альфани отправились съ военнымъ конвоемъ въ рефекторію (столовую), призвали туда всѣхъ жителей дома и прочитали имъ папское бреве объ упраздненіи ордена. Такъ какъ іезуиты поклялись не утаивать никакихъ сокровищъ, то исполнители папской воли отправились въ казнохранилище, обыскали всѣ закоулки дома и коллегій, конфисковали всѣ наличныя бумаги и перенесли все захваченное золото и серебро въ папскую сокровищницу. Въ 2 часа по полуночи, папѣ доложили, что его приказаніе исполнено безъ всякихъ нарушеній порядка. Съ этого момента прекратилась дѣятельность іезуитовъ въ церкви и школѣ.

Бреве «Dominus ac Redemptor noster», помѣченное 21 іюля 1773 года, гласитъ слѣдующее: Папа объявляетъ, что Іисусъ Христосъ Царь мира; Онъ пришелъ на землю, чтобы примирить Бога съ людьми, и возложилъ на своихъ апостоловъ благовѣстіе мира. Перечисливъ цѣлый рядъ религіозныхъ орденовъ, упраздненныхъ папами, бреве излагаетъ вкратцѣ исторію Іезуитскаго ордена и выясняетъ, что, съ самаго своего основанія, онъ нарушилъ внутренній миръ церкви, вступая въ борьбу съ другими орденами, со свѣтскимъ духовенствомъ, академіями, университетами, общественными учебными заведеніями и государями, допустившими его въ свои владѣнія. Всѣ средства, къ которымъ прибѣгали папы и конгрегаціи самаго ордена съ цѣлью искоренить зло, оставались тщетными и не приводили къ желаннымъ результатамъ. Апостольское посланіе, въ которомъ Климентъ XIII защищалъ іезуитовъ, было вынуждено у него насиліемъ, да къ тому-же не оказало полезнаго вліянія. Напротивъ, послѣ этого посланія, волненія еще усилились, іезуиты расторгли узы христіанскаго милосердія, а короли Франціи, Испаніи, Португаліи и Обѣихъ Сицилій оказались вынужденными изгнать изъ своихъ государствъ членовъ Іезуитскаго ордена. Такъ какъ эта мѣра оказалась недостаточною для успокоенія взволнованнаго христіанскаго міра, то Климента XIII убѣдили въ необходимости упразднить орденъ. Его преемникъ (составитель бреве) пришелъ къ сознанію необходимости этой мѣры послѣ долгихъ и зрѣлыхъ размышленій. Признавая своимъ долгомъ упрочить миръ въ средѣ католицизма, онъ рѣшилъ устранить все, что могло-бы нарушить его. Убѣдившись сверхъ того, что Іезуитскій орденъ не можетъ въ настоящее время приносить такую-же пользу, какъ прежде, папа рѣшилъ упразднить его, строго взвѣсивъ предварительно всѣ аргументы за и противъ ордена. Папа

объявлялъ въ заключеніе, что позаботится о будущности членовъ ордена, и предписывалъ исполненіе своего бреве, подъ страхомъ отлученія отъ церкви.

Тотчасъ послѣ опубликованія бреве, папа предписалъ всѣмъ іезуитамъ принять одежду свѣтскаго духовенства и оставить орденскіе дома; только больнымъ и дряхлымъ старцамъ было разрѣшено остаться въ нихъ. Онъ просилъ короля Карла III позаботиться о судьбѣ тѣхъ испанскихъ іезуитовъ, которые не были внесены въ списки пенсіонеровъ, и желаніе его было немедленно исполнено. Климентъ XIV обратился съ такими-же просьбами къ другимъ государямъ и сохранилъ въ строжайшей тайнѣ корреспонденцію, открытую у іезуитовъ.

Упраздненіе ордена произвело потрясающее впечатлѣніе на всю Европу. Не только часть духовенства, но и народъ отнеслись къ этой мѣрѣ недоброжелательно; ее вполнѣ одобрили только Португалія и Бурбонскіе дворы. Послѣдніе тотчасъ-же возвратили папѣ отнятыя у него владѣнія. Во Франціи король и епископатъ встрѣтили папское бреве съ большимъ уваженіемъ. Въ Германіи и Австріи, при исполненіи декрета, пришлось бороться съ серьезными препятствіями. Нѣкоторые епископы не особенно спѣшили исполнить папское предписаніе, да къ тому-же не оказалось на лицо людей, которыми можно было-бы замѣнить іезуитовъ въ области высшаго и первоначальнаго образованія. Вѣнскій архіепископъ, Мигацци, еще недавно бывшій заклятымъ противникомъ іезуитовъ, написалъ къ папѣ письмо, въ которомъ восхвалялъ ихъ благословенную дѣятельность, ихъ покорность судьбѣ и ту силу духа, съ которою они переносили свои бѣдствія и передъ которою преклонялись даже ихъ враги. Фридрихъ Великій отказался опубликовать бреве въ своемъ государствѣ, а Екатерина II послѣдовала его примѣру. Климентъ XIV не пользовался симпатіями прусскаго короля; Фридрихъ Великій считалъ невозможнымъ обойтись безъ іезуитовъ въ дѣлѣ образованія католической молодежи Силезіи и западной Пруссіи; кромѣ того онъ хотѣлъ разрушить политическіе планы Іосифа II, оказывая покровительство изгнаннымъ изъ Австріи іезуитамъ. 13 сентября 1773 года Фридрихъ Великій писалъ къ Коломбини, своему агенту въ Римѣ: «Уполномочиваю васъ говорить всѣмъ и каждому, а, при первомъ-же удобномъ случаѣ, сообщить папѣ и его первому министру, что я рѣшилъ оставить іезуитовъ въ своемъ государствѣ. По Бреславльскому трактату, я обязался сохранять католическую религію во всей ея непри-

косновенности; къ-тому же я никогда не видалъ лучшихъ священниковъ, чѣмъ іезуиты. Наконецъ, я принадлежу къ разряду еретиковъ, а потому папа не властенъ освободить меня отъ моего слова—слова честнаго человѣка и короля». Въ бесѣдѣ съ королемъ, д'Аламберъ выразилъ опасеніе, что государи, вырвавшіе изъ своихъ садовъ іезуитскія плевела, обратятся рано или поздно къ Фридриху Великому за сѣменами, чтобы снова развести ихъ, король замѣтилъ на это: «Если-бы іезуиты узнали, какъ вы выражаетесь на ихъ счетъ, они не почувствовали-бы себя особенно польщенными. Я не покровительствовалъ имъ, когда они были всесильны, теперь-же они несчастны: я вижу въ нихъ только ученыхъ, которыхъ трудно было-бы замѣнить въ дѣлѣ воспитанія юношества. Они мнѣ необходимы, какъ единственные представители католическаго духовенства, занимающіеся наукой. Я никому не уступлю ни одного іезуита, а оставлю всѣхъ для себя».

Іезуиты лишь внѣшнимъ образомъ покорились произнесенному надъ ними приговору. Они считали себя необходимыми для спасенія римской церкви и никогда не признавали непогрѣшимыми тѣ декреты святѣйшаго престола, которые были противны ихъ интересамъ. Они распространили множество памфлетовъ на папу и стали подстрекать народъ къ возстанію; кромѣ того, они распустили цѣлый рядъ ложныхъ слуховъ и клеветъ на счетъ жестокостей, совершенныхъ во время конфискацій ихъ имуществъ въ Римѣ. Парижскіе іезуиты сочинили письмо парижскаго архіепископа къ папѣ, въ которомъ архіепископъ осыпалъ папу самыми рѣзкими упреками и доказывалъ, что онъ не имѣлъ права упразднить Іезуитскій орденъ и что епископатъ не обязанъ повиноваться ему. Этотъ подлогъ въ скоромъ времени обнаружился.

Въ Швейцаріи и Кёльнѣ іезуиты отказались покориться папскому декрету и принялись проповѣдывать галликанскія доктрины, противъ которыхъ сами энергично возставали до тѣхъ поръ. Въ Гейдельбергѣ, іезуитъ Сима защищалъ тезисъ, что епископы установлены самимъ Христомъ и что папа не имѣетъ никакой—ни прямой, ни косвенной—власти надъ государями. Государи повинуются только самому Богу и отвѣтственны только передъ Нимъ за свою дѣятельность въ свѣтской и духовной области; они имѣютъ право взимать налоги съ церковныхъ имуществъ, не испрашивая на это разрѣшенія папы.

Въ Россіи и Пруссіи іезуиты оказали святѣйшему престолу открытое сопротивленіе. Бывшій провинціалъ Силезіи составилъ дерзкій проектъ созвать на конгрегацію всѣхъ жившихъ въ Пруссіи іезуитовъ и избрать генеральнаго викарія, такъ какъ генералъ Риччи былъ заключенъ въ тюрьму и не могъ прибыть въ Пруссію, чтобы стать во главѣ ордена. Кромѣ того онъ продолжалъ принимать въ общество новыхъ членовъ. Императрица Екатерина II угрожала принять противъ католической церкви принудительныя мѣры, если католическое духовенство осмѣлится исполнить въ предѣлахъ ея владѣній папскій декретъ объ упраздненіи Іезуитскаго ордена. Въ Рѣчи Посполитой, король, дворянство и епископы присвоили себѣ право конфисковать имущества іезуитовъ и разумѣется расточили ихъ. Нунцій пытался сопротивляться этимъ злоупотребленіямъ, но іезуиты подняли его на смѣхъ и иронически напомнили ему, что папа поступилъ точно также въ своихъ владѣніяхъ. Папа напрасно предупреждалъ непокорныхъ, что они не только берутъ грѣхъ на собственную душу, но губятъ и другихъ, продолжая совершать богослуженія, исповѣдывать и причащать вѣрующихъ. Іезуиты осмѣлились сочинять подложныя папскія бреве, въ которыхъ папа объявлялъ, что оставляетъ Іезуитскій орденъ въ полной неприкосновенности въ предѣлахъ Пруссіи и Россіи, и отмѣнялъ декретъ объ упраздненіи ордена. Въ восточныхъ миссіяхъ, іезуиты прибѣгали ко всевозможнымъ хитростямъ и уловкамъ, чтобы спасти свой орденъ, несмотря на папское бреве.

Благодаря этимъ печальнымъ обстоятельствамъ и пророчествамъ о его близкой смерти, папа впалъ въ глубокую меланхолію и находился въ постоянной душевной тревогѣ. Онъ уже давно страдалъ злокачественными лишаями, которые разъѣдали ему лицо и руки; къ этой накожной болѣзни прибавился вскорѣ скорбутъ. Въ февралѣ 1774 года состояніе его здоровья ухудшилось, а 25 марта, при торжественномъ богослуженіи въ церкви «Sopra la Minerva» онъ пріобрѣлъ такую сильную простуду, что никакъ не могъ оправиться отъ нея. Онъ медленно угасалъ втеченіи полугода и наконецъ умеръ послѣ страшныхъ страданій 22 сентября 1774 года.

Такъ какъ агонія папы началась въ годовщину заключенія Риччи въ замокъ св. Ангела, то одни усмотрѣли въ смерти Климента XIV судъ Божій, а другіе приписали ее отравленію. Хирурги Ла-Боссье и Біаджи бальзамировали тѣло папы въ

присутствіи врачей Адинольфи, Саличетти, Лолли и нѣсколькихъ профессоровъ медицины. Въ виду упорнаго слуха объ отравленіи, врачу папскаго дворца, Саличетти, было поручено написать, безъ всякой предвзятой мысли и съ полною правдивостью, исторію болѣзни Климента XIV. Саличетти составилъ протоколъ, который закончилъ слѣдующимъ заключеніемъ: «Смерть папы послѣдовала отъ внутренней, а не отъ внѣшней причины. Хроническій недугъ папы былъ крайне запущенъ, и никто не боролся съ нимъ, отчасти потому, что Климентъ XIV надѣялся, что онъ пройдетъ самъ собой, отчасти-же потому, что онъ скрывалъ его по своему обыкновенію. Болѣзнь уже давно проявлялась въ опредѣленныхъ и видимыхъ симптомахъ. Вскрытіе тѣла было произведено публично, и всякій безпристрастный зритель могъ замѣтить поврежденія, происшедшія въ благородныхъ органахъ отъ естественныхъ причинъ. Я взялъ бы на свою душу тяжкій грѣхъ, если-бы утаилъ истину въ столь важномъ дѣлѣ».

Донъ Монино, испанскій посланникъ, отнесся скептически къ этому протоколу. Онъ послалъ своему правительству отчетъ, въ которомъ утверждалъ, что папа былъ отравленъ и что онъ самъ былъ убѣжденъ, что ему дали яду.

Испанскій дворъ и вся Европа были убѣждены въ этомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что папа считалъ себя отравленнымъ, и послѣ его смерти въ его покояхъ нашли множество противоядій, которыя онъ принималъ тайкомъ; весьма возможно, что эти воображаемыя лекарства не только не спасли его, но даже ускорили его смерть. Въ письмѣ отъ 28-го сентября 1774 года, французскій посланникъ, кардиналъ Берни, дѣлаетъ слѣдующія признанія: «Характеръ болѣзни папы и всѣ подробности его смерти внушили окружающимъ убѣжденіе, что онъ былъ отравленъ. Врачи, присутствовавшіе при вскрытіи, не рѣшаются дать категорическаго отвѣта на вопросъ о причинахъ смерти папы, хирурги-же высказываются съ большею откровенностью. Лучше принять версію первыхъ, чѣмъ стараться открыть печальную истину, распространеніе которой могло-бы повести за собой самыя серьезныя послѣдствія». 26 октября того-же года кардиналъ разсказываетъ объ ужасныхъ сомнѣніяхъ самого папы и о причинахъ его болѣзни. 28 октября 1777 года тотъ-же кардиналъ сообщаетъ, что папа Пій VI чувствуетъ нѣкоторыя симпатіи къ іезуитамъ.

«Но,—прибавляетъ кардиналъ,—онъ скорѣе боится, чѣмъ любитъ ихъ. Въ моемъ присутствіи, онъ три или четыре раза высказывался довольно ясно, что знаетъ истинную причину смерти своего предшественника и не желаетъ подвергнуться такой-же участи».

Фридрихъ Великій считалъ ложными всѣ слухи объ отравленіи папы іезуитами. На самомъ дѣлѣ, смерть Климента XIV остается до настоящаго времени какою-то таинственной загадкой. Гинцель просилъ профессора Машко, авторитетъ котораго не подлежитъ сомнѣнію, изучить протоколъ хирурговъ, докладную записку Саличетти и отчетъ Монино о вскрытіи. Результатомъ трудовъ профессора было слѣдующее заявленіе.

1) Неточныя и лишенныя всякаго научнаго характера показанія врачей о различныхъ фазахъ болѣзни и о результатахъ вскрытія не позволяютъ сдѣлать опредѣленнаго заключенія о родѣ смерти папы. 2) Въ теченіи довольно продолжительнаго времени, онъ страдалъ накожными болѣзнями, нарывами во рту, горловыми болѣзнями, разрыхленіемъ тканей и десенъ и задержаніемъ урины. Изъ всего этого можно заключить, что у него былъ хроническій недугъ, который онъ старался излечить посредствомъ сильныхъ пріемовъ меркурія, которымъ въ то время злоупотребляли. 3) Весьма возможно, что одновременно со всѣми исчисленными болѣзненными явленіями, Климентъ XIV страдалъ ракомъ въ желудкѣ, къ которому въ послѣднее время присоединились водяная и воспаленіе легкихъ. 4) Невозможно сказать навѣрное, былъ-ли Климентъ XIV отравленъ. Отравленіе, хотя и возможное, кажется невѣроятнымъ, потому что водяная и воспаленіе легкихъ сами по себѣ могли причинить смерть безъ всякаго яда. 5) Внѣшніе симптомы, наблюдавшіеся послѣ смерти, ограничиваются чрезвычайно быстрымъ разложеніемъ, которое достаточно объясняется высокою температурою помѣщенія и патологическимъ состояніемъ покойника. Впрочемъ, эти симптомы недостаточны, чтобы объяснить смерть папы.

Участь генерала Лоренцо Риччи является однимъ изъ самыхъ трагическихъ эпизодовъ въ исторіи упраздненія Іезуитскаго ордена. Генералъ самъ подробно описалъ свой процессъ, а послѣ его смерти одинъ изъ его друзей опубликовалъ этотъ документъ.

17 августа 1773 года, вечеромъ, Риччи былъ перевезенъ въ англійскую коллегію съ предписаніемъ оставаться въ ней,

пока ему сошьютъ одежду свѣтскаго священника. Въ этотъ промежутокъ времени ему было позволено ходить свободно по всему дому; когда одежда была готова, плѣннику отвели двѣ комнаты, а въ одной помѣстили его слугу. 21 сентября онъ былъ перевезенъ въ замокъ св. Ангела, гдѣ надъ нимъ тотчасъ-же началось слѣдствіе. Риччи объявилъ, что не получалъ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій о намѣреніи папы упразднить орденъ. Ему дали понять, что онъ подозрѣвается въ утайкѣ капитала въ 50, или по крайней мѣрѣ въ 25 мил. золотомъ и бумагами. Онъ отрицалъ это обвиненіе и утверждалъ, что, насколько ему извѣстно, ни одинъ изъ членовъ ордена не сдѣлалъ ничего подобнаго. Нѣкоторые іезуиты предлагали эту мѣру, но генералъ отвергъ ее съ негодованіемъ, и она была оставлена. Вообще, по словамъ Риччи, слухи о громадныхъ богатствахъ ордена были лишены всякаго основанія; это была сказка, распространенная въ простонародіи, но рѣшительно недостойная людей интеллигентныхъ и разумныхъ; произведенный въ Римѣ обыскъ обнаружилъ неосновательность слуховъ о баснословномъ богатствѣ іезуитовъ. Риччи признался, что велъ переписку съ прусскимъ королемъ; онъ старался склонить протестантскаго государя въ дѣла католической церкви и всенародно объявить себя покровителемъ папы, чтобы такимъ образомъ оказать на него давленіе. Когда Риччи потребовалъ объясненія на счетъ своего заключенія, слѣдователь Андреэтти отвѣчалъ ему: «Успокойтесь, вы арестованы не за какое-нибудь преступленіе». Въ концѣ января 1774 г. Риччи подалъ прошеніе о своемъ освобожденіи; онъ ссылался на то, что слѣдствіе удостовѣрило его невиновность, и просилъ принять во вниманіе его преклонный возрастъ (ему минулъ 71 годъ) и старческіе недуги; онъ торжественно заявлялъ, что не замышляетъ возстановленія ордена. Ему отвѣчали обѣщаніемъ позаботиться о его здоровьи, но прошло 8 мѣсяцевъ, и его положеніе не измѣнилось. Въ августѣ 1775 года Риччи обратился къ новому папѣ Пію VI съ докладной запиской, въ которой настаивалъ на томъ, что его заключеніе продолжается уже два года и позоритъ его въ глазахъ всего свѣта. Причины его заключенія неизвѣстны, такъ какъ слѣдствіе вполнѣ обнаружило его невиновность. Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ объ истинной причинѣ своего заключенія, но—вещь не слыханная въ цивилизованномъ государствѣ — никто не соблаговолилъ отвѣчать ему, а обѣщаніе позаботиться о его особѣ осталось

неисполненнымъ. Климентъ XIV умеръ черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ этого обѣщанія. Съ момента его смерти прошло еще 11 мѣсяцевъ, а между тѣмъ никто и не подумалъ исполнить данное слово. Его содержали такъ строго, какъ самаго опаснаго преступника. Приставленные къ нему караульные солдаты говорили, что у нихъ подъ стражей перебывало много преступниковъ, но ни къ кому изъ нихъ начальство не относилось такъ сурово, какъ къ нему. Онъ былъ окруженъ надзирателями, которымъ было запрещено говорить съ нимъ. Передъ его окнами были нагорожены барабаны, такъ что свѣтъ едва проникалъ въ комнату и онъ только въ маленькій свободный промежутокъ видѣлъ городъ и окрестности. Прогулки его были ограничены до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ; даже во время болѣзни, ему не позволили прохаживаться по нѣсколько минутъ въ залѣ, примыкавшей къ его комнатѣ. Въ первую зиму его заключенія ему не позволили разводить огонь, чтобы погрѣться. На слѣдующую-же зиму онъ выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе топить свою комнату, но и то это разрѣшеніе было обставлено многими ограниченіями. Ему позволили и гулять на открытомъ воздухѣ, но только на эспланадѣ замка, открытой на всѣ четыре вѣтра, вслѣдствіе чего онъ и не могъ пользоваться даннымъ разрѣшеніемъ. Всѣ кушанья, которыя онъ заказывалъ себѣ въ городѣ, подвергались строжайшему осмотру; его карманы безпрестанно обыскивали, чтобы узнать, нѣтъ-ли при немъ денегъ. Никто никогда не освѣдомлялся о его здоровьи, какъ того требовалъ тюремный уставъ, практиковавшійся по отношенію къ другимъ арестантамъ. Ему не разрѣшали видѣться съ другими заключенными, и онъ былъ совершенно изолированъ отъ внѣшняго міра. Ему не доставляли писемъ, приходившихъ на его имя, и не давали бумаги и чернилъ. Ему не позволяли видѣться ни съ кѣмъ, кромѣ коменданта крѣпости и его помощника. Его никогда не оставляли одного съ врачемъ, хирургомъ и аптекаремъ, а всѣ операціи, необходимыя при болѣзненномъ состояніи заключеннаго, производились въ присутствіи постороннихъ лицъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ медициной. Въ послѣднее время заключенія Риччи эти строгости были обострены до крайнихъ предѣловъ; его старались совершенно обособить отъ внѣшняго міра. Онъ долженъ былъ сообщать всему караулу о малѣйшихъ своихъ нуждахъ; но не было при немъ такого человѣка, которому онъ могъ-бы открыть свою наболѣвшую душу, и ему не позволяли

бесѣдовать наединѣ съ духовникомъ. Къ нему приставили на нѣкоторое время солдата; тотъ сжалился надъ заключеннымъ и сталъ приносить ему кушанья, облегчавшія его острыя боли въ кишкахъ, которыя происходили отъ плохой пищи. Вскорѣ солдата оклеветали, удалили и тоже посадили въ тюрьму за то, что онъ сообщилъ канонику Риччи о печальномъ положеніи заключеннаго іезуитскаго генерала.

Риччи умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ составленія этой докладной записки. Чувствуя приближеніе смерти, онъ написалъ новый протестъ противъ гоненія, воздвигнутаго на Іезуитскій орденъ и его генерала. Онъ подтвердилъ этотъ протестъ 29 ноября 1775 года, за нѣсколько часовъ до своей смерти, въ моментъ принятія послѣднихъ Таинствъ. Протестъ этотъ говоритъ слѣдующее:

«Готовясь предстать передъ судилищемъ непогрѣшимой истины и справедливости, я молилъ милосерднаго Спасителя не допустить, чтобы я руководствовался страстью въ одномъ изъ послѣднихъ дѣйствій моей жизни. Я дѣлаю два нижеслѣдующія заявленія не съ озлобленнымъ сердцемъ и не подъ вліяніемъ дурныхъ намѣреній, но единственно потому, что считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать истину и вступиться за невинныхъ:

1) Я утверждаю, что Іезуитскій орденъ не подавалъ никакого повода и даже предлога къ своему упраздненію. Свидѣтельствую объ этомъ со всею нравственною увѣренностью, которую можетъ имѣть глава ордена, хорошо освѣдомленный о томъ, что̀ въ немъ происходитъ.

2) Торжественно объявляю, что я самъ не подалъ никакого повода и предлога къ моему заключенію. Утверждаю это съ тою безусловно увѣренностью, которую имѣетъ всякій человѣкъ въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ.

«Я дѣлаю это второе заявленіе потому, что оно необходимо для доброй славы ордена, въ которомъ я былъ генераломъ.

«Я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ тѣхъ, которые виновны въ моемъ паденіи и упраздненіи Іезуитскаго ордена, былъ признанъ Богомъ виновнымъ, вслѣдствіе моего протеста; я самъ воздерживаюсь отъ осужденія тѣхъ, которые сдѣлали зло мнѣ и моему ордену. Одинъ Богъ можетъ рѣшить, должны-ли быть вмѣнены намъ въ преступленіе заблужденія нашего разума. Одному Богу извѣстны намѣренія, руководящія нашими поступками, а только намѣренія дѣлаютъ насъ виновными или

невинными. Предоставляю судъ Тому, Кто взвѣшиваетъ дѣйствія и знаетъ самыя сокровенныя наши мысли и самыя затаенныя наши чувства. Прошу Бога, ради любви къ Іисусу Христу, отпустить мнѣ мои многочисленные грѣхи и простить, какъ прощаю я, всѣхъ моихъ гонителей и виновниковъ упраздненія ордена. Я рѣшился умереть съ этою молитвою ко Господу. Наконецъ, я прошу и заклинаю всѣхъ, которые прочтутъ мои заявленія и протестъ, распространить ихъ вездѣ, гдѣ имъ удастся. Умоляю ихъ объ этомъ во имя христіанскаго милосердія и вѣчной справедливости».

Это заявленіе, которое можно считать вполнѣ искреннимъ, доказываетъ, что, въ послѣднія минуты своей жизни, іезуитскій генералъ возвысился до чувствъ, которыя были чужды ему, когда онъ стоялъ во главѣ власти. Риччи былъ 18-мъ генераломъ Іезуитскаго ордена. Давно уже во главѣ ордена не стояли столь замѣчательные люди, какъ Лойола, Лаинесъ и Аквавива. Вителлески и Караффа обладали несомнѣнными добродѣтелями, но у нихъ не было достаточно энергіи и твердости, чтобы своевременно приступить къ преобразованіямъ и такимъ образомъ предохранить орденъ отъ внутренняго разложенія. Тѣ изъ ихъ преемниковъ, которые сознавали необходимость пресѣчь злоупотребленія, не успѣли сдѣлать этого, потому что всѣ ихъ старанія и усилія разбивались о сопротивленія ордена. Что-же касается послѣдняго генерала—Риччи, то онъ не признавалъ необходимости реформъ, да къ тому-же у него не хватило-бы силъ привести ихъ въ исполненіе.

Хотя Іезуитскій орденъ пересталъ существовать оффиціально, тѣмъ не менѣе члены его не исчезли. Въ іезуитскомъ домѣ al Jesu въ Римѣ продолжала существовать іезуитская община, составившаяся преимущественно изъ возвратившихся миссіонеровъ; эта община жила согласно уставу ордена и посвящала свою дѣятельность духовной пропагандѣ и духовному руководству вѣрующихъ. Многія научныя учрежденія имѣли еще іезуитовъ въ числѣ преподавательскаго персонала. Самъ Климентъ XIV разрѣшилъ 4 бывшимъ іезуитамъ остаться на занимаемыхъ ими каѳедрахъ въ римской коллегіи. Кромѣ того іезуиты были назначены начальниками нѣсколькихъ семинарій въ церковной области, и за ними остались почти всѣ каѳедры, которыя онѣ занимали въ Тосканѣ, до упраздненія ордена. Въ 1777 году на португальскій престолъ вступила королева Марія, и тогда былъ пересмотрѣнъ процессъ, который велся про-

тивъ членовъ Іезуитскаго ордена по поводу покушенія на жизнь короля Іосифа: приговоренные были объявлены невинными, а затѣмъ послѣдовало низложеніе Помбаля. Несчастные, томившіеся въ тюрьмахъ — а ихъ было нѣсколько сотенъ — были осыпаны милостями. Орденъ продолжалъ открыто существовать въ Пруссіи и Бѣлоруссіи, подъ покровительствомъ Фридриха II и Екатерины Великой. Въ Россіи орденъ учредилъ въ 1780 году домъ послушанія, а въ 1782—назначилъ генеральнаго викарія. Какъ кажется, вызывающій образъ дѣйствій ордена, фактически возставшаго противъ авторитета папскаго престола, былъ обусловленъ тайными инструкціями новаго папы Пія VI, который благоволилъ къ іезуитамъ. Если Пій VI не выступилъ открыто въ защиту іезуитовъ, то единственно потому, что онъ боялся Карла III. Фридрихъ II имѣлъ неосторожность сообщить дворамъ мадридскому и неаполитанскому, что папа относится весьма сочувственно къ судьбѣ ордена, и заявлялъ объ этомъ сочувствіи прусскому королю. Это разоблаченіе поставило Пія VI въ неловкое положеніе и навлекло на него гнѣвъ испанскаго правительства. Всѣ мѣры Пія VI по отношенію къ Іезуитскому ордену имѣли двусмысленный характеръ. Когда генералъ Роотанъ объявилъ, въ своей энцикликѣ отъ 27 декабря 1839 года, что Пій VI одобрилъ на словахъ возстановленіе ордена въ Бѣлоруссіи, то римская курія не противопоставила этому заявленію оффиціальнаго опроверженія. Въ 1793 году герцогъ Фердинандъ обратился къ генеральному викарію въ Россіи съ просьбой прислать ему нѣсколько іезуитовъ, которымъ онъ хотѣлъ довѣрить руководство школъ въ своемъ государствѣ, а затѣмъ учредить іезуитское провинціальное управленіе. Пій VI не воспротивился этому, а только посовѣтовалъ іезуитамъ дѣйствовать осторожно и не слишкомъ строго примѣнять свой уставъ.

Пій VII былъ преданнымъ другомъ іезуитовъ. Лишь только онъ вступилъ на папскій престолъ, то повсемѣстно явилась увѣренность, что орденъ будетъ возстановленъ при первомъ-же удобномъ случаѣ. Послѣ французской революціи, старыя династіи поняли, что, ради собственныхъ интересовъ, имъ слѣдуетъ вступить въ союзъ съ католическою церковью, а легитимисты стали повсемѣстно рекомендовать іезуитское воспитаніе, какъ противоядіе противъ революціоннаго духа. Среди всѣхъ испытаній, которыя выпали на долю папы и церкви, Пій VII пришелъ къ заключенію, что всѣ эти бѣдствія были ре-

зультатомъ упраздненія ордена, и сталъ помышлять о его возстановленіи. При его предшественникѣ, бывшіе іезуиты основали въ Германіи и Италіи двѣ новыя конгрегаціи, которыя, несмотря на новое имя, старались сохранить духъ и уставъ Іезуитскаго ордена. Первое изъ этихъ двухъ братствъ было основано въ 1794 году аббатами Брольи и Турнели, подъ именемъ конгрегаціи Св. Сердца; новое братство поселилось въ Гагенбруннѣ, близъ Вѣны; оно пользовалось покровительствомъ эрцгерцогини Маріи-Анны и вѣнскаго архіепископа Мигацци, и ожидало лишь благопріятнаго момента, чтобы снова принять имя упраздненнаго общества Іисуса. Второе братство основалъ Пакканари подъ именемъ конгрегаціи Вѣры въ Іисуса. Іезуиты, вступившіе въ него въ значительномъ количествѣ, освободились отъ власти Пакканари въ 1801 году, когда Пій VII возстановилъ въ Россіи орденъ, по просьбѣ императора Павла I. Іезуиты тѣмъ охотнѣе подчинились власти генеральнаго викарія въ Бѣлоруссіи, что Пакканари вовсе не задавался цѣлью возстановить Іезуитскій орденъ, а напротивъ хотѣлъ преобразовать его по собственному вдохновенію.

10 октября 1802 года общая конгрегація ордена избрала въ президенты патера Гавріила Грубера, человѣка необыкновенно ловкаго, хитраго и осторожнаго, который имѣлъ громадное вліяніе на Павла I. Въ 1804 году Пій VII разрѣшилъ водвореніе іезуитовъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, по просьбѣ короля Фердинанда. Наконецъ, 7 августа 1814 г., появилась булла «Sollicitudo omnium Ecclesiarum», которая торжественно возстановляла Іезуитскій орденъ во всемъ мірѣ. Въ этой буллѣ, папа напоминалъ о многочисленныхъ петиціяхъ, подданныхъ папскому престолу епископами и другими вліятельными лицами, а затѣмъ объявлялъ слѣдующее:

«Мы были-бы виновны передъ Богомъ, если бы, среди угрожающихъ христіанству опасностей, отвергли полезную помощь, ниспосылаемую намъ самимъ божественнымъ Провидѣніемъ, и оттолкнули-бы отъ челна св. Петра, гонимаго жестокою бурею, сильныхъ и испытанныхъ гребцовъ, готовыхъ разсѣкать волны моря, которое ежеминутно грозитъ поглотить насъ».

Іезуитскій орденъ былъ необходимымъ факторомъ реставраціи. Ему предстояло бороться отнынѣ не съ протестантизмомъ, а съ идеями свободы и высшей культуры, распространенными въ мірѣ французскою революціею. Но оружіе іезуи-

товъ безсильно противъ стремленій человѣческаго духа къ освобожденію. Орденъ могъ-бы водворить свое могущество на развалинахъ цивилизаціи лишь въ томъ случаѣ, если бы либерализмъ оказался безсильнымъ открыть современному обществу широкіе и вѣрные пути прогресса. Что-же касается упраздненія ордена Климентомъ XIV, то оно могло имѣть лишь временный характеръ, такъ какъ за нимъ не послѣдовала радикальная реформа католической церкви. Іезуитскій орденъ былъ порожденъ духомъ этой церкви и проникся имъ, а до тѣхъ поръ, пока церковь не будетъ преобразована, изъ ея лона будутъ постоянно выходить такія-же учрежденія, хотя и скрытыя подъ другими именами.

Оглавленіе.

СТРАН.

ГЛАВА I.

Основаніе и общій характеръ ордена 1

ГЛАВА II.

«Духовно-Нравственныя упражненія» 11

ГЛАВА III.

Универсальность и привиллегіи ордена. — Названіе «Общества Іисуса».—Солидарность папства съ орденомъ . . 18

ГЛАВА IV.

Общій характеръ іезуитскаго устава.—Послушаніе.—Происхожденіе устава.—Тайныя предписанія.—Раздѣленіе кодекса. 28

ГЛАВА V.

Генералъ.—Посвященіе въ члены ордена.—Индульгенція ордена.—Имущество посвящаемыхъ.—Свѣтскіе помощники.—Начальники школъ.—Духовные помощники.—Исповѣдники трехъ обѣтовъ. — Сторонники ордена. — Особыя милости, оказываемыя сторонникамъ.—Исповѣдники четырехъ обѣтовъ. 34

ГЛАВА VI.

Іерархія ордена.—Переписка съ генераломъ.—Конгрегаціи.—Прокуроры. – Система надзора. — Доносы. — Отчужденіе отъ міра.—Одежда.—Образъ жизни.—Внѣшніе пріемы.—Инструкціи духовникамъ государей.—Единство доктрины.—Духъ устава.—Политика.—Набожность въ предѣлахъ ордена.—Цѣломудріе.—Зачатки разложенія.—Образъ дѣйствій придворныхъ іезуитовъ.—Тайныя инструкціи (Monita secreta). 48

ГЛАВА VII.

Іезуитскій орденъ и реформація.—Цѣль оправдываетъ средства.—Omnia ad majorem Dei gloriam.—Услуги, оказанныя папству 64

ГЛАВА VIII.

Миссіи.—Германско-венгерская коллегія.—Поссевинъ и рѣзня въ Піемонтѣ.—Рѣзня въ Калабріи.—Іезуиты въ Венеціи, Тосканѣ, Пармѣ, Обѣихъ Сициліяхъ и Сардиніи.—Іезуиты въ Германіи и Австріи. — Ихъ роль во время 30-лѣтней войны 72

ГЛАВА IX.

Іезуиты въ Швейцаріи, Португаліи, Испаніи, Нидерландахъ и Франціи 85

ГЛАВА X.

Іезуиты въ Англіи, Швеціи, Польшѣ и Россіи.—Политическія тенденціи ордена 99

ГЛАВА XI.

Іезуитскія миссіи въ Китаѣ и Индіи.—Враждебность іезуитовъ къ миссіонерамъ всѣхъ другихъ орденовъ.—Сопротивленіе приказаніямъ Святѣйшаго престола.—Преслѣдованіе и отравленіе кардинала Турнона 112

ГЛАВА XII.

Іезуиты въ Парагваѣ.—Ихъ алчность и богатство.—Успѣхъ ихъ миссій.—Самоотверженіе миссіонеровъ.—Отношеніе миссіонеровъ къ наукѣ.—Окончательная неудача миссіи. 119

ГЛАВА XIII.

Кипучая дѣятельность и быстрые успѣхи ордена.—Его сопротивленіе церковной реформѣ.—Іезуиты и Тріентскій соборъ.—Іезуиты и епископатъ.—Борьба Карла Борромея съ іезуитами. —Интриги Парсенса противъ англійскаго епископата.—Преслѣдованіе Карденаса, Палафокса и другихъ епископовъ.—Іезуиты и папы 130

ГЛАВА XIV.

Авторитетъ Ѳомы Аквинскаго и богословіе ордена.—Ученіе іезуитовъ о папѣ и церкви. — Извращеніе традиціи и исторіи въ пользу верховенства папъ.—Мнѣніе іезуитовъ о Св. Писаніи.—Ученіе ихъ о міровомъ свѣтскомъ могуществѣ папы.—Юридическіе и политическіе принципы іезуитовъ.—Государственная теорія Маріанны. — Теорія воспитанія государей и правительственные принципы.—Ученіе Россеуса о народномъ господствѣ и о наказаніи еретическихъ государей.—Теорія іезуитовъ о цареубійствѣ. 140

ГЛАВА XV.

Іезуиты и инквизиція; вѣра ихъ въ колдовство.—Доктрина благодати и свободной воли.—Развитіе казуистики, пробабилизмъ и различныя другія доктрины. — Примѣры іезуитской казуистики.—Политика въ религіозномъ дѣлѣ.—Климентъ VIII и шпіонство іезуитовъ посредствомъ исповѣди 162

ГЛАВА XVI.

Культъ Богородицы. — Іезуитскія поддѣлки по части исторіи Испаніи.—Біографія Игнатія Лойолы и его апоѳе-

озъ, написанный Рибаденейромъ. — Примѣры суевѣрія іезуитовъ.—Процессіи, паломничества и братства.—Марія Алакокъ и культъ Св. Сердца Іисуса.—Культъ Св. Сердца Богородицы.—Теоріи іезуитовъ о жизни блаженныхъ . . . 184

ГЛАВА XVII.

Цѣль, духъ и метода обученія и воспитанія Іезуитскаго ордена.—Религіозный и церковный духъ педагогіи.—Автономія іезуитскихъ школъ.—Результаты ихъ педагогіи.—Дѣятельность іезуитовъ въ послѣднее время.—Ихъ сопротивленіе основанію университетовъ. 202

ГЛАВА XVIII.

Іезуиты въ университетахъ: Ингольштадтскомъ, Вѣнскомъ, Пражскомъ, Фрейбургскомъ (въ Брисгау), Гейдельбергскомъ, Бреславльскомъ и Вюрцбургскомъ.—Катехизисъ Фоглера.—Іезуиты въ области богословія и науки.—Борьба съ университетами.—Литература ордена.—Іезуитскіе богословы и историки церкви, философы и историки ордена, математики, астрономы и военные писатели.—Автобіографія Беллармина.—Поэты, архитекторы, скульпторы и живописцы ордена 223

ГЛАВА XIX.

Высокомѣріе Іезуитскаго ордена, его грѣхи передъ церковью и обществомъ.—Доктрина Янсеніуса о благодати.—Книга Янсеніуса о святомъ Августинѣ.—Поръ-Рояль и мать Анжелика.—Сенъ-Сиранъ и Ришелье.—Отшельники Поръ-Рояля.—Антоній Арно и его книга о частомъ причастіи.—Нападки на него и Поръ-Рояль.—Чудо св. шипа.—Интриги іезуитовъ противъ книги Янсеніуса. — Приговоръ надъ пятью тезисами.—Арно и непогрѣшимость папы.—Отличіе между фактомъ и правомъ 246

ГЛАВА XX.

Паскаль и его «Письма къ провинціалу».—Новое осужденіе книги Янсеніуса.—Людовикъ XIV и янсенизмъ.—Формула вѣры.—Мѣры противъ Поръ-Рояля.—Компромиссъ при Кли-

ментѣ IX.—Новыя преслѣдованія и закрытіе полевого Поръ-Рояля.—Булла «Unigenitus».—Оппозиція противъ буллы и Людовика XIV.—Бѣдственныя послѣдствія господства іезуитовъ во Франціи 258

ГЛАВА XXI.

Венедиктъ XIV и іезуиты.—Изгнаніе іезуитовъ изъ Португаліи. — Г-жа Помпадуръ и іезуиты.—Банкротство патера Лавалета.—Людовикъ XV и Шуазёль.—Изгнаніе іезуитовъ изъ Франціи.—Булла «Apostolicum pascendi».—Изгнаніе іезуитовъ изъ Испаніи.—Преслѣдованіе ихъ во Франціи и Португаліи.—Изгнаніе изъ королевства Обѣихъ Сицилій.—Ссоры съ герцогствомъ Пармскимъ и репрессаліи Бурбонскихъ дворовъ.—Смерть Климента XIII 277

ГЛАВА XXII.

Начало правленія Климента XIV.—Интриги іезуитовъ.—Бреве объ упраздненіи ордена. — Фридрихъ Великій и іезуиты.—Ихъ отношенія къ папскому бреве.—Болѣзнь и смерть Климента XIV.—Былъ-ли онъ отравленъ?—Заключеніе генерала въ замокъ св. Ангела и его послѣдній протестъ.—Іезуиты при Піѣ VI и возстановленіе ордена Піемъ VII 297

YC148363

Je
Ath